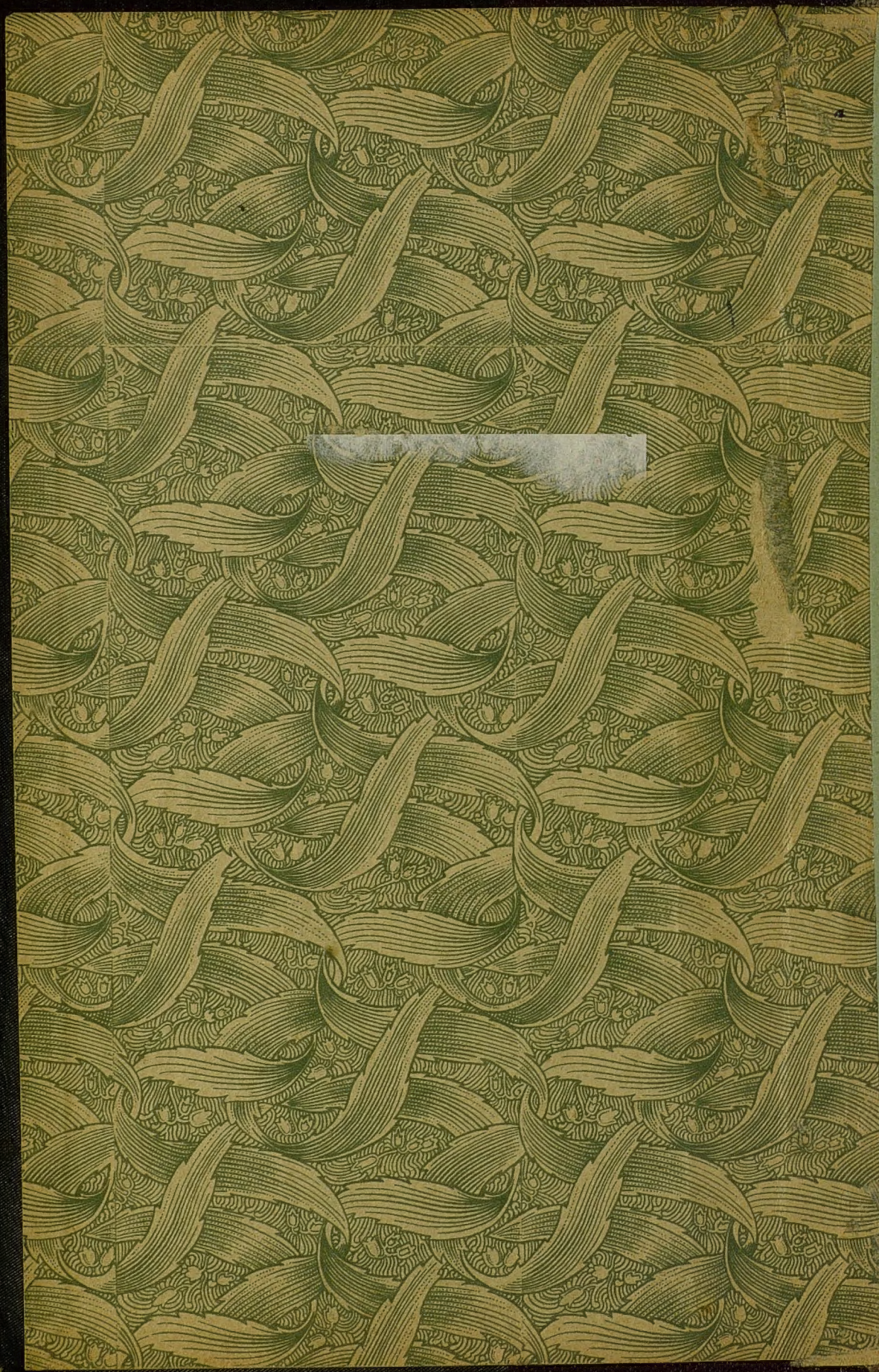
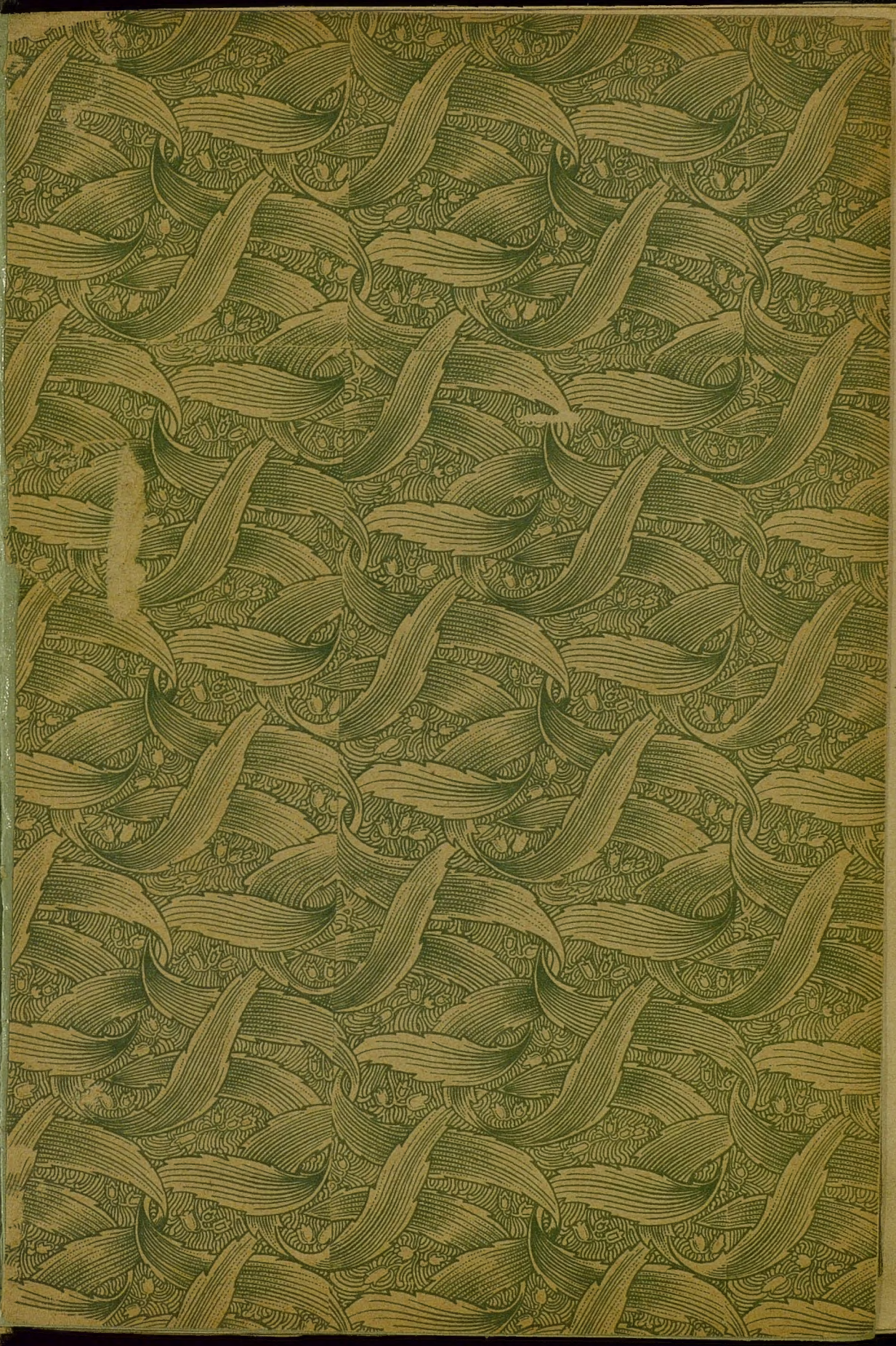
Русская Быль





AP 925.138
Kp. 2404

ПРОЗА
П. Сколасьв.

АР
кр

Къ сожалѣнію Товарищество не можетъ выпустить девятымъ выпускомъ трудъ профессора Кузьмина-Караваева, какъ это было обѣщано въ послѣднихъ извѣщеніяхъ Т-ва, хотя для него уже получены изъ Мюнхена художественныя репродукціи. Въ редакціи Т-ва находятся убѣдительныя доказательства тому, что проф. Кузьминъ-Караваевъ вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ не могъ своевременно закончить свой трудъ.

Такимъ образомъ Т-во выпускаетъ девятымъ выпускомъ — **Вокругъ Трона — Валишевскаго.** А чтобы не задержать высылку книгъ въ переплетахъ, Т-во принуждено печатать выпускъ, посвященный времени, смежному съ Екатерининской эпохой, т.-е. съ 1726 года по 1742 годъ, чтобы имѣть возможность совмѣстно переплести эти два выпуска.

6-ой томъ составятъ два выпуска Обнинскаго со статьей Кн. Урусова; уже находится въ печати.

7-ой—труды Проф. Котляревскаго, Апушкина и Кузьмина-Караваева.

8-ой томъ выйдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1909 года.

Т-во Образованіе.

Москва, 1909 г.
30 апрѣля.

Типографія Русскаго Товарищества, Москва

AP
Kp

AP
KP

КНИГ
ТКИНА

К. Валишевскій.

Вокругъ Трона.

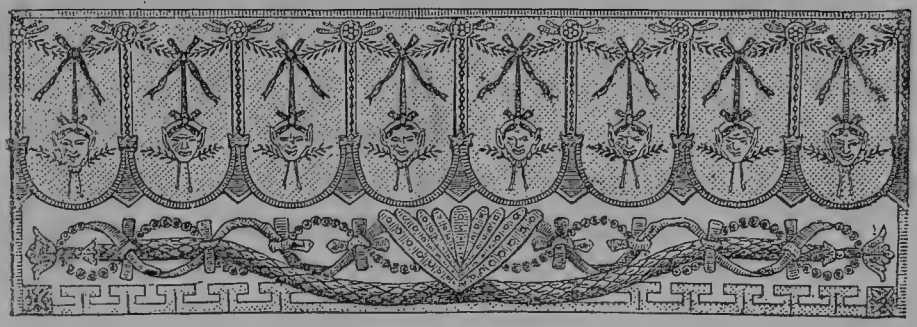
ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ.

Переводъ съ французскаго.

Съ пятью фототипическими портретами и рисунками въ текстѣ.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собственный домъ.
1909.



ГЛАВА I.

Ближайшіе сотрудники.—Орловы.—Потемкинъ.—Зубовы.

Орловы.

I.

Можно прослѣдить дѣятельность цѣлаго ряда спеціалистовъ, государственныхъ людей и военныхъ чиновъ, услугами которыхъ пользовалась Екатерина, выполняя свою историческую миссію, и намъ, тѣмъ не менѣе, не только нельзя будетъ проникнуть въ интимную жизнь великой императрицы, но даже затронуть хотя бы нѣкоторые наиболѣе замѣчательные эпизоды изъ исторіи ея личныхъ отношеній и ея царствованія. Личная исторія и исторія политическая этого необыкновеннаго царствованія тѣсно связаны съ цѣлымъ рядомъ интимныхъ отношеній, на которыхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣй, хотя должны теперь же оговориться, что не претендуемъ на совершенную полноту и ясность приводимыхъ нами фактовъ. Съ 1762 по 1796 годъ фаворитизмъ въ Россіи не былъ только уголкомъ частной жизни самодержавной повелительницы и ея личныхъ причудъ: онъ игралъ роль государственнаго учрежденія. Вотъ почему эта глава, которую мы назвали по имени трехъ лицъ, взятыхъ нами изъ длиннаго списка, составляетъ по своему научно-историческому значенію самую существенную часть настоящей книги, несмотря на предубѣжденія, вызываемыя ея романическимъ содержаніемъ. Не только вся жизнь этой необыкновенной женщины, но и судьбы великаго народа были тѣсно связаны съ этими именами на протяженіи тридцати четырехъ лѣтъ: Орловъ знаменуетъ собой лучезарное начало великаго царствованія, Потемкинъ—его блестящій расцвѣтъ, а Зубовъ—его омраченный конецъ.

Орловы, если вѣрить геральдическимъ книгамъ, недавно были возведены въ дворянское и графское достоинство. Правда, упоминается объ одномъ Орловѣ, который сражался подъ стѣнами Новгорода въ 1611 году во время войны со Шведами. Но эта древняя линія, повидимому, вымерла. Родоначальникомъ новой линіи былъ простой солдатъ, который скомпрометировалъ себя въ 1689 году во время Стерлицкаго похода. За его храбрость и силу товарищи прозвали его «орломъ». Осужденный на смерть, онъ спокойно ожидаетъ очереди своей казни и равнодушно отталкиваетъ ногой голову своего предшественника, чтобы подойти къ плахѣ. Царь, замѣтивъ это движеніе, былъ пораженъ и даровалъ ему жизнь. Дослужившись до чина офицера и дворянскаго званія, Иванъ Орелъ, впослѣдствіи Орловъ, былъ отцомъ новгородскаго губернатора генералъ-маіора Григорія Ивановича Орлова, который женился на 53 году своей жизни на знатной дѣвицѣ Зиновьевой. У нихъ было отъ этого брака девять сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось пятеро: эти пять братьевъ Орловыхъ и были сотрудниками Екатерины.

Всѣ члены семьи отличались богатырской силой. Князь Щербатовъ, авторъ любопытной книги объ упадкѣ нравовъ въ Россіи, утверждаетъ, что изъ современниковъ превосходилъ этихъ пять братьевъ ростомъ и мускульной силой одинъ только кронштадскій губернаторъ Свановичъ, котораго считали активнымъ участникомъ убійства Петра III. Старшему брату Ивану было около тридцати лѣтъ въ моментъ переворота, который возвелъ Екатерину на престолъ. Онъ участвуетъ въ этомъ переворотѣ въ качествѣ унтеръ-офицера гвардейскаго полка, становится графомъ и сенаторомъ съ ежегоднымъ окладомъ въ сто тысячъ рублей, приблизительно, и, удовлетворившись этимъ, отказывается отъ дальнѣйшаго движенія по службѣ. «Это крупная личность», пишетъ о немъ Сабатье въ 1772 году, «онъ отказался отъ чиновъ и орденовъ и, несмотря на это, пользуется большимъ уваженіемъ... онъ служитъ центромъ шпіонажа въ гвардіи... пользуется огромнымъ вліяніемъ въ Сенатѣ... Говорятъ, что подъ грубой внѣшностью у него скрывается тонкая душа, и что при всемъ своемъ невѣжествѣ онъ проявляетъ большія способности къ политической дѣятельности... Въ отсутствіе фаворита онъ жилъ во дворцѣ, въ аппартаментахъ послѣдняго».

Изъ младшихъ Ѳедоръ и Владиміръ занимаютъ подчиненныя должности, первый—въ качествѣ адъютанта своего брата Але-

ксѣя въ первую турецкую войну, второй—мѣсто вице-директора Академіи Наукъ. Первыя роли раздѣляютъ между собой Григорій и Алексѣй.

9 октября 1762 года баронъ де-Бретейль писалъ въ своемъ донесеніи герцогу Шуазелю:

«Я не знаю, къ чему приведетъ переписка царицы съ Понятовскимъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она выбрала ему замѣстителя въ лицѣ Орлова, котораго она возвела въ графское достоинство въ день своего коронованія... Это очень красивый человѣкъ. Онъ былъ возлюбленнымъ царицы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и я вспоминаю, какъ она однажды указала мнѣ на него, какъ на смѣшного и экстравагантнаго человѣка. Но затѣмъ онъ заслужилъ болѣе серьезнаго отношенія къ себѣ съ ея стороны. Впрочемъ, говорятъ, что онъ дѣйствительно очень глупъ. Такъ какъ онъ говоритъ только по-русски, то мнѣ трудно судить о немъ. Но глупость довольно распространенная черта среди тѣхъ, которые окружаютъ теперь императрицу, и, хотя она, повидимому, легко приспособляется къ своему обществу, я, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что она не преминетъ устранить отъ себя большую часть этихъ приближенныхъ. До сихъ поръ она жила только въ обществѣ заговорщиковъ, которые, за исключеніемъ Панина и гетмана (Разумовскаго), всѣ бѣдные поручики и капитаны, въ общемъ подозрительные субъекты и завсегдатаи столичныхъ трущобъ»...

Тотъ же корреспондентъ сообщилъ извѣстный анекдотъ, характеризующій грубость и дерзость, которыя приходилось въ этотъ періодъ выносить будущей семирамидѣ въ этой средѣ. Новый фаворитъ Григорій Орловъ, хвастаясь однажды своимъ личнымъ вліяніемъ среди гвардейскихъ солдатъ, осмѣлился заявить подъ самымъ носомъ у императрицы, что ему достаточно было бы одного мѣсяца, чтобы свергнуть ее съ престола.

— Это возможно, возразилъ Разумовскій, но мы повѣсили бы тебя, мой другъ, за недѣлю до этого.

Не нужно забывать, что дѣйствіе происходитъ непосредственно послѣ государственнаго переворота, и что разговоръ ведутъ заговорщики и участники дѣла, сохранившіе еще дурныя привычки, которыя они пріобрѣли во время общихъ опасностей и испытаній. Современемъ Екатерина упорядочитъ свои отношенія къ нимъ. Впрочемъ, у Орлова имѣются еще и другія основанія не стѣсняться въ выраженіяхъ. Но въ тотъ моментъ, когда де-Бре-

тейль заинтересовался его быстрымъ возвышеніемъ, этотъ двадцатидвухлѣтній офицеръ, рѣдкій красавецъ, и не думалъ совсѣмъ сдѣлаться наслѣдникомъ Понятовскаго. Въ это время онъ имѣетъ въ виду другой бракъ. Честолюбія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у этого юнаго баловня судьбы нѣтъ и никогда не будетъ. Сама Екатерина также склонна думать, что онъ недостаточно честолюбивъ. Онъ принялъ участіе въ переворотѣ изъ любви къ приключеніямъ и изъ вполнѣ естественнаго чувства, побуждающаго человѣка, даже менѣе экстравагантнаго, защищать интересы любимой женщины. Это была услуга, оказанная любовницѣ. По натурѣ своей онъ былъ простой человѣкъ, и даже къ развязкѣ романа, героемъ котораго ему пришлось быть, онъ отнесся очень просто. Что сдѣлала бы женщина изъ народа, еслибы мужчина такого же простого званія, какъ и она, поставилъ ее въ положеніе великосвѣтской дамы? Она, безъ сомнѣнія, вышла бы замужъ за виновника своего счастья. Почему бы и Екатеринѣ не такъ было поступить? Красавецъ Григорій не видѣлъ въ этомъ никакихъ неудобствъ. Екатерина, напротивъ, была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Однако и она теряетъ свою обычную смѣлость и рѣшительность въ данномъ вопросѣ, съ которымъ связана ея дальнѣйшая судьба, проявляетъ много колебаній и неувѣренности, не осмѣливается воздѣйствовать на своего великолѣпнаго возлюбленнаго доводами разсудка и сама отказывается слушаться этихъ доводовъ и на одинъ моментъ даетъ себя убѣдить идти подъ вѣнецъ, не будучи въ силахъ противиться настойчивымъ увѣщаніямъ и охватившимъ ее нѣжнымъ чувствамъ.

Это самый интересный моментъ для характеристики натуры этой замѣчательной женщины и ея дальнѣйшей судьбы.

Прежде всего она боится связать навсегда свое новое высокое положеніе съ судьбой этого человѣка и его четырехъ братьевъ, вопреки всѣмъ доводамъ Разумовскаго по этому поводу. Они всѣ здѣсь, на ступеняхъ ея трона, крѣпко держатся другъ-задруга, «съ одной головой и съ однимъ сердцемъ», какъ ихъ описываетъ Сабатье, и готовы на все, какъ она сама знаетъ по личному опыту. И при всемъ томъ ей трудно разсуждать, потому что она страстно увлечена. Въ февралѣ мѣсяцѣ она празднуетъ свою коронацію въ Москвѣ. Вопросъ о бракѣ, который такъ много обсуждался въ послѣдніе мѣсяцы, наканунѣ своего рѣшенія, и вотъ что мы читаемъ въ это время въ донесеніи барона де-Бретейля:

«Нѣсколько дней тому назадъ при дворѣ ставили русскую трагедію, въ которой заглавную роль игралъ очень неудачно фаворитъ (Григорій Орловъ). Но императрица была въ такомъ восторгѣ отъ актера, что она нѣсколько разъ призывала меня, чтобы поговорить о немъ и спросить моего мнѣнія. Она неустанно обращалась по этому же поводу къ графу Мерси (австрійскому посланнику), который сидѣлъ рядомъ съ ней. По десяти разъ въ каждой сценѣ она громко заявляла ему о своихъ восторгахъ по поводу благородства и красоты Орлова»....

Скоро этотъ серьезный вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ Государственный Совѣтъ. Это, очевидно, была только пустая формальность. Члены Совѣта молчали. Единственное исключеніе составилъ Панинъ. Когда очередь дошла до него, онъ просто заявилъ: «Императрица можетъ дѣлать, что ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будетъ Русской императрицей». Произнося эти слова, онъ выпрамляется во весь свой ростъ, прислонясь къ стѣнѣ, у которой стояло его кресло, съ вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ. Его напудренный парикъ, какъ разсказываютъ, оставилъ на обояхъ бѣлое пятно, которое было замѣчено его коллегами и внушило имъ бодрость и увѣренность въ себя при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса. Но этого талисмана было недостаточно. Если вѣрить княгинѣ Дашковой, то ея дядя графъ Воронцовъ, узнавъ отъ Бестужева о предметѣ обсужденія на засѣданіи Государственнаго Совѣта, отказался открывать собраніе, протестуя противъ незаслуженной обиды. Но по другимъ указаніямъ, участіе стараго канцлера въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, если оно только вообще имѣло мѣсто, носило, повидимому, какъ мы сейчасъ убѣдимся, совершенно противоположный характеръ. Что касается Бестужева, то его горячее сочувствіе проекту объясняется его личными интересами: въ его осуществленіи онъ видѣлъ послѣдніе шансы возстановить свое былое всемогущество.

Екатерина теперь уже оспариваетъ не самый проектъ, а способы его осуществленія. Опытъ и находчивость Бестужева служатъ въ данномъ случаѣ интересамъ фаворита. Императрицу пугаетъ новизна создаваемаго положенія, и старый премьеръ-министръ Елизаветы берется отыскать соотвѣтствующій прецедентъ: развѣ усопшая императрица не состояла въ законномъ бракѣ съ Разумовскимъ? Въ рукахъ послѣдняго имѣются документы, неопровержимо доказывающіе дѣйствительность этого

тайнаго брака. Стоитъ только объявить во всеуслышаніе то, что онъ до сихъ поръ скрывалъ, и опубликовать эти документы. Но для этого требуется согласіе самого Разумовскаго. Эту задачу и беретъ на себя Воронцовъ. Разсказъ объ этомъ свиданіи опубликованъ племянникомъ бывшаго пѣвчаго дворцовой церкви, преждевременно состарившагося — ему было въ это время около пятидесяти лѣтъ — и отдыхавшаго отъ превратностей своей судьбы, ведя уединенный и благочестивый образъ жизни. Воронцовъ находитъ его сидящимъ у камина и читающимъ недавно появившееся кіевское изданіе библіи. Въ очень осторожныхъ, заранѣе обдуманныхъ выраженіяхъ онъ излагаетъ ему цѣль своего посѣщенія. За услугу, которой отъ него ждутъ, его блестяще наградятъ. Признавъ въ немъ оффиціально супруга своей тетки и благодѣтельницы, Екатерина предполагаетъ возвести его въ санъ императорскаго высочества со всѣми почестями и прерогативами, присвоенными этому титулу. Проектъ соотвѣтствующаго указа уже выработанъ. Разумовскій слушалъ, не проронивъ ни одного слова и смущая своего посѣтителя своимъ молчаніемъ и задумчивымъ взглядомъ, отуманеннымъ какой-то безысходной грустью. Онъ проситъ показать ему проектъ указа, внимательно его прочитываетъ, затѣмъ, все еще ни слова не говоря, поднимается, наконецъ, медленными шагами направляется въ другой конецъ комнаты и останавливается передъ старымъ дубовымъ сундукомъ. Онъ вынимаетъ оттуда шкатулку изъ слоновой кости съ перламутровыми и серебряными инкрустаціями, не спѣша отыскиваетъ ключъ и открываетъ ее. Тамъ лежала дворянская грамота, перевязанная розовой шелковой лентой, полинявшей отъ времени. Онъ заботливо кладетъ полинявшую ленту обратно въ шкатулку, запираетъ сундукъ и возвращается къ камину, гдѣ начинаетъ прочитывать грамоту. Въ глубокомъ молчаніи, котораго Воронцовъ не осмѣливается нарушить, онъ перелистываетъ одну за другой большія страницы съ тяжелыми красными печатями. Окончивъ чтеніе, онъ снова сворачиваетъ грамоту подноситъ ее къ губамъ, и повернувшись лицомъ въ уголъ, гдѣ передъ позолоченной иконой теплилась лампадка, онъ какъ бы обращается туда съ горячимъ призывомъ. Въ его глазахъ показываются слезы, онъ взволнованъ и дрожитъ подъ вліяніемъ происходящей въ немъ внутренней борьбы; затѣмъ онъ съ видомъ человѣка, принявшаго серьезное рѣшеніе, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и бы-

трымъ движеніемъ бросаетъ таинственный свертокъ въ огонь. У него вырывается вздохъ—облегченія или сожалѣнія — и онъ обезсиленный опускается въ свое кресло, слѣдя глазами, какъ огонь пожираетъ хрупкій памятникъ его былого величія, отъ котораго ничего уже больше не останется. Когда все исчезло въ пламени, онъ открылъ, наконецъ, свой ротъ:

«Во всю свою жизнь я былъ только смиреннымъ рабомъ Ея Величества императрицы Елизаветы, и теперь я хочу только быть всеподаннѣйшимъ слугой царствующей императрицы. Просите ее сохранить ея милостивое отношеніе ко мнѣ».

Прецедента больше не существуетъ. Но Бестужевъ еще не отказывается отъ начатаго дѣла. По его иниціативѣ распространяется петиція, которая увѣщеваетъ императрицу выйти замужъ и обезпечить тронъ наслѣдникомъ въ виду хрупкаго здоровья Павла и возможной въ силу этого опасности для государства. Нѣсколько епископовъ и сенаторовъ подписались подъ этой петиціей. Но въ это время раскрывается заговоръ Хитрово и его друзей противъ Орловыхъ и ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ Москвѣ начинаются волненія; портретъ императрицы висѣвшій на тріумфальной аркѣ, срывается среди бѣлаго дня; опасное броженіе появляется даже въ гвардейскихъ полкахъ, которые уходятъ изъ-подъ вліянія фаворита и его братьевъ. Они испуганы и первыми готовы отказаться отъ слишкомъ смѣлаго проекта.

Екатерина съ своей стороны не побуждаетъ ихъ къ упорству. Въ глубинѣ души она благодарна Разумовскому за его скромность, и старый куртизанъ, повидимому, отгадалъ ея тайныя мысли. Эта развязка была благопріятна для нея, но фавориту она разбила не только эту иллюзію; другая надежда, на осуществленіе которой у него были вполнѣ законныя основанія, также не исполнилась въ силу той же неудачи. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Бестужевъ, весь поглощенный матримоніальной комбинаціей, которая теперь была отвергнута, получилъ очень щекотливое порученіе вести переговоры съ графомъ де-Мерси: красавецъ Орловъ долженъ былъ получить княжескій титулъ священной имперіи, прежде чѣмъ жениться на императрицѣ. Вѣнскій посланникъ сначала запротестовалъ: моментъ былъ плохо выбранъ, для того чтобы претендовать на такую любезность со стороны его двора, такъ какъ Россія незадолго передъ этимъ отказалась отъ всякой помощи Австріи

въ ея борьбѣ съ Пруссіей. Но Екатерина вмѣшалась сама въ эти переговоры; сначала неясными намеками, но, наконецъ, совершенно открыто она заявила о своемъ желаніи видѣть графа Орлова княземъ и о своей готовности отблагодарить за эту услугу. Когда Мерси сталъ настойчиво домогаться указаній насчетъ размѣровъ этой благодарности, она разсердилась: неужели въ Вѣнѣ будутъ сомнѣваться въ ея обѣщаніяхъ? Тамъ не посмѣли усомниться, и дипломъ былъ высланъ. Титулъ, присвоенный этимъ документомъ протеже царицы, предоставлялся ему на основаніи древности и знатности его рода и его личныхъ заслугъ въ будущемъ.

Послѣднія слова должны были звучать, какъ иронія, но новому князю суждено было подвергнуться еще болѣе тяжкимъ испытаніямъ. Въ тотъ моментъ, когда Мерси получилъ этотъ дипломъ, кризисъ, который мы раньше описывали, еще продолжался, и посланникъ спѣшитъ снять съ себя отвѣтственность за возможныя неожиданности. Онъ передаетъ документъ Бестужеву и предлагаетъ ему воспользоваться имъ по собственному желанію. Его дворъ пошелъ на эту услугу противъ своего желанія, и было бы полезно, по его мнѣнію, чтобы на это обратили вниманіе. Бестужевъ въ восторгѣ: на этотъ разъ Екатерина и ея фаворитъ увидятъ, чѣмъ они ему обязаны. Онъ бѣжитъ къ императрицѣ, но его ждетъ тамъ разочарованіе: Екатерина и слушать не хочетъ о немедленномъ объявленіи ея фаворита княземъ: это грозило бы вызвать мятежъ! Нужно обождать годъ, можетъ быть, *десять лѣтъ*. Инцидентъ былъ исчерпанъ: Мерси получилъ самую признательную благодарность и неопредѣленныя обѣщанія, а красавецъ Орловъ такъ и остался неофиціальнымъ княземъ. Впрочемъ, и внѣшній видъ его нисколько не говоритъ о его новомъ достоинствѣ.

Онъ другимъ путемъ вознаграждаетъ себя за эти неудачи. 25 ноября 1764 французскій посланникъ Беранже пишетъ въ своемъ донесеніи изъ Петербурга:

«Чѣмъ больше я слѣжу за Орловымъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что у него недостаетъ только званія императора... Его непринужденность въ обращеніи съ императрицей поражаетъ всѣхъ, и, по словамъ русскихъ, такого явленія не было ни въ одной странѣ со времени основанія монархіи. Онъ стоитъ выше всякаго этикета и позволяетъ себѣ по отношенію къ своей государынѣ такія вольности, которыхъ не могла бы допустить въ

высшемъ обществѣ ни одна уважающая себя женщина со стороны своего возлюбленнаго».

И, дѣйствительно, своимъ поведеніемъ въ отношеніяхъ съ этимъ возлюбленнымъ Екатерина напоминаетъ любовницу, послушную всѣмъ его капризамъ, покорную и боящуюся эксцессовъ съ его стороны.

«Когда я получила ваше послѣднее письмо,—пишетъ она мадамъ Жофренъ,—графъ Орловъ былъ въ моей комнатѣ. Услышавъ, какъ вы удивляетесь моей энергіи, моимъ занятіямъ по изученію законовъ и по вышиванію, и будучи самъ большимъ лѣнтяемъ, несмотря на свой глубокій умъ и природныя дарованія, онъ воскликнулъ: это правда! Это первая похвала, которую я услышала отъ него, и ею, мадамъ, я обязана вамъ».

Она терпѣливо переноситъ все, даже многочисленныя его измѣны, которыхъ она не позволитъ никому изъ его замѣстителей, и отпускаетъ его на цѣлыя недѣли. Если она и осмѣливается сдѣлать ему какой-нибудь упрекъ, то только за его лѣнь и безпечность. Она честолюбива за него и быстро возводитъ его по іерархической лѣстницѣ въ высшіе чины; она старается вывести его изъ состоянія апатіи и побуждаетъ занять какое-нибудь положеніе въ государствѣ. Онъ состоитъ директоромъ корпуса инженеровъ, начальникомъ конной гвардіи и артиллеріи, президентомъ иностраннаго колонизаціоннаго бюро, главнымъ директоромъ фортификацій. Но у него нѣтъ никакой охоты ни управлять, ни распоряжаться чѣмъ-нибудь. Получая около двухъ милліоновъ рублей въ годъ на меліораціи въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, онъ изъ нихъ половину проматываетъ, а остатки возвращаетъ Екатеринѣ, которая употребляетъ эти деньги на любимыя имъ постройки. Она приказываетъ построить для своего любимца знаменитый мраморный дворецъ, на фронтонѣ котораго у нея хватило смѣлости сдѣлать надпись: «Построенъ въ знакъ дружбы и благодарности».

Благодаритъ она очень щедро своего фаворита. Онъ получаетъ роскошные апартаменты, полное содержаніе, десять тысячъ рублей въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ, десятки тысячъ крестьянъ, огромныя помѣстья, дворцы, замки, между прочимъ, и печальной памяти замокъ въ Ропшѣ. Онъ получаетъ въ подарокъ портретъ государыни въ сердцевидномъ медальонѣ, усыпанномъ бриллiантами, съ правомъ, которое никому другому не было предоставлено,—съ правомъ носить его въ петлицѣ своего

платья. Онъ, очевидно, полагалъ, что достаточно потрудился для достиженія того положенія, которое онъ и его благодѣтельница занимали. Когда законодательная комиссія единогласно выбрала его своимъ президентомъ, онъ отказался отъ предложенной ему чести. Одинъ только разъ его сонливая натура и отяжелѣвшее богатырское тѣло встрепенулись, какъ будто вспомнили шумъ былыхъ сраженій. Присутствуя на засѣданіи Государственнаго Совѣта, онъ попросилъ слова, чтобы рѣзко выступить противъ предложеннаго самой же Екатериной проекта о поддержкѣ кандидатуры Понятовскаго на польскій престолъ. Вмѣсто доказательствъ онъ ограничивается одними только грубыми оскорбленіями по адресу вытѣсненнаго имъ любовника. Но это продолжается только одинъ моментъ. Послѣ мягкаго упрека со стороны Екатерины онъ умолкаетъ, беретъ свои слова обратно и обвиняетъ Бестужева за плохой совѣтъ.

II.

Но мало-по-малу нѣжныя чувства Екатерины охладѣваютъ, ея страстный интересъ, съ которымъ она слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ жестомъ молодого человѣка невозвратно исчезаетъ. Ея мысль и ея сердце постепенно отворачиваются отъ этого безнадежнаго ничтожества, пустоту котораго она начинаетъ замѣчать, наконецъ. Онъ, въ свою очередь, замѣчаетъ ея новое отношеніе къ себѣ, видитъ, что она ускользаетъ отъ него, чувствуетъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, и вдругъ снова оживаетъ: онъ приходитъ въ себя, беретъ себя въ руки и въ одинъ часъ становиться такимъ, какимъ былъ въ день великихъ испытаній. Въ немъ произошло полное пробужденіе. 2 октября 1771 года онъ отправляется въ Москву съ миссіей, которая на этотъ разъ вполнѣ заслуженно, а не только по милостивому капризу Екатерины, дѣлаетъ его героемъ и спасителемъ родного края. Чума, которая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ свирѣпствовала во второй столицѣ имперіи, вызвала страшныя волненія. Мѣстныя власти оказались безсильными справиться съ мятежемъ. Губернаторъ бѣжалъ. Митрополитъ былъ убитъ чернью. Нужно было возстановить порядокъ и пріостановить дальнѣйшее распространеніе эпидеміи. Григорій Орловъ беретъ на себя эту задачу, и Екатерина отпускаетъ его. Нѣтъ ли у нея при этомъ тайной мысли послать его на смерть? Или ожидающая его слава, на которую она надѣется для него, подавляетъ въ

ней всякія другія соображенія? Трудно угадать. Глубины женскаго сердца неисповѣдимы, тѣмъ болѣе для историка, который разсматриваетъ чувства и страсти въ тускломъ зеркалѣ столѣтней давности. Какъ разъ въ этотъ моментъ, когда звѣзда прекраснаго Орлова, повидимому, начинаетъ сіять своимъ прежнимъ блескомъ, на его помраченномъ горизонтѣ появляется новый любовникъ, какой-то безвѣстный соперникъ Высоцкій. Какъ знать? Если бы Орловъ не имѣлъ успѣха...

Но онъ имѣлъ успѣхъ. Проявивъ чудеса храбрости и неутомимую энергію, онъ усмиряетъ народныя волненія и, какъ-будто, укрощаетъ самую природу. Распространенію эпидеміи положенъ конецъ. По возвращеніи своемъ онъ снова завоевываетъ сердце Екатерины. Онъ опять становится для нея несравненнымъ человѣкомъ, «который напоминаетъ древнихъ римлянъ лучшихъ временъ республики», какъ она писала о немъ недавно Вольтеру. Тріумфальная мраморная арка по дорогѣ изъ Гатчины въ Царское Село еще до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о славѣ его торжественнаго возвращенія. По этому же случаю была отлита медаль съ портретомъ фаворита и фигурой курціуса съ надписью: «И у Россіи есть такіе сыны». Екатерина предлагала даже надписать «такой сынъ» въ единственномъ числѣ, но Орловъ пожелалъ болѣе скромной версіи. Однако, именно въ этотъ періодъ онъ является передъ нами въ совершенно неожиданномъ свѣтѣ, чуждымъ какой бы то ни было скромности. Какъ будто какой-то невѣдомый ему до сихъ поръ демонъ вселяется въ него, демонъ безмѣрнаго тщеславія и какой-то безумной самонадѣянности. Надѣется ли онъ этимъ приковать къ себѣ еще разъ и навсегда ту, любви которой онъ едва не лишился, или это уже начало того умственнаго разстройства, которымъ закончится черезъ десять лѣтъ его удивительная жизнь? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего тріумфальнаго возвращенія онъ отправляется въ Фокшаны для веденія переговоровъ о мирѣ послѣ побѣдъ Румянцева. Его сопровождаетъ настоящій царскій обозъ.

«Мои ангелы мира», пишетъ по этому поводу Екатерина мадамъ Бельке, «находятся уже теперь, я полагаю, передъ лицомъ грязныхъ бородатыхъ турокъ. Графъ Орловъ, который безъ преувеличенія можетъ быть названъ самымъ красивымъ человѣкомъ своего времени, долженъ въ самомъ дѣлѣ показаться ангеломъ въ обществѣ этихъ варваровъ; у него блестящая, избранная свита... но я готова спорить, что онъ затмѣваетъ со-

бой всѣхъ своихъ приближенныхъ. Этотъ посланникъ какая-то исключительная личность; природа необычайно щедро надѣлила его красотой, умомъ, сердцемъ и душой!..»

Дѣйствительно, необыкновенный посланникъ. Явившись на мѣсто свиданія съ турецкими уполномоченными, онъ даетъ полный просторъ своимъ необузданнымъ чувствамъ. Онъ совершенно забываетъ о возложенномъ на него порученіи заключить миръ, напротивъ, мечтаетъ возобновить войну и затмить подвиги Румянцева при помощи генерала Бауера, въ которомъ находитъ себѣ поддержку. На засѣданіи конгресса въ присутствіи всѣхъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ онъ вступаетъ въ препирательство съ Румянцевымъ, грозитъ ему висѣлицей и объявляетъ себя главнокомандующимъ арміей. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на инструкціи, присылаемыя Панинымъ, помышляетъ о захватѣ Константинополя, совершенно неожиданно прерываетъ переговоры о мирѣ и отправляется въ Яссы, гдѣ проводитъ время въ шумныхъ празднествахъ и блистаетъ усыпаннымъ блилліантами милліоннымъ костюмомъ, который прислала ему Екатерина.

Предупредительный совѣтъ петербургскаго пріятеля застаетъ его среди этихъ развлеченій. Онъ понялъ, что въ этихъ безумныхъ забавахъ онъ поставилъ на карту свое положеніе и проигралъ все. Предоставивъ ему возможность еще разъ удалиться отъ себя, Екатерина имѣла на это свои основанія, которыхъ онъ не подозрѣвалъ, и которыя, можетъ быть, для нея самой не были достаточно ясны. Но она сознавала, что на этотъ разъ дѣло шло не о славѣ ея фаворита и не объ интересахъ государства, и въ тотъ моментъ, когда она въ письмѣ къ мадамъ Бельке такъ восхваляла обаятельность и заслуги Орлова, она уже подыскивала ему замѣстителя. Фаворитъ уѣхалъ 18(29) августа 1772 года, а двѣ недѣли спустя Васильчиковъ уже поселился въ царскомъ дворцѣ въ спеціальныхъ апартаментахъ избранниковъ ея сердца.

Можно себѣ представить, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвела эта ужасная новость, какъ было поражено главное заинтересованное лицо, и въ какой ужасъ пришли его близкіе. Разгулъ былъ прерванъ, и Орловъ помчался въ кибиткѣ навстрѣчу неизвѣстному. Тысячу верстъ на лошадяхъ, которыхъ гонятъ во весь карьеръ. День и ночь летитъ кибитка, пожирая разстояніе и унося путешественника, который не знаетъ ни

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

РАБОТЫ БОРОВИКОВСКАГО—СНЯТО У ВЕЛ. КН. СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

пищи, ни отдыха. Но напрасно! За нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы указъ императрицы обрываетъ эту бѣшеную скачку: на пріѣзжихъ съ юга наложенъ карантинъ, потому что тамъ еще свирѣпствуетъ эпидемія. Карантинъ для того, кто недавно самъ боролся съ чумой въ Москвѣ и одержалъ надъ ней побѣду! Но указъ примѣняется во всей строгости. Впрочемъ, для него имѣются спеціальныя инструкціи, ему дѣлаются самыя любезныя предложенія. Не угодно ли будетъ изгнаннику провести свой карантинный искусъ въ Гатчинѣ. Дворецъ тамъ построенъ архитекторомъ Ринальди—какъ и тріумфальная арка на дорогѣ—въ чудной мѣстности. Прелестная рѣка Ижора пересѣкаетъ паркъ, разбитый англійскими садовниками. Островъ, расположенный посрединѣ рѣки, усаженъ густыми аллеями, въ тѣни которыхъ прячется храмъ, посвященный амуру. Увы! всѣ эти прелести Григорій Орловъ предназначалъ раньше для другого. По просьбѣ Екатерины онъ незадолго передъ тѣмъ писалъ автору «Бѣдной Лизы» объ этомъ убѣжищѣ, предлагая гостепріимство въ «мирномъ и мечтательномъ уголкѣ». Теперь ему самому суждено было стать такимъ мечтателемъ, вызывающимъ въ своей памяти былыя радости и прежній блескъ.

Но онъ еще не отчаивается. Не въ его натурѣ идти противъ своей судьбы и бороться за потерянное положеніе: у него не достаетъ для этого ни ума, ни воли. Но онъ умѣетъ, по крайней мѣрѣ, довольствоваться своимъ новымъ положеніемъ и сохранять спокойствіе духа даже тогда, когда судьба окончательно поворачивается къ нему спиной. Екатерина сначала опасалась, что съ его стороны послѣдуютъ какія-нибудь рѣзкія выходки, необдуманные шаги. Она, говорятъ, приказала перемѣнить замки въ апартаментахъ новаго фаворита и охранять сторожевыми постами петербургскія заставы. Она успокаивается, наконецъ, узнавъ, что онъ покорно исполнилъ ея волю и поселился въ Гатчинѣ. Но она хочетъ добиться, чтобы онъ отказался отъ своихъ должностей и занимаемыхъ имъ постовъ. Осторожно и робко, маскируя свои шаги самыми любезными услугами, она отправляетъ въ Гатчино съ этимъ щекотливымъ порученіемъ Бецкаго, Алсуфьева и Чернышева и добивается, наконецъ, полюбовнаго соглашенія. Трудно сказать, какое чувство руководитъ ею въ настоящій моментъ. Ея поведеніе составляетъ загадку даже для ея приближенныхъ. Она не хочетъ снова увидѣться съ своимъ фаворитомъ, но пишетъ ему каждый день.

Она, повидимому, страстно увлечена новымъ любовникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живо интересуется всѣмъ, что пьетъ и ѣстъ его предшественникъ, и даже лично заботится о его бѣльѣ. Въ то же время она такъ волнуется и нервничаетъ, что запускаетъ самыя неотложныя государственныя дѣла и не въ состояніи принимать даже своихъ министровъ. Одинъ ли только страхъ тревожилъ ее въ этотъ моментъ? Французскій посланникъ Дюранъ, повидимому, склоненъ именно такъ думать. 1-го декабря 1772 года онъ пишетъ:

«Императрица недавно узнала, что больше тысячи солдатъ состоятъ на частной службѣ у графа Орлова, и что онъ склонилъ на свою сторону архіепископовъ... Онъ увѣрялъ, что у него имѣется два милліона рублей наличными деньгами, и все это наводитъ страхъ на императрицу и побуждаетъ ее къ миролюбивымъ дѣйствіямъ».

«Распространился слухъ», пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней, «что графъ Орловъ явился переодѣтымъ на маскарадный балъ, такъ какъ узнали будто бы его карету и кучера. Боясь, что онъ проникъ во дворецъ, императрица убѣжала въ апартаменты Панина».

Однако, другія подробности, повидимому, указываютъ на то, что къ этимъ грубымъ опасеніямъ примѣшивались у государыни болѣе нѣжныя чувства, и прекрасный Орловъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы вызывать и поддерживать въ ней оба чувства одновременно. Когда она требуетъ отъ него возвращенія украшеннаго брилліантами портрета, который она запрещаетъ ему носить отнынѣ на груди, онъ отсылаетъ ей брилліанты и оставляетъ себѣ ея изображеніе: онъ отдастъ его собственноручно только той, которая ему подарила его. Она пытается грозить, но это на него не дѣйствуетъ. Она сулитъ ему заточеніе въ ропшинскомъ замкѣ, а онъ ей отвѣчаетъ, что онъ будетъ въ восторгѣ отъ оказанной ему чести. Она рѣзко обрываетъ затянувшіеся переговоры указомъ, въ которомъ ему объявляется отставка отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и дается позволеніе, равносильное приказу, отправиться путешествовать для поправленія здоровья. Онъ на это заявляетъ, что чувствуетъ себя великолѣпно и не тронется съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока ему не разрѣшатъ пріѣхать въ Петербургъ.

Онъ, наконецъ, появляется въ столицѣ, хотя въ точности не извѣстно, дала ли она ему свое согласіе на пріѣздъ. Его

появленіе сопровождается новымъ шумомъ, потому что въ это время появляется другой указъ отъ 4 октября 1772 года, который предоставляетъ ему право носить княжескій титулъ. Онъ появляется при дворѣ и вечеромъ присутствуетъ на спектаклѣ у императрицы, какъ въ былое время. Онъ веселъ, оживленъ и чувствуетъ себя въ ударѣ. Екатерина къ нему обращается и онъ отвѣчаетъ ей безъ всякаго смущенія и говоритъ о самыхъ безразличныхъ вещахъ. На слѣдующій день его видятъ на улицахъ города въ сопровожденіи человѣка, которому онъ оказываетъ очень много вниманія, и этотъ спутникъ его никто иной, какъ новый фаворитъ. Онъ разговариваетъ съ нимъ и съ другими, которыхъ онъ встрѣчаетъ, о превратности своей судьбы и приводитъ всѣхъ въ смущеніе шутками о своемъ паденіи. Онъ дѣлаетъ визитъ великому князю, и иностранные представители на всякій случай спѣшатъ предупредить его своимъ вниманіемъ и толпятся у его дверей, чтобы посѣтить его. Онъ появляется также въ злачныхъ мѣстахъ и открыто пьянствуетъ съ уличными женщинами. Онъ, повидимому, и не думаетъ бороться со своимъ соперникомъ или мстить виновникамъ своей опалы. Онъ громко восхваляетъ безпристрастіе и патріотизмъ своего злѣйшаго врага графа Панина. Придворному шталмейстеру вздумалось подарить ему старую карету и пару чахлыхъ лошадей; онъ съ веселымъ видомъ принялъ подарокъ и ограничился только тѣмъ, что разсказалъ о посѣщеніи его этимъ же самымъ шталмейстеромъ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ еще жилъ во дворцѣ: графъ еще лежалъ въ постели, и посѣтителя заставили почтительнѣйше поцѣловать случайно обнажившуюся мясистую часть его тѣла.

Всѣ въ столицѣ были склонны думать, что красавецъ Орловъ займетъ съ этихъ поръ такое же положеніе, какое выпало на долю Алексѣя Разумовскаго въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, когда Шуваловы поочередно занимали при дворѣ положеніе и выполняли функціи, которыми теперь судьба надѣлила Васильчикова. Каждый день бывшій фаворитъ получаетъ новыя подтвержденія благоволенія и щедрости императрицы: подарки деньгами и вещами сыплются на него дождемъ; въ то же время онъ и самъ является источникомъ монаршихъ милостей: онъ возводитъ въ фрейлины дочь своего друга генерала Бауера и жалуетъ голубую ленту своему протеже князю Вяземскому. Но ко всеобщему удивленію эти отношенія продолжаются не долго.

III.

Въ началѣ 1773 года красавецъ Орловъ исчезаетъ и проводитъ зиму въ Ревелѣ. Онъ все такой же весельчакъ и хорошій товарищъ, задаетъ блестящіе балы, ухаживаетъ за мѣстными дворянками и городскими буржуазными дамами, танцуетъ съ тѣми и съ другими и при случаѣ играетъ роль суверена, какъ будто ничего не измѣнилось въ томъ положеніи, которое онъ раньше занималъ: онъ награждаетъ лентой св. Анны барона Тизенгаузена, даритъ голштейнскому князю помѣстье изъ кабинетскихъ земель, и всѣ эти щедрые подарки утверждаются Екатериной. Весной новый сюрпризъ: онъ опять въ Петербургѣ и снова занимаетъ всѣ свои прежніе посты по государственной службѣ. Онъ не блещетъ талантами въ своей политической дѣятельности, если вѣрить Дюрану:

«На этихъ дняхъ князь Орловъ проявилъ себя настоящимъ школьникомъ на военныхъ упражненіяхъ на полигонѣ, хотя и состоитъ начальникомъ артиллеріи, главнокомандующимъ, награжденнымъ всевозможными орденами. Всякое передвиженіе солдатъ вызывали его удивленіе, и онъ безпрестанно задавалъ вопросъ: зачѣмъ это? почему такъ дѣлаютъ? А когда солдаты скрылись за валомъ, онъ съ изумленіемъ воскликнулъ: куда они спрятались?.. Всѣ переглянулись и опустили глаза».

Но, можетъ быть, Екатерина опять ослѣплена, обольщена, и снова ея сердце завоевано? Этого не было, если вѣрить ея собственному заявленію, сдѣланному ею въ этотъ самый періодъ одному интимному другу:

«Я очень многимъ обязана семьѣ Орловыхъ; я награждала ихъ помѣстьями и орденами и всегда буду имъ покровительствовать, и они сумѣютъ быть мнѣ полезными, но мое рѣшеніе непреложно; одиннадцать лѣтъ я страдала, теперь я хочу жить такъ, какъ мнѣ хочется, совершенно независимо. Князь можетъ поступать, какъ ему вздумается: онъ можетъ уѣхать за границу или остаться въ Россіи, можетъ пить, охотиться, заводить любовницъ... Если онъ будетъ себя вести хорошо, то его ждетъ почетъ, если же плохо, то онъ себя покроетъ позоромъ».

«Онъ себя покрылъ позоромъ», сообщаетъ хорошо освѣдомленный придворный, со словъ котораго пишетъ Дюранъ. «По натурѣ своей онъ русскій мужикъ и останется имъ навсегда. Одиннадцать лѣтъ онъ велъ благородную и роскошную жизнь;

за время пребыванія во дворцѣ онъ долженъ былъ привыкнуть къ самой изысканной обстановкѣ. Но знаете ли вы, какъ онъ живетъ теперь, потерявъ свое положеніе фаворита? Съ ежегоднымъ доходомъ въ 250,000 рублей и съ имуществомъ въ двадцать милліоновъ на наши деньги онъ могъ бы жить широко, по-барски, вдали отъ бурнаго двора или даже при дворѣ. Но онъ пробылъ только одинъ день въ Гатчинѣ. На слѣдующій день онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Съ утра до вечера его можно видѣть въ обществѣ дворовыхъ дѣвокъ, которыя остались во дворцѣ (императрица живетъ въ Царскомъ Селѣ). Онъ тутъ обѣдаетъ и ужинаетъ. Столъ сервируется грязно, блюда безвкусныя, и князь находитъ удовольствіе въ такомъ образѣ жизни... Не лучше обстоитъ и съ его духовной жизнью. Свое время онъ заполняетъ дѣтскими забавами. Его душа такая же нетребовательная, какъ и его вкусъ, и ему все хорошо. Онъ любитъ такъ же, какъ и ѣстъ: онъ съ одинаковымъ увлеченіемъ ухаживаетъ за калмычкой, финкой и за самой красивой придворной дамой. Таковъ этотъ *бурлакъ*».

Этотъ хорошо освѣдомленный придворный считаетъ карьеру бывшаго фаворита законченной или, по крайней мѣрѣ, его вліяніе окончательно подорваннымъ. Онъ ошибается и вводитъ въ заблужденіе французскаго дипломата, который нѣсколько недѣль спустя въ маѣ 1773 года пишетъ слѣдующее:

«Преемникомъ Панина будетъ, навѣрное, какой-нибудь ставленникъ князя (Орлова); съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній опять попалъ въ милость, онъ пользуется вчетверо большимъ довѣріемъ, чѣмъ даже въ то время, когда жилъ въ апартаментахъ императрицы».

И новости слѣдуютъ одна за другой, оповѣщая о растущемъ вліяніи бывшаго фаворита. Васильчиковъ пользуется всѣми привилегіями, присвоенными его положенію, но его политическая роль ничтожна. Онъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ не принимаетъ. Григорій Орловъ, напротивъ, получаетъ большія полномочія въ дѣлахъ управленія и даже во внѣшней политикѣ. Основываясь на донесеніяхъ своего дипломатическаго агента, Фридрихъ вздумалъ *открыто* выразить въ своихъ депешахъ свое удовольствіе по поводу паденія бывшаго фаворита, надѣясь, что эти депеши будутъ прочтены Панинымъ и жестоко ошибся. Князь появляется въ Царскомъ Селѣ въ блескѣ своего прежняго величія. Императрица пріѣзжаетъ къ нему съ

визитомъ въ Гатчино и, забывъ всякій этикетъ, назначаетъ даже свиданіе тамъ съ принцессой гессенъ-дармштадской и ея двумя дочерьми, на одной изъ которыхъ долженъ жениться великій князь Павелъ. Но этого мало. Императрица нѣкоторое время была въ нерѣшительности, кого изъ нихъ выбрать для своего сына. Между тѣмъ красавецъ Орловъ велъ свою линію. 5 іюля 1773 года перепуганный Сольмсъ отправляетъ въ Берлинъ своему королю черезъ курьера депешу, въ которой пишетъ:

«Я считаю своей обязанностью открыть передъ Вашимъ Величествомъ тайну первостепенной важности, отъ которой зависитъ судьба Россіи, и къ которой мы, въ качествѣ союзнической и дружественной ей державы, не можемъ остаться равнодушными. Графъ Панинъ, который всегда очень зорко слѣдитъ за политикой фамиліи Орловыхъ, имѣетъ основаніе подозрѣвать, что князь Орловъ питаетъ честолюбивые замыслы и хочетъ жениться на одной изъ дармштадскихъ принцессъ. Исключительное вниманіе, которое онъ удѣляетъ ландграфинѣ, и его свободныя манеры въ обращеніи съ принцессами, особенно съ младшей, которой онъ формально заявилъ объ этомъ, увеличиваютъ эти подозрѣнія... При своемъ живомъ характерѣ принесса, сама того не замѣчая, можетъ помочь успѣху этого честолюбиваго человѣка»...

И прусскій посолъ прибавляетъ при этомъ, что нельзя разсчитывать даже на помощь императрицы въ дѣлѣ предупрежденія этихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Это только ложная тревога. Даже активное вмѣшательство бывшаго фаворита въ политику не больше, какъ фантазія безъ всякаго будущаго. У него слишкомъ мало постоянства и слишкомъ лѣниво работаетъ мысль, чтобы можно было ожидать серьезныхъ послѣдствій отъ этой фантазіи. Онъ измѣняетъ принцессѣ дармштадской въ пользу первой попавшейся придворной фрейлины и оставляетъ государственныя дѣла ради своихъ развлеченій. Природа была менѣе щедра къ нему, чѣмъ это воображала раньше Екатерина, но она надѣлила его въ достаточной степени тѣмъ хорошимъ чувствомъ, которое подсказало ему, что управленіе государствомъ не его дѣло. Вмѣшиваясь въ обсужденіе серьезныхъ государственныхъ вопросовъ, онъ всегда приводитъ въ крайнее смущеніе другихъ членовъ засѣданія и государыню, когда она присутствуетъ при этомъ, своимъ невѣжествомъ м легкомысліемъ. Но, какъ добрый малый,

онъ первый замѣчаетъ свои ошибки и тотчасъ же сознается въ нихъ. Въ 1774 году, во время борьбы съ Пугачевымъ, онъ, какъ школьникъ, даетъ себя провести одному промотавшемуся провинціальному купцу, который выдаетъ себя за казацкаго эмиссара съ Яика, обѣщаетъ отъ имени своихъ товарищей выдать страшнаго бунтовщика и выманиваетъ у него и у самой Екатерины значительныя суммы денегъ.

Впрочемъ, въ томъ же году выступаетъ на сцену новый актеръ, появленіе котораго на долгіе годы совершенно стушевываетъ или, по крайней мѣрѣ, отодвигаетъ на второй планъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ великой драмы: Потемкинъ занимаетъ мѣсто Васильчикова.

IV.

Какая-то пустота образуется къ этому времени вокругъ императрицы и ея новаго фаворита, огромная, подавляющая фигура котораго одна заполняетъ для нея, повидимому, всю сцену. Григорій Орловъ, какъ казалось, никакой новой немилости не навлекалъ на себя; тѣмъ не менѣе онъ удаляется, какъ обиженный ребенокъ, или какъ человѣкъ, окончательно обезкураженный. «Князь Орловъ», пишетъ Дюранъ, «разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ императрицей: на всѣ ея старанія отклонить его отъ предполагаемаго путешествія, онъ отвѣчалъ, что не можетъ больше переносить интригъ, направленныхъ противъ его родныхъ и друзей, и что онъ не можетъ ее, однако, въ чемъ-либо упрекнуть, развѣ только въ недостаткѣ чувства, въ которомъ ей природа теперь отказываетъ въ отношеніи къ нему». Онъ покидаетъ Россію, объѣзжаетъ всю Европу, удивляетъ столицы своей роскошью и поражаетъ самыхъ смѣлыхъ игроковъ своими огромными ставками. Дидро, видѣвшій его въ Парижѣ, составляетъ о немъ самое скромное мнѣніе, сравнивая его съ «котломъ, который всегда кипитъ, но въ которомъ ничего не варится». Черезъ годъ онъ возвращается въ Петербургъ и безъ труда пріобрѣтаетъ положеніе, которое напоминаетъ роль Алексѣя Разумовскаго въ предыдущее царствованіе. При дворѣ его просто называютъ «княземъ». Его обращеніе съ государыней лишено, правда, прежней фамильярности, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ объ установившихся между ними товарищескихъ почти равныхъ отношеніяхъ, заставляющихъ забыть, что мы имѣемъ дѣло съ сувереномъ и подданнымъ. Екатерина даритъ ему дво-

рецъ, и онъ отвѣчаетъ ей покупкой знаменитаго брилліанта, надиръ-шаха, за который платитъ 460.000 рублей, и который повергаетъ къ ногамъ царицы въ день ея тезоименитства.

Въ сущности, у нихъ обоихъ все еще сохраняется память о прошломъ, какая-то глубокая, интимная связь, которой не могутъ разорвать никакія испытанія. Въ 1776 году она еще пишетъ Гримму:

«Я всегда была склонна дать собой руководить людямъ, которые больше меня понимаютъ, лишь бы только они не давали мнѣ это почувствовать, въ противномъ случаѣ я со всѣхъ ногъ убѣгала отъ нихъ. И я не знаю никого, кто былъ бы въ такой степени способенъ на такую роль, какъ князь Орловъ. У него непосредственный умъ, который идетъ своимъ собственнымъ путемъ и увлекаетъ за собой и мой.

Только самый неожиданный и никѣмъ не предусмотрѣнный случай могъ порвать эту связь съ бывшимъ фаворитомъ, который такъ долго игралъ такую выдающуюся роль въ жизни Екатерины. Въ 1777 году этотъ сорокатрехлѣтній донъ-жуанъ, привыкшій къ кутежамъ и дебошамъ, влюбляется. На этотъ разъ это не легкій флиртъ, которымъ онъ такъ много разъ увлекался, а самая искренняя страсть. Эту любовь, которая походитъ на запоздалую измѣну, возлюбленная юныхъ лѣтъ не можетъ простить даже состарившемуся и покинутому ею любовнику. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ судьба снова улыбнулась своему баловню. Послѣ огромныхъ препятствій вначалѣ ихъ ждетъ идиллическая жизнь, которая заканчивается жестокой развязкой, превращающей этотъ романъ въ печальную трагедію.

Красивая, граціозная девятнадцатилѣтняя мадмуазель Зиновьева, занимающая очень видное мѣсто среди фрейлинъ императрицы, приходится князю двоюродной сестрой. Онъ ее любитъ и пользуется взаимностью. Они преодолѣваютъ всѣ препятствія и формальности гражданскихъ и церковныхъ законовъ, но бракъ расторгается сенатскимъ рѣшеніемъ. Молодая женщина пишетъ по этому поводу своему брату Василію, котораго она подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ нѣжныхъ чувствъ называетъ *душенькой-фрерушкой*, письма, полныя слезъ, гдѣ она разсказываетъ о своихъ тщетныхъ попыткахъ вернуть мужа, такъ быстро оторваннаго отъ ея груди, и прибавляетъ при этомъ:

«Я люблю его теперь еще больше, чѣмъ раньше, и вопреки всему я, слава Богу, очень счастлива».

Наконецъ, Екатерина начинаетъ проявлять свое великодушіе. Она кассируетъ постановленіе сената, зачисляетъ княгину Орлову въ число своихъ придворныхъ дамъ и даже преподноситъ ей въ подарокъ туалетный приборъ изъ массивнаго золота. Молодые супруги отправляются проводить свой медовый мѣсяцъ въ Швейцарію, и княгиня описываетъ свои восторги въ стихахъ, которые доходятъ до Петербурга и передаются изъ устъ въ уста:

«Всякій край съ тобою рай».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они возвращаются въ Петербургъ, поселяются въ штегельмановскомъ дворцѣ, который былъ подаренъ фавориту императрицей, и ведутъ тихую, скромную жизнь безъ шума и блеска, наслаждаясь счастьемъ взаимной любви. Князь рѣдко появляется при дворѣ и увѣряетъ Гарриса, что онъ не пользуется тамъ больше никакимъ вліяніемъ. Въ 1780 году влюбленная пара снова ѣдетъ за границу, но на этотъ разъ по грустному поводу: княгиня больна и для поправленія ея здоровья требуется мягкій климатъ. И на этотъ разъ Екатерина, повидимому, съ удовольствіемъ встрѣтила извѣстіе о путешествіи и, простившись—довольно холодно—съ человѣкомъ, котораго она любила и котораго она не могла удовлетворить своей любовью, обратилась съ вопросомъ къ своей горничной, преданной Перекусихиной:

— Что дѣлаютъ со старой иконой, на которой отъ времени выцвѣли краски?

— Сжигаютъ.

— Какъ же такъ! Слывешь за знатока народныхъ обычаевъ и не знаешь такой вещи: въ воду бросаютъ, Марья Савишна, въ воду бросаютъ, говорю тебѣ!

Ея отчужденіе на этотъ разъ такое полное, что она можетъ писать Гримму: «князь Орловъ въ Парижѣ... передайте ему мой привѣтъ и скажите ему, чтобы онъ привезъ съ собой маленькаго князя Орлова, видимаго или невидимаго».

Увы! вмѣсто материнства, котораго, безъ сомнѣнія, страстно желала и сама княгиня, пришла смерть. Молодая женщина заболѣваетъ чахоткой, и ея положеніе безнадежно. Напрасно эта столь счастливая недавно пара переѣзжаетъ изъ одного города въ другой въ поискахъ знаменитыхъ спеціалистовъ. Княгиня Дашкова встрѣчаетъ ихъ въ Лейденѣ у извѣстнаго врача того времени Гобье, затѣмъ въ Брюсселѣ. Ея разсказы о придворныхъ интригахъ, въ которыя будто бы былъ замѣшанъ тогда

князь и о странныхъ предложеніяхъ, съ которыми онъ обратился къ ней, соглашаясь уступить своего сына Потемкину въ интересахъ государства, совершенно невѣроятны. Княгиня умираетъ въ Лозаннѣ 16 іюня 1782 года. Державинъ въ трогательныхъ стихахъ оплакиваетъ эту раннюю смерть. Самъ Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ: его разумъ помутился въ катастрофѣ, въ которой на этотъ разъ было заинтересовано только его сердце. Разсказываютъ, что во время припадковъ безумія онъ видѣлъ передъ собой тѣнь Петра III и повторялъ про себя: «это мнѣ въ наказаніе!» Шесть мѣсяцевъ спустя маркизъ де-Веракъ сообщаетъ изъ Петербурга барону Верженну:

«Только что получено извѣстіе изъ Москвы о смерти князя Орлова... Во время своей болѣзни онъ раскрылъ такія страшныя подробности, которыхъ я не осмѣливаюсь довѣрить даже шифру».

Вотъ какъ Екатерина сама сообщаетъ Гримму объ этой печальной вѣсти:

«Хотя я была хорошо подготовлена къ этому печальному событію, но, сознаюсь, оно меня сильно поразило... Мнѣ всѣ говорятъ, и я сама себѣ говорю все, что только можно въ такихъ случаяхъ сказать, но я отвѣчаю громкими рыданіями и страшно страдаю...»

Дѣйствительно ли такъ глубока ея печаль? Дальнѣйшее чтеніе письма не обнаруживаетъ этого. Разсыпаясь въ похвалахъ по адресу покойнаго, она переходитъ въ какой-то развязный, тривіальный тонъ:

«Чѣмъ-то необычайнымъ отмѣчена смерть князя Орлова: графъ Панинъ умеръ за двѣ недѣли до него, и оба они не знали о смерти другъ друга. Эти два человѣка, которые всегда были противоположныхъ взглядовъ и совсѣмъ не любили другъ друга, будутъ крайне удивлены, встрѣтившись на томъ свѣтѣ... Въ теченіе многихъ лѣтъ они оба состояли моими совѣтниками, и тѣмъ не менѣе дѣла шли быстрымъ темпомъ; часто мнѣ приходилось, подобно Александру Македонскому, разрубать гордіевъ узелъ и направить по одному руслу противоположныя желанія. Смѣлость мысли одного и крайнюю осторожность другого вашей покорнѣйшей слугѣ приходилось объединять и примирять, и результаты получались великолѣпные».

Нѣтъ, она не удручена и не взволнована, хотя и хочетъ казаться такой. Она не простила—даже передъ лицомъ смерти—

высшей обиды любимаго человѣка, измѣнившаго памяти такой любви, которую она къ нему питала. Ей пріятно писать Гримму о «геніальности и блестящемъ краснорѣчіи» ея прежняго любовника. Черезъ два года она въ письмѣ къ Циммерману еще будетъ называть его «единственнымъ и по истинѣ великимъ» человѣкомъ и будетъ обвинять своихъ современниковъ за то, что они его не поняли.

Справедливо ли это обвиненіе? Мнѣніе современниковъ, какъ намъ кажется, находилось подъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ отчасти, иллюзій, которыми жила Екатерина даже послѣ смерти фаворита. Когда они говорятъ о его жизни, то онъ имъ представляется античнымъ героемъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и какимъ его хотѣла видѣть влюбленная въ него императрица, вѣрнѣе героемъ самой отдаленной, первобытной древности. Впрочемъ, на такую высоту онъ поднимался очень рѣдко, въ порывѣ страсти, чтобы потомъ снова упасть въ глубокую пропасть. И въ ихъ отзывахъ о его талантахъ и чертахъ характера они часто, повидимому, только отражаютъ страстное увлеченіе царственной любовницы. Даже такой строгій всегда человѣкъ, какъ Сабатье, также поддается общему теченію. «Это простой, ровный въ своемъ обращеніи человѣкъ, безъ претензій, привѣтливый, мягкій, честный и популярный среди широкихъ слоевъ населенія. Онъ никому никогда не причинилъ зла... Онъ чутокъ, проницателенъ и не лишенъ способностей. Его успѣхи въ наукахъ, которыми онъ занимается съ исключительной цѣлью развлечься отъ снѣдающей его скуки, доказываютъ, что онъ могъ бы извлечь пользу изъ своихъ природныхъ дарованій. Въ дѣлахъ онъ проявляетъ правильное пониманіе, къ которому Панинъ всегда относится съ большимъ уваженіемъ».

Открытый врагъ великой императрицы и ея славы князь Щербатовъ восхваляетъ храбрость, честность и либеральныя идеи фаворита. «Его нельзя было не любить», пишетъ другой современникъ, авторъ очень любопытныхъ мемуаровъ (Болотовъ). Эти отзывы относятся, правда, къ молодымъ годамъ Григорія Орлова, у котораго еще не было ни политическаго, ни романическаго прошлаго, и который былъ трижды раненъ въ сраженіи при Цоркдорфѣ, а черезъ нѣсколько дней дирижировалъ танцами въ кенигсбергскомъ дворцѣ.

Кромѣ того, Екатерина принялась обтесывать своего мало-

культурнаго любовника съ тѣмъ усердіемъ, которое она вкладывала во всякое дѣло. Своими частыми и продолжительными прогулками въ уединенныхъ окрестностяхъ Петербурга они пользовались для поучительнаго чтенія. На нѣкоторое время молодой человѣкъ дѣйствительно, повидимому, пріохотился къ занятіямъ и съ чисто варварскимъ любопытствомъ заинтересовался науками. Въ 1765 году онъ вмѣстѣ съ П. Воронцовымъ и библіотекаремъ императрицы нѣмцемъ Таубертомъ основываетъ общество для изученія экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Онъ первый поднимаетъ тамъ щекотливый вопросъ о способахъ передачи крестьянамъ въ собственность обрабатываемыхъ ими земель. Въ слѣдующемъ году онъ съ энтузіазмомъ увлекается знаменитой «инструкціей», предисловіемъ къ законодательному труду, которымъ Екатерина думала осчастливить Россію и по мнѣнію Панина можно было «потрясти государственные устои». Въ это же время онъ принимаетъ участіе въ переводѣ «Велизарія» Мармонтеля, сопровождая императрицу въ путешествіи въ Казань по Волгѣ. Въ этотъ же періодъ онъ занятъ мыслью предоставить убѣжище Жанъ-Жаку. Онъ собственно-ручно пишетъ ему пригласительное письмо, вдохновительницей котораго была, безъ сомнѣнія, Екатерина, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ. При всей своей парадоксальности авторъ «Общественнаго договора» отнесся недовѣрчиво къ этому гостепріимному приглашенію, которое въ глазахъ его современниковъ должно было показаться явнымъ парадоксомъ. Онъ ошибался въ данномъ случаѣ. Люди и идеи революціи еще долго не будутъ оказывать никакого вліянія на Россію и не будутъ казаться опасными или стѣснительными для стараго порядка. Этотъ доморощенный апостолъ, идеи котораго такъ же спутаны, какъ и его борьба, а языкъ такой мистическій, что любопытные парижане могутъ безнаказанно забавляться имъ въ своихъ салонахъ, представляетъ другое затрудненіе: Жанъ-Жакъ уклоняется отъ приглашенія, и романъ императрицы и ея фаворита лишается красивой главы.

Національный поэтъ Ломоносовъ, единственный оставшійся въ живыхъ представитель великой литературной эпохи, находитъ съ перваго же момента въ лицѣ Григорія Орлова страстнаго поклонника и вѣрнаго друга во всѣхъ испытаніяхъ жизни. Уже на слѣдующій день послѣ переворота онъ обращается къ нему съ ходатайствомъ по поводу мечты, которую онъ лелѣялъ

въ теченіе двадцати лѣтъ: постройки университета въ Петербургѣ Вмѣшательство фаворита, къ несчастію, ни къ чему не приводитъ: Екатерина очень скоро потеряла вкусъ къ западно-европейской культурѣ и къ университетамъ своей родины. Хлопоты Ломоносова кончаются печально для него: указъ императрицы лишаетъ его должности президента академіи. Новое заступничество его покровителя пріостанавливаетъ дѣйствіе указа. Черезъ два года Ломоносовъ умираетъ и завѣщаетъ свои бумаги Орлову.

Но, говоря словами Сабатье, который въ 1772 году набросалъ портретъ фаворита: «его постоянное влеченіе къ удовольствіямъ и забавамъ, необузданная страсть къ женщинамъ, отсутствіе возраженій съ чьей-либо стороны и немедленное исполненіе малѣйшихъ его желаній истощили въ немъ тѣ силы, которыя при другомъ воспитаніи, при наличности борьбы и честолюбія могли бы развиться въ немъ».

Екатерина на это не обращала вниманія. Пристрастіе, какъ мы знаемъ, было отличительной чертой ея характера, а гипербола обычнымъ проявленіемъ ея ума. Въ человѣкѣ, который 12 іюля 1762 года проводилъ ее къ воротамъ преображенскихъ казармъ, она должна была видѣть не только виновника ея счастья и товарища лучшихъ лѣтъ ея жизни, но и отца двухъ или трехъ ея дѣтей, хотя материнское чувство было мало развито у нея. По донесенію англійскаго посланника Гэннинга у нихъ было трое дѣтей, по другимъ источникамъ, только двое. Двѣ молодыя дѣвушки, которыхъ камеръ-фрейлина и наперстница государыни Протасова воспитывала, какъ своихъ племянницъ подъ именемъ Алексѣевыхъ, и на одной изъ которыхъ женился поэтъ Клингеръ, считались дочерьми Екатерины и Григорія Орлова. Въ 1764 году Беранже сообщилъ изъ Петербурга подробности по поводу мальчика, котораго Екатерина будто бы родила вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы: «Этотъ ребенокъ находится у Шкурина, который раньше былъ довѣреннымъ лакеемъ, а теперь состоитъ камергеромъ императрицы. Онъ воспитывается въ качествѣ его племянника, а его родители (Екатерина и Орловъ) часто отправляются въ простой коляскѣ въ сопровожденіи только одного лакея на свиданіе съ этимъ ребенкомъ». «Онъ (Орловъ)», прибавляетъ онъ, «обращается иногда съ государыней, какъ со своей служанкой. Недавно въ ихъ отношеніяхъ наступилъ острый кризисъ, въ результатѣ котораго Орловъ

на три дня удалился подъ предлогомъ, чтобы отправиться на охоту. Два дня Екатерина была въ отчаяніи и болѣла. На третій день она рѣшила написать нѣжную записку своему возлюбленному и положила ее въ очень богатую шкатулку: она выражала надежду, что онъ пріѣдетъ къ ней въ Царское Село, куда она теперь отправлялась. Тамъ, дѣйствительно, произошло примиреніе между ними. Меня даже увѣряли, что она родила тамъ еще одного ребенка, только мертваго. Замѣтное измѣненіе въ ея фигурѣ, блѣдный цвѣтъ лица, всѣ симптомы и вся обстановка говоритъ за вѣрность этого слуха».

Это были только однѣ придворныя сплетни и предположенія, но у Шкурина дѣйствительно воспитывался ребенокъ подъ именемъ Бобринскаго.

Кромѣ того, у Григорія Орлова была семья, съ которой Екатерина должна была считаться, и братъ, котораго она успѣла окружить ореоломъ военнаго генія, не сумѣвъ укротить его натуры, изобличавшей въ немъ скорѣй трактирнаго героя; она даже поставила его на такую высоту, съ которой онъ могъ угрожать ей самой. По многимъ основаніямъ она въ теченіе одиннадцати лѣтъ поддерживала свои отношенія къ любовнику, который такъ часто измѣнялъ ей и доставлялъ такъ много непріятностей, и обезпечила ему завидное положеніе даже тогда, когда онъ потерялъ уже свою обаятельность въ ея глазахъ. Однимъ изъ этихъ основаній былъ Алексѣй Орловъ.

V.

Это Алексѣй Орловъ, какъ извѣстно, 12 іюля 1762 года проникъ рано утромъ въ спальню Екатерины и разбудилъ молодую женщину, чтобы извѣстить ее, что наступилъ моментъ отправиться въ Петербургъ и провозгласить себя самодержицей всея Россіи. Двери этой комнаты, повидимому, и для него были открыты и днемъ, и ночью. Историкъ Бильбасовъ утверждаетъ, что въ эту эпоху лѣтнія резиденціи двора не охранялись; даже ворота забывали запирать. Но непріятный инцидентъ, который произошелъ съ Понятовскимъ не задолго передъ тѣмъ на ораніенбаумской заставѣ, доказываетъ противное. Къ тому же Екатерина не была предупреждена совсѣмъ объ этомъ раннемъ визитѣ. Проходя черезъ уборную государыни, Алексѣй могъ видѣть на креслѣ платье, которое она должна была одѣть въ этотъ день къ торжественному обѣду у императора.

У Алексѣя не было такой красивой наружности, какъ у его брата. Сабельный ударъ, полученный имъ въ кабакѣ на двадцатомъ году, оставилъ глубокій шрамъ на лицѣ во всю щеку отъ угла рта до уха. Тѣмъ не менѣе онъ былъ красивъ, по словамъ современниковъ, и могъ уложить быка на мѣстѣ ударомъ своего кулака. Екатерина однажды избѣжала, благодаря его мускульной силѣ, опасности, которая грозила ей смертью: она каталась на русскихъ горкахъ, устроенныхъ ею въ Царскомъ Селѣ; очень тяжелая телѣжка, которая летѣла съ головокружительной высоты, сошла съ рельсъ и увлекала ее внизъ; сидѣвшій позади нея Алексѣй уперся ногой въ помостъ, схватился рукой за перила, и вѣрная гибель была предотвращена. При такой силѣ онъ отличался также своимъ буйнымъ нравомъ. Потемкинъ, который былъ также огромнаго роста, жестоко поплатился за свою непочтительность въ моментъ раздраженія: будущій фаворитъ, говорятъ, потерялъ глазъ за свою выходку. Такой же любитель дебошей, какъ и его братъ, и еще большій авантюристъ, чѣмъ послѣдній, онъ скоро сталъ выдѣляться своимъ пылкимъ темпераментомъ, постоянной потребностью въ движеніи и неукротимымъ честолюбіемъ. Это была кипучая натура. Въ 1768 году ему пришлось страдать отъ вынужденнаго бездѣйствія, и онъ въ концѣ концовъ тяжко заболѣлъ. Самые извѣстные врачи Петербурга оказались безсильными ему помочь. Только простой военный фельдшеръ, который научился у какого-то китайца составленію лекарствъ, сумѣлъ отгадать тайну этой дикой натуры и вылѣчилъ больного. Вскорѣ послѣ этого турецкая война открыла для него широкое поле дѣятельности. Въ 1769 году онъ отправляется въ Ливорно въ качествѣ главнокомандующаго сухопутныхъ и морскихъ силъ для военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ Архипелагѣ. Онъ никогда войска въ бой не водилъ и не управлялъ военнымъ кораблемъ, но ему удалось завязать сношенія съ перебѣжчикомъ Пакоцоли и набросать планъ общаго возстанія греческаго населенія, порабощеннаго мусульманами. Этихъ заслугъ было достаточно для Екатерины.

Занимая зимнія квартиры сначала въ Пизѣ, затѣмъ въ Ливорно и проводя тамъ веселую жизнь, Алексѣй въ то же время дѣйствительно старался поднять возстаніе въ Мореѣ, завязавъ сношенія съ майнотами и слѣдующей весной явился въ роли освободителя подъ Навариномъ. Къ несчастію, онъ скоро вынужденъ былъ снять осаду Модона, подумать о своемъ собствен-

номъ спасеніи и покинуть тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ освободить отъ страшнаго гнета рабства. Вскорѣ, правда, чесменскій походъ покрылъ эту неудачу блескомъ своей славы. Но участіе главнокомандующаго побѣдоноснаго флота въ этомъ блестящемъ дѣлѣ было предметомъ многочисленныхъ споровъ. Его полное невѣжество въ морскомъ дѣлѣ служитъ довольно серьезнымъ аргументомъ въ устахъ тѣхъ, которые ему отводятъ простую, чисто внѣшнюю роль. По свидѣтельству его англійскихъ лейтенантовъ и нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ ему не удалось въ этомъ случаѣ проявить даже свою неоспоримую храбрость и обычную находчивость. Глубокая таинственность моря, особенно смущающая людей непосвященныхъ, дѣйствительно, могла подорвать его природную энергію. Онъ тѣмъ не менѣе былъ объявленъ героемъ этого дня, и, когда онъ въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ, то всѣ тріумфальныя арки, торжественные парады и всевозможныя почести казались Екатеринѣ недостаточными, чтобы выразить ему ея восторги и благодарность. Онъ былъ прозванъ Чесменскимъ, знаменитый художникъ моря Филиппъ Гакертъ увѣковѣчилъ его славу въ цѣлой серіи картинъ, а Екатерина собственноручно подписала квитанцію на всѣ денежныя суммы, которыя были израсходованы во время всей кампаніи *для какой бы то ни было цѣли.*

«Графъ Алексѣй Орловъ», пишетъ въ это время Сабатье, «самый важный человѣкъ въ Россіи... Его фигура совершенно заслонила собой всѣхъ другихъ. Чернышовы почти не смѣютъ головы поднять... Екатерина его почитаетъ, любитъ и боится... Его можно считать правителемъ Россіи».

Онъ не могъ удержаться на той высотѣ, на которую его подняла судьба. Вернувшись въ Италію, онъ снова поражаетъ Пизу и Ливорно своей азіатской роскошью и причудами сатрапа. У него еще достаточно простора, чтобы увлечь красавицу Кориллу Олимпику (псевдонимъ Мадлены Морелли), поэтессу, увѣнчанную въ 1771 году въ Капитоліи лаврами Петрарки и Тассо. Но его единственнымъ новымъ подвигомъ, при помощи котораго ему удалось поддержать свое реномэ, былъ захватъ въ плѣнъ несчастной княжны Таракановой, о печальной участи которой намъ придется еще говорить: это былъ неслыханный разбой съ его стороны наряду съ необыкновенной удалью, которую онъ проявилъ при этомъ. Но на этотъ разъ Екатерина остается чуждой чувству благодарности: какъ разъ въ данный моментъ ее

занимаетъ мысль, какъ избавиться отъ брата Алексѣя. Она запрещаетъ чесменскому герою покинуть флотъ и устанавливаетъ бдительную стражу въ портахъ, чтобы помѣшать его возвращенію. Онъ нарушаетъ запрещеніе и появляется въ 1773 году въ Петербургѣ. Онъ получаетъ приказъ отправиться въ Ревель. Но это только мимолетная буря. Скоро Григорій снова попадаетъ въ милость, и Алексѣй пріобрѣтаетъ свое прежнее положеніе. Екатерина принимается идеализировать въ немъ національнаго героя, творца новой славы—славы русскаго флота. Театръ восхваляетъ его подвиги; на золотыхъ медаляхъ онъ фигурируетъ въ образѣ марса; въ Царскомъ Селѣ воздвигается мраморная колонна въ память его побѣдъ. Въ 1774 году всѣ иностранные посланники въ Петербургѣ употребляли всѣ усилія и прибѣгали даже къ подкупу, чтобы узнать содержаніе мирнаго трактата, заключеннаго съ Турціей. Панинъ отказывался сообщить его даже державамъ, состоявшимъ въ союзѣ съ Россіей, подъ предлогомъ еще не устраненныхъ затрудненій. Между тѣмъ чесменскій побѣдитель раздобылъ текстъ трактата и собственною властью приказалъ напечатать его въ Ливорно.

Однако, въ обществѣ его престижъ, повидимому, начинаетъ падать. Это общественное мнѣніе нашло свой отголосокъ въ письмѣ Дюрана отъ этого времени.

«У графа Алексѣя Орлова», пишетъ онъ, «есть только сила, и ни капли чувства. Благопріятныя обстоятельства выдвинули его впередъ, но онъ совершенно не въ состояніи создать собственными силами какой-нибудь большой проектъ и еще менѣе провести его въ жизнь. Никогда во время своихъ военныхъ кампаній онъ не подъѣзжалъ къ врагу на разстояніе пушечнаго выстрѣла, и никогда ни одинъ человѣкъ не былъ убитъ на его борту... Онъ менѣе преданъ и полезенъ императрицѣ, чѣмъ она до сихъ поръ думала о немъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ самъ сталъ объ этомъ говорить съ какой-то утрированной развязностью».

За три года до этого предшественникъ Дюрана видѣлъ въ этомъ самомъ героѣ «человѣка сильнаго и обдуманно смѣлаго»; онъ хвалилъ «его храбрость, лояльность и откровенность». Но и тогда уже о немъ былъ другого мнѣнія Іосифъ II, который видѣлъ его во время его проѣзда черезъ Вѣну и безошибочно опредѣлялъ людей съ перваго взгляда, хотя часто ошибался въ оцѣнкѣ событій. «Я его нашелъ такимъ, какимъ вы его мнѣ

рисовали», сообщалъ онъ брату своему Леопольду, «прямымъ, чистосердечнымъ, но ограниченнымъ». Въ то же время онъ смѣялся надъ поведеніемъ русскаго посланника Голицына, который проявилъ въ присутствіи этого великаго вояки «крайнюю растерянность... стѣсняясь, вынужденъ былъ играть роль пажа... стоялъ все время на ногахъ въ ложѣ, въ которой сидѣлъ Орловъ, и старательно изображалъ русскаго крѣпостного, послѣ того какъ прожилъ двадцать лѣтъ свободнымъ человѣкомъ вдали отъ родины». Болѣе рѣшительно и менѣе лестно отозвалась о немъ княгиня Дашкова въ разговорѣ съ Дидро. «Если вѣрить ея словамъ», писалъ послѣдній, «то одинъ изъ братьевъ Орловыхъ, котораго называютъ «рубцованнымъ» (Balafré), самый отъявленный злодѣй на свѣтѣ».

Послѣдующая жизнь вполнѣ оправдываетъ отзывъ, который далъ о немъ Іосифъ. Оскорбленный не меньше брата неожиданнымъ появленіемъ въ 1774 году Потемкина онъ также не находитъ никакихъ другихъ способовъ борьбы со своимъ противникомъ, кромѣ кулачной расправы. Новый фаворитъ также некультурный и впечатлительный человѣкъ, но эта впечатлительность сдерживается у него тонкимъ чутьемъ, которымъ отличаются нѣкоторые дикари и которое не исключаетъ ни знаній, ни таланта, ни даже геніальности. Предъ лицомъ этого соперника Алексѣй проявляетъ или гнѣвъ грубаго человѣка, или капризы обиженнаго ребенка. Онъ оставляетъ всѣ свои должности и отправляется въ Москву, но такъ какъ никто не думаетъ звать его обратно, то онъ самъ возвращается и утомляетъ Екатерину грубыми сценами, которыя ее пугаютъ, но не могутъ заставить пойти на уступки. Она не смѣетъ и не хочетъ проявлять суровость по отношенію къ человѣку, котораго она сама поставила на такую высоту, но она еще менѣе расположена пожертвовать для него новымъ товарищемъ, вѣрнѣе новымъ руководителемъ, котораго она себѣ выбрала. Съ этихъ поръ она въ теченіе многихъ лѣтъ старается установить согласіе между этими двумя страшными соперниками.

Въ 1783 году, послѣ смерти Григорія, она передаетъ Алексѣю по наслѣдству отъ брата право носить наравнѣ съ Потемкинымъ пресловутый портретъ, дарованный ею, отнятый затѣмъ и снова возвращенный ея старому фавориту. Но эта большая честь не обезоруживаетъ Алексѣя. По вечерамъ, за карточнымъ столомъ у государыни, въ присутствіи толпы внимательныхъ придвор-

ныхъ, противники обмѣниваются вынужденными любезностями, но на слѣдующій день, въ апартаментахъ государыни, куда Алексѣй пользуется по прежнему правомъ входа, возобновляются бурныя ссоры, и отъ ихъ громовыхъ голосовъ дребезжатъ окна дворца, и сама императрица блѣднѣетъ отъ страха. Вторая турецкая война застаетъ еще чесменскаго героя въ 1787 году въ Москвѣ, недовольнаго императрицей и дворомъ. Онъ спѣшитъ предложить свои услуги, которыя принимаются съ восторгомъ: ему предлагаютъ командованіе флотомъ. Но командовать флотомъ значитъ быть подъ началомъ у Потемкина, который долженъ объединить въ своихъ рукахъ высшее командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, призванными къ борьбѣ съ исламомъ. Алексѣй на это не согласенъ; онъ претендуетъ на первенство въ виду своей прежней славы. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ оставилъ свои посты, гдѣ нужно было работать, что оспариваетъ и критикуетъ мѣропріятія, въ которыхъ онъ отказывается принимать участіе. «Онъ явился къ намъ, словно снѣгъ на голову», писала Екатерина своему генералиссимусу, «пусть вернется въ Москву».

На этотъ разъ его добровольное изгнаніе продолжается до самаго конца царствованія; онъ теряетъ всякую надежду и находитъ утѣшеніе въ эпикурейской жизни. Онъ снова появляется въ Петербургѣ по требованію Павла, чтобы охранять въ теченіе двухъ дней Петра III, извлеченнаго изъ могилы черезъ 43 года послѣ его смерти, и нести затѣмъ за гробомъ убитаго императора его корону, которую онъ самъ помогъ у него отнять. Вернувшись съ похоронъ, онъ находитъ приказъ отправиться на жительство въ свое помѣстье. Ему удается получить разрѣшеніе уѣхать за границу и живетъ до 1801 года въ Германіи, главнымъ образомъ въ Вѣнѣ. Смерть Павла даетъ ему возможность вернуться въ Москву, гдѣ онъ умираетъ въ 1808 году, оставивъ огромное наслѣдство единственной дочери, которая осталась незамужней.

У Екатерины былъ отъ него сынъ, который носилъ имя Чесменскій и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Мать оказывала ему нѣкоторое вниманіе, но большого интереса къ его судьбѣ не проявила,—материнское чувство, какъ мы знаемъ, не было у нея очень развито. Дальнѣйшая судьба этого ребенка намъ неизвѣстна.

Родъ Ивана Орла и фамилія Орловыхъ прекращается въ 1832 году въ лицѣ самаго младшаго изъ пяти братьевъ акаде-

мика Владиміра, научные диспуты котораго часто поражаютъ и обезоруживаютъ его коллегъ смѣлостью и спокойной увѣренностью его нападокъ и защиты самыхъ парадоксальныхъ положеній и въ теченіе долгаго времени привлекаютъ къ себѣ вниманіе столичнаго общества. Его единственный сынъ умираетъ раньше отца въ 1728 году. Михаилъ Орловъ, подписавшій капитуляцію Парижа въ 1814 году и написавшій затѣмъ исторію этой капитуляціи, и Алексѣй, подписавшій Парижскій трактатъ въ 1856 году, были незаконнорожденными сыновьями Ѳедора, одного изъ пяти братьевъ, которые возвели Екатерину на престолъ. Глава исторіи, которую они написали съ ней въ этотъ день, создала и имъ при тронѣ высокое положеніе, унаслѣдовать которое не суждено было ни одному ихъ потомку.

Потемкинъ.

I.

Въ періодъ Екатерининскаго царствованія отъ 1774 до 1791 года Россіей деспотически управлялъ человѣкъ, о которомъ при всѣхъ нашихъ данныхъ о немъ трудно еще теперь даже сказать, былъ ли онъ геніемъ или сумасшедшимъ. Такія подозрительныя личности составляютъ обычное явленіе во время великихъ событій міровой исторіи и въ счастливѣйшія эпохи общественной жизни. Можно усмотрѣть въ данномъ случаѣ счастливый случай и злую иронію загадочной судьбы, или объяснить все, какъ естественное слѣдствіе необычайно благопріятнаго сочетанія природныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей этого недюжиннаго человѣка,—одно только несомнѣнно, что его близость къ Екатеринѣ совпала, какъ мы уже раньше говорили, съ кульминаціоннымъ моментомъ блеска и тріумфовъ этого славнаго царствованія. Онъ третировалъ свою судьбу, какъ рабыню, и она насмѣялась надъ нимъ. Ему приходилось также обращаться съ самой Екатериной, и она покорно мирилась съ такимъ отношеніемъ къ ней.

Гвардейскій офицеръ семеновскаго полка, одолжившій 13 іюля 1762 года Екатеринѣ военную форму, въ которой она должна была вести войска противъ своего мужа, этотъ молодой и неизвѣстный поручикъ забылъ, будто бы, по разсѣянности—вполнѣ допустимой въ такой моментъ—подать императрицѣ одну изъ принадлежностей экипировки. Еще менѣе извѣстный молодой унтеръ-офицеръ имѣлъ, будто-бы, счастье замѣтить это и предложить свой собственный темлякъ, который былъ благосклонно принятъ царицей. Дѣйствительно ли это такъ было, и вѣрно ли, наконецъ, то, что фаворъ Григорія Потемкина за-

родился во время этой случайной встрѣчи? Мы ничего по этому поводу сказать не можемъ. Мы откровенно сознаемся, что не придаемъ большого значенія этой мелочи, о которой такъ много говорили. Чтобы отрицать самый фактъ, выдвигали соображеніе, что темлякъ простого вахмистра, какимъ былъ въ 1762 году Потемкинъ, не могъ годиться для Екатерины. Но унтеръ-офицеры изъ дворянъ, юнкера, всегда носили въ Россіи серебряные темляки, а Потемкинъ былъ дворяниномъ: одинъ изъ его предковъ фигурировалъ при дворѣ царя Ѳедора Алексѣевича въ 1676 году.

Въ качествѣ единственнаго сына Григорій былъ внесенъ въ списки одного изъ гвардейскихъ полковъ и въ то же время зачисленъ въ студенты московскаго университета. Въ бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ было въ обычаѣ такимъ образомъ готовить молодыхъ людей къ жизни: передъ нимъ раскрывались болѣе широкія перспективы, можно было сдѣлать карьеру тѣмъ или инымъ путемъ. Молодой Потемкинъ сдѣлался вначалѣ образцовымъ студентомъ. Онъ очень усидчиво занимался науками и подружился съ ученымъ дьякономъ Порофеемъ—этимъ объясняется его знаніе церковной службы, которое онъ проявилъ впослѣдствіи. Въ 1757 г. онъ былъ въ числѣ 20 учениковъ, которыхъ отправили въ Петербургъ на казенный счетъ, чтобы показать тамъ ихъ знанія. Ему было тогда лѣтъ 17 или 18, такъ какъ точно не установлено, когда онъ родился. Онъ былъ представленъ императрицѣ Елизаветѣ. Этотъ пріемъ при дворѣ и пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ новой столицѣ имперіи произвели внезапную перемѣну въ его впечатлительной натурѣ. Когда онъ вернулся въ Москву, его воображеніе стали осаждать такія фантастическія грезы, что его товарищи и учителя начали относиться къ нему какъ къ сумасшедшему. Ослѣпительные горизонты, которые открылись для него тамъ, въ Петербургѣ, вскружили ему голову. Годъ спустя онъ былъ выгнанъ изъ школы «за лѣнь и упорное манкированіе»,—эту участь онъ раздѣлилъ, впрочемъ, со своимъ блестящимъ современникомъ Николаемъ Новиковымъ, будущимъ основателемъ народнаго образованія. Ему больше ничего не оставалось дѣлать, какъ поступить на военную службу. Другъ ихъ семьи, Можайскій архіепископъ Каменскій одолжилъ ему 500 руб., съ которыми онъ и направился въ Петербургъ. Онъ любилъ впослѣдствіи вспоминать объ этомъ одолженіи, которое привело

его къ огромнымъ богатствамъ,—но онъ никогда не вернулъ этого долга. Родственникъ его матери генералъ-лейтенантъ Загряжскій помогъ ему вступить въ конно-гвардейскій полкъ. Такимъ образомъ, наканунѣ переворота, который подготовлялся братьями Орловыми, онъ оказался на ихъ пути. У него былъ невысокій чинъ, но и другіе заговорщики 1762 года не блистали своими чинами. Только одинъ Ѳедоръ Хитрово былъ въ чинѣ прапорщика.

Въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградамъ послѣ событія 12 іюля, Потемкину предстояло получить чинъ корнета. Екатерина измѣнила это представленіе и собственноручно начертала: «подпоручикъ». Это было 1-го августа. Черезъ 4 мѣсяца подпоручикъ былъ произведенъ въ камергеры и получилъ свободный доступъ ко двору. Какъ это произошло, остается тайной. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Орловы, къ своему собственному несчастью, какъ-то случайно разсказали въ присутствіи императрицы о талантѣ своего друга, въ которомъ они менѣе всего тогда могли заподозрить соперника: рѣчь шла объ удивительной способности подражать какому угодно голосу. Екатерина была заинтригована; феноменъ былъ приведенъ, дебютировалъ, подражая ея собственному голосу, заставивъ ее при этомъ разсмѣяться до слезъ. Съ этого дня онъ былъ допущенъ въ интимный кружокъ императрицы, а чинъ камергера служилъ ему пропускомъ. Это была только роль шута, но онъ впослѣдствіи показалъ, что онъ способенъ на всевозможныя роли, не исключая и менѣе достойныхъ.

Екатерина, какъ это удостовѣрено, уже въ это время удѣляла ему много вниманія и въ довольно странной формѣ. Можно было бы сказать, что она уже съ этихъ поръ подготовляетъ его къ роли будущаго вице-императора. Позднѣе она будетъ любить называть его *своимъ ученикомъ*, и, дѣйствительно, она съ этого момента старательно заботится о пополненіи образованія этого бывшаго студента московскаго университета. Продолжая держать его на военной службѣ, она въ августѣ 1763 года вводитъ его въ комиссіи сената, подтвердивъ это назначенье указомъ и рекомендуя въ припискѣ своимъ сенаторамъ познакомить молодого Григорія Потемкина со всѣми дѣлами. Въ сентябрѣ того же года она редактируетъ инструкцію, въ которой она совѣтуетъ ему воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ и усвоить побольше полезныхъ знаній. Она даетъ ему въ учителя

французскаго дворянина дю-Виварэ, растриженнаго монаха, служившаго въ Пондишери при Дюплеѣ и женатаго на Вомаль-де-Фажъ; затѣмъ этотъ учитель сдѣлался секретаремъ фаворита и послѣ 23-хлѣтняго пребыванія при своемъ бывшемъ ученикѣ, ставшемъ княземъ и всемогущимъ министромъ, вернулся въ 1785 году во Францію на пятидесятомъ году своей жизни «въ цвѣтущемъ здоровьѣ». Впослѣдствіи у Потемкина всегда были въ его свитѣ, въ «его нижнемъ дворѣ», какъ говорила Екатерина, выходцы изъ Франціи, къ которой онъ не проявлялъ большихъ симпатій въ другихъ отношеніяхъ: хирургъ Массо, съ которымъ онъ никогда не разставался, адъютантъ Тейссоньеръ, состоявшій на жалованьи у французской дипломатіи, поэтъ Деста, который имѣлъ доступъ къ эрмитажу, какъ хорошій анекдотистъ, перешелъ затѣмъ на службу къ герцогу Нассаускому и во время революціи перебрался во Францію.

Не нужно забывать, что въ тотъ моментъ, когда Екатерина проявляетъ столько заботливости объ образованіи своего двадцати-трехлѣтняго протеже, фаворъ Григорія Орлова достигъ своего апогея.

Въ 1769 году Потемкинъ отправляется на войну противъ турокъ и быстро дѣлаетъ тамъ карьеру. Въ 1773 году мы уже видимъ его генералъ-лейтенантомъ. Но не замѣтно, чтобы и въ личныхъ отношеніяхъ къ нему Екатерины произошла бы соотвѣтствующая перемѣна. Она, повидимому, забыла о немъ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ введенъ въ интимный кружокъ императрицы; въ это время Григорій Орловъ нераздѣльно владѣлъ сердцемъ царственной любовницы, и Потемкинъ имѣлъ даже несчастье или безтактность поссориться съ фаворитомъ и съ его братомъ, съ грубымъ великаномъ Алексѣемъ. Ссора произошла при дворѣ за бильярдной игрой и привела къ кровавой борьбѣ, изъ которой ученикъ Екатерины вышелъ изуродованнымъ. Впрочемъ, нѣкоторые свидѣтели считаютъ эту катастрофу простымъ недоразумѣніемъ. Но потеря глаза установлена исторіей. Кося своимъ единственнымъ глазомъ, молодой человѣкъ бѣжалъ отъ двора. Говорятъ, что онъ даже думалъ поступить въ монастырь. Друзья, въ томъ числѣ и сами Орловы, если вѣрить циркулировавшему тогда слуху, разубѣдили его въ этомъ и привели къ Екатеринѣ. Онъ поддался ихъ увѣщанію и, повидимому, воспользовался обстоятельствомъ, чтобы повторить съ большимъ успѣхомъ сентиментальную ко-

медію, которая когда-то такъ удалась Григорію Орлову. Екатерина легко дала себя убѣдить, что его мысли объ уединеніи и монашеской жизни вызваны глубокой и скромной страстью, объектомъ которой была она. До самаго конца своей жизни она должна была остаться такой чувствительной къ подобнаго рода обольщеніямъ и иллюзіямъ, лживость и несостоятельность которыхъ должны были съ каждымъ разомъ становиться для нея болѣе очевидными. Потемкину удалось такимъ образомъ забросить въ ея воображеніе и въ ея сердце сѣмя, которому суждено было впослѣдствіи дать ростокъ. Но его часъ еще не пришелъ. Онъ, можетъ быть, думалъ также, что для осуществленія его мечты въ томъ видѣ, какъ онъ хотѣлъ, ему недоставало еще личнаго престижа, и отправляется, поэтому, на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы увѣнчать себя славой. Онъ удалился, предоставивъ времени подготовить его счастье и опалу тогдашняго фаворита. Послѣдняя дѣйствительно, скоро началась, но ею воспользовался сначала другой человѣкъ.

Въ іюнѣ 1773 года Васильчиковъ занялъ мѣсто, окончательно потерянное Григоріемъ Орловымъ, а Потемкинъ въ это время принимаетъ участіе въ сраженіяхъ русской арміи подъ стѣнами Силлистріи. Жизнь солдата его, повидимому, захватила цѣликомъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ вдругъ проситъ отпуска и неожиданно покидаетъ армію. Произошло событіе, которое было рѣшающимъ для его судьбы: онъ получилъ отъ Екатерины слѣдующую записку:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ! Вы такъ заняты Силлистріей, что вамъ, навѣрное, некогда читать письма. Я до сихъ поръ не знаю, какихъ успѣховъ вы достигли своей бомбардировкой, но я тѣмъ не менѣе убѣждена, что всѣ предпринимаемые вами шаги могутъ быть продиктованы только вашей горячей любовью ко мнѣ лично и къ дорогому отечеству. Но такъ какъ я съ другой стороны стараюсь сохранить людей преданныхъ, храбрыхъ, образованныхъ и способныхъ, то я прошу васъ не подвергать себя безполезно опасности. Читая это письмо, вы можетъ быть спросите, зачѣмъ оно написано. Я вамъ на это отвѣчу: чтобы дать вамъ понять, какъ я о васъ думаю, такъ какъ я всегда желаю вамъ всего лучшаго».

Потемкинъ ни у кого не спрашивалъ тайны этихъ двусмысленныхъ строкъ. Прекрасно зная всю борьбу страстей и интригъ, среди которыхъ затронутое сердце императрицы боролось съ не-

рѣшительностью, онъ сразу прочелъ то, что ему рекомендовали отгадать: признаніе и призывъ. Въ январѣ 1774 года онъ уже былъ въ Петербургѣ, въ теченіе шести недѣль выжидалъ, зондируя почву и обезпечивая себѣ успѣхъ, и 27 апрѣля рискнулъ сдѣлать рѣшительный шагъ: онъ написалъ императрицѣ, прося чина генералъ-адъютанта, «если она считаетъ его заслуги, достойными себя». На языкѣ того времени это значило претендовать на роль замѣстителя прекраснаго Орлова и Васильчикова. Черезъ три дня былъ полученъ благопріятный отвѣтъ. 20 марта богато одаренный Васильчиковъ отправился въ изгнаніе въ Москву, и началось царствованіе самаго могущественнаго фаворита.

II.

Даже повѣренный въ ея сердечныхъ дѣлахъ горемычный Гриммъ не могъ на этотъ разъ удержаться отъ робкаго упрека по ея адресу за такое непостоянство. «За что?» спрашивала она въ отвѣтъ, нисколько не смущаясь, «я готова поручиться, что это упрекъ съ вашей стороны за то, что я ушла отъ одного славнаго, но очень скучнаго человѣка, который тотчасъ былъ замѣщенъ, сама не знаю какъ, однимъ изъ величайшихъ плутовъ и забавнѣйшихъ чудаковъ нашего вѣка желѣза». Она была въ восторгѣ отъ своего новаго пріобрѣтенія: «Ахъ, что это за умница! онъ больше всѣхъ сдѣлалъ для этого мира (Кучукъ-Кайнарджійскаго, заключеннаго 14 іюля 1774 года съ Турками), и эта умная голова забавнѣе самого чорта». Съ этихъ поръ она измѣняетъ своей привычкѣ, которой не могъ нарушить Григорій Орловъ даже въ лучшія времена своего фавора, и въ письмахъ къ новому фавориту она употребляетъ самыя нѣжныя и фамильярныя выраженія. «Батенька» и «голубчикъ» безпрерывно срываются съ ея пера даже въ дѣловыхъ бумагахъ, которыя она отправляетъ по его адресу.

Свидѣтели этой перемѣны и этого новаго увлеченія не могли ни одобрить, ни объяснить этого явленія. Дюранъ былъ удивленъ, увидѣвъ мундиръ генералъ-адъютанта на человѣкѣ, «внѣшній видъ котораго нѣсколько разъ оскорбилъ честь русской арміи и вызывалъ смѣхъ со стороны турокъ». По его словамъ, таинственность, съ которой новый фаворитъ проникалъ въ апартаменты императрицы и выходилъ оттуда, вызывала шутки со стороны гвардейцевъ, «смѣявшихся надъ тайной, свидѣтелями

которой каждый день становились десятки новыхъ людей». Григорій Орловъ выражалъ ему свое полное презрѣніе: «Хотя у насъ и имѣются общія дѣла», закричалъ онъ однажды въ кругу многочисленныхъ придворныхъ, обращаясь къ своему замѣстителю, «но не подумайте, что мы съ вами люди одинаковаго положенія; я не потерплю, чтобы вы продолжали носить мундиръ генерала отъ артиллеріи, когда я состою ея главнымъ начальникомъ, а вы въ ней никакого значенія не имѣете». Дочь Кирилла Разумовскаго была возмущена, когда ея отецъ, бывшій гетманъ, позволилъ себѣ выразить свое почтеніе новому пришлецу. «Я искренно страдаю отъ такого униженія», писала она своему брату. «Какъ можно проявлять вниманіе къ такому косоглазому мужику и за что?» Одинъ только Васильчиковъ, вчерашній фаворитъ, не задумался признать и рѣзко подчеркнуть превосходство своего соперника. «Положеніе, занятое Потемкинымъ», говорилъ онъ своему другу, который сообщилъ эти свѣдѣнія французскому посланнику, «сильно отличается отъ моего. Я былъ только содержанкой, и со мной такъ и обращались. Не хотѣли, чтобы я видѣлъ кого-нибудь, чтобы я выходилъ. Когда я просилъ за кого-нибудь, мнѣ не отвѣчали. Когда я говорилъ за себя, было то же самое. Когда я хотѣлъ получить ленту св. Анны и сказалъ объ этомъ императрицѣ, то я на слѣдующій день нашелъ въ своемъ карманѣ на 30000 руб. ассигнацій. Мнѣ всегда закрывали ротъ такимъ образомъ и отсылали въ мою комнату. Потемкинъ добивается всего, чего онъ хочетъ. Онъ диктуетъ свою волю, какъ господинъ».

По поводу послѣдняго пункта были согласны всѣ, удивляясь и негодуя противъ растущаго вліянія новичка, «циклопа», какъ называлъ его Орловъ, но не отрицая самаго факта. «Она безъ ума отъ него», разсказывалъ сенаторъ Елагинъ въ разговорѣ съ Дюраномъ. «Они, должно быть, очень любятъ другъ-друга, потому что между ними много сходства». И онъ разсказалъ, какъ Потемкинъ рѣшилъ добиться участія въ совѣтѣ: «Придя сюда, онъ сталъ разговаривать со мной о дѣлахъ съ развязностью, которая удивила меня. Онъ порицалъ все. Я воспользовался этимъ... чтобы сказать ему о томъ, на чемъ мы постановили. Онъ меня съ интересомъ выслушалъ и отвѣтилъ: «Что же вы мнѣ прикажете дѣлать? Вѣдь я не состою членомъ совѣта.—А почему вы не состоите членомъ совѣта?—Не хотятъ; но я настою на этомъ». Онъ рѣшилъ возобновить свои прось-

бы, но, повидимому, послѣдовалъ новый отказъ, потому что въ воскресенье я сидѣлъ за столомъ рядомъ съ нимъ и императрицей и видѣлъ, что онъ не только не разговаривалъ съ ней, но даже не отвѣчалъ на ея вопросы. Она была внѣ себя, и мы были лишены поддержки. Молчаніе прерывалъ только своими односложными замѣчаніями оберъ - шталмейстеръ (Нарышкинъ), который никогда не могъ поддержать разговоръ. Поднявшись изъ-за стола, императрица ушла одна и вернулась съ красными глазами и смущеннымъ лицомъ. Въ понедѣльникъ она была веселѣе, и онъ въ тотъ же день вошелъ въ составъ совѣта».

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и «Циклопъ» сдѣлался господиномъ положенія, всемогущимъ человѣкомъ, передъ которымъ стушевались всѣ соперники и сгибали свои спины всѣ сильныя натуры, начиная съ самой Екатерины. Его вступленіе въ совѣтъ сдѣлало его фактически первымъ министромъ. Онъ управляетъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой имперіи. Онъ смѣщаетъ президента военной коллегіи Чернышева, который покидаетъ Петербургъ, повѣсивъ на своемъ домѣ записку: «продать или сдать въ наймы». Надменный и сварливый Алексѣй Орловъ посылаетъ изъ Пизы самыя дружескія письма фавориту, а Григорій забываетъ о своемъ презрѣніи. Повидимому, къ этому времени относится часто приводимая встрѣча этихъ двухъ антагонистовъ на лѣстницѣ дворца:

— Что говорятъ при дворѣ?

— Ни о чемъ, кромѣ того, что вы поднимаетесь, а я спускаюсь.

Что касается Дюрана, то онъ теперь прилагаетъ всѣ усилія, оставшіяся къ сожалѣнію безъ всякаго результата, чтобы снискать довѣріе генерала, мундиръ котораго недавно еще оскорблялъ его взоръ. «Я хотѣлъ добиться дружбы Потемкина», сообщаетъ онъ графу де-Вержень, «чтобы потомъ воспользоваться ею, и чего я только для этого не дѣлалъ! Браницкій, которому я поручилъ поработать въ этомъ направленіи, заявилъ мнѣ, наконецъ, что этотъ фаворитъ, поздно получившій свое воспитаніе и отличающійся чисто дѣтской наивностью, боится нашей близости; что онъ не желаетъ разговаривать ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ родного... и не хочетъ видѣть никого вокругъ себя, кромѣ молодыхъ приближенныхъ, съ которыми играетъ большую игру».

Эта власть и положеніе настоящаго монарха только упрочиваются въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ. Въ 1775 году

фаворитъ получаетъ титулъ графа по случаю празднованія въ Москвѣ мира, заключеннаго съ турками; его награждаютъ шпагой, и портретъ императрицы сверкаетъ брилліантами у него на груди, какъ недавно у Орлова. Черезъ годъ Фридрихъ присылаетъ ему Чернаго Орла, а Іосифъ, чтобы не отстать отъ своего сосѣда въ любезности, преподноситъ ему титулъ князя священной имперіи, нисколько не заставляя себя просить на этотъ разъ. Но честолюбіе фаворита не останавливается на этомъ. На пути, по которому онъ съ такимъ шумнымъ успѣхомъ идетъ по слѣдамъ Григорія Орлова, онъ видитъ цѣль, которую преслѣдовалъ его предшественникъ, не сумѣвъ ея достигнуть. Во время богомолья въ Троице-Сергіевской лаврѣ, гдѣ уже однажды разыгралась одна изъ рѣшительныхъ сценъ въ жизни Екатерины, влюбленную пару окружаютъ услужливые монахи. Потемкинъ сохранилъ еще старыя связи съ этими иноками. Онъ умѣетъ говорить на ихъ языкѣ, знаетъ всѣ подробности сложнаго богослуженія и подтягиваетъ своимъ голосомъ ихъ псалмопѣніе. Они на его сторонѣ и берутъ на себя задачу мучить совѣсть императрицы. Неужели она рѣшилась продолжать это скандальное сожительство, которое можетъ быть освящено церковью? Они настаиваютъ и стараются произвести давленіе на нее своими угрозами и просьбами, и вдругъ фаворитъ самъ выступаетъ на сцену: онъ снялъ съ себя свой блестящій костюмъ и предсталъ передъ ней въ простой рясѣ чернеца. Его совѣсть также проснулась, и, если онъ не можетъ стать супругомъ своей возлюбленной, то онъ посвятитъ себя Богу.

Это былъ ложный шагъ. Екатерина, правда, казалась взволнованной. Она отвѣчаетъ ему въ его же тонѣ, но совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Она понимаетъ его душевную борьбу и раздѣляетъ ее. Она поэтому одобряетъ его рѣшеніе: пусть онъ повинуется божественному голосу, который призываетъ его! Она, очевидно, великолѣпно поняла всю эту игру, въ которой она притворно сама приняла участіе. Великая комедіантка отгадала комедіанта въ этомъ импровизированномъ монахѣ съ его неожиданнымъ превращеніемъ. Но почему она на этотъ разъ оказалась такой проницательной? Не утомлена ли она уже? Можетъ быть. Продолженіе авантюры, повидимому, подтверждаетъ это. Играя свою роль до конца, Потемкинъ клянется, что похоронитъ себя въ стѣнахъ монастыря; она предоставляетъ ему свободу и возможность выполнить свою клятву и уѣзжаетъ въ

Петербургъ. Онъ слѣдуетъ за ней, но скоро убѣждается, что очарованіе исчезло, что его голосъ со всѣми нѣжными и повелительными нотами не имѣетъ надъ ней уже больше силы. И догадливые царедворцы уже указываютъ пальцами на молодого и красиваго секретаря, котораго Румянцевъ только что предложилъ въ распоряженіе императрицы, и звѣзда котораго уже поднимается надъ горизонтомъ.

III.

Въ апрѣлѣ 1776 года фаворитъ серьезно думаетъ объ уходѣ, но хочетъ, чтобы онъ произошелъ въ блестящей обстановкѣ. Если вѣрить свѣдѣніямъ, собраннымъ новымъ французскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ маркизомъ де-Жюйнье, то онъ потребовалъ у императрицы въ видѣ компенсаціи за положеніе, отъ котораго онъ соглашался отказаться — курляндскій тронъ, при чемъ прибавилъ, что смотритъ на него, какъ на переходную ступень къ польской коронѣ. На этотъ разъ воспоминанія о Бironѣ и Понятовскомъ смущаютъ воображеніе великаго честолюбца. Но Екатерина не въ состояніи уже больше раздавать троны. Впрочемъ, у нея вошло въ привычку хорошо разсчитываться съ людьми, образы которыхъ успѣли поблекнуть въ ея глазахъ. Въ ноябрѣ того же года разразился кризисъ. Какъ бы повинуясь року, который подчинялъ себѣ всѣхъ его предшественниковъ, Потемкинъ дѣлаетъ такой же неосторожный шагъ, который недавно погубилъ прекраснаго Орлова, и беретъ отпускъ, чтобы произвести ревизію въ сосѣдней Новгородской губерніи. Это послужило началомъ: черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда Завадовскій былъ водворенъ на томъ мѣстѣ, которое тотъ только что оставилъ.

Но тогда и сказалось дѣйствительное превосходство этого человѣка, котораго до сихъ поръ никто, не исключая и самой Екатерины, не могъ въ достаточной степени оцѣнить, и который теперь только развернулъ передъ всѣми свой блестящій умъ и свою желѣзную волю. На этотъ разъ передъ Екатериной стояла не безвольная натура, разслабленная продолжительной жизнью среди роскоши и удовольствій, не герой въ родѣ красавца Орлова, способнаго съ улыбкой на устахъ встрѣчать повернувшуюся къ нему спиной фортуну, не будучи въ состояніи направить ее по собственному желанію. Попавшій въ немилость Орловъ смѣялся и забавлялъ публику; Потемкинъ краснѣлъ и

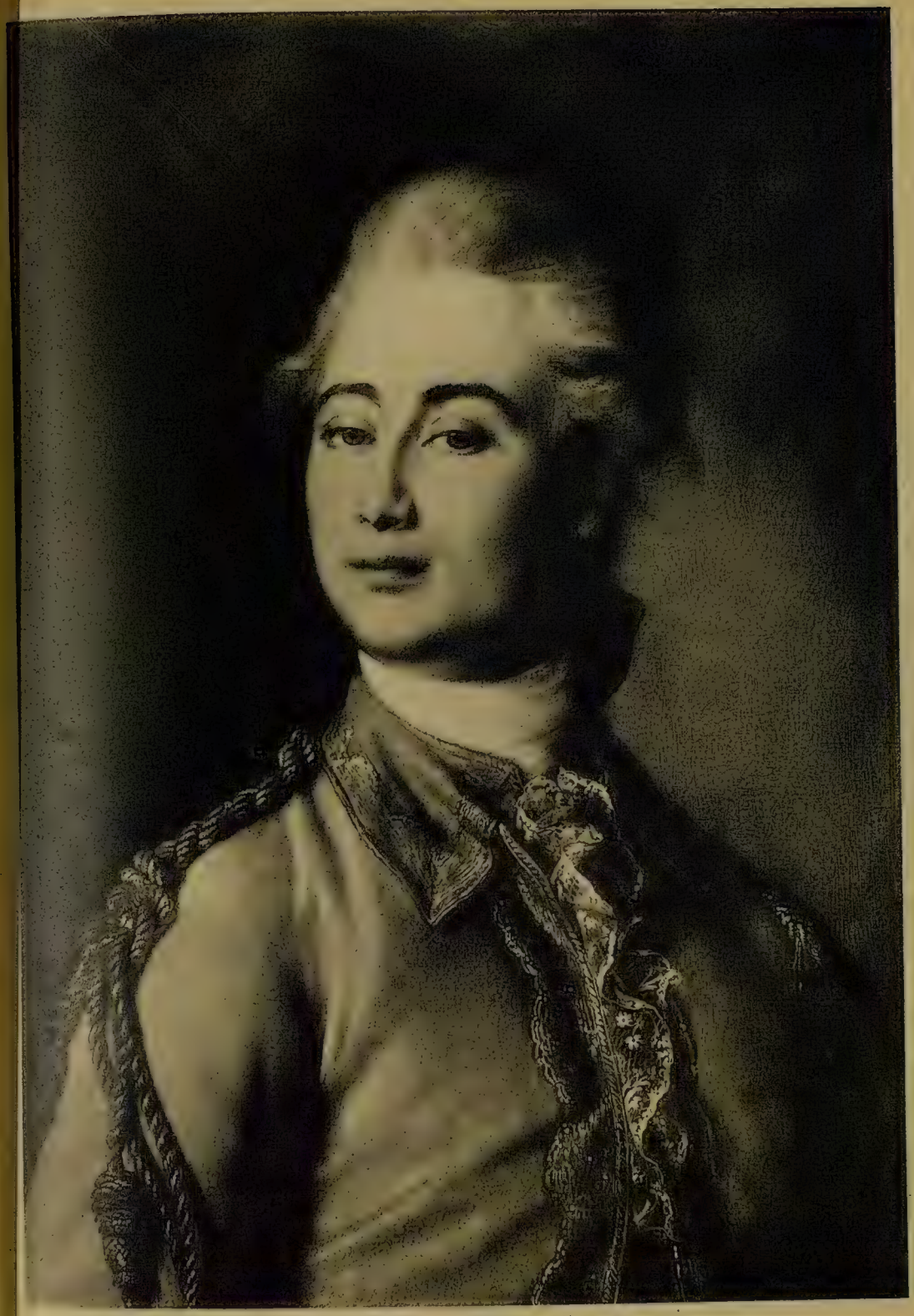
наводилъ ужасъ на всѣхъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ на пріемахъ и въ рѣчахъ своихъ отстаиваетъ свое прежнее положеніе господина. Онъ покидаетъ уголъ дворца, куда, какъ воръ, въ его отсутствіе забрался самозванецъ; онъ не жалѣетъ объ этомъ и установитъ вѣчный трауръ по любви, которую унизили такой измѣной. Но если вчерашній фаворитъ готовъ стушеваться передъ фаворитомъ настоящей минуты, то слуга императрицы, князь, министръ и генералъ не уступитъ своего положенія первому встрѣчному молодому человѣку безъ прошлаго и безъ заслугъ. Онъ скорѣе рѣшится вступить въ союзъ съ братьями Орловыми, чтобы общими силами бороться противъ нашествія новыхъ любовниковъ и даже защищать противъ капризовъ императрицы интересы болѣе высокопоставленныхъ лицъ. Развѣ не считаютъ пятерыхъ братьевъ Орловыхъ достаточно могущественными и страшными и готовыми вступиться за великаго князя Павла? Эта угроза не могла внушить серьезныхъ опасеній. Но какъ разъ въ это время началась романическая исторія съ женитьбой Григорія Орлова на его кузинѣ. Екатерина была крайне смущена предстоящимъ бракомъ: старый фаворитъ уходилъ отъ нея навсегда и она испытывала мучительное чувство одиночества. Новый фаворитъ слишкомъ безличенъ, чтобы дать ей ту опору, въ которой она нуждается, и Потемкинъ умѣетъ отгадать ея страданія и душевную тревогу. Онъ еще больше ее запугиваетъ, терроризируетъ своимъ гнѣвомъ и дерзостью, своимъ крикомъ разъяреннаго льва и своимъ видомъ человѣка, готоваго сокрушить все вокругъ себя, пока, наконецъ, она въ одинъ прекрасный день не подчинилась и не оперлась на его мощную руку. Рѣчь не шла уже больше о любви,—потому что онъ еще болѣе тактиченъ, чѣмъ смѣлъ; онъ понялъ, что роль, въ которой онъ могъ быть замѣненъ Завадовскимъ, не должна была больше исполняться имъ; не слѣдуетъ больше довѣрять сердцу и темпераменту женщины, непомѣрную требовательность и крайнее непостоянство которой онъ испыталъ на себѣ; онъ предпочитаетъ вернуть себѣ свою свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собой свою власть. Онъ не вернется на то мѣсто, гдѣ обитаетъ уже другой, но онъ не позволитъ, чтобы этотъ другой тамъ оставался. Онъ не будетъ больше любовникомъ, но онъ сдѣлается съ этихъ поръ единственнымъ распорядителемъ ея удовольствій, организаторомъ эфемерныхъ любовныхъ связей, покровителемъ ея любовниковъ, которые должны быть

подчинены его власти, его престижу. И его воля дѣйствительно осуществляется. Завадовскій исчезаетъ, появляется другой такой же ничтожный красавецъ, затѣмъ третій, Корсаковъ послѣ Зорича, Ланской послѣ Корсакова,—всѣ, выбранные по его указанію, блестящія, мимолетныя креатуры, люди безъ завтрашняго дня, они попадаютъ одинъ за другимъ въ золотую клѣтку, рядомъ съ альковомъ императрицы. Они появляются по его знаку и уходятъ по мановенію его руки, и честолюбивая мечта, взлелѣянная этимъ необычайнымъ авантюристомъ подъ мрачными сводами Троице-Сергіевскаго монастыря, осуществляется такимъ образомъ наполовину. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ будетъ отнынѣ постояннымъ сотрудникомъ, совѣтникомъ, котораго всегда слушаются, и господиномъ, которому иногда повинуются; онъ будетъ раздѣлять жизнь той, съ которой онъ хотѣлъ раздѣлить тронъ, и фактически будетъ царствовать рядомъ съ ней.

Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы подробно разсказать содержаніе этой главы, этотъ самый необыкновенный и самый запутанный романъ Екатерины. Мы попытаемся, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ нарисовать портретъ человѣка, который выступалъ рядомъ съ ней.

IV.

Онъ не былъ красивъ со своимъ огромнымъ ростомъ, черными волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица. У него была «странная, отталкивающая наружность», по словамъ его родственника Березина, котораго интервьюировалъ въ Берлинѣ авторъ извѣстныхъ мемуаровъ Тьебо. Онъ — одноглазый и косой, какъ мы уже знаемъ, и къ тому же съ кривыми ногами. Поэтому онъ и не старался оставить потомству свой портретъ. «Князя Потемкина», пишетъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, «никогда нельзя было убѣдить дать нарисовать свой портретъ, и если все-таки удалось получить таковой, то вопреки его волѣ». Въ 1783 году онъ уступилъ однако увѣщаніямъ императрицы, и къ этому году относится его портретъ во весь ростъ, который можно видѣть въ маршальской залѣ зимняго дворца въ Петербургѣ: офиціальный портретъ, никакой исторической цѣнности не имѣющій. Онъ не отличался изысканными манерами. Третій параграфъ устава эрмитажа, гласившій: просятъ быть веселымъ, но ничего не разрушать, не разбивать и не кусать, былъ посвященъ спеціально ему. Онъ отличался



В. С. ЛАНСКОЙ.

ПЕЧАТАЕТСЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

какой-то шумной веселостью и также привычкой кусать свои ногти или запускать ихъ въ свои длинные волосы, которые часто бывали въ безпорядкѣ. Его часто можно было видѣть расхаживающимъ цѣлыми днями по своимъ аппартаментамъ въ неглиже, не причесаннымъ, грязнымъ и пожирающимъ свои пальцы. Онъ много ѣлъ и пилъ, равнодушно, безъ видимаго предпочтенія, поглощая какъ самые тонкіе, такъ и менѣе деликатные напитки и блюда, имѣлъ всегда подъ рукой и даже на ночномъ столикѣ запасъ пирожковъ, приготовленныхъ въ національнымъ вкусѣ, и выпивалъ цѣлыя дюжины бутылокъ квасу. Въ дорогѣ онъ питается чеснокомъ и чернымъ хлѣбомъ, но въ Петербургѣ, Кіевѣ или въ Яссахъ на его столѣ можно увидѣть самыя изысканныя деликатессы всѣхъ странъ, устрицы и стерляди, маслины изъ Прованса и арбузы изъ Астрахани. За исключеніемъ пріемовъ при дворѣ его обычный костюмъ составляетъ огромный халатъ, въ которомъ онъ принимаетъ даже дамъ и во время своихъ поѣздокъ по провинціи даетъ аудіенціи и присутствуетъ на офиціальныхъ обѣдахъ. Подъ этой одеждой онъ не носитъ ни брюкъ, ни кальсонъ. Когда графъ Сегюръ посѣтилъ его во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ принималъ его въ постели, растянувшись во весь свой ростъ, министра наихристіаннѣйшаго короля, и французскій дипломатъ раздѣлилъ ту же участь. Впрочемъ, и Іосифу II фаворитъ удѣлилъ почти не больше вниманія. Вотъ какъ разсказываетъ Ланжеронъ о своей встрѣчѣ съ этимъ всемогущимъ человѣкомъ, къ которому онъ привезъ рекомендательное письмо отъ императрицы. Свиданіе произошло въ Бендерахъ, въ 1790 г.

«Князь Потемкинъ собрался въ Крымъ, гдѣ онъ хотѣлъ осматривать флотъ; лошади стояли въ упряжи, эскортъ былъ наготовѣ, но мнѣ сказали, что изъ этого еще нельзя было заключить, что онъ дѣйствительно поѣдетъ, что иногда лошади по шести мѣсяцевъ простаивали запряженными въ коляску, а онъ все не могъ рѣшиться покинуть дворецъ, въ который онъ случайно попалъ. Онъ жилъ въ древнемъ замкѣ паши. Въ очень большомъ дворѣ я увидѣлъ шестьсотъ офицеровъ, курьеровъ, вѣстовыхъ, а въ небольшой передней я нашелъ князей Репнина, Вюртембергскаго и Долгорукаго, генераловъ, полковниковъ и др., которые ожидали выхода князя, чтобы представиться ему и не смѣли приблизиться къ двери его комнаты. Де-Дама́ провелъ меня къ нему. Я увидѣлъ передъ собой человѣка, огром-

наго роста, съ всклокоченными волосами, завернутаго въ огромный халатъ, съ мрачнымъ, задумчивымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и подписывалъ какія-то бумаги. Онъ взялъ поданное мною письмо императрицы съ лучшими рекомендаціями обо мнѣ, едва просмотрѣлъ его и, не глядя на меня, сказалъ: «Хорошо, я вамъ совѣтую пока остаться у г. де-Дама́». Такое обращеніе меня поразило, но де-Дама́ еще болѣе поразилъ меня, сказавъ, что князь меня очень хорошо принялъ. Впослѣдствіи я склоненъ былъ думать, что онъ былъ правъ».

Онъ безъ счета соритъ деньгами и невѣроятно злоупотребляетъ властью для увеличенія своихъ доходовъ. Такъ, наприм., онъ построилъ стеклянный заводъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій и рѣшилъ немедленно же воспретить указомъ ввозъ иностраннаго стекла въ Россію, что, по словамъ его приближеннаго Гарновскаго, «можетъ принести больше дохода, чѣмъ пятьдесятъ тысячъ крестьянъ». И, тѣмъ не менѣе, фаворитъ часто дѣлаетъ долги, которые онъ рѣдко платитъ. Однажды онъ встрѣтилъ за столомъ у императрицы одного изъ своихъ кредиторовъ придворнаго часовщика Фази; этотъ итальянецъ былъ въ своемъ родѣ важной персоной и пріѣзжалъ во дворецъ починять часы ея величества въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей. Фази воспользовался случаемъ, чтобы сунуть подъ тарелку фаворита записку, въ которой онъ настойчиво требовалъ своего долга. Князь подумалъ сначала, что это любовная записка, пришелъ въ ярость, прочитавъ ее, и показалъ ее императрицѣ. Та разсмѣялась по этому поводу, и вечеромъ весь долгъ— около четырнадцати тысячъ рублей—былъ отправленъ часовщику въ мѣдной монетѣ, которая заполнила двѣ комнаты въ его квартирѣ. Князь также крупно играетъ и по цѣлымъ ночамъ мечетъ банкъ, отдыхая только днемъ въ неурочные часы. Начальникъ его канцеляріи Поповъ никогда не снимаетъ съ себя мундира, вынужденный дежурить съ утра до вечера и съ вечера до утра и всегда готовый къ услугамъ своего господина. Татаринъ по своему происхожденію, человѣкъ безъ всякихъ способностей и безъ всякаго образованія, этотъ чиновникъ обязанъ расположеніемъ фаворита исключительной выносливости своего организма. Впрочемъ, онъ и самъ любитъ играть и часы досуга и ожиданія проводитъ за картами вмѣстѣ со своими друзьями, помогающими ему опоражнивать шапку, изъ которой онъ черпаетъ пригоршнями дукаты. У него есть, чѣмъ запол-

нить ее: кромѣ земель и денегъ, которыя ему щедро даритъ его господинъ, онъ завѣдуетъ спеціальными фондами, которыми располагаетъ князь, а это очень крупная статья въ бюджетѣ. Это *чрезвычайныя* суммы, которыя всегда находятся въ распоряженіи главнокомандующаго императорской арміи: восемь милліоновъ золотомъ и серебромъ; подати изъ губерній Екатеринославской и Таврической—около двухъ милліоновъ; наконецъ, двѣнадцать милліоновъ рублей, доставляемыхъ интендантствомъ для нуждъ арміи. Во время второй турецкой войны было ассигновано пятьдесятъ пять милліоновъ рублей для потемкинской арміи. Фаворитъ представилъ отчетъ, и притомъ самый поверхностный, только относительно сорока одного милліона. Остальными распорядился Поповъ по своему собственному усмотрѣнію.

Поповъ не умѣетъ писать ни на одномъ языкѣ. Впрочемъ, князь самъ гордится своимъ хлесткимъ перомъ, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ. Для своей французской корресподенціи онъ пользуется иногда услугами Массо, когда онъ имъ не пользуется, для того, чтобы разсѣять свою скуку. Онъ очень любитъ шутовъ и шутки и много позволяетъ людямъ, которые заставляютъ его смѣяться. Массо, который не только исполняетъ обязанности хирурга, но играетъ также роль придворнаго юродиваго, иногда злоупотребляетъ этой чертой своего господина. Это французъ, который совершенно не любитъ Франціи. У него, повидимому, были какія-то недоразумѣнія съ правосудіемъ на родинѣ, и онъ это помнитъ. Однажды, когда онъ далъ полную свободу своей злобѣ, графъ Сегюръ, игравшій въ шахматы съ Потемкинымъ, прервалъ его, замѣтивъ, что, послѣ того, какъ онъ такъ много говоритъ о своемъ старомъ отечествѣ, ему слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о своей новой родинѣ. Потемкинъ нахмурилъ брови, но Массо не смутился и, импровизируя грубую выходку на тему о честолюбіи и разорительныхъ предпріятіяхъ, въ которыя вовлекаютъ Россію, окончилъ словами: «А знаете, зачѣмъ хотятъ разориться, потерять столько крови и, можетъ быть, вооружить противъ себя всю Европу? Чтобы позабавить сидящаго здѣсь князя, который скучаетъ, и дать ему возможность нацѣпить на себя еще георгіевскую ленту въ придачу къ тѣмъ тридцати или сорока, которыми онъ уже изукрашенъ, и которыхъ ему все мало!» Сегюръ разразился громкимъ смѣхомъ, свидѣтели этой сцены едва не задохлись, удерживаясь отъ хохота, а Потемкинъ опрокинулъ игральный

столикъ и бросилъ шахматной доской въ голову Массо, которому удалось во-время уйти отъ расправы. Но на слѣдующій день не было даже и рѣчи объ этомъ инцидентѣ.

Этотъ грубый и добродушный великанъ очень вспыльчивъ и легко прощаетъ нанесенныя ему обиды. Но добрый ли онъ въ дѣйствительности? Когда во время осады Очакова тотъ же Массо доложилъ ему о плачевномъ состояніи лазарета, у него хватило жестокости отвѣтить: «тѣмъ лучше, не будетъ больше раненыхъ». Съ другой стороны сохранилось его собственноручное письмо, въ которомъ онъ приказываетъ одному изъ своихъ управляющихъ сломать всѣ висѣлицы, которыя будутъ найдены въ купленныхъ имъ у князя Любомирскаго помѣстьяхъ, и объявить жителямъ, что съ этихъ поръ они должны исполнять волю своего новаго господина «не за страхъ, а за совѣсть». Такъ же, какъ и Екатерину, его любитъ прислуга; такъ же, какъ и ей, ему рѣдко приходится бранить своихъ слугъ, еще менѣе бить ихъ, тогда какъ онъ часто поднималъ руку на людей съ положеніемъ, на видныхъ сановниковъ и генераловъ. Впрочемъ, послѣдніе были достаточно безобидны въ этомъ отношеніи. Въ кампанію 1790 года князь Григорій Волконскій имѣлъ несчастье вызвать гнѣвъ фаворита и получилъ отъ него нѣсколько пощечинъ. Одинъ русскій офицеръ, посланный въ Вѣну черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого инцидента, встрѣтилъ тамъ князя де-Линя и разсказалъ ему эту исторію. Де-Линь былъ возмущенъ.—Но, замѣтилъ офицеръ, Волконскій жестоко отомстилъ за эту обиду.—Какимъ образомъ?—Онъ цѣлую недѣлю не являлся къ князю.

Внѣ узкаго круга его слугъ и интимныхъ друзей и за предѣлами арміи, гдѣ офицера его проклинали и презирали, а солдаты обожали, онъ любовью не пользовался: Екатерина сама съ сожалѣніемъ констатировала этотъ фактъ. «Онъ смотритъ волкомъ», жаловалась она однажды Храповицкому. Въ февралѣ 1789 года она спросила своего лакея Зотова: «Любятъ ли въ городѣ князя?—Да, его любятъ двое: Господь Богъ и Вы». Она закусила свои губы. Онъ проявляетъ много презрѣнія къ людямъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть униженными у своихъ ногъ, и совершенно равнодушенъ ко всему, что не касается его лично и не связано съ его удовольствіями, планами и честолюбивыми замыслами. Его честолюбіе не знаетъ предѣловъ, ничѣмъ не удовлетворяется и никогда не можетъ быть утолено. Кур-

ляндскій и польскій троны, стремленіе къ которымъ у него подозрѣвали, и о которыхъ онъ, можетъ быть, иногда, дѣйствительно, думалъ, не могли его удовлетворить. Когда князь де-Линь предложилъ ему сдѣлаться господаремъ Молдавіи, онъ отвѣтилъ: «Мнѣ смѣшно объ этомъ слушать. Если бы я хотѣлъ, я могъ бы стать польскимъ королемъ; я отказался отъ курляндскаго герцогства; я выше всего этого!» Однажды, обѣдая со своимъ племянникомъ Энгельгардтомъ, онъ былъ веселъ, любезенъ, болталъ, шутилъ. Вдругъ онъ сталъ мрачнымъ и задумчивымъ. «Можно ли найти человѣка счастливѣе меня?» сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія. «Всѣ мои желанія, всѣ мои прихоти исполняются, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Я хотѣлъ получить высокіе служебные посты—и моя мечта осуществилась; я стремился къ чинамъ—они у меня всѣ теперь; я любилъ игру въ карты—и я могъ проигрывать несчетныя деньги; я любилъ празднества—и я могъ устраивать ихъ съ поразительнымъ блескомъ; я любилъ покупать земли—и у меня ихъ столько, сколько я хочу; я любилъ строить дома—я понастроилъ себѣ дворцовъ; я любилъ драгоцѣнности—и ни у одного частнаго человѣка не найдется столько красивыхъ и рѣдкихъ камней, какъ у меня. Однимъ словомъ, я осыпанъ... Съ этими словами онъ схватилъ фаянсовую тарелку и разбилъ ее объ полъ, затѣмъ убѣжалъ въ свою спальню и заперъ ее на ключъ.

Какъ всѣ представители его темперамента, онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. При первомъ извѣстіи о побѣдахъ, одержанныхъ надъ турками въ маѣ 1788 года, онъ обнялъ князя де-Линя и воскликнулъ: «Развѣ не ясно теперь, что я баловень судьбы!» Черезъ нѣсколько дней послѣ этого загорѣлось судно рядомъ съ тѣмъ, на борту котораго находился онъ. «Корабль, полковникъ, маіоръ и шестьдесятъ матросовъ взлетѣли на воздухъ на нашихъ глазахъ», разсказываетъ князь де-Линь, «и съ нами, со мной и княземъ случилось бы то же самое, если бы Всевышній не проявилъ особенной милости къ нему и не хранилъ его денно и нощно отъ опасности, какъ онъ мнѣ тотчасъ же объявилъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и глубокой вѣрой въ свои слова».

Однако онъ еще болѣе тщеславенъ на самомъ дѣлѣ, чѣмъ честолюбивъ. Онъ всегда окруженъ цѣлымъ роемъ придворныхъ, которые кадятъ ему фиміамъ и поютъ ему гимны въ русскихъ, греческихъ, латинскихъ и французскихъ стихахъ. Онъ распла-

чивается за это крохами изъ своего несмѣтнаго богатства, и этой покупной лести достаточно, чтобы создать ему иллюзію величія, въ которое одинъ только онъ искренно вѣритъ. Въ 1787 году Мегей де-ля-Тушъ удостоился его улыбки и получилъ отъ него нѣсколько дукатовъ за поэму, заканчивавшуюся тонкимъ намекомъ на проектъ реставраціи греческой имперіи, этой мечты Екатерины, которую ея фаворитъ хотѣлъ провести въ жизнь:

...Conquérir par vos nobles travaux
L'ancien pays des hommes de génie,
Des legislateurs, des héros,
C'est rentrer dans votre patrie [1]).

Когда онъ не бываетъ въ домашнемъ халатѣ съ голыми ногами, то онъ появляется въ платьѣ, шитомъ золотомъ, сверкая бриллiантами и увѣшанный звѣздами. Онъ изобрѣтаетъ для себя причудливые костюмы, изумительную упряжь для своихъ лошадей и огромныя въ цѣлый этажъ величиной перья.

Онъ проявляетъ много энергіи, когда честолюбивые замыслы заставляютъ его сознательно преслѣдовать какую-нибудь цѣль, но эта активность слишкомъ часто прерывается приступами самой безпечной лѣни. Это олицетвореніе непостоянства: «Въ теченіе одного часа», заявляетъ одинъ свидѣтель, «его можно было видѣть веселымъ, печальнымъ, игривымъ, задумчивымъ, нѣжнымъ, съ громкими ругательствами на устахъ, любезнымъ и добродушнымъ, грубымъ и отталкивающимъ, отдающимъ приказанія и тутъ же ихъ отмѣняющимъ». Часто и легко предаваясь лѣни, онъ охотно заставляетъ работать своихъ подчиненныхъ. Во время второй турецкой войны, когда Суворовъ штурмовалъ Измаилъ, онъ каждое утро, по свидѣтельству Ланжерона, «занимался чисткой своихъ драгоцѣнностей и посылалъ букеты цвѣтовъ и подарки предмету своей страсти и другимъ своимъ придворнымъ дамамъ». Пять или шесть завтраковъ изъ кофе, холодной дичи, шоколада и ветчины заполняли время до обѣда, которымъ заканчивался его день.

Трудно сказать что-нибудь о его храбрости. Рядомъ со скандальной трусостью онъ проявляетъ полное презрѣніе къ опасности, послѣ крайней нерѣшительности и малодушія онъ готовъ на самыя безумныя рѣшенія. Однажды онъ запрятался въ по-

---

[1]) Въ возрожденной вашими благородными усиліями странѣ геніевъ законодателей и героевъ, вы найдете свое отечество.

гребъ отъ грохота пушечныхъ выстрѣловъ, а на слѣдующій день отправился на траншеи и оставался тамъ въ теченіе цѣлаго часа, заставляя людей умирать на его глазахъ и разговаривая о постороннихъ вещахъ, когда пули свистѣли мимо ушей. Когда князь де-Линь предложилъ ему ночную атаку на Очаковъ, чтобы захватить покинутую непріятелемъ траншею, онъ былъ готовъ расплакаться: ему страшно терять солдатъ. Нѣсколько недѣль спустя онъ жертвуетъ двадцатью тысячами людей во время отчаяннаго штурма.

Основныя черты его характера и его темперамента съ наибольшей ясностью и постоянствомъ проявляются въ его сардана-паловскихъ вкусахъ и привычкахъ. Отправляясь въ походъ для осады Очакова въ 1788 году, онъ посылаетъ изъ Петербурга два обоза, одинъ черезъ Москву, другой на Могилевъ, съ двумя комплектами серебряной посуды и кухонныхъ принадлежностей, со всевозможной провизіей, чтобы быть увѣреннымъ, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ будетъ находиться въ его распоряженіи. Въ 1791 году у него на главной квартирѣ въ Бендерахъ было огромное хозяйство съ пятью или шестью стами слугъ, двумястами музыкантовъ, кордебалетомъ, комической трупой, сотней золотошвеекъ и двадцатью ювелирами. Онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и едва не пригласилъ къ себѣ въ это время дирижировать его оркестромъ «выдающагося піаниста и одного изъ лучшихъ композиторовъ Германіи», котораго рекомендовалъ ему Андрей Разумовскій изъ Вѣны, и который расположенъ былъ, повидимому, покинуть родину, гдѣ онъ былъ недоволенъ своей судьбой. Это былъ Моцартъ. Смерть музыканта къ несчастію прервала начавшіеся переговоры. Его замѣняетъ Сарти, у котораго больше воображенія, чѣмъ геніальности, и который старается разсѣять мрачныя настроенія своего господина своими фантазіями, болѣе оригинальными, чѣмъ гармоничными. Онъ не изобрѣтаетъ, а доводитъ до необычайнаго совершенства родъ оркестра, который былъ въ большой модѣ въ Россіи съ начала вѣка. «Это, объясняетъ Ланжеронъ, разной величины прямыя трубы въ зависимости отъ того звука, который изъ нихъ хотятъ извлечь; каждая труба издаетъ только одинъ тонъ, и у музыкантовъ вмѣсто нотъ бумага съ цифрами, указывающими, съ какой силой имъ нужно дуть»... Этимъ страннымъ исполнителямъ, повидимому, удавалось сыграть цѣлыя симфоніи, и «самые тонкіе ньюансы и самыя мелкія звуковыя

дѣленія передавались съ такой правильностью, точностью и настроеніемъ, которыя могутъ быть только достигнуты на лучшихъ скрипкахъ». Извѣстно изобрѣтеніе органнаго пункта, провѣреннаго на сотнѣ пушекъ, исполнявшихъ «Тебя Бога хвалимъ», которое было написано Сарти на взятіе Очакова. Такимъ образомъ исполнилась черезъ нѣсколько лѣтъ мечта Криспена изъ «Меломаніи» Гренье и Шампена, представленной въ національной Opéra-Comique 21 января 1781 года. Однажды, когда маэстро отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ области остроумныхъ изобрѣтеній, князь заявилъ о своемъ желаніи посмотрѣть цыганскіе танцы. Ему разсказываютъ о двухъ молодыхъ людяхъ, которые служили унтеръ-офицерами въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и очень хорошо танцовали по-цыгански. Но ему докладываютъ, что они теперь получили повышеніе и служатъ капитанами въ кавказскомъ полку въ трехстахъ миляхъ отъ главной квартиры. Онъ отправляетъ за ними курьера, и черезъ недѣлю были привезены оба офицера и каждый день плясали передъ нимъ, одинъ крестьяниномъ, другой крестьянкой. Насладившись этимъ дивертисментомъ, онъ отправляетъ танцоровъ въ ихъ полкъ, возведя ихъ въ чинъ маіоровъ. Вернувшись послѣ дипломатической миссіи, задержавшей его на нѣсколько недѣль за-границей, Ланжеронъ застаетъ чисто феерическую перемѣну въ главной квартирѣ въ Бендерахъ.

«Въ мое отсутствіе», сообщаетъ онъ, «князь устроилъ въ одной изъ залъ занимаемаго имъ дома палатку, гдѣ были собраны сокровища двухъ міровъ, чтобы очаровать красавицу, которую онъ хотѣлъ подчинить своей власти. Все тамъ сверкало золотомъ и серебромъ. На диванѣ, покрытомъ розовой матеріей изъ тканаго серебра съ бахромой и украшенномъ цвѣтами и бантами, сидѣлъ князь въ самомъ изысканномъ домашнемъ костюмѣ рядомъ съ предметомъ своихъ вожделѣній, а вокругъ нихъ въ костюмахъ, не скрывавшихъ красоты тѣла, расположились пять или шесть дамъ, передъ которыми дымились благовонныя масла въ золотыхъ чашечкахъ. Посрединѣ комнаты былъ сервированъ столъ, уставленный фаянсовой посудой».

Этой красавицей, которой удѣлялось такъ много вниманія, была княгиня Долгорукая, жена одного изъ служившихъ подъ начальствомъ князя генераловъ. Её звали Екатериной, какъ и императрицу, и въ день ея именинъ она сидѣла рядомъ съ хозяиномъ за офиціальнымъ обѣдомъ, который былъ данъ въ

честь государыни. За десертомъ разносили хрустальные кубки, наполненные брилліантами, и дамы приглашались брать изъ нихъ. Когда княгиня выразила свое удивленіе по этому поводу, князь шепнулъ ей на ухо: «вѣдь я же праздную ваши именины!» По отношенію къ другому предмету своей страсти, крайне непостоянной и капризной женщинѣ, пресловутой мадамъ де-Виттъ, впослѣдствіи графинѣ Потоцкой, «прекрасной фанаріоткѣ», которая, на вопросъ о ея здоровьѣ, отвѣтила: «у меня болятъ мои красивые глаза», онъ проявлялъ еще больше утонченной галантности и расточительности. Чтобы преподнести ей дорогую шаль, онъ устроилъ празднество, на которое были приглашены двѣсти дамъ. Всѣмъ было предложено тянуть лотерейные билеты, которые всѣ были съ выигрышами, состоявшими изъ кашемировыхъ шалей одинаковой цѣнности.

Эти многочисленные балы и ужины въ пылу турецкой кампаніи, когда его подчиненные Долгорукіе и Суворовы стояли лицомъ къ лицу передъ непріятелемъ, устраивались иногда въ подземнымъ залахъ, спеціально созданныхъ для этой цѣли трудомъ двухъ гренадерскихъ полковъ, отнятыхъ у ихъ генераловъ во время сраженій съ врагомъ. Иногда фавориту нравилось переносить главную квартиру своихъ удовольствій и любовныхъ похожденій къ одной изъ богинь, за которыми онъ поочередно ухаживалъ. Добродѣтельная графиня Головина, урожденная княгиня Голицына, которая жила одна въ этомъ краѣ въ виду того, что мужъ ея находился на театрѣ военныхъ дѣйствій, также должна была уступить его прихотямъ въ этомъ отношеніи. «Сюда,—разсказываетъ очевидецъ,—гдѣ онъ, всецѣло предавшись своимъ любовнымъ похожденіямъ, чувствовалъ себя настоящимъ султаномъ среди своего гарема, имѣли доступъ только титулованные льстецы... Апартаменты состояли изъ двухъ половинъ: на одной мужчины сидѣли за карточными столами, а на другой князь на диванѣ съ дамами... но онъ поворачивался спиной ко всѣмъ, кромѣ княгини Долгорукой, которая сидѣла очень близко къ стѣнѣ».—И онъ часто забывалъ о присутствіи другихъ красавицъ, къ которымъ онъ въ данный моментъ былъ равнодушенъ.

V.

При такомъ физическомъ и моральномъ обликѣ человѣкъ можетъ производить впечатлѣніе только необыкновеннаго жуира. О его умственныхъ способностяхъ также очень трудно сказать

что-нибудь опредѣленное. Это не политическій умъ. Полное отсутствіе системы въ его поступкахъ и послѣдовательности въ мысляхъ не даетъ возможности причислить его къ общественнымъ дѣятелямъ. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на время. Екатерина однажды съ отчаяніемъ замѣтила, что онъ никогда не отмѣчаетъ числа, когда онъ посылаетъ свои письма. Мысль у него работаетъ скачками, дѣятельность свою онъ проявляетъ подъ вліяніемъ прихоти. Въ 1787 году въ тотъ самый моментъ, когда подготовляется ужасный кризисъ второй турецкой войны и ведутся щекотливые переговоры съ Портой, онъ находится въ Крыму, крайне мало освѣдомленъ о предпринимаемыхъ дипломатіей шагахъ и никакихъ стараній не прилагаетъ, чтобы войти въ курсъ дѣла. Къ нему является туда какой-то авантюристъ изъ Грузіи, разсказываетъ ему о положеніи дѣлъ и пытается доказать, что Турція не исполняетъ принятыхъ ею на себя въ предыдущемъ году обязательствъ. Не давъ себѣ труда провѣрить полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія, ни минуты не задумываясь надъ всѣмъ этимъ, не списавшись съ государыней и министрами и даже не предупредивши ихъ о своемъ рѣшеніи, онъ немедленно же отправляетъ русскому послу въ Константинополѣ Булгакову приказъ предъявить Портѣ ультиматумъ, на цѣлыхъ два мѣсяца поднимаетъ шумъ во всей Европѣ, пока, наконецъ, эти свѣдѣнія не оказались ложными, и эта исторія окончательно не улеглась.

Англійскій посланникъ Робертъ Геннингъ смотритъ на ученика Екатерины, какъ на человѣка, къ которому нельзя относиться серьезно. Желая воспользоваться его услугами, чтобы сломить упорство императрицы въ вопросѣ о русско-австрійскомъ соглашеніи, Іосифъ II въ 1780 году отдѣляется отъ царскаго кортежа въ Могилевѣ и спѣшитъ на свиданіе съ фаворитомъ въ Москву, но испытываетъ глубокое разочарованіе. «Помимо своихъ талантовъ царедворца», пишетъ онъ своей матери по его поводу, «онъ годится только на то, чтобы помѣшать чему-нибудь, но его никогда нельзя заставить сдѣлать что-нибудь, въ чемъ требуется проявить принципы, систему, послѣдовательность, вниманіе, которыхъ у него нѣтъ». Пять лѣтъ спустя, графъ Сегюръ приходитъ къ такому же заключенію. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, онъ былъ приглашенъ къ князю, чтобы познакомить его съ запиской по поводу проекта учрежденія какого-то торговаго предпріятія въ Херсонѣ. Онъ пришелъ въ

назначенный часъ и сталъ читать документъ, переполненный мелкими подробностями и цифрами, но въ это время стали входить поочередно въ комнату попъ, золотошвей, секретарь и галантерейная торговка и получали соотвѣтствующія распоряженія. Онъ быстро закончилъ чтеніе и, когда Потемкинъ попросилъ его изложить ему содержаніе документа, положилъ записку въ карманъ, заявивъ, что онъ не понимаетъ такого отношенія къ дѣламъ и что впредь предпочтетъ обращаться къ президенту коммерцъ-коллегіи Воронцову. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ удивленъ еще болѣе, получивъ изъ Херсона письмо съ благодарностью отъ директора проектированнаго предпріятія. Оказалось, что Потемкинъ въ точности запомнилъ всѣ статьи записки, которой онъ, какъ-будто, даже и не слышалъ, удовлетворилъ большую часть просьбъ и отдалъ нужныя приказанія по этому поводу.

Что же это, наконецъ, за человѣкъ, который способенъ на такія неожиданности? Геній, геній и геній! отвѣчаетъ князь де-Линь. Но князь де-Линь энтузіастъ. У фаворита есть несомнѣнно способность быстро оріентироваться въ положеніи. Въ 1790 году онъ толкаетъ Екатерину на рѣшительные шаги, совѣтуя отдать Молдавію Польшѣ, чтобы вооружить республику противъ Порты. Когда она проявила колебаніе, ссылаясь на мнѣніе Европы, онъ возразилъ: «Прежде всего я не знаю Европы: Франція потеряла голову, Австрія боится, а другіе—наши враги... Я вамъ говорю, что наступилъ моментъ дѣйствовать рѣшительно» [1]).

Его умъ такой же, какъ и его тѣло, угловатый, некультурный, одноглазый и косой, но исключительный по своимъ размѣрамъ и силѣ. У него легкая сообразительность, быстрая и твердая память. Онъ почти никогда не читаетъ, но запоминаетъ все, что слышитъ, и умѣетъ опредѣленно ставить вопросы. Онъ, поэтому, знакомъ со многими предметами, хотя никогда ихъ не изучалъ. Его знанія напоминаютъ ящикъ, въ которомъ вещи въ безпорядкѣ, или энциклопедію съ перемѣшанными страницами. Онъ беретъ оттуда, что попадется подъ руку. Онъ переплетаетъ политическій споръ съ разсужденіемъ о борьбѣ между греческой и латинской церковью и задерживаетъ графа Сегюра до пяти часовъ утра, чтобы объяснить ему тайныя причины Никейскаго собора.

---

1) Русск. Арх., 1865 г., стр. 751.

Во внѣшней политикѣ онъ кромѣ того престидижитаторъ. Если есть какой-нибудь опредѣленный планъ или какая-нибудь великая идея въ программѣ, которой придерживается Россія въ эту эпоху, то этотъ планъ и эта идея принадлежатъ не ему, а Екатеринѣ, или, это вѣрнѣе, историческіе завѣты, которые она нашла, обновила и смѣло и счастливо проводила въ жизнь. Не онъ указалъ родинѣ путь въ Константинополь. Но для того, чтобы идти къ этой цѣли, онъ съ удивительнымъ искусствомъ жонглируетъ интересами и соперничествомъ европейскихъ державъ. При полномъ отсутствіи европейской школы, при извѣстной односторонности, связанной съ азіатской хитростью и дѣтскими кознями, онъ тѣмъ не менѣе былъ дипломатомъ перваго ранга. Въ 1785 году онъ проявляетъ большую заботливость, чтобы успокоить опасенія французскаго кабинета и тотчасъ находитъ для этого много убѣдительныхъ аргументовъ, поражающихъ своей искренностью: «Онъ прекрасно знаетъ, что ему приписываютъ проектъ уничтоженія оттоманской имперіи и возведенія на греческій престолъ молодого Константина. Но тѣ, которые его ближе знаютъ, должны были бы понимать, что онъ способенъ оцѣнить по достоинству такую химеру. Если бы, впрочемъ, въ Россіи когда-нибудь и подумали о такомъ серьезномъ революціонномъ шагѣ, то не были бы настолько безразсудны, чтобы не посовѣтоваться съ Франціей. Прежде всего постарались бы войти въ соглашеніе съ ней. Но ни о чемъ подобномъ не думаютъ. Хотятъ только мира, и онъ самъ признаетъ, что это болѣе всего необходимо для Россіи. У него нѣтъ никакихъ другихъ плановъ, надеждъ или желаній!» Это ему не мѣшаетъ вести въ то же время тонкую политику съ Англіей, чтобы добиться отъ нея хотя бы молчаливаго согласія на эти самыя химерическія затѣи. Онъ постоянно держитъ въ мучительной неизвѣстности британскихъ посланниковъ, имѣющихъ съ формальной стороны одинаковыя основанія, какъ довѣрять ему, такъ и приходить въ отчаяніе отъ его отношеній. Въ апрѣлѣ 1782 года Гаррисъ съ полной увѣренностью заявляетъ, что князь больше не другъ Англіи. Былъ ли онъ только имъ когда-нибудь? Три мѣсяца спустя, когда фаворитъ долженъ былъ находиться на другомъ концѣ государства, озадаченный дипломатъ получаетъ отъ него въ одно прекрасное утро записку со слѣдующими строками, написанными карандашемъ: «Да здравствуетъ Англія и Родней! Отгадайте, кто вамъ пишетъ, дорогой Гаррисъ, и не-

медленно приходите ко мнѣ». Родней какъ-разъ тогда уничтожилъ флотъ адмирала де-Грасса у береговъ Индіи, а Потемкинъ только что вернулся изъ южныхъ провинцій, сдѣлавъ 3500 верстъ въ шестнадцать дней; при этомъ онъ только три ночи спалъ за все время, вездѣ на пути осматривалъ войска, принималъ депутаціи, ревизовалъ дѣла, не говоря уже о томъ, что останавливался во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ онъ никогда не могъ проѣхать, чтобы не помолиться въ нихъ. Придя къ нему, Гаррисъ засталъ его еще въ дорожномъ костюмѣ, покрытомъ пылью, но свѣжимъ и бодрымъ безъ малѣйшей физической или душевной усталости. Князь тотчасъ же овладѣлъ своимъ собесѣдникомъ, но послѣ разговора, который продолжался нѣсколько часовъ, англійскій дипломатъ очень мало зналъ о его истинныхъ настроеніяхъ и долженъ былъ сознаться, что наиболѣе утомленнымъ изъ нихъ оказался, конечно, онъ.

Во внутренней политикѣ, въ роли администратора, онъ очаровательный декораторъ, подтверждая уже въ то время мнѣніе, недавно высказанное французскимъ писателемъ по поводу современнаго блеска великой имперіи, что «Россія находится въ царствѣ призраковъ». Во 1787 году, сопровождая императрицу въ Инкерманъ, гдѣ передъ ея пріѣздомъ былъ выстроенъ для нея дворецъ, онъ устраиваетъ пріемъ такимъ образомъ, что она не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ опредѣлить своего мѣстопребыванія. Послѣ торжественнаго обѣда поднялся занавѣсъ, составлявшій одну изъ стѣнъ зала, и передъ восхищенными взорами государыни и гостей открылся видъ на севастопольскую бухту, гдѣ такая же импровизированная эскадра салютовала своей артиллеріей. Дворецъ былъ построенъ изъ песчанника и вскорѣ развалился, эскадра была построена изъ сырого лѣса и сгнила еще раньше, но произведенный эффектъ былъ чрезвычайный.

Каковы были его военные таланты? То, что мы уже знаемъ о его образѣ жизни въ главной квартирѣ въ Бендерахъ, можно считать достаточнымъ матеріаломъ для рѣшенія этого вопроса.

М. Масловскій, издавшій часть его военной кореспонденціи, замѣчаетъ, что онъ первый русскій генералъ, управлявшій операціями, комбинированными на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Честь большая, но на ея основаніи еще ничего нельзя сказать о талантахъ военачальника. Во время пребыванія

генералиссимуса въ Петербургѣ въ 1791 году императрица спросила у извѣстнаго уже намъ начальника его канцеляріи Попова: «Правда ли, что у васъ набрался цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина?»—«Да, человѣкъ десять будетъ».—«Почему же вы ихъ не отправляете обратно?»—«У меня нѣтъ приказа». Князь Репнинъ въ это время командовалъ на одномъ изъ театровъ военныхъ дѣйствій армейскимъ корпусомъ, операціи котораго числились въ вѣдѣніи Потемкина. Даже самые горячіе поклонники были разочарованы ролью фаворита въ первой кампаніи, которой онъ руководилъ благодаря довѣрію Екатерины. «Моя дружба съ княземъ Потемкинымъ»,—пишетъ къ этому времени графъ Сегюръ, — «служитъ для меня лишнимъ мотивомъ, чтобъ съ большимъ сожалѣніемъ встрѣчать всякое извѣстіе, которое умаляетъ его славу. Но послѣ всего того, что я слышалъ отъ князя де-Линя, принца Нассаускаго и другихъ офицеровъ, не остается никакихъ сомнѣній, что въ медлительности этой кампаніи повиненъ только онъ одинъ. Онъ геніаленъ въ своемъ кабинетѣ, но на театрѣ войны это слабый и нерѣшительный человѣкъ». Критическіе отзывы его подчиненныхъ, какъ, напр., мужа красивой княгини, за которой фаворитъ такъ беззастѣнчиво ухаживалъ, могли бы вызвать сомнѣніе, если бы ихъ не подтвердилъ такой безпристрастный и проницательный наблюдатель, какъ Ланжеронъ. Князь потерялъ двадцать тысячъ солдатъ и столько же лошадей подъ Очаковымъ только потому, что опоздалъ со своимъ штурмомъ: онъ въ это время развлекался. Маіоръ Лансдорфъ былъ имъ отправленъ во Флоренцію за духами, а подполковникъ Бауеръ въ Парижъ за драгоцѣнностями для госпожи Потемкиной, племянницы, занимавшей въ данный моментъ постъ любимой султанши. Въ насмѣшку надъ упомянутымъ Бауэромъ, который проводилъ свою жизнь въ побѣгушкахъ по такого рода порученіямъ, была составлена эпитафія:

Ci-gît Bauer sous ce rocher:
Fouette, cocher! [1])

Главную квартиру начальника арміи называли «княжескимъ дворомъ», и это, дѣйствительно, скорѣе дворъ, чѣмъ военный штабъ, rendez-vous не столько для военной Европы, сколько для элегантной. Двѣсти прекрасныхъ дамъ, которыхъ князю удает-

[1]) Подъ симъ камнемъ покоится Бауеръ: погоняй, кучеръ!

ся собрать на своихъ празднествахъ, встрѣчаютъ здѣсь такое же число блестящихъ кавалеровъ: принцъ Нассау-Зигенъ и графъ де-Дама́, дворяне изъ Пьемонта, какъ Жерманіанъ, португальцы, какъ де-Фрейра и де-Пампелюне, испанцы, австрійцы, за которыми тянется еще цѣлый хвостъ азіатскихъ представителей: «Легіонъ киргизовъ, турокъ, черкесовъ, татаръ, низложенный султанъ, въ теченіе трехъ лѣтъ находящій себѣ убѣжище въ передней князя, другой султанъ, произведенный въ казацкіе эсаулы, паша—вѣроотступникъ, македонскій инженеръ, персидскіе послы...»

Вся эта публика уничтожала большую часть средствъ, которыя предназначались для арміи. Интендантская часть, впрочемъ, обыкновенно поручалась мужу или протеже фаворитки текущаго момента. Въ результатѣ происходило то, что можно было предвидѣть: мужья фаворитокъ жирѣли, а армія умирала съ голоду.

Генералиссимусъ почти никогда не садится верхомъ на лошадь. Онъ выѣзжаетъ только въ каретѣ. Только одинъ разъ онъ появляется на траншеяхъ, гдѣ на его глазахъ умираетъ генералъ Селетниковъ, который остался придворнымъ льстецомъ до своего послѣдняго издыханія и, умирая, заявляетъ, что не сожалѣетъ о своей участи и проситъ самого князя не подвергать себя опасности. Князь и не подумалъ тогда послушаться этого совѣта. Но обыкновенно пушечная пальба его такъ сильно безпокоитъ, что онъ послѣ перваго же выстрѣла отправляетъ посланца къ начальнику артиллеріи генералу Пистору спросить, почему стрѣляютъ.—«Скажите князю, — отвѣтилъ однажды выведенный изъ терпѣнія генералъ,—что стрѣляютъ потому, что русскіе и турки воюютъ между собой».

Но, можетъ быть самое неблагопріятное свидѣтельство о его военныхъ способностяхъ мы находимъ въ его собственной персонѣ. Онъ почти смѣшонъ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ въ началѣ кампаніи, когда онъ готовъ жаловаться на то, что ему подмѣнили его турокъ: при первомъ же нападеніи на нихъ, они въ свою очередь выдвигаютъ свои пушки; они научились не разставаться со своей артиллеріей; самъ дьяволъ былъ ихъ учителемъ». Онъ хочетъ, конечно, сказать *Франція*, которую подозрѣвали въ снабженіи Порты офицерами-инструкторами. Приказы, которые онъ разсылаетъ своимъ генераламъ, бываютъ иногда переполнены мелкими деталями, но всегда въ нихъ проглядываетъ что-то дѣтское и театральное въ то же время. Не-

измѣнно получается впечатлѣніе, какъ будто генералиссимусъ играетъ въ солдаты и гоняется за эффектами. Онъ часто говоритъ языкомъ, который ставили въ упрекъ французскому генералу въ несчастную войну съ Германіей. По каждому поводу у него всегда идетъ рѣчь о томъ, чтобы *побѣдить или умереть*. Нужно замѣтить, что при всемъ своемъ гигантскомъ ростѣ онъ никогда не получилъ ни одной царапины и, если онъ дѣйствительно умеръ отъ трудовъ, какъ недавно утверждалъ его угодливый біографъ, то подъ этими трудами нужно разумѣть его удовольствія и всякаго рода излишества; во всякомъ случаѣ непріятельскія пули тутъ никакой роли не играли. Въ области тактики и стратегіи онъ былъ нулемъ. У него нѣтъ и слѣда общихъ идей этого порядка, за исключеніемъ развѣ одной, очень характерной для него: на войнѣ, какъ и вездѣ, онъ вѣритъ во всемогущество золота. Въ октябрѣ 1787 года онъ пишетъ генералу Суворову, поздравляя его съ блестящей защитой Кинбурна: «Передайте всѣмъ, что я вознагражу каждаго по его заслугамъ: солдатамъ, которые принимали участіе въ сраженіи, я пришлю по пяти рублей на человѣка... И я васъ прошу, прибавляетъ онъ, не щадить тѣхъ, которые оказались недостойными награды».

Къ его заслугамъ, какъ главнокомандующаго арміей, нужно причислить то, что онъ открылъ и вдохновилъ Суворова. Это побѣда его проницательности и общепризнаннаго высокаго ума, который позволяетъ ему встать выше соперничества и мелкой зависти. Возмущенный безуспѣшными атаками генерала Гудовича противъ Измаила, онъ отправляетъ въ декабрѣ 1790 года несчастному генералу слѣдующую записку:

«Такъ какъ вы въ Киліи видѣли турокъ только тогда, когда они оттуда ушли, то я вамъ посылаю генерала Суворова, который васъ научитъ разсматривать ихъ вблизи, чтобы вы могли получить понятіе объ ихъ внѣшнемъ видѣ».

Въ то же время онъ новому командующему осаждающей арміи даетъ слѣдующую инструкцію:

«Возьмите Измаилъ, во что бы то ни стало».

И черезъ нѣсколько дней Измаилъ былъ взятъ.

Человѣкъ, который отдаетъ такія приказанія и вообще очень рѣдко щадитъ жизнь и трудъ своихъ солдатъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже отмѣчали раньше, любимъ ими. Это объясняется отчасти, безъ сомнѣнья, тѣмъ, что онъ довольно легкомысленно

Графъ П. В. Завадовскій.

Работы Лампи. Печатается первый разъ.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

относится къ дисциплинѣ, какъ это и естественно для его натуры; онъ всегда допускаетъ въ средѣ своихъ окружающихъ и въ самой арміи ту небрежность, которая неизмѣнно проявляется въ его собственной жизни. Но это не единственная причина. Онъ умѣетъ добиваться популярности, онъ знаетъ тайну магическихъ словъ, которые переходятъ изъ устъ въ уста, дѣйствуя на умъ и на сердце солдатъ. Солдаты, лежавшіе въ траншеѣ, при видѣ его стали подниматься. «Не нужно вставать передо мной, сказалъ онъ имъ, старайтесь только не ложиться отъ турецкихъ пуль». Онъ также первый русскій главнокомандующій, который, повидимому, заботился о благосостояніи своихъ солдатъ, хотя и не постоянно, недостаточно и не всегда въ одинаковой степени. Случается, что они у него умираютъ съ голоду, но онъ справляется иногда также и о томъ, есть ли у нихъ сапоги на ногахъ. До него никто объ этомъ не безпокоился; послѣ него даже Суворовъ никогда объ этомъ не подумаетъ.

Наконецъ, во время кампаніи 1788—89 г., которая была для него во всѣхъ отношеніяхъ несчастнымъ дебютомъ, онъ въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ о затрудненіяхъ, предстоявшихъ для нихъ въ опустошенномъ краѣ, далъ самъ о себѣ такой отзывъ, «что онъ камни превратитъ въ хлѣбъ». И это свидѣтельство не противорѣчитъ историческимъ даннымъ. У него былъ творческій геній. Его творчество часто оставляетъ желать очень многаго: его флотъ построенъ изъ сырого лѣса, у его кавалеріи недостаетъ лошадей, склады съ провіантомъ стоятъ наполовину пустые; но все это существуетъ, живетъ, и окончательные результаты всѣхъ этихъ импровизацій, какъ и военныхъ дѣйствій, которыми онъ руководилъ, довольно значительны. Завоеваніе Чернаго моря связано съ его именемъ, и задача, возложенная на него Екатериной, выполнена имъ въ полномъ согласіи съ ея желаніями.

«Большой и великій человѣкъ», сказалъ про него подчиненный, который имѣлъ возможность лучше всѣхъ оцѣнить его заслуги. «Онъ не походилъ на того французскаго посланника при лондонскомъ дворѣ, о которомъ канцлеръ Бэконъ, имѣя въ виду его высокій ростъ, замѣтилъ, что чердаки вообще плохо меблируются».

Да, можетъ быть, именно такъ, какъ утверждалъ Суворовъ, великій человѣкъ, олицетворявшій въ своей некультурной и пожалуй даже дикой, безпорядочной и неуравновѣшенной, но

крупной и мощной натурѣ, запасы физической и моральной энергіи огромной имперіи и приспособлявшій эти силы къ творческому генію великой императрицы. Никто изъ приближенныхъ Екатерины, жившихъ рядомъ съ ней и исполнявшихъ ея приказанія, не сумѣлъ лучше понять ея умъ и темпераментъ, и никто также не былъ въ состояніи такъ хорошо оцѣнить скрытыя силы многочисленнаго и могущественнаго народа, который управлялся ея законами.

У Екатерины были фавориты, которыхъ она больше любила, съ большей нѣжностью и страстью. Но Потемкинъ нисколько не преувеличивалъ, увѣряя однажды свою государыню, что никто ее такъ не любилъ, какъ онъ. Если онъ не думалъ серьезно сдѣлаться изъ-за нея монахомъ, то онъ сталъ, по крайней мѣрѣ, для нея поэтомъ: поэтомъ на поприщѣ государственной дѣятельности въ этой колоссальной фееріи Тавриды, завоеванной, заселенной и представленной передъ глазами государыни въ волшебной панорамѣ, и поэтомъ въ стихахъ. Ему приписываютъ полные вдохновенія стихи на тему о земномъ червѣ, влюбленномъ въ звѣзду: «Какъ скоро я тебя увидѣлъ» и т. д. Даже его проза, адресованная къ царственной возлюбленной, принимаетъ лирическій характеръ. Въ отвѣтъ на усыпанную бриллiантами и изумрудами лавровую корону, которую она прислала ему по случаю взятія Бендеръ, онъ пишетъ: «Всемилостивѣйшая матушка! Вы излили уже на меня всѣ свои щедроты, а я еще живъ; но эту жизнь, повѣрьте мнѣ, августѣйшая государыня, я посвящу на службу Вамъ и на борьбу противъ вашихъ враговъ». И въ письмахъ Екатерины къ нему — любовь по существу своему заразительна — мы встрѣчаемъ самыя нѣжныя выраженія. «Нѣтъ такого нѣжнаго слова, котораго я не хотѣла бы вамъ сказать», пишетъ она въ письмѣ, приложенномъ къ лавровой коронѣ. Въ то же время она ему совѣтуетъ не быть слишкомъ гордымъ и, такъ какъ онъ обиженъ такимъ совѣтомъ, то она ему возражаетъ: «Вотъ что значитъ писать на разстояніи тысячи верстъ! Преисполненная радости я хотѣла только васъ предупредить, чтобы вы избѣжали того, что единственно можетъ умалить ваше величіе»...

Ея письма къ нему за этотъ періодъ переполнены мельчайшими подробностями объ апартаментахъ, которые она приготовляла и украшала къ его пріѣзду. Не нужно забывать, что это происходитъ въ ноябрѣ 1789 года, и что тотъ, кого она

ждетъ и хочетъ такъ принять, уже не возлюбленный, а только другъ. Но разочарованный неудачами кампаніи, которая обманула его преувеличенныя надежды, онъ со скучающимъ видомъ принимаетъ лесть, которую ему расточаютъ. Онъ снова заговариваетъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь. Она возмущена и заимствуетъ у него его экзальтированный стиль: «Въ монастырь? Какое безумье! Тишина кельи для того, чье имя гремитъ въ Европѣ и Азіи? Какая безсмыслица!»

Моментами, когда кампанія подвергаетъ слишкомъ жестокимъ испытаніямъ сильную, но мягкую душу генералиссимуса, переписка становится рѣзкой, Потемкинъ совѣтуетъ своей подругѣ прекратить свои необузданныя выходки по отношенію къ Швеціи, а Екатерина ему рекомендуетъ взять Очаковъ, такъ какъ тогда можно будетъ покончить и съ Турціей, и со Швеціей. Но какъ только неприступная крѣпость была взята, тотчасъ же гармонія была возстановлена со всѣми фамильярными и нѣжными изліяніями. «Деру тебя за уши и обнимаю тебя, мой другъ», пишетъ теперь Екатерина.

Она постоянно заботится о его здоровьѣ, больше чѣмъ о его военныхъ успѣхахъ. У нея находятся восхитительные доводы, чтобы убѣдить его не подвергать себя опасности: «губя себя, вы губите также и меня». Ногтоѣдъ, которымъ онъ страдаетъ, заставляетъ ее больше безпокоиться, чѣмъ появленіе шведскаго флота въ виду Петербурга.

Она очень хорошо знаетъ всѣ его слабости и только думаетъ о томъ, чтобы предупредить или ослабить послѣдствія ихъ проявленія. Она старается исправить заблужденія его фантазіи и избавить отъ униженій его чрезмѣрное тщеславіе. Зачѣмъ ему давать своимъ черноморскимъ кораблямъ такія громкія названія? Вѣдь ихъ, можетъ быть, трудно будетъ оправдать! Если онъ заботится о ея удовольствіяхъ и любовныхъ связяхъ, то она платитъ ему тѣмъ же. Детали шокируютъ насъ, конечно, но онѣ очень характерны для физіономіи этихъ двухъ исключительныхъ существъ и для исторіи ихъ необыкновенныхъ отношеній, которыя ихъ связывали въ продолженіе двадцати лѣтъ, даже послѣ того какъ между ними была порвана интимная связь,—и помогали имъ держать въ своихъ могучихъ рукахъ судьбы великой имперіи. Мы не настаиваемъ на томъ, что эту исторію можно оправдать съ точки зрѣнія обычной морали; но, въ дѣйствительности, лица, фигурировавшія въ ней, стояли внѣ

и выше всѣхъ извѣстныхъ законовъ и всякой морали; и такъ необычайна ихъ судьба и ихъ возвышенныя натуры, что они удерживаются на этой высотѣ, и что низводить ихъ на обыкновенный уровень значитъ пожертвовать истиной въ интересахъ морали и извратить одно изъ существенныхъ понятій исторической правды. Какое-то благородство проглядываетъ въ этой постоянной впечатлительности, которая ихъ дѣлаетъ чувствительными къ ихъ радостямъ и печалямъ, даже тогда, когда онѣ не раздѣляются обѣими сторонами, даже тогда, когда онѣ какъ-будто оскорбляютъ ихъ прошлое. Чувствуется какое-то величіе въ ихъ равнодушіи къ обыденнымъ обидамъ и оскорбленіямъ самолюбія, мимо которыхъ они проходятъ съ видомъ людей, совершенно не задѣтыхъ ими; и что больше всего поражаетъ— это удивительно глубокая и искренняя нѣжность въ ихъ отношеніяхъ. Если таковы ихъ взаимныя отношенія на протяженіи такого продолжительнаго времени и въ такихъ многочисленныхъ испытаніяхъ, то они любятъ другъ-друга, какъ люди рѣдко любятъ и бываютъ любимы, и имъ какъ-будто суждено было исчерпать всѣ формы человѣческаго чувства и страсти.

Самый недоброжелательный изъ біографовъ фаворита и самый неблагодарный изъ его секретарей Сенъ-Жанъ разсказываетъ о листѣ, который заполнялъ князь именами молодыхъ офицеровъ, обладавшихъ по наведеннымъ имъ черезъ довѣренныхъ лицъ справкамъ всѣми необходимыми качествами, чтобы выполнять ту роль, которую онъ самъ игралъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Онъ приказывалъ затѣмъ срисовывать кандидатовъ и подъ видомъ продаваемыхъ картинъ представлялъ ихъ портреты государынѣ для выбора. Это вполнѣ возможно. Тотъ же авторъ описываетъ, какъ однажды поздней ночью фаворитъ гонялся по комнатамъ дворца за невинной дѣвушкой, придворной фрейлиной, которая убѣжала отъ его преслѣдованій въ сосѣднюю со спальней государыни комнату. Разбуженная крикомъ красавицы Екатерина выразила жертвѣ насилія свое неудовольствіе за то, что та встревожила ея сонъ *изъ-за такихъ пустяковъ*. Анекдотъ внушаетъ мало довѣрія. Но вотъ записка, подписанная авторитетной рукой Екатерины и адресованная ея бывшему любовнику во время его пребыванія на Украйнѣ въ концѣ 1788 года:

«Послушайте, голубчикъ, Варенька очень больна; если вашъ отъѣздъ тому причиной, то вы не правы: вы убиваете ее, а я начинаю ее очень любить».

Варенька, это Варвара Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ Потемкина. Ихъ было пять сестеръ: Александра, Варвара, Надежда, Екатерина и Татьяна, которыя состояли фрейлинами Императрицы, тогда какъ ихъ мать, родная сестра, Потемкина, числилась придворной дамой. Всѣ сестры были довольно красивы, и ихъ дядя поочередно за ними ухаживалъ. Еще разъ приходится забыть о морали, приближаясь къ этому человѣку и ко всему, что его близко касается. Онъ самъ, повидимому, былъ сыномъ двоеженца. Его отецъ былъ женатъ, когда увлекся молодой и красивой вдовой Дарьей Скуратовой, выдалъ себя ей за холостого и женился на ней. Узнавъ истину, Дарья потребовала свиданія со своей соперницей и убѣдила послѣднюю поступить въ монастырь. Презрѣніе къ закону и наклонность къ тому, что мы теперь называемъ преступной страстью, были, повидимому, наслѣдственными чертами въ этой семьѣ, а Потемкинъ въ свою очередь, столь индеферентный въ общемъ въ другихъ отношеніяхъ, былъ въ этой области утонченнымъ любителемъ и виртуозомъ. Не будучи, конечно, великимъ ни на поприщѣ государственной дѣятельности, ни въ области военнаго искусства, онъ былъ великъ въ любви.

VI.

Изъ племянницъ Варенька была, повидимому, первой его возлюбленной. Въ 1777 году больной и прикованный къ постели дядя стережетъ минуты, когда Императрица уходитъ отъ него, чтобы пересылать племянницѣ черезъ лакея Екатерины Суммерса (который не обманываетъ государыни, потому что Потемкинъ теперь фаворитъ только по имени) любовныя записки, изъ которыхъ мы заимствуемъ для образчика нѣкоторыя выдержки.

«Варенька, если я тебя безконечно люблю, если моя душа ничего не хочетъ знать, кромѣ тебя, то умѣешь ли ты, по крайней мѣрѣ, цѣнить это? Могу ли я тебѣ вѣрить, когда ты обѣщаешь вѣчно любить меня. О, какъ я тебя люблю, моя душа! Я никого никогда такъ не любилъ! Не удивляйся, если ты видишь меня иногда печальнымъ: это совершенно невольныя душевныя настроенія, и я прекрасно понимаю, что у меня нѣтъ никакихъ основаній быть грустнымъ, но я не могу владѣть собой. Прощай, мое обожаемое существо. Цѣлую тебя всю».

«Мнѣ лучше, моя душенька, и я хотѣлъ бы, чтобы ты легче переносила мое отсутствіе, чѣмъ я твое, и чтобы твоя мысль стремилась ко мнѣ, какъ моя всегда слѣдитъ за тобой. Александра Васильевна чувствуетъ себя хорошо, а мнѣ грустно, потому что я нахожусь далеко отъ тебя. Варенька, мой ангелъ, кто могъ бы любить тебя такъ? Мой дружокъ, мои милыя губки, моя дорогая, мое сокровище!.. Завтра я пойду въ баню... Варенька, моя жизнь, моя красавица, мое божество, скажи, что ты меня любишь, этого будетъ достаточно, чтобы сдѣлать меня здоровымъ, счастливымъ, веселымъ и спокойнымъ. Моя душенька, я полонъ тобой, да, весь, моя красавица! Прощай, цѣлую тебя всю».

«Красавица, божественный ангелъ, неужели тебѣ нужно доказывать, что ты достойна моей любви? Моя душа, моя нѣжная любовь, твоя побѣда надо мною велика и вѣчна. Если ты меня любишь, то я счастливъ, и если ты знаешь, какъ я тебя люблю, то тебѣ нечего желать большаго. Твой навсегда, моя дорогая».

«Варенька не отстаетъ отъ него въ нѣжностяхъ:

«Моя любовь и моя жизнь, я очень безпокоюсь о васъ. Ради Христа умоляю, скажите, какъ вы себя чувствуете. Я каждую минуту ждала отъ васъ извѣстій... И ничего не получивъ отъ васъ, сама пишу вамъ. Ради Бога, моя жизнь, пишите мнѣ... Мысленно цѣлую тебя милліонъ разъ».

По выздоровленіи они встрѣчаются, и вотъ еще одна записка отъ дяди къ племянницѣ и притомъ очень пикантнаго свойства:

«Маменька моя, Варенька, моя душа, моя жизнь, ты спала дурочка, и ничего не помнишь. Передъ уходомъ я былъ въ твоихъ объятіяхъ... и я тебя много разъ цѣловалъ. Я покрылъ тебя капотомъ и одѣяломъ и перекрестилъ».

Но двадцатидвухлѣтняя Варенька непостоянна, и, годъ спустя, Екатерина, посвященная въ любовную связь и снисходительно относящаяся къ ней, какъ мы знаемъ, ошибается, приписывая печаль молодой женщины отсутствію Потемкина. На самомъ дѣлѣ Варенька увлечена теперь молодымъ и блестящимъ кавалеромъ княземъ Голицынымъ, и еще до отъѣзда наступило охлажденіе въ ихъ страстныхъ до сихъ поръ отношеніяхъ. Пользуясь привычной въ такихъ случаяхъ тактикой, Варенька предупредительно сама стала играть ревнивую любовницу, разоча-

рованную измѣнами своего возлюбленнаго. Ей, впрочемъ, не трудно было играть эту роль вполнѣ естественно: въ карманахъ дядинаго халата оказались надушенныя записки, не принадлежавшія перу Вареньки, изъ которыхъ одна была подписана дамой высшаго петербургскаго общества:

«Какъ вы провели ночь, мой дорогой? Я хотѣла бы, чтобы вы ее провели лучше, чѣмъ я. Я всю ночь не сомкнула глазъ. Только мысль о васъ оживляетъ меня, но я должна вамъ сказать, что недовольна вами. У васъ былъ такой разсѣянный видъ... Въ первый разъ, когда я васъ видѣла, казалось, было лучше: Я проходила мимо вашего дома и увидѣла большое освѣщеніе. Вы, навѣрное, сидѣли за картами. Если бы вы могли, дорогой князь, принести мнѣ эту жертву и не отдавать столько времени игрѣ. Это только разрушаетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, мой милый другъ, докажите, что можете сдѣлать что-нибудь для меня и не засиживайтесь до четырехъ или пяти часовъ утра, какъ вы до сихъ поръ дѣлали... Завтра балъ у М. Я надѣюсь имѣть удовольствіе увидѣть васъ тамъ. Я жду этого удовольствія съ нетерпѣніемъ, только тамъ я успокоюсь. Какъ только я просыпаюсь, мнѣ приносятъ цвѣты отъ васъ; я вамъ очень благодарна, мой дорогой. Я желаю, чтобы вы хорошо себя чувствовали и чтобы я могла васъ видѣть веселымъ и счастливымъ, какъ я мечтала въ эту ночь. Вы были такъ милы; мнѣ казалось, что вы любите меня всей своей душой. Прощайте, я разстаюсь съ вами; мой мужъ сейчасъ придетъ ко мнѣ. Когда же вы сдѣлаете что-нибудь для моего сына? Я хотѣла бы, чтобы вы его устроили въ своемъ полку».

Въ январѣ 1779 года Варвара Энгельгардтъ становится княгиней Голицыной, и дядя, разумѣется, будучи самъ непостояннымъ въ любви, не очень сердится за эту измѣну. Тѣмъ болѣе, что ихъ отношенія, повидимому, скоро снова возстановляются, и возобновляется ихъ переписка, въ которой съ пера Вареньки срываются рядомъ съ «дорогимъ дядей», и «дорогимъ папашей» и болѣе нѣжныя названія, какъ «мое сокровище», или «моя жизнь».

Болѣе продолжительное и болѣе серьезное чувство онъ питалъ къ другой племянницѣ Александрѣ Энгельгардтъ, которая въ 1781 году вышла замужъ за князя Браницкаго. Въ часъ своей смерти завоеватель Крыма долженъ видѣть около себя

эту племянницу, которая съумѣла быть только его племянницей и по своему уму и характеру, повидимому, была выдающейся женщиной. Мы ее видимъ въ числѣ довѣренныхъ лицъ Екатерины. Другія сестры способны были вызвать только мимолетное увлеченіе. Одна изъ нихъ Надежда, вышедшая замужъ за нѣкоего Чепелова, настолько выдѣлялась своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ, что ея дядя прозвалъ ее Безнадежной. Ея мужъ, темная личность, получилъ, говорятъ, ея руку въ благодарность за услугу, которую онъ оказалъ фавориту, освободивъ его на дуэли отъ опаснаго соперника: другого князя Голицына, который съ отличіемъ служилъ въ арміи и имѣлъ гибельное счастье привлечь на себя вниманіе государыни.

Въ мартѣ 1784 года французскій посолъ Кайе извѣщаетъ изъ Петербурга графа де-Верженя о предстоящемъ замѣщеніи русскаго посланника въ Неаполѣ Андрея Разумовскаго графомъ Скавронскимъ, мужемъ одной изъ сестеръ Энгельгардтъ. Эта перемѣна вызвана была желаніемъ графини Скавронской провести зиму въ Италіи, куда долженъ былъ, конечно, пріѣхать къ ней ея дядя. Въ 1789 году великаго тріумфатора видитъ у своихъ ногъ его кузина по мужу Прасковья Закревская, жена одного изъ Потемкиныхъ. И снова появляются эти порывы страсти и лирическія изліянія, нѣсколько наивныя и вульгарныя, какъ всегда:

«... Пріѣзжай, моя любовь! Спѣши, мой другъ! моя радость, мое безцѣнное сокровище, несравненный даръ, самимъ Богомъ данный мнѣ. Я живу только тобой и всю жизнь готовъ доказывать тебѣ, свою привязанность. Матушка голубушка, доставь мнѣ удовольствіе тебя увидѣть, дай мнѣ наглядѣться на красоту твоего лица и твоей души... Я нѣжно цѣлую твои прекрасныя ручки и твои прекрасныя ножки...

«Сударка моя!.. не вообрази, что только твоя красота привела меня въ восторгъ, и что я пылаю къ тебѣ огнемъ вульгарной страсти; нѣтъ, моя дорогая, глубокое убѣжденіе, что у меня такое же сердце, какъ у тебя, какая-то таинственная сила, наконецъ, естественное влеченіе, которое называютъ симпатіей, вотъ что такое моя любовь. Заглянувъ въ твою душу, я увидѣлъ ангела, ангела, созданнаго по подобію моей собственной души. Поэтому ты и я одно цѣлое, мы нераздѣльны. Я веселъ, когда ты весела, я сытъ, когда сыта и ты. Я повсюду слѣдую за тобой вплоть до этихъ качелей, на которыхъ тебѣ хочется

качаться; я себя только плохо чувствую, когда ты высоко поднимаешься. Я ношу васъ въ своемъ сердцѣ съ вашимъ умомъ и безуміемъ».

Получала ли когда-нибудь Екатерина такія посланія отъ своего фаворита? Мы этого не знаемъ, и поэтому приведенные нами отрывки изъ переписки имѣютъ для насъ цѣнность историческаго документа по данному поводу. Если завоеватель Тавриды никогда не писалъ ей въ такомъ духѣ, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, ей такъ говорить въ тѣ короткіе часы, которыхъ было достаточно, чтобы привязать ихъ другъ къ другу навсегда, чтобы создать то очарованіе, отъ котораго она не могла освободиться до послѣдняго дня.

Прасковья Потемкина на много лѣтъ пережила своего возлюбленнаго и окончила свою жизнь въ строгой, благочестивой обстановкѣ. Она скоро получила возможность извѣдать непрочность мірскихъ удовольствій и радостей, такъ какъ уже въ 1790 году увлеченія самаго непостояннаго изъ людей создали ей двухъ соперницъ, одной изъ которыхъ была мадамъ де-Виттъ. Родившись въ 1761 году въ маленькомъ городкѣ вблизи Константинополя, *прекрасная* фанаріотка дебютировала въ пятнадцать лѣтъ, какъ рабыня, купленная вблизи Порты за нѣсколько піастровъ польскимъ посланникомъ Босканомъ, французомъ, натурализовавшимся на берегахъ Вислы. Отправившись вскорѣ въ Варшаву и узнавъ тамъ, что онъ больше не вернется на свой постъ, Босканъ поручаетъ конюшему привезти ему молодую Софью съ его багажемъ и прислугой, которые онъ оставилъ въ Константинополѣ. Но конюшій запротестовалъ въ дорогѣ: его питомица стала проявлять такую недисциплинированность, что онъ отчаялся доставить ее по назначенію. Босканъ уступилъ и приказалъ оставить ее въ Яссахъ. Изъ Яссъ она пріѣхала въ Каменецъ, на польскую территорію, гдѣ ею увлекся комендантъ крѣпости полковникъ де-Виттъ и женился на ней. Она появилась затѣмъ въ Варшавѣ, гдѣ вскружила всѣмъ головы, а въ 1781 году принцесса Нассауская ее повезла въ Парижъ, гдѣ ея красота произвела сенсацію. Разведясь со своимъ первымъ мужемъ и ставъ женой самаго богатаго польскаго магната графа Потоцкаго, она умерла въ 1821 году, вызвавъ удивленіе и ужасъ всей Европы своими скандальными эксцессами. Польскій поэтъ Словацкій, умершій въ 1849 году въ Парижѣ, посвятилъ поэму исторіи послѣднихъ лѣтъ ея жизни, почти извиняясь въ сво-

емъ предисловіи за то, что взялся за такой скабрезный сюжетъ.

Организаторъ пышныхъ празднествъ въ Бендерахъ увлекался ею нѣкоторое время въ своей главной квартирѣ, и въ 1791 году она сопровождаетъ его въ Петербургъ, но ей нечѣмъ было привязать его къ себѣ надолго. Болѣе серьезной соперницей бѣдной Прасковьи была красивая княжна Долгорукая. Сначала, правда, ея мужъ дѣлалъ видъ, что хочетъ защищать свое добро. Но борьба была неравная: въ присутствіи многочисленной публики влюбленный гигантъ, капризу котораго онъ хотѣлъ воспротивиться, схватилъ его за ленты, украшавшія его грудь, и, поднявъ на воздухъ, закричалъ громовымъ голосомъ ему въ лицо: «Несчастный! Это я далъ тебѣ и другимъ эти ленты, которыхъ ты еще не заслужилъ. Всѣ вы пѣшки, и я имѣю право дѣлать все, что я хочу, съ вами и со всѣмъ тѣмъ, что вамъ принадлежитъ».

VII.

Весной 1791 года побѣдитель Измаила и Очакова вернулся въ Петербургъ, который увидѣлъ послѣдніе лучи вскорѣ закатившейся звѣзды. «При видѣ маршала князя Потемкина», пишетъ въ это время Екатерина по адресу князя де-Линя, «можно было бы сказать, что побѣды и успѣхи дѣлаютъ человѣка болѣе красивымъ. Онъ вернулся къ намъ изъ арміи прекраснымъ, веселымъ, сіяющимъ; онъ остроуменъ, какъ никогда, и задаетъ балы, одинъ другого лучше». Одно изъ этихъ празднествъ, на которое, повидимому, государыня особенно намекаетъ, имѣло въ виду нанести окончательный ударъ растущему фавору Зубова, являвшагося уже не ставленникомъ великаго законодателя царственныхъ увлеченій, а его врагомъ. Князь превзошелъ свою обычную роскошь и употребилъ въ дѣло всѣ свои чары. Екатерину принимали въ Таврическомъ дворцѣ не какъ государыню, а какъ богиню. Въ то же время все было скомбинировано, чтобы поразить ея воображеніе и открыть ей глаза на ошибку, которую она дѣлала. Чудесные гобелены развертывали передъ ней внушительную исторію Амана и Мордухая, а хоръ, составленный Державинымъ, муза котораго была уже одарена новымъ фаворитомъ, но дала себя подкупить и въ этомъ случаѣ, коментировалъ поучительныя картины.

Напрасныя старанія: на слѣдующій день Екатерина даетъ понять, что смотритъ на это блестящее празднество, какъ на

прощальный вечеръ. Она будто бы считаетъ необходимымъ присутствіе князя въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ его, однако, не ждутъ совсѣмъ. Онъ подчиняется, онъ уѣзжаетъ и ищетъ смерти. Впрочемъ, существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что онъ оставляетъ въ Петербургѣ не подругу, измѣнившую ему, а супругу, которая забыла свои обязанности. Но такое предположеніе объ окончательной побѣдѣ, одержанной прежнимъ фаворитомъ надъ постояннымъ упорствомъ Екатерины въ такой моментъ, и о союзѣ, тайно закрѣпленномъ наканунѣ его отъѣзда, встрѣчаетъ много возраженій. Изъ письма Безбородко къ Семену Воронцову вытекаетъ, что въ это время у князя было намѣреніе жениться на одной изъ самыхъ извѣстныхъ женщинъ Екатерининскаго царствованія Маріи Нарышкиной, за которой онъ открыто ухаживалъ. Правда, въ этомъ ухаживаніи видѣли тактическій ходъ, одобренный государыней, чтобы направить общественное мнѣніе по другому руслу и отвлечь вниманіе отъ того акта, который тогда совершался. Замѣтимъ еще, что одинъ очень серьезный свидѣтель относитъ это событіе къ гораздо болѣе раннему времени. Въ депешѣ графа Сегюра отъ 21 декабря 1787 года мы читаемъ:

«Вотъ уже двадцать дней прошло, какъ отъ Потемкина нѣтъ никакихъ вѣстей, и это молчаніе вызываетъ справедливое негодованіе Екатерины. Генералъ часто злоупотребляетъ терпѣніемъ государыни и священными и ненарушимыми правами, которыя ему обезпечиваютъ продолжительное довѣріе. Чрезвычайное основаніе этихъ правъ составляютъ великую тайну, которую знаютъ въ Россіи только четыре человѣка: счастливый случай открылъ мнѣ ее, и, когда я вполнѣ изслѣдую ее, я съ первой же оказіей извѣщу обо всемъ короля».

Мы не знаемъ, былъ ли король когда-нибудь болѣе освѣдомленъ по этому поводу, чѣмъ мы сами.

Князь умеръ 5 октября 1791 года по дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. Онъ заболѣлъ и хотѣлъ покинуть столицу Молдавіи, климатъ которой онъ считалъ вреднымъ для себя; но не успѣлъ онъ отъѣхать и нѣсколькихъ миль, какъ съ нимъ начались приступы удушья. Его вынули изъ кареты и положили на траву на краю откоса; черезъ нѣсколько минутъ его не стало. Говорили объ отравленіи, какъ о причинѣ смерти. Обвиняли Зубова, и сама Екатерина не была свободна отъ этихъ подозрѣній. Объясненіе графа Ланжерона кажется самымъ вѣроятнымъ:

«Князь Потемкинъ самъ разрушилъ свое здоровье... Я видѣлъ, какъ онъ во время приступа лихорадки съѣлъ окорокъ, соленаго гуся, трехъ или четырехъ цыплятъ и пилъ много квасу, клюквы, меду и всевозможныхъ винъ».

По свидѣтельству Безбородко онъ отказывался отъ всякихъ лекарствъ. Когда начинались приступы лихорадки, онъ приказывалъ въ самыя холодныя ночи открывать окна въ своей квартирѣ и поливать ему голову душемъ одеколона, а самъ обливалъ себѣ тѣло холодной водой.

Печаль Екатерины была велика. «Получивъ это извѣстіе... она потеряла сознаніе, и ей пришлось пустить кровь», сообщаетъ французскій посланникъ Жене.—«Кѣмъ замѣстить такого человѣка?» — повторяла она своему секретарю Храповицкому.— «Мы всѣ теперь, какъ улитки, которыя не смѣютъ высунуть головы изъ раковинъ».

«Страшный ударъ поразилъ меня вчера», пишетъ она Гримму. Мой ученикъ, мой другъ и почти мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій, умеръ... Ахъ! Боже мой, я дѣйствительно теперь стала Madame la Ressource. Снова я должна воспитывать себѣ людей!»

Черезъ годъ, 30 сентября, въ день ангела *идола* Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ слезы, а 5 октября того же года годовщину смерти князя, государыня отмѣняетъ всѣ утренніе пріемы, не выходитъ изъ своихъ апартаментовъ и проводитъ цѣлый день въ полномъ одиночествѣ. Однако, несмотря на эти слезы и печаль, день смерти князя не былъ объявленъ офиціально поминальнымъ днемъ въ имперіи. Это былъ капризъ Зубова, и Екатерина предоставила полную свободу дѣйствій своему новому фавориту. Ни одинъ памятникъ не былъ воздвигнутъ въ честь *великаго человѣка*,—какъ Екатерина любила его называть—и по распространенному преданію его тѣло, погребенное при церкви св. Екатерины въ Херсонѣ, было вырыто по приказу Зубова и брошено въ общую могилу. Легенда не вѣрна: мавзолей, поставленный въ херсонской церкви благочестивой графиней Браницкой, былъ дѣйствительно разрушенъ, и останки покойнаго князя исчезли, но повиненъ былъ въ этомъ оскорбленіи могилы взошедшій на престолъ императоръ Павелъ, который *указомъ* распорядился, чтобы не осталось слѣда отъ этой могилы, оскорблявшей въ немъ несвоевременное благочестивое сыновнее чувство или вызывавшее запоздалую злобу

Но еще при жизни Екатерины и очень скоро послѣ кончины фаворита была вырыта для него другая общая могила: равнодушіе большинства тѣхъ, которые еще недавно съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его шагомъ, и ихъ полное забвеніе. Въ письмѣ графа Ростопчина отъ 25 декабря 1791 г. мы находимъ слѣдующія строки:

«Раздѣлъ земель князя еще не произведенъ: послѣ князя осталось нѣсколько долговъ, семьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ въ Польшѣ, шесть тысячъ въ Россіи и полтора милліона рублей въ бриллiантахъ. Больше всего поражаетъ то, что его совершенно забыли. Будущія поколѣнія не будутъ благословлять его памяти. Онъ обладалъ въ очень высокой степени искусствомъ дѣлать зло наряду съ добромъ и внушать ненависть къ себѣ, щедрою рукой разсыпая благодѣянія вокругъ себя. Можно было бы подумать, что онъ ставилъ себѣ цѣлью вездѣ унижать людей, чтобы стоять выше всѣхъ... Его послѣдней слабостью было ухаживать за всѣми женщинами и слыть за плохого человѣка. Это желаніе, какъ бы оно ни было смѣшно, имѣло полный успѣхъ. Женщины искали расположенія князя, а мужчины добивались должностей... Онъ оставилъ Петербургъ, растративъ восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые были выплачены императрицей, не считая долговъ».

Панегирикъ лаконическій, но выразительный.

Еще скорѣе было ликвидировано и раздѣлено политическое наслѣдіе князя. Завѣдованіе иностранными дѣлами перешло къ Безбородко, военное вѣдомство было ввѣрено Салтыкову и его помощнику и замѣстителю, брату офиціальнаго фаворита Валерьяну Зубову. Самъ фаворитъ беретъ въ свои руки внутреннюю политику, или, другими словами, все управленіе государствомъ, абсолютную власть надъ всѣми гражданскими и военными департаментами. Скоро долженъ былъ стушеваться и самъ Безбородко со всей плеядой гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, которыми окружала себя до сихъ поръ Екатерина. Начиналось царствованіе Платона Зубова.

Зубовы.

I.

Объясняя недавнюю опалу предложеннаго Екатеринѣ Потемкинымъ фаворита Мамонова и назначеніе его замѣстителя, Безбородко писалъ въ іюлѣ 1789 года графу Воронцову:

«Это ребенокъ съ хорошими манерами, но съ небольшимъ умомъ; я не думаю, что онъ долго продержится на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, это меня не интересуетъ».

Это должно было бы его сильно интересовать. Черезъ три года, послѣ своего возвращенія изъ Яссъ, куда онъ послѣ смерти Таврическаго былъ посланъ для заключенія мира съ турками, онъ убѣдился, что ребенокъ, къ которому онъ такъ презрительно отнесся, ни только сохранилъ свое положеніе, но и отобралъ у него его собственную должность.

Ихъ было четыре брата, происходившихъ изъ семьи, у которой было нѣсколько дворянскихъ грамотъ и большія претензіи. Фельдмаршалъ Салтыковъ, который оказался потомъ родственникомъ и воспитателемъ молодого человѣка, заявилъ, однако, объ этомъ родствѣ только послѣ событія. Отецъ, Александръ Зубовъ управлялъ какой-то провинціей и разбогатѣлъ въ ней. Старшій братъ Николай былъ генералъ-маіоромъ и женился на единственной дочери рымникскаго героя—*Суворочкѣ*. Второй—Платонъ, 22-лѣтній юноша, служилъ въ Царскомъ въ качествѣ прапорщика гвардейскаго полка, когда императрица обратила на него вниманіе. Онъ сыгралъ, какъ только могъ, извѣстную уже намъ сантиментальную комедію и нашелъ среди приближенныхъ императрицы полезныхъ партнеровъ, которые его поддер-

жали въ этой роли: постоянныя повѣренныя Екатерины: Анна Нарышкина, Протасова и Перекусихина, которыхъ онъ сумѣлъ склонить на свою сторону, были поочередно его толмачами, а Екатерина разспрашивала и выслушивала и, наконецъ, заявила— въ шестьдесятъ лѣтъ—что къ ней вернулась безсмертная весна. Она веселая, спѣшила въ лѣсъ, гдѣ снова лавры расцвѣтали для нея, и скоро Потемкинъ могъ найти въ письмахъ своего царственнаго друга отголосокъ этой новой радости. «Я снова вернулась къ жизни, какъ муха, которая уснула отъ холода... Я снова весела и чувствую себя хорошо», писала она ему въ августѣ 1789 года. Затѣмъ въ ея письмахъ къ другу начинаютъ все чаще и чаще появляться намеки на воспитанность, очаровательность и необыкновенныя качества «ребенка», «маленькаго смугляка». Ему хочется всѣмъ нравиться. «Онъ пишетъ вамъ съ большимъ увлеченіемъ, и его любезность дѣлаетъ и меня болѣе любезной». Онъ обладаетъ всѣми капризами, но также и всѣми чарами своего возраста: онъ плачетъ, когда его не впускаютъ въ комнату государыни. Другу ничего не остается, какъ въ свою очередь полюбить этого ребенка—*нашего ребенка*, какъ она иногда называетъ его въ своихъ письмахъ.

«Молодой человѣкъ съ великолѣпной фигурой», замѣчаетъ со своей стороны совершенно объективный наблюдатель шведъ Стедингъ, товарищъ Лафайета по оружію и авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, «смуглый, хрупкій, небольшого роста, напоминающій красиваго француза въ жанрѣ рыцаря Пюйсегюра»...

Но милый ребенокъ или хрупкій молодой человѣкъ обнаруживаетъ очень скоро огромное честолюбіе: онъ захватываетъ въ свои руки всѣ дѣла, всѣ средства для вліянія, всѣ источники, изъ которыхъ течетъ царская милость. Съ этихъ поръ она существуетъ только для него и для его родственниковъ, такъ какъ онъ любитъ своихъ и убѣжденный сторонникъ непотизма [1]). Онъ настойчивый попрошайка, иногда очень неловкій: въ день, когда въ Петербургѣ празднуютъ взятіе Бѣлграда русскими союзниками австрійцами, онъ въ присутствіи многочисленныхъ придворныхъ вдругъ заявляетъ:

— Всѣ сегодня празднуютъ одно радостное событіе, а я два.

— Какое же второе?—спрашиваетъ императрица.

— Моя сестра только что родила.

---

[1]) Радѣніе родному человѣчку.

Всѣ смѣются, а Екатерина смущена, но у нея неизсякаемый источникъ терпимости къ шалостямъ «мальчика». Она обращается съ нимъ, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, и какъ съ любовницей, которой ни въ чемъ не отказываютъ. Она награждаетъ пажа, которому удалось удачно поднять платокъ, оброненный фаворитомъ.

Пользуясь своимъ положеніемъ, фаворитъ все смѣлѣе начинаетъ подрывать довѣріе къ тѣмъ, которые могутъ заслонить собою его самого, и первой жертвой выбираетъ самого Потемкина. Его братъ, котораго онъ отправилъ въ армію, присылаетъ ему отчеты, въ которыхъ очень рельефно выступаютъ ошибки, недосмотры и эксцессы главнокомандующаго. Въ то же время *мальчикъ* начинаетъ быстро собирать огромныя богатства. Онъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ: онъ не проситъ денегъ изъ императорской казны, а, пользуясь своимъ положеніемъ, примѣняетъ систему взятокъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, дѣла которыхъ по несчастной случайности попадаютъ въ его руки. Въ концѣ концовъ всѣ дѣла попадаютъ въ его вѣдѣніе. Онъ умѣетъ, впрочемъ, устраиваться такимъ образомъ, что Екатеринѣ приходится насильно навязывать ему свои подарки, которые становятся все болѣе и болѣе щедрыми. Въ 1791 году она задумываетъ купить для него большое помѣстье, отъ котораго хочетъ избавиться Потемкинъ. Но фаворитъ догадывается о ея намѣреніи, и за столомъ, за которымъ сидитъ много гостей, между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Сколько стоитъ это помѣстье?

— Извините, Ваше Величество,—оно продано.

— Когда?

— Сегодня утромъ.

— Кому?

— Вотъ покупатель.

И невозмутимый мотъ указываетъ при этомъ пальцемъ на молодого адъютанта, бѣднаго офицера, который стоитъ позади его кресла. Екатерина хмуритъ брови, но ходъ сдѣланъ: въ тотъ же день наскоро составленный формальный договоръ превращаетъ счастливаго участника театральной сцены въ собственника двѣнадцати тысячъ крѣпостныхъ, и богатство одной изъ виднѣйшихъ современныхъ фамилій Польши обязано своимъ происхожденіемъ этой княжеской фантазіи.

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

Портретъ находится въ Таврическомъ дворцѣ.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

Послѣ смерти страшнаго соперника, который еще уравновѣшивалъ до нѣкоторой степени положеніе новаго фаворита, его растущее вліяніе ничѣмъ уже больше не задерживается. За періодъ времени отъ 1789 по 1796 годъ онъ получаетъ титулъ графа и князя священной имперіи, ордена Чернаго орла и Краснаго орла и въ семь лѣтъ поднимается на вершину той лѣстницы, на которую его предшественникъ взбирался въ продолженіе двадцати. Въ качествѣ генералъ-губернатора Малороссіи онъ въ 1794 году отдаетъ приказы Суворову! 20 августа 1795 года графъ Растопчинъ пишетъ Семену Воронцову:

«Графъ Зубовъ здѣсь все. Ничьей воли, кромѣ его, не существуетъ больше. Онъ пользуется бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ въ свое время князь Потемкинъ. Онъ также безпеченъ и неспособенъ, какъ и раньше, хотя императрица и повторяетъ всѣмъ и каждому, что это величайшій геній, котораго въ Россіи когда-либо видѣли»...

II.

На этотъ разъ никто не раздѣляетъ мнѣнія императрицы. Отзывъ Ростопчина единодушно поддерживается всѣми современниками. «Хорошій гвардейскій унтеръ-офицеръ», говоритъ про него Суворовъ. Всѣ имѣютъ возможность каждый день убѣждаться въ томъ, что онъ ничего не знаетъ и не даетъ себѣ труда понять что-нибудь. Въ дѣлахъ, которыя не затрагиваютъ его интересовъ, онъ ограничивается замѣчаніемъ: «дѣлайте, какъ прежде». Въ вопросахъ внѣшней политики онъ ведетъ себя, какъ трехлѣтній ребенокъ, которому дали сыграть партію въ шахматы. Онъ по своему перекраиваетъ карту Европы, стирая съ лица земли Австрію, отнимая у революціонной Франціи двѣ трети ея владѣній и предоставляя остальное возвращеннымъ Бурбонамъ.

Возвращаясь изъ Петербурга графъ Артуа готовъ высадиться въ Англіи, рискуя быть арестованнымъ за долги. Тогдашній русскій посланникъ въ Лондонѣ Семенъ Воронцовъ спѣшитъ предупредить его объ этомъ, но получаетъ слѣдующій отвѣтъ:

— Я предвидѣлъ эти затрудненія и изложилъ ихъ въ разговорѣ съ графомъ Зубовымъ, но вотъ его подлинныя слова: «Всѣ ваши затрудненія, Ваше Высочество, будутъ улажены. Англія будетъ счастлива васъ встрѣтить; она сдѣлаетъ все, чего импе-

ратрица захочетъ, а нашъ посланникъ сумѣетъ разрѣшитъ этотъ вопросъ и быть вамъ полезнымъ».

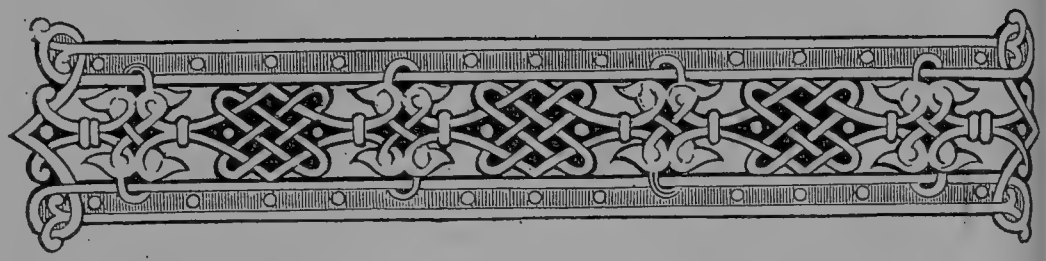
Несчастный посланникъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, а графъ послѣ неудачной попытки долженъ былъ бѣжать и направить свой парусъ къ берегамъ Германіи.

Подорванная дисциплина въ арміи, развитіе роскоши и сибаритства въ офицерскихъ кругахъ, опустошенная казна и переполненныя тюрьмы—таковы, по словамъ компетентныхъ авторитетовъ, памятники административной дѣятельности фаворита въ области внутренней политики.

Пріобрѣтеніе польскихъ областей, приписываемое государыней его дѣятельности, явилось на самомъ дѣлѣ слѣдствіемъ плана, ею самой еще раньше подготовленнаго въ согласіи съ Потемкинымъ и Безбородко и проведеннаго въ жизнь оставшимися въ живыхъ представителями великой эпохи этого царствованія: Каховскими, Кречетниковыми и, наконецъ, самимъ Суворовымъ, который былъ призванъ изъ полу-изгнанія и полуопалы. Организація пріобрѣтенныхъ областей также является дѣломъ сотрудниковъ предыдущей эпохи, Тутолминыхъ, Репниныхъ и Паленыхъ. Зубовы являются туда только для того, чтобы набить свои карманы. Персидская экспедиція была только дорого стоющей безсмыслицей. Построеніе Одессы, предпринятое Рибасомъ при поддержкѣ Зубова, имѣетъ цѣнность только частной спекуляціи, до тѣхъ поръ пока остается въ ихъ рукахъ. Состоя начальникомъ артиллеріи, фаворитъ неспособенъ отличить полевое орудіе отъ крѣпостной пушки, и это генералъ Мелиссино беретъ на себя иниціативу сформировать первые батальоны конной артиллеріи, между тѣмъ какъ честь этого предпріятія была приписана Екатериной исключительно ея любовнику.

«Честный человѣкъ», сказалъ Суворовъ о шефѣ іерархіи, которымъ сдѣлалъ его капризъ императрицы. Если эта оцѣнка не была ироніей, то ее нужно во всякомъ случаѣ признать ошибкой. Грабежъ Польши не обнаруживаетъ этого качества, ни у самого фаворита, ни у его близкихъ сотрудниковъ, какъ, напр., Грибовскій и Рибасъ, которые подъ его высокимъ покровительствомъ старались превзойти другъ друга, расхищая ея богатства. Въ два года бывшій писецъ изъ канцеляріи Потемкина Грибовскій награбилъ столько денегъ, что могъ содержать оркестръ, труппу шутовъ, гаремъ и лучшихъ лошадей столицы. У Потем-

кина были нѣкоторые благородные инстинкты, даже кое-какія либеральныя идеи. Фонъ-Визинъ, одинъ изъ независимыхъ умовъ той эпохи, пользовался покровительствомъ у него, какъ Ломоносовъ у Григорія Орлова. Между тѣмъ Зубовъ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи Радищева, Новикова и Княжнина. Его даже считали вдохновителемъ этого гоненія. Потемкинъ уничтожилъ висѣлицы въ польскихъ помѣстьяхъ, которыя перешли въ его собственность, тогда какъ Зубовъ въ аналогичныхъ случаяхъ вводилъ крѣпостное право среди мелкихъ собственниковъ мѣстнаго шляхетскаго населенія, привилегіи котораго признавались республикой.



Фавориты.

I.

Въ этой главѣ, какъ и во всей книгѣ, мы преслѣдуемъ исключительно историческій интересъ. Мы не можемъ вычеркнуть Григорія Орлова и его соперниковъ изъ исторіи Екатерины, точно такъ же, какъ не можемъ выбросить изъ исторіи Людовика XV мадамъ дю-Барри. Впрочемъ, скрыть фаворитовъ великой императрицы значило бы итти противъ ея собственнаго желанія; она всегда претендовала на то, чтобы ихъ видѣли и чтобы ими восхищались. Мы, конечно, не будемъ раздѣлять ея восторговъ, но упускать ихъ изъ виду, считаясь съ ними какъ съ quantité négligeable, значило бы явно нарушать историческую истину: они слишкомъ велики для этого; они занимаютъ слишкомъ много мѣста. Всякая попытка набросить на нихъ вуаль, какъ на позорное явленіе, была бы оскорбительна для Екатерины и сводила бы ихъ роль на уровень, унизительный, какъ для нея, такъ и для нихъ. Въ своемъ письмѣ къ императрицѣ отъ 1775 года Сиверсъ намекаетъ на слухи объ имѣющемся уже замѣстителѣ Потемкина, но онъ не боится вполнѣ открыто формулировать свои желанія и надежды, которыя онъ связываетъ съ выборомъ новаго фаворита. Онъ хотѣлъ бы, чтобы фаворитъ не имѣлъ никакого вліянія на дѣла управленія. Екатерина, наоборотъ, всегда добивалась противнаго. Она заботилась о томъ, чтобы избранники ея сердца, или даже ея простые товарищи по удовольствіямъ, принимали самое широкое участіе не только въ ея личной жизни, но и въ жизни страны, которая управлялась ея законами. И нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, играли такую роль, которую нѣтъ никакихъ основаній вы-

черкивать изъ исторіи. Это самые интересные, но и другіе также не лишены хотя бы нѣкотораго интереса.

Впрочемъ, они всѣ не похожи другъ на друга. Всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, представляютъ разнообразіе и градацію чертъ или, по крайней мѣрѣ, ньюансовъ, очень любопытныхъ для наблюдателя, потому что обнаруживаютъ соотвѣтствующую модификацію вкусовъ, наклонностей и привычекъ, а отчасти, можетъ быть, мыслей и чувствъ самой Екатерины. Ихъ исторія, такимъ образомъ, даетъ намъ ключъ къ пониманію умственнаго и моральнаго развитія этой необыкновенной женщины, товарищами которой они были, и имѣетъ, поэтому, непосредственное отношеніе къ нашему предмету.

Вмѣстѣ съ Орловыми, Потемкинымъ и Зубовыми, о которыхъ мы говорили выше, мы должны оставить въ сторонѣ также первыхъ ея избранниковъ, Чернышева, Салтыкова и Понятовскаго, которые были любовниками великой княгини, но не были у трона императрицы и не носили классическаго титула *фаворитовъ*. Эти послѣдніе выступаютъ на сцену только послѣ переворота 1762 года, и первымъ въ этой роли дебютируетъ Григорій Орловъ. Послѣ него идетъ очень длинный рядъ, и мы не претендуемъ исчерпать его, но для нашей цѣли достаточно указать главныхъ представителей.

Первымъ по порядку идетъ просто первый встрѣчный, человѣкъ, который проходитъ мимо окна и является по знаку, рядовой солдатъ.

«Гвардейскій поручикъ Васильчиковъ, котораго случай привелъ весной въ Царское село... привлекъ на себя вниманіе императрицы. Этого менѣе всего можно было ожидать, такъ какъ красотой онъ не отличается, самъ онъ въ свою очередь никогда не старался обратить на себя вниманіе и былъ очень мало извѣстенъ въ обществѣ. Впервые императрица проявила свое вниманіе къ нему во время своего переѣзда изъ Царскаго села въ Петергофъ: она послала ему золотую шкатулку и велѣла сказать ему, что это подарокъ за образцовый порядокъ среди его отряда... Объ этомъ говорили, но никакого значенія факту не придавали. Усердіе, которое проявлялъ этотъ офицеръ въ Петергофѣ, его стараніе быть всегда тамъ, гдѣ проходила императрица, радость государыни всякій разъ, когда она его отыскивала въ толпѣ, лучшее самочувствіе и болѣе веселое настроеніе государыни послѣ отъѣзда стараго фаворита, удрученный видъ

и недовольство родственниковъ и друзей послѣдняго, наконецъ, тысяча другихъ мелкихъ обстоятельствъ—все это раскрыло глаза придворнымъ».

Такъ извѣщаетъ объ этой новости баронъ Сольмсъ Фридриха II въ письмѣ отъ 3 августа 1772 года. Мѣсяцъ спустя, онъ пишетъ по тому же поводу:

«Я только что видѣлъ Васильчикова и узналъ его, такъ какъ встрѣчалъ его довольно часто раньше при дворѣ, гдѣ онъ совершенно терялся въ толпѣ. Это человѣкъ средняго роста, лѣтъ двадцати восьми, смуглый (sic) и довольно красивый. Онъ былъ всегда очень вѣжливъ со всѣми, очень милъ, но робокъ, и такимъ остался до сихъ поръ. Его, какъ-будто, стѣсняетъ та роль, которую ему приходится играть... Въ общемъ всѣ, имѣющіе отношеніе ко двору, недовольны этимъ выборомъ. Родственники и друзья князя Орлова, прислуга, лакеи и горничныя императрицы—всѣ крайне взволнованы по этому поводу. Они ходятъ удрученные, задумчивые, недовольные. Всѣ они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Орловымъ: онъ за ними ухаживалъ, онъ имъ покровительствовалъ. А Васильчиковъ человѣкъ неизвѣстный. Никто еще не знаетъ, будетъ ли онъ пользоваться такимъ же довѣріемъ, какъ его предшественникъ, и какъ, и для кого этимъ довѣріемъ воспользуется. Императрица себя чувствуетъ лучше, чѣмъ когда бы то ни было, всегда весела, довольна и только и думаетъ, о празднествахъ и развлеченіяхъ».

Екатеринѣ теперь сорокъ три года. Григорій Орловъ находится въ Молдавіи и ничего не подозрѣваетъ. Всеобщее неодобреніе по поводу водворенія новаго фаворита, которымъ такъ довольна со своей стороны сама императрица, находитъ откликъ также въ дипломатическомъ корпусѣ: англійскій посланникъ Геннингъ даетъ суровый отзывъ объ этомъ новомъ капризѣ царицы, который онъ считаетъ пятномъ на ея славѣ, справедливо пользующейся всеобщимъ признаніемъ. Впрочемъ, эта маленькая придворная революція, подготовленная Панинымъ при благосклонномъ участіи Барятинскаго, имѣетъ и политическое значеніе при всей ничтожности главнаго ея виновника: это реваншъ аристократической партіи, которая была недовольна близостью къ трону такого parvenu, какъ Орловъ. Фамилія Васильчиковыхъ происходила отъ древнихъ бояръ и состояла въ родствѣ съ Толстыми. Въ 1575 году эта фамилія дала Россіи царицу. Реваншъ былъ случайный и непродолжительный. Мѣсто, которое зани-

малъ въ теченіе десяти лѣтъ красавецъ Григорій со своими четырьмя братьями, было слишкомъ велико, чтобы этотъ новичекъ могъ удержать его за собой. Онъ только проходитъ, расчищая дорогу болѣе подходящему замѣстителю. Потемкинъ появляется, а онъ исчезаетъ. Saltavit et placuit. Онъ получаетъ богатые подарки, женится и очень счастливъ въ семейной жизни.

Пользуясь неосторожностью Потемкина, который уѣхалъ на нѣсколько недѣль изъ Петербурга, Панинъ, дѣйствуя на этотъ разъ въ согласіи съ Орловымъ, помогаетъ восторжествовать другому кандидату, человѣку совершенно другого типа. Украинецъ по происхожденію, начавъ свою карьеру суфлеромъ въ придворномъ театрѣ, Завадовскій становится затѣмъ директоромъ тайной канцеляріи губернатора Малороссіи фельдмаршала Румянцева. Это человѣкъ умный, образованный и опытный въ дѣлахъ и, поэтому, опасный соперникъ для будущаго завоевателя Крыма, который долженъ былъ употребить цѣлый годъ, чтобы освободиться отъ него. Онъ добился этого, отыскавъ ему преемника въ лицѣ Зорича.

Это единственный иностранецъ среди фаворитовъ императрицы, но славянскаго происхожденія—сербъ или кроатъ. Говорятъ, что на этотъ завидный постъ былъ приглашенъ курляндецъ Мантейфель, но отказался отъ этой чести. Но вообще Екатерина, повидимому, не расположена выбирать себѣ фаворитовъ не русскаго происхожденія. Память о Биронѣ, очевидно, служила ей предостереженіемъ. Сынъ подполковника русской арміи, Зоричъ самъ служилъ въ чинѣ поручика во время семилѣтней войны и въ чинѣ маіора въ первую турецкую кампанію. Теперь уже это человѣкъ зрѣлаго возраста. Только впослѣдствіи Екатерина будетъ ихъ брать чуть ли не со школьной скамьи. Впрочемъ, несмотря на то, что ему пришлось пережить много тяжелыхъ испытаній, пробыть нѣсколько лѣтъ въ плѣну у турокъ и сидѣть въ знаменитой турецкой каторжной тюрьмѣ, онъ и въ свои сорокъ лѣтъ могъ, по свидѣтельству всѣхъ своихъ современниковъ, служить совершеннымъ образцомъ мужской красоты и силы. Меге-де-ля-Тушъ, который видѣлъ его десять лѣтъ спустя, такъ отзывается о немъ:

«Это красавецъ, который просится на полотно. Ему, вѣроятно, подъ пятьдесятъ, но его глаза еще великолѣпны, а манеры полны граціи. Хотя у него нѣтъ недостатка въ природномъ умѣ, но бесѣда съ нимъ не слишкомъ занимательна... Онъ мнѣ

часто повторялъ, что раньше онъ былъ варваромъ, но что *его дама* сдѣлала изъ него совершенно другого человѣка. Онъ мнѣ много говорилъ о времени своего фавора и со слезами на глазахъ разсказалъ о проявленіяхъ вниманія къ нему со стороны *его дамы*».

Это, дѣйствительно, варваръ, но Екатерина уже беретъ на себя трудъ обтесать его: это прелюдія къ болѣе сложнымъ опытамъ интимнаго воспитанія, въ которомъ находятъ себѣ удовлетвореніе, какъ ея научные и литературные вкусы, такъ и материнскіе инстинкты. Зоричу недостаетъ молодости и понятливости, чтобы подходить къ роли ученика. И, къ его несчастью, честолюбіе развивается у него гораздо скорѣе, чѣмъ его знанія и умъ. Онъ недоволенъ своимъ графскимъ титуломъ, который получилъ въ январѣ 1778 года, считая его ниже своего достоинства при своемъ положеніи. Онъ хочетъ стать княземъ, какъ Орловъ и Потемкинъ. Послѣдняго уже не приглашаютъ больше для розыска новыхъ кандидатовъ на это амплуа, которое вызываетъ такое чрезмѣрное честолюбіе. Послѣ нѣкоторыхъ оглядокъ и неудачныхъ попытокъ, когда на сцену появляется сначала какой-то персъ, отличавшійся необыкновенными физическими качествами—впослѣдствіи экзотическіе элементы фигурируютъ въ большомъ числѣ среди пышной дворцовой стражи, которой себя окружила Екатерина — затѣмъ министръ полиціи Архаровъ и, наконецъ, самъ эксъ-фаворитъ Завадовскій, за неимѣніемъ лучшаго, — послѣ всего этого господинъ положенія найденъ: это простой вахмистръ гусарскаго гвардейскаго полка Корсакъ.

Зоричъ, правда, не безъ сопротивленія уступилъ свое мѣсто. Онъ заявляетъ, что обрѣжетъ уши всѣмъ гусарамъ, которые захотятъ выжить его изъ дворца. Онъ доходитъ до того, что вызываетъ на дуэль своего стараго покровителя; но Потемкинъ отказывается драться съ нимъ, а, когда сама Екатерина вмѣшивается въ этотъ споръ, отставка серба становится очень скоро свершившимся фактомъ. Его фаворъ продолжался одиннадцать мѣсяцевъ (1777—78). Онъ уходитъ съ четырехсоттысячной рентой и помѣстьемъ Шкловомъ въ Бѣлоруссіи, приносящимъ огромный доходъ. На долю Польши также приходится выплачивать пенсію этому бывшему фавориту. Послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за-границей онъ окончательно поселяется въ этомъ краѣ, который начинаетъ напоминать княжество. Онъ

тутъ живетъ почти царькомъ съ многочисленнымъ дворомъ, театромъ, въ которомъ ставятъ французскія оперы и итальянскіе балеты, и проживаетъ большія деньги. Онъ основываетъ тутъ пресловутую военную школу, гдѣ на его счетъ воспитываются двѣсти молодыхъ людей, но ея существованіе находится въ постоянной опасности, такъ какъ средства, предназначенныя на ея содержаніе, проматываются. Въ одну ночь онъ проигрываетъ князю Волконскому пятьдесятъ тысячъ рублей.

Отправляясь въ 1870 году въ Могилевъ встрѣчать Іосифа II, Екатерина останавливается въ Шкловѣ. Чтобы принять ее тамъ, Зоричъ заново перестраиваетъ свой великолѣпный дворецъ и проявляетъ при этомъ такую деликатность и вниманіе, что воспроизводитъ въ этомъ новомъ зданіи спальню зимняго дворца. Мы не знаемъ, было ли ему позволено для полной точности этой mise en scène принимать тамъ свою августѣйшую гостью. Но онъ тратитъ шестьдесятъ тысячъ рублей на саксонскій фарфоръ, за который Фридрихъ взимаетъ двойную пошлину на обѣихъ границахъ, чтобы наказать фаворита за то, что сдѣлалъ свою покупку не въ Берлинѣ.

Въ 1783 году владѣлецъ Шклова навлекаетъ на себя подозрѣніе въ томъ, что принималъ участіе въ фабрикаціи ассигнацій, которую накрываютъ по сосѣдству съ его резиденціей. Ему удается снять съ себя это обвиненіе, и онъ даже снова появляется при дворѣ послѣ смерти Екатерины и фигурируетъ тамъ до своей смерти въ 1799 году.

Въ этой серіи, которую мы намѣтили, Зоричъ былъ красивымъ мужчиной par exellence, а Корсакъ теноромъ. Въ своемъ письмѣ къ Гримму отъ 7 мая 1779 года Екатерина выражаетъ увѣренность въ томъ, что, если бы *горемыка* услышалъ его пѣніе, то онъ не могъ бы удержаться отъ слезъ, какъ это съ нимъ случилось на концертѣ знаменитой примадонны Габріелли [1]).

Царствованіе новаго фаворита составило цѣлую эпоху въ аналахъ музыкальнаго искусства въ Россіи. Въ качествѣ его парт-

---

[1]) Эта пѣвица была дочерью повара князя Габріелли, у котораго заимствовала имя, чтобы съ большимъ успѣхомъ объѣздить европейскія столицы и побывать также въ Петербургѣ. Ея пѣніе оставило неизгладимое впечатлѣніе у жителей столицы такъ же, какъ и ея связь съ высокопоставленнымъ придворнымъ сенаторомъ Елагинымъ, тѣмъ самымъ, который имѣлъ печальную привилегію принимать у себя графа Каліостро; на этотъ разъ онъ вывихнулъ себѣ ногу, дѣлая пируэтъ передъ красивой пѣвицей.

неровъ были выписаны изъ Италіи лучшіе артисты: подруга Алексѣя Орлова Корилла Олимпика читала свои вдохновенныя поэтическія импровизаціи подъ пѣніе красиваго тенора; скрипачъ Надини, котораго очень высоко цѣнили во Франціи, куда онъ отправится помирать въ 1799 году, имѣлъ честь ему акомпанировать, а Екатерина пишетъ еще по этому поводу своему повѣренному: «Никогда у насъ не было столько искусства, науки, музыки и пр., сколько теперь... Я никогда, не видѣла человѣка, который дѣйствительно наслаждался бы въ такой степени всѣми звуками гармоніи; какъ Пирръ, царь Эпирскій».

Пирръ, царь Эпирскій—это Корсакъ, или Корсаковъ, какъ его теперь обыкновенно называютъ. Екатерина любила давать насмѣшливыя прозвища, смыслъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ теперь очень трудно отгадать. Никакого видимаго сходства не было между замѣстителемъ Зорича и знаменитымъ завоевателемъ Македоніи. Его настоящее имя было, повидимому, Корсакъ. Онъ принадлежалъ къ очень древней, еще и теперь очень почтенной польской семьѣ, не претендовавшей на очень знатное происхожденіе. Когда онъ сдѣлался фаворитомъ, его имя было руссифицировано при помощи окончанія *овъ* въ интересахъ національнаго самолюбія и было связано съ высокимъ генеалогическимъ древомъ по общему правилу: «чтобы не заходить слишкомъ далеко, начнемъ съ Геркулеса»... Впослѣдствіи въ Россіи было много Корсаковыхъ, но ничего общаго не имѣвшихъ ни съ возлюбленнымъ прекрасной Омфалы, ни съ фаворитомъ Екатерины. Исторіи извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, бывшій вице-губернаторомъ какой-то провинціи въ 1715 году и присужденный къ тѣлесному наказанію за преступленія противъ частнаго права. Это не былъ родственникъ фаворита.

Получивъ орденъ кавалера польскаго орла и чины генералъ-адъютанта и камергера, осыпанный почестями и подарками, Корсакъ или Корсаковъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы оправдать проявленное къ нему вниманіе: онъ былъ уже артистомъ, теперь ему захотѣлось стать ученымъ. Библіотекарю было поручено составить ему библіотеку.

— Какія книги Ваша Милость хочетъ имѣть?

— Толстыя книги внизу, а поменьше вверху, какъ у императрицы.

Красивый молодой человѣкъ пользовался своимъ положеніемъ, и его послѣобѣденные часы, проведенные en tête-à-tête

съ императрицей среди драгоцѣнныхъ коллекцій эрмитажа не пропадали для него даромъ. Къ несчастью, у него было слабое здоровье, и онъ скоро началъ харкать кровью; сердце также оказалось слабымъ: государыня застала его однажды въ объятіяхъ своего лучшаго друга графини Брюсъ, которая также была неравнодушна къ артистамъ. Случайно открывшаяся дверь обнаружила Екатеринѣ эту общность чувствъ. Подозрѣвали Потемкина въ причастности къ этой исторіи. Онъ, можетъ быть, счелъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ своему вѣчному врагу фельдмаршалу Румянцеву, родному брату графини Брюсъ. Но, можетъ быть, онъ просто разсудилъ, что фаворитъ слишкомъ долго засидѣлся на своемъ мѣстѣ. Его фаворъ продолжался пятнадцать мѣсяцевъ и обошелся Екатеринѣ въ милліонъ рублей: обыкновенные тенора стоятъ меньше, даже въ наше время. Графиня Брюсъ была отправлена на нѣкоторое время въ Москву, куда за ней послѣдовалъ и разжалованный фаворитъ, который мирно прожилъ тамъ до глубокой старости. Екатерина была всегда очень внимательна къ своимъ старымъ слабостямъ, находя, очевидно, это лучшимъ средствомъ для успѣха съ новыми.

II.

«Я не ожидала, чтобы мое письмо къ натуралисту назвали шедевромъ. Правда, генералъ Ланской находилъ, что оно прекрасно написано. Но молодой человѣкъ съ такимъ пылкимъ умомъ можетъ легко увлекаться даже при всемъ своемъ тактѣ. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, вамъ нужно знать, какъ отозвался о немъ въ разговорѣ со своимъ другомъ князь Орловъ. «О!—сказалъ онъ,—вы увидите, какого она человѣка изъ него сдѣлаетъ! Онъ глотаетъ все». Онъ началъ съ того, что одну зиму глоталъ поэтовъ, въ другую—проглотилъ нѣсколькихъ историковъ. Романы намъ наскучили, и мы пристрастились къ Альгаротти и подобнымъ авторамъ. Мы не многому учились, но много знаемъ и бываемъ всегда въ обществѣ лучшихъ и образованныхъ людей. Кромѣ этого мы занимаемся постройками, разводимъ сады, поощряемъ благотворительность, мы веселы, честны и очень милы».

Эти строки, въ которыхъ легко узнать стиль Екатерины, ея письменныхъ бесѣдъ съ Гриммомъ, относятся къ іюню 1782 года и намекаютъ на письмо, отправленное ею недавно Бюффону.

Императрица извѣщаетъ «горемыку» объ успѣхахъ своего новаго ученика. Коцебу несправедливъ къ этому молодому человѣку въ своей книгѣ, въ которой онъ довольно неудачно защищаетъ Екатерину и ея приближенныхъ отъ грубыхъ нападокъ Массона. «Ланской, пишетъ онъ, былъ самымъ невѣжественнымъ человѣкомъ при дворѣ Екатерины, и сама императрица краснѣла, когда онъ обращался къ ней». Не нужно забывать, что въ тотъ моментъ, когда Екатерина обратила вниманіе на фаворита, ему было всего двадцать два года, и онъ, безъ сомнѣнія, не былъ ни невѣжественнѣе, ни образованнѣе большинства своихъ товарищей, гвардейскихъ офицеровъ. Но Чернышевы и Орловы научили еще двадцать лѣтъ тому назадъ Екатерину не быть особенно требовательной въ этомъ отношеніи, и ея дворъ никогда не былъ и не претендовалъ быть ученой комиссіей.

Происходя изъ семьи мелкопомѣстныхъ дворянъ, Ланской получилъ, вѣроятно, такое же образованіе, какое получило большинство приближенныхъ Екатерины. Онъ умѣлъ, навѣрное, читать и писать по-русски и болталъ немного по-французски. Когда Екатеринѣ вздумалось въ 1784 году заставить его переписываться со своими западными друзьями изъ литературнаго міра, то ей пришлось быть его секретаремъ. Письма фаворита къ Гримму за этотъ годъ написаны отъ первой до послѣдней строки рукой императрицы. Мы отъ этого ничего не потеряли, конечно. Вотъ нѣсколько выдержекъ для образчика:

«Вы видите—это пишетъ Екатерина подъ диктовку Ланского—какой у меня секретарь; онъ говоритъ, что мой былъ глупъ, какъ пробка, но я думаю, что только зависть къ товарищу по ремеслу можетъ заставить такъ говорить человѣка. Я былъ бы гораздо болѣе доволенъ имъ, еслибы онъ излагалъ больше мои мысли, чѣмъ собственныя».

Въ слѣдующемъ письмѣ фаворитъ извѣщаетъ «горемыку» объ отправкѣ пятидесяти тысячъ рублей для покупки картинъ, которыя продавалъ графъ Бодуэнъ.

«Если этого будетъ мало, то остальныя деньги будутъ присланы немедленно, какъ только вы сообщите вашему покорному слугѣ или его секретарю, имя и почеркъ котораго, какъ онъ увѣряетъ, вамъ хорошо извѣстны. Этотъ секретарь, какъ вы знаете, очень добрый и милый человѣкъ, и мнѣ пріятно сказать про него мимоходомъ доброе слово, тѣмъ болѣе, что онъ

довольно аккуратно исполняетъ свои обязанности, усидчивъ, смѣтливъ, веселъ и вообще славный малый, безплатно служитъ мнѣ своимъ перомъ, а иногда и совѣтомъ и даже чаще, чѣмъ я того хочу».

Единственное письмо отъ 31 мая 1784 года написано почеркомъ Ланского, очень правильно составлено, но очень немногословно и безсодержательно: это работа ученика, который старается дѣлать хорошо. «Онъ былъ прилеженъ и успѣвалъ», дѣйствительно, писала про него Екатерина на слѣдующій день послѣ его смерти. Онъ бралъ уроки французскаго языка у де-Серра, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще до своего назначенія. Этотъ послѣдній разсказывалъ, что имущество Ланского наканунѣ того дня, когда онъ сталъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Россіи, состояло изъ пяти рубашекъ. Оставшись однажды безъ ночлега, гвардеецъ постучался къ своему другу. Де-Серръ ограничился тѣмъ, что уложилъ его спать рядомъ со своей кроватью на полу въ своей скромной комнатѣ эмигранта, ищущаго счастья. Черезъ нѣсколько недѣль, занимая уже во дворцѣ великолѣпные апартаменты, предназначенные для избранниковъ императрицы, Ланской пригласилъ къ себѣ своего гостепріимнаго хозяина, очень хорошо его принялъ, угостилъ ужиномъ, объявилъ, что оставляетъ его у себя ночевать, самъ легъ и пригласилъ француза сдѣлать то же самое—на полу. Де-Серръ долженъ былъ повиноваться и видѣлъ, должно быть, дурной сонъ.

Не довольствуясь изученіемъ французскаго языка, фаворитъ старался развить у себя вкусъ къ красивымъ вещамъ, какими любила себя окружать Екатерина. Онъ едва не упалъ въ обморокъ, если вѣрить Екатеринѣ, когда узналъ, что Гриммъ упустилъ случай купить для него дорогую коллекцію старинныхъ камней. Это былъ заурядный молодой человѣкъ, но съ очень милымъ характеромъ. Открытый и представленный Екатеринѣ Потемкинымъ, онъ въ глазахъ послѣдняго имѣлъ то преимущество, что не обнаруживалъ претензій, чуждыхъ его спеціальному назначенію. Лѣнивый по природѣ онъ отбиваетъ охоту даже у Екатерины преслѣдовать какіе-нибудь честолюбивые планы въ его интересахъ. Всякое участіе въ государственныхъ дѣлахъ отпугивало его лѣнивую натуру. Его покровительница должна была довольствоваться для него внѣшнимъ блескомъ декоративнаго почета. Она его произвела—какъ, впрочемъ, и всѣхъ другихъ—

въ генералы, камергеры, сдѣлала шефомъ своего кирасирскаго полка, кавалеромъ большого креста *Полярной Звѣзды*; она просила Храповицкаго справиться въ золотой книгѣ русскаго дворянства, въ *Бархатной книгѣ*, не было ли тамъ какихъ-нибудь указаній о его предкахъ; она ему подарила много денегъ, дворцовъ, земель и бриллiантовъ, всего на сумму въ семь милліоновъ рублей. Въ этомъ отношеніи она не встрѣчала сопротивленія съ его стороны. У молодого человѣка была своя слабость—онъ любилъ деньги. Онъ любилъ также выпить: мемуары того времени сохранили разсказъ о пуншѣ его изобрѣтенія—это была смѣсь изъ токайскаго вина, рома и ананасоваго сока, и онъ часто злоупотреблялъ этимъ напиткомъ. У него была также стѣснительная семья, крайне безпокойные братья, о которыхъ къ этому времени очень часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ. Императрица отправляла ихъ путешествовать по Европѣ и заботилась о томъ, чтобы они тамъ не слишкомъ много напроказили, между тѣмъ какъ самъ фаворитъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, будучи крайне беззаботнымъ и въ этомъ отношеніи и совершенно свободнымъ отъ какой-либо склонности къ непотизму. Вся тяжесть этихъ заботъ падала на плечи царскаго «горемыки», которому по временамъ очень трудно приходилось отъ этой родни. Въ 1782 году онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи французскихъ властей, чтобы арестовать одного изъ этихъ несносныхъ братьевъ и отдѣлить его отъ женщины, съ которой онъ былъ въ связи. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось описаніе этого романа.

Въ 1784 году еще нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы фаворъ Ланского приближался къ концу, хотя онъ уже продолжается четыре года: Потемкинъ имъ доволенъ по-прежнему, а Екатерина его боготворитъ. Но внезапная болѣзнь, словно громомъ, сразила это красивое тѣло: скарлатина, осложненная ангиной, оказалась роковой для этого истощеннаго организма, который только искусственно поддерживался до сихъ поръ. Мемуары нѣмецкаго врача Вейкардта, лѣчившаго его, содержатъ по этому поводу поучительныя, хотя и жестокія, указанія. Но врачъ, можетъ быть, отомстилъ въ своемъ отзывѣ за плохое обращеніе съ нимъ больного. Ланской издѣвался надъ его горбомъ, заявлялъ, что не можетъ выносить вида его огромнаго носа, и высмѣивалъ его лекарства. Екатерина сидѣла на постели своего возлюбленнаго и забавлялась его выходками. Въ области меди-

цины, она, какъ извѣстно, была скорѣе ученицей Мольера, чѣмъ Вольтера, и отказывалась допустить и мысли о серьезной опасности для человѣка, котораго она считала такимъ здоровымъ. «Вы не знаете, что это за сильная натура», повторяла она Вейкардту. Нѣмецъ качаетъ головой и замѣчаетъ, что шпанскую мушку можно принять за силу натуры, но что это, во всякомъ случаѣ, сила разрушительная. Отказываясь отъ совѣтовъ Вейкардта, Ланской пользуется лекарствомъ своего постояннаго русскаго врача Соболевскаго и уходомъ своего всегда пьянаго лакея, который ему тайкомъ наливаетъ большіе бокалы вина. Горло у него воспалено, онъ не даетъ дотрагиваться до него. Но болѣзнь прогрессируетъ и поражаетъ другую часть тѣла. Тогда онъ призываетъ хирурга и позволяетъ употребить въ дѣло *свинцовыя бѣлила*: на этотъ разъ онъ и самъ признаетъ, что его жизнь въ опасности. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Вейкартъ.

Онъ умеръ отъ удушья 25 іюня 1784 года. Печаль Екатерины не поддается описанію. Александръ Воронцовъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ императрицѣ и который всегда былъ склоненъ видѣть сантиментальную комедію въ ея любовной экзальтаціи, на этотъ разъ опасается, что она не перенесетъ такого горя. «Всѣ дѣла отложены въ сторону послѣ смерти Ланского», пишетъ французскій посланникъ Кайаръ 13 іюля, «и всѣ заняты императрицей, здоровье которой внушало вначалѣ большія опасенія». Черезъ два мѣсяца государыня все еще только изрѣдка принимаетъ своихъ министровъ, чтобы «нѣжнымъ и печальнымъ голосомъ» спросить у нихъ, какъ идутъ дѣла; затѣмъ она ихъ отпускаетъ и запирается въ своей комнатѣ съ сестрой покойнаго фаворита мадамъ Кутелевой. Эта послѣдняя—очень ограниченная женщина, которая была очень равнодушна къ своему брату, такъ же, какъ и онъ къ ней, но она обладаетъ способностью проливать слезы. Какъ только появляется императрица, она начинаетъ рыдать; государыня не отстаетъ отъ нея, и цѣлые дни проходятъ въ этихъ слезныхъ tête-á-tête. Въ своихъ письмахъ къ Гримму, которыя не прекращаются даже въ этотъ моментъ, Екатерина защищается, однако, отъ подозрѣнія въ небрежномъ отношеніи къ своимъ государственнымъ обязанностямъ. «Государственныя дѣла», пишетъ она, «идутъ у насъ, какъ и раньше; но въ моей частной жизни я уже не наслаждаюсь тѣмъ счастьемъ, которое

у меня было прежде. Я вся ухожу въ слезы и въ переписку, и это все... Если вы хотите знать мое душевное состояніе, то я могу вамъ сказать, что вотъ уже три мѣсяца, какъ я въ безутѣшномъ горѣ по непоправимой потерѣ. Единственное утѣшеніе, что я начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ. Но мое сердце обливается кровью, какъ въ первый моментъ. Я исполняю свой долгъ и стараюсь это дѣлать хорошо, но я страдаю такъ, какъ никогда въ моей жизни не страдала; эти жестокія душевныя боли терзаютъ меня уже три мѣсяца, и я мучаюсь, какъ осужденный»...

Не нужно забывать, что ей теперь пятьдесятъ пять лѣтъ, но вотъ что она писала Захару Чернышеву за тридцать лѣтъ до этого момента по поводу менѣе мучительной, только временной разлуки:

«Первый день мнѣ казалось, будто я васъ ожидаю, такъ я привыкла васъ видѣть; второй день я мечтала и избѣгала общества; на третій день я умирала отъ тоски; на четвертый я потеряла аппетитъ и сонъ, все мнѣ стало противно, наряды и пр.; на пятый день начались слезы... Нужно ли еще называть вещи своими именами? Однимъ словомъ, я васъ люблю!»

«Что за день для меня будетъ завтра!» — пишетъ она наканунѣ предстоящаго свиданія. — «Сулитъ ли онъ мнѣ то, чего я хочу? Нѣтъ, никогда тебя не будутъ любить, какъ я тебя люблю. Я волнуюсь и беру книгу, хочу читать, но на каждой строчкѣ вашъ образъ прерываетъ меня. Я бросаю книгу, ложусь на диванъ и хочу заснуть, но увы! Въ теченіе двухъ часовъ мнѣ не удалось сомкнуть глазъ. Наконецъ, я немного успокаиваюсь, послѣ того какъ написала вамъ. Мнѣ хочется вскрыть себѣ артерію и еще разъ пустить себѣ кровь; можетъ быть меня это развлечетъ».

Наконецъ, около середины октября пріѣзжаетъ Потемкинъ, который въ это время былъ занятъ въ южныхъ провинціяхъ и за которымъ посылали курьера за курьеромъ, чтобы ускорить его возвращеніе. Онъ убѣждаетъ императрицу покинуть свое уединеніе въ Царскомъ селѣ, гдѣ она упорно оставалась, несмотря на ненастныя осеннія погоды. Ея возвращеніе въ Петербургъ сопровождается необычайной перемѣной ея привычекъ и удрученнаго настроенія. Никого не предупредивъ, она приказываетъ заложить карету, словно для прогулки, внезапно подъѣзжаетъ къ Зимнему дворцу, гдѣ двери оказываются запертыми,

Сѣверная Минерва.

Взятіе крѣпости Очакова, 6 декабря 1788 года.

Съ гравюры XVIII столѣтія Барча, сдѣланной съ картины, Казакова заказанной Екатериной II.

такъ какъ никто ее не ожидаетъ, отправляется въ Эрмитажъ, гдѣ также все заперто и пустынно, приказываетъ выломать двери, ложится спать, затѣмъ, проснувшись въ часъ ночи, отдаетъ распоряженіе стрѣлять изъ пушекъ, какъ обыкновенно дѣлали во время ея возвращенія, приводитъ въ смятеніе весь городъ этой ночной канонадой, поднимаетъ на ноги гарнизонъ и своихъ обезумѣвшихъ придворныхъ, и сама кажется удивленной всѣмъ этимъ шумомъ. Но черезъ нѣсколько дней она принимаетъ уже дипломатическій корпусъ со своимъ обычнымъ видомъ, спокойная, съ хорошимъ самочувствіемъ, свѣжая, какъ до катастрофы, привѣтливая и улыбающаяся, какъ всегда.

Скоро жизнь входитъ въ свою колею, и вѣчно юная императрица даетъ себя увлечь жизнью. Надпись на мавзолеѣ, возвышающемся на парско-сельскомъ кладбищѣ, небрежно составлена и выгравирована и не даетъ даже точныхъ данныхъ о днѣ смерти человѣка, котораго такъ сильно любили и недавно еще столько оплакивали! Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и неутѣшная возлюбленная разсуждаетъ въ своей бесѣдѣ съ Гриммомъ объ этой печали, проявляя при этомъ совершенно неожиданную игривость мысли: «Я всегда говорила», заявляетъ она, «что этотъ магнетизмъ, который никого не можетъ излѣчить, не можетъ также и убить никого». Еще черезъ мѣсяцъ печаль совсѣмъ исчезаетъ: «Моя душа», пишетъ она, «стала спокойной и ясной, потому что мы сдѣлали усиліе надъ собой при помощи нашихъ друзей. Мы дебютировали комедіей, которую называютъ великолѣпной; это свидѣтельствуетъ о возвращеніи вдохновенія и веселья. Междометія изгнаны и — здѣсь выплываетъ настоящій мотивъ этого возврата къ веселымъ привычкамъ и развлеченіямъ прошлаго — я не могу пожаловаться на недостатокъ въ людяхъ, которые могли бы своей привязанностью и заботливостью обо мнѣ разсѣять и успокоить меня. *Но* нужно было время, чтобы пріобрѣсти вкусъ и еще больше, чтобы привыкнуть къ этому».

Нужно было время! Ровно десять мѣсяцевъ до дня отправки этого письма, которое оканчивается признаніемъ: «Наконецъ, чтобы сказать вкратцѣ, у меня есть другъ, очень способный и очень достойный своего положенія».

Очень способный, ей можно повѣрить въ этомъ на слово. Его имя Ермоловъ, и это очень пріятный компаньонъ. Лѣто Екатерина проводитъ въ болѣе, чѣмъ когда-либо веселыхъ и

шумныхъ удовольствіяхъ. Однако, въ томъ созвѣздіи, въ которомъ только что угасъ Ланской и скоро засіяетъ Мамоновъ, этотъ новый любовникъ представляетъ собой звѣзду второй величины, блѣдную и тусклую. Послѣ пережитаго недавно тяжелаго кризиса Екатерина, повидимому, не въ состояніи еще поддаться одному изъ тѣхъ увлеченій, которые у этой глубокой натуры никогда не проявляются въ видѣ простыхъ и грубыхъ чувственныхъ переживаній, а неизмѣнно захватываютъ не только ея сердце, но въ равной степени и ея умъ. На этотъ разъ у нея нѣтъ ни страсти, ни даже увлеченія къ красавцу, котораго она только что избрала безъ большого энтузіазма, холодно и спокойно, какъ будто дѣло шло о бракѣ по разсчету. Но она не прогадала. Человѣкъ достоинъ больше чѣмъ своей функціи. Безбородко говоритъ о немъ, какъ о молодомъ человѣкѣ очень воспитанномъ, скромномъ, любящемъ общество серьезныхъ и образованныхъ людей. Онъ даже выражаетъ опасеніе, что его скромныя манеры, его сдержанность и *благопристойная* любовь могутъ служить помѣхой для продолжительнаго фавора у любовницы, которую Корсаковъ и Ланской пріучили къ болѣе пикантному ухаживанію.

Онъ не обманывался. Не прошло и года, какъ Екатерина уже стала обнаруживать признаки утомленія. Великій руководитель царскими удовольствіями также не прочь былъ ускорить это разочарованіе: фаворитъ позволилъ себѣ передать императрицѣ, не предупредивъ объ этомъ раньше своего всемогущаго покровителя, письмо бывшаго крымскаго хана Сагинъ-Гирея, жившаго подъ надзоромъ въ Калугѣ и получавшаго пенсію въ 200,000 рублей: онъ жаловался на поборы, которыми Потемкинъ разорялъ его прежнихъ подданныхъ. Этого не могъ допустить Потемкинъ: въ апрѣлѣ 1786 года Сагинъ-Гирей теряетъ свою пенсію, а Ермоловъ лишается мѣста фаворита.

Новый кризисъ, который напоминаетъ смѣну министерствъ въ современныхъ европейскихъ конституціонныхъ странахъ, продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, и враги Потемкина прилагаютъ всѣ усилія, чтобы дать восторжествовать избранному ими кандидату. Нѣкоторое время казалось, что побѣда на ихъ сторонѣ, и что предпочтеніе будетъ оказано ихъ ставленнику курляндцу Менгдену. Но, наконецъ, поле борьбы остается за Потемкинымъ и его кандидатомъ молодымъ и очаровательнымъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Эта исторія пріобрѣтаетъ значеніе важнаго собы-

тія, затрагивающаго даже международныя отношенія. Особенно доволенъ такимъ исходомъ графъ Сегюръ. «Ермоловъ», пишетъ онъ, «питалъ глубокое отвращеніе къ моей націи и въ частности ко мнѣ, позволялъ себѣ самыя грубыя выходки, всякій разъ, какъ рѣчь заходила о Франціи, открыто высказывалъ мнѣ свое презрѣніе и не упускалъ случая, чтобы внушить императрицѣ свои старыя предубѣжденія противъ насъ. Хотя у него было мало таланта, чтобы пріобрѣсти большое довѣріе, но за его спиной стояла партія, которая пользовалась большимъ вліяніемъ и оказывала мнѣ большое противодѣйствіе».

III.

Его замѣститель, напротивъ, находился всецѣло подъ французскимъ вліяніемъ. На этотъ разъ Потемкинъ намѣтилъ человѣка, вполнѣ придворнаго, съ очень хорошимъ воспитаніемъ и рафинированными вкусами. Онъ могъ даже опасаться, что блюдо окажется слишкомъ тонкимъ для двора, для котораго онъ былъ предназначенъ. «Рисунокъ хорошъ, но краски не дорогія», — сказала Екатерина, разсматривая портретъ кандидата. Она даетъ себя все-таки уговорить и вдругъ поддается чарамъ элегантнаго кавалера, блестящаго собесѣдника, который вызываетъ у нея, можетъ быть, старыя воспоминанія. «Я люблю и всю жизнь буду любить графа Понятовскаго», писала она также когда-то Захару Чернышеву.

Происходя изъ древней фамиліи, ведя свой родъ отъ Рюрика и, во всякомъ случаѣ, вписанный въ «Бархатную книгу», новичекъ льститъ новой склонности императрицы къ аристократизму. Начитанный во французской литературѣ, бѣгло разговаривающій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, сочиняющій также пьесы для театра, хотя и сомнительнаго качества, онъ совершенно естественно и безъ всякихъ усилій поддерживаетъ тотъ тонъ интимнаго кружка императрицы, который создался въ немъ благодаря присутствію графа Сегюра. Іосифъ II, познакомившійся съ нимъ во время своего путешествія въ Крымъ, отказывается признать его достойнымъ своей новой среды. «Новый фаворитъ», пишетъ онъ фельдмаршалу Ляши, «молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, невоспитанный, ребенокъ... довольно красивый малый, но чувствующій себя, какъ будто, не на своемъ мѣстѣ, и неумный». Это, можетъ быть, со стороны монарха чувство ревности или

неудовольствія, вызваннаго странными вольностями, которыя Екатерина терпитъ и даже поощряетъ въ этомъ красивомъ молодомъ человѣкѣ, который иногда, дѣйствительно, обнаруживаетъ капризы избалованнаго ребенка. Императору можетъ и не понравиться, когда ему разстраиваютъ партію въ вистъ, чтобы дать простому придворному время окончить карикатуру, которую ему вздумалось нарисовать мѣлкомъ на карточномъ столѣ. Сегюръ, князь де-Линь и ихъ товарищи изъ дипломатическаго міра менѣе строги въ своихъ отзывахъ. «Умный, общительный и изящный», пишетъ саксонецъ Сакенъ о фаворитѣ. Впрочемъ, и эти некстати нарисованныя карикатуры не мѣшаютъ самому Іосифу проявить нѣкоторое вниманіе къ этому невѣжливому партнеру, подарить ему дорогіе часы и наградить его титуломъ графа священной имперіи.

Что касается Екатерины, то она имѣетъ всѣ основанія быть довольной умомъ и знаніями своего новаго компаньона, потому что, не въ примѣръ Ланскому, теперь онъ сидитъ съ перомъ въ рукахъ, когда она пишетъ Гримму. Это даже по временамъ непослушный и своевольный секретарь, какъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ: «Я диктовала совершенно другое, но *Красное платье*—опять прозвище!—не захотѣло этого написать. Вы со временемъ узнаете, что это за красное платье, если вы этого не знаете еще».

Гриммъ не могъ не имѣть достаточныхъ свѣдѣній по этому поводу, но его считаютъ нужнымъ посвятить въ дѣло и пишутъ:

«Въ это красное платье одѣто существо съ прекраснѣйшимъ сердцемъ, въ которомъ таятся большіе запасы честности. Ума у него за четверыхъ, неизсякаемый источникъ веселья, много оригинальности въ пониманіи вещей и въ способѣ ихъ описывать, великолѣпное воспитаніе и поразительная освѣдомленность во всемъ, что можетъ сообщить блескъ уму. Мы скрываемъ, какъ преступленіе, наше увлеченіе поэзіей; мы страстно любимъ музыку; у насъ рѣдкая способность быстро оріентироваться во всемъ. Богъ вѣсть чего мы только не знаемъ. Мы декламируемъ, болтаемъ, умѣемъ поддерживать разговоръ въ самомъ лучшемъ обществѣ; мы очень вѣжливы; мы пишемъ по-русски и по-французски, какъ у насъ рѣдко кто умѣетъ писать, какъ по стилю, такъ и по содержанію. Наша наружность вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ; у насъ

очень правильныя черты лица, чудесные черные глаза съ бровями, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ, ростъ выше средняго, благородная осанка, легкая походка; однимъ словомъ, мы такъ же солидны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ ловки, сильны и блестящи по внѣшнимъ качествамъ. Я убѣждена, что если бы вы встрѣтили это *красное платье*, то вы спросили бы его имя, если бы сразу не отгадали, кого вы видите передъ собой».

Запасы честности, открытые и отмѣченные Екатериной въ портретѣ двадцати-шестилѣтняго молодого человѣка, который могъ мириться съ любовью женщины, на тридцать лѣтъ старше его, несомнѣнно обнаруживаютъ у нея необычайную способность создавать себѣ иллюзіи. Но нужно сказать, что она имѣетъ дѣло съ рѣшительнымъ комедіантомъ, добросовѣстно играющимъ свою роль. Съ самаго начала свиданія старой императрицы со старымъ Понятовскимъ на Днѣпрѣ вблизи Канева фаворитъ все время обнаруживалъ всѣ признаки ревности страстно влюбленнаго человѣка. Сегюръ и де-Линь едва могли удержаться отъ смѣха, а Екатерина простодушно сожалѣетъ фаворита, искренно вѣря въ его муки любви. По окончаніи свиданія, которое прошло, какъ извѣстно, въ обмѣнѣ банальныхъ любезностей, она считаетъ нужнымъ увѣрять его, что ей было ужасно скучно. Ея письма къ Потемкину, отправленныя ею вскорѣ послѣ этого свиданія, дышатъ восторгомъ по поводу этой ловко сыгранной комедіи: «Саша—безцѣнный человѣкъ!» Саша — это Мамоновъ. И самъ Потемкинъ—золото, за то что нашелъ Сашу Екатеринѣ, и она по наивности не задумывается засвидѣтельствовать ему свою благодарность.

Но фаворитъ не наивный, не безсовѣстный человѣкъ и даже не циникъ. «Нѣкоторые изъ нихъ (изъ фаворитовъ)», замѣчаетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ, «сумѣли облагородить свои унизительныя функціи: Потемкинъ едва не сдѣлавшись императоромъ, Завадовскій своей административной дѣятельностью, Мамоновъ—стыдомъ, который онъ испытывалъ отъ своего положенія и котораго онъ не скрывалъ». Это наблюденіе подтверждается и другими показаніями о замѣстителѣ Ермолова. Такая черта указываетъ на то, что низменные инстинкты, не могли заглушить въ этой натурѣ нравственнаго чувства болѣе высокаго порядка. Но плата за этотъ стыдъ слишкомъ велика, и, разъ рѣшившись во что бы то ни стало добиться завиднаго положенія, молодой человѣкъ уже проявляетъ достаточно спо-

собности и умѣнья защищать и высоко оцѣнить свою позицію. Въ своихъ мемуарахъ Гарновскій разсказываетъ, какъ фаворитъ велъ переговоры съ графомъ Брюсомъ объ имѣніи, съ которымъ послѣдній хотѣлъ развязаться, и которое онъ хотѣлъ пріобрѣсти, не осмѣливаясь просить для этого денегъ у императрицы: онъ онъ только что купилъ другое имѣніе за триста пятьдесятъ тысячъ рублей. Брюсъ даетъ понять, что ему не трудно будетъ найти другого покупателя. Императрица, которая присутствуетъ при разговорѣ, дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ нѣмой просьбы, обращенной къ ней со стороны Мамонова, и онъ со вздохомъ долженъ отказаться отъ покупки:

— Пожалуйста! Кто же такой вашъ другой покупатель?

— Казариновъ.

Фаворитъ становится блѣднымъ, какъ смерть и готовъ упасть въ обморокъ.

— Но вѣдь у Казаринова ничего нѣтъ! — шепчетъ онъ съ растеряннымъ видомъ, поглядывая на императрицу. — Гдѣ же онъ возьметъ столько денегъ?

Екатерина, наконецъ, вмѣшивается въ разговоръ. У нея въ теченіе нѣсколькихъ дней натянутыя отношенія съ фаворитомъ, который, очевидно, проявилъ небрежность при исполненіи своихъ обязанностей, и она не преминула ободрить молодого офицера Казаринова, который уже давно старается обратить ея вниманіе на себя.

— Развѣ только одинъ Казариновъ на свѣтѣ?—сказала она, глядя на фаворита и растягивая свои слова.— Купитъ, можетъ быть, не тотъ, о которомъ вы думаете.

Вдругъ Мамоновъ въ самомъ дѣлѣ падаетъ въ обморокъ. Его уносятъ и укладываютъ въ постель, такъ какъ у него лихорадка. Оба придворныхъ врача Роджерсонъ и Мессингъ крайне обезпокоены. Только Рибопьеръ, которому больной цѣлуетъ руки въ знакъ благодарности, находитъ настоящее лѣкарство для него и приводитъ къ его постели императрицу, которая раскаивается и безконечно счастлива, убѣдившись, что ее такъ страстно любятъ,—а она сама и не думаетъ уходить отъ него.

Фаворитъ устраиваетъ иногда императрицѣ сцены à la Потемкинъ, чаще всего, когда добивается участія въ государственныхъ дѣлахъ. Екатерина съ своей стороны охотно идетъ на встрѣчу этимъ желаніямъ: она дѣлаетъ выговоръ однажды Храповицкому за то, что онъ отправилъ фельдмаршалу Салтыкову

важный документъ, не сообщивъ о немъ предварительно фавориту. Но честолюбіе заставляетъ Мамонова завидовать даже Безбородко, талантами котораго Екатерина еще пока дорожитъ. «Плевать я хочу на его таланты, на него и на всю его банду!» закричалъ онъ однажды. Она цѣлую ночь проплакала, но на слѣдующій день уступила требованіямъ фаворита, и министръ получилъ отставку.

Но вотъ наступаетъ день, когда этотъ человѣкъ, который превратилъ свое чувство въ орудіе своего честолюбія и благосостоянія, жертвуетъ тѣмъ и другимъ—для любви. Это цѣлая драма, которая разыгрывается по этому поводу между Эрмитажемъ и Зимнимъ дворцомъ, и которая нашла литературную обработку въ «Фаворитахъ» мадамъ Биршъ-Пфейферъ, поставленныхъ на берлинской сценѣ въ 1831 году. Послѣ перваго представленія, на которомъ присутствовали германскія принцессы, правнучки Екатерины, русскій посланникъ графъ Рибопьеръ, сынъ услужливаго исцѣлителя фаворита, добился воспрещенія дальнѣйшихъ постановокъ этой пьесы къ великому огорченію Крейлингеръ и Гагенъ, которыя «такъ играли», одна—роль императрицы, другая—ея соперницы, говоритъ Рибопьеръ въ своихъ мемуарахъ, «что ихъ слѣдовало бы прогнать со сцены».

20 іюня 1789 года, Екатерина, сидя за работой съ Храповицкимъ, прерываетъ вдругъ чтеніе какого-то рапорта:

— Слышали ли вы, что произошло?

— Да, государыня.

— Восемь мѣсяцевъ я это подозрѣвала! Онъ удалился отъ всѣхъ. Онъ даже меня избѣгалъ. Грудная болѣзнь его удерживала въ комнатѣ. Затѣмъ онъ вздумалъ говорить о мученіяхъ совѣсти, которыя заставляютъ его страдать и дѣлаютъ невозможной нашу дальнѣйшую совмѣстную жизнь. Измѣнникъ! Это другая любовь, это двоедушіе его душило! Почему было откровенно не сознаться, если онъ не могъ преодолѣть своего чувства? Если бы онъ мнѣ во время разсказалъ, то все, что произошло три дня тому назадъ, могло бы быть на полгода раньше. Онъ не можетъ себѣ представить даже, что я выстрадала!

— Всѣ удивляются, почему Ваше Величество дали свое согласіе на этотъ бракъ.

— Богъ съ ними! Я желаю имъ счастья... Но вотъ посудите: Я имъ простила, благословила ихъ союзъ, имъ бы въ восторгѣ быть, а они оба готовы расплакаться! Ахъ, нѣтъ!

Старая любовь не умерла у него. Вотъ уже больше недѣли какъ онъ меня вездѣ преслѣдуетъ своими взглядами. Странно!.. Раньше, вы помните, у него была охота ко всему и большая расторопность; теперь у него все изъ рукъ валится, ему все противно, и грудь всегда болитъ. Князь мнѣ какъ-то говорилъ этой зимой: «Матушка, плюньте на него!» и указалъ мнѣ пальцемъ на Щербатову. Но я была слѣпа и принялась оправдывать его!..

Это не діалогъ изъ пьесы мадамъ Биршъ-Пфейферъ, а точная перепечатка страницы изъ журнала аккуратнаго и добросовѣстнаго Храповицкаго.

Щербатова была фрейлиной и въ качествѣ таковой жила во дворцѣ, не смѣла отлучаться безъ спеціальнаго разрѣшенія даже къ самымъ близкимъ родственникамъ. Это обстоятельство благопріятствовало связи между ней и Мамоновымъ, о развязкѣ которой мы только что узнали. И Екатерина сама разсказываетъ намъ въ своемъ разговорѣ съ секретаремъ, какъ она сама узнала объ этой измѣнѣ:

Онъ пришелъ въ понедѣльникъ, 18 іюня, и сталъ жаловаться на мое холодное отношеніе къ нему. Я ему отвѣтила, что онъ самъ знаетъ, что произошло послѣ сентября, и какъ я страдала по этому поводу. Онъ спросилъ у меня совѣта, какъ ему быть.—Ты уже давно не слушаешься моихъ совѣтовъ, сказала я, но разъ намъ необходимо разойтись, то я подумаю о твоей судьбѣ. Затѣмъ я отправила ему записку, изъ которой онъ могъ узнать, что онъ уходитъ съ блестящимъ положеніемъ; въ то же время мнѣ пришла въ голову мысль женить его на дочери графа Брюса. Ей только тринадцать лѣтъ, но она уже вполнѣ сформировалась, я это знаю. Но вотъ онъ дрожащимъ голосомъ сознается мнѣ, что онъ влюбленъ въ Щербатову и еще полгода тому назадъ обѣщалъ жениться на ней. Судите сами, что я должна была испытать при этомъ.

Жалобный монологъ покинутой старой любовницы тянется еще долго, но продолжая свои ламентаціи и грустныя размышленія, Екатерина дѣлаетъ въ то же время распоряженія: ей приносятъ сначала драгоцѣнное кольцо, затѣмъ пачку банковыхъ билетовъ на сумму въ десять тысячъ рублей. Она отдаетъ драгоцѣнность и деньги Храповицкому, который уже знаетъ, какъ ими нужно распорядиться. Разговоръ имѣлъ мѣсто, какъ и всегда, во время утреннихъ занятій въ спальнѣ государыни. Секретарь

скромно встаетъ и кладетъ вещи, которыя ему ввѣрили, подъ подушку на большой постели—которая въ этотъ же вечеръ должна стать брачнымъ ложемъ: кольцо и деньги предназначаются для молодого, обворожительнаго Зубова, которому Анна Нарышкина выхлопотала доступъ ко дворцу, какъ только начался кризисъ!

Свадьба Мамонова состоялась недѣлю спустя. Согласно обычаю невѣсту заканчиваютъ убирать въ апартаментахъ императрицы, которая тутъ же возсѣдаетъ и сама принимаетъ участіе въ этомъ. Когда царская рука прикоснулась къ прическѣ молодой дѣвушки, то послѣдняя, по словамъ одного свидѣтеля, вскрикнула отъ боли: золотая булавка вонзилась въ ея голову. Другіе свидѣтели говорятъ о позорномъ покушеніи, жертвой котораго сдѣлалась молодая пара черезъ нѣсколько дней: замаскированные проникли въ комнату, которая плохо охранялась вопреки приказу Екатерины, вырвали молодую жену изъ объятій бывшаго фаворита и на его глазахъ изсѣкли ее до крови кнутомъ. То что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ Екатерины къ своему бывшему любовнику совершенно опровергаетъ эти разсказы. Покидая Петербургъ, Мамоновъ увозитъ новый подарокъ въ три тысячи крѣпостныхъ и въ сто тысячъ рублей деньгами, которыя ему выдаются изъ казны, несмотря на крайнія финансовыя затрудненія. Онъ увѣрялъ даже своихъ приближенныхъ, что, по примѣру Потемкина, онъ послѣ своего ухода сохраняетъ привилегіи и вліяніе, связанныя съ его бывшимъ положеніемъ. Екатерина, безъ сомнѣнія, глубоко задѣта и даже несправедлива по этому поводу къ своему лучшему другу, предупрежденіемъ котораго она пренебрегла. Она забыла объ этомъ и пишетъ завоевателю Крыма: «Вы меня сразу излѣчили бы если бы сказали правду... Я никогда ничьимъ тираномъ не была и всегда возставала противъ всякаго принужденія... Неужели вы меня не знали съ этой стороны... и считали такимъ узкимъ эгоистомъ?» Но въ этихъ упрекахъ больше печали, чѣмъ гнѣва. Что касается Потемкина, то онъ по своему выходитъ изъ этого затрудненія: Мамоновъ—дуракъ; какъ можно покидать такъ глупо мѣсто, которое дано было ему, чтобы хранить его! Но потеря не велика. Онъ и не помнитъ уже, что самъ же былъ первымъ покровителемъ и благодѣтелемъ фаворита. «Я никогда не ошибался въ немъ», пишетъ онъ; это какая-то смѣсь безпечности и эгоизма. Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ на-

стоящимъ Нарцисомъ. Думая только о себѣ, онъ требовалъ всего и ничего не давалъ взамѣнъ. Изъ лѣни онъ забывалъ даже о приличіи. Какъ бы ни была ничтожна вещь, но разъ она ему понравилась, то онъ долженъ былъ ее получить во что бы то ни стало. Вотъ каково счастье княжны Щербатовой!»

И Екатерина находитъ, наконецъ, утѣшеніе въ мысли, которую ей внушаетъ всегда предупредительный Рибопьеръ, что эксъ-фаворитъ сошелъ съума, какъ Орловъ: «вообразите, онъ хотѣлъ даже остаться со своей женой при дворѣ, какъ раньше. Какое противорѣчивое положеніе и какія безумныя идеи!» Къ тому же у нея нѣтъ ни желанія, ни досуга копаться дольше въ своихъ чувствахъ или мстить, такъ какъ ея письма за слѣдующій мѣсяцъ указываютъ уже на другую заботу—именно снискать сочувствіе у своего далекаго друга, занятаго теперь войной съ турками, къ «совершенно невинной душѣ», которая была въ восторгѣ отъ красиваго кольца и пачки банковыхъ билетовъ и жаждетъ ласки: «Такъ вотъ, мой другъ, пришлите *намъ* ласокъ, для того, чтобы мы были вполнѣ веселы». Она снова вернулась къ своему здоровому веселью, которое только одинъ Ланской — уже такъ основательно забытый! — могъ омрачить на болѣе долгое время. Пройдетъ еще немного времени, и она съ совершенной непринужденностью ликвидируетъ съ Гриммомъ этотъ досадный инцидентъ: «Такъ какъ ученица мадмуазель Кордель нашла *Красное платье* болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ гнѣва, и жестоко наказаннымъ за свою жизнь самой глупой страстью, которая сдѣлала его смѣшнымъ и неблагодарнымъ, то она сочла нужнымъ поскорѣе покончить съ этой исторіей къ общему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ... По всѣмъ видимостямъ, ихъ семейная жизнь далеко не изъ счастливыхъ».

Дѣйствительно ли это былъ несчастный бракъ? Была опубликована переписка Екатерины съ ея эксъ-фаворитомъ, начавшаяся на слѣдующій день и послѣ его ухода и продолжавшаяся до 1795 года. Вначалѣ банальныя съ обѣихъ сторонъ, эти письма черезъ нѣсколько лѣтъ мѣняютъ свой тонъ и обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ, у Мамонова душевное состояніе, мало благопріятное для семейныхъ добродѣтелей. Въ декабрѣ 1792 года бывшій фаворитъ сознается, что онъ глубоко несчастенъ. Безъ сомнѣнія добрая государыня создала ему положеніе, завидное во многихъ отношеніяхъ, но сожалѣніе о томъ, что онъ ее не можетъ больше увидѣть, не оставляетъ мѣста для радости въ

его жизни. Высланный въ Москву послѣ своей свадьбы, онъ мечтаетъ только объ одномъ: вернуться въ Петербургъ и приблизиться къ той, отъ которой не долженъ былъ бы уходить никогда въ интересахъ своего счастья. И склонность къ иллюзіямъ такъ велика въ умѣ шестидесятилѣтней возлюбленной, въ этомъ ненасытномъ сердцѣ, въ этомъ воображеніи, которое всегда готово вспорхнуть какъ у двадцатилѣтней дѣвушки, что ее нисколько не поражаютъ эти изумительныя признанія. «Я такъ и знала», говоритъ она Храповицкому, «онъ не можетъ быть счастливъ». И она со своей стороны начинаетъ размышлять о послѣдствіяхъ возврата къ прошлому. Но нѣтъ! Зубовъ здѣсь, и «одно дѣло пойти съ нимъ въ садъ и видѣть его въ четыре часа, другое дѣло жить съ нимъ». И если бы онъ вернулся, то совмѣстная жизнь началась бы безъ сомнѣнія снова. Она боится этой возможности и, отвѣчая ему въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, откладываетъ на одинъ годъ свиданіе со смѣлымъ сикофантомъ, которому, вѣроятно, Потемкинъ, боровшійся въ это время съ новымъ фаворитомъ, продиктовалъ этотъ урокъ. Но черезъ годъ Мамоновъ самъ отказывается отъ приглашенія, боясь Зубова, укрѣпившагося въ своей позиціи, и страшной перспективы помѣряться силами съ такимъ могущественнымъ соперникомъ одинъ на одинъ, послѣ того какъ Потемкина уже нѣтъ въ живыхъ. У Зубова уже не было замѣстителя.

Философскія идеи въ Россіи—Новиковъ. Фонъ-Визинъ.—Радищевъ.

I.

Ко времени разрыва отношеній между Екатериной и ея прежними французскими и швейцарскими друзьями начинаются также акты насилія съ ея стороны противъ представителей отечественной философіи. Были и въ Россіи нѣсколько философски образованныхъ человѣкъ, которыхъ до сихъ поръ терпѣли и даже награждали дружескимъ вниманіемъ, хотя далеко не въ такой степени, какъ ихъ иностранныхъ соперниковъ. Они вообще были мало извѣстны, но заслуживали лучшаго отношенія къ себѣ уже потому, что открывали глаза на ту среду, къ которой сами принадлежали. Въ нихъ для насъ съ удивительной точностью и выпуклостью обнаруживается различіе между интеллектуальнымъ и моральнымъ типомъ и его естественнымъ развитіемъ, выразителями котораго они являются, и классическимъ типомъ Запада.

Существуютъ различныя мнѣнія о симпатіяхъ, вызванныхъ въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, среди группы лицъ, извѣстныхъ своими независимыми взглядами, тѣмъ идейнымъ движеніемъ, логическимъ, хотя и несчастнымъ во многихъ отношеніяхъ, завершеніемъ котораго явилась революція. Два князя Голицыныхъ принимаютъ участіе съ оружіемъ въ рукахъ во взятіи Бастиліи; пріѣхавшій въ мартѣ 1790 года въ Парижъ Карамзинъ расхаживаетъ съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ и въ восторгѣ отъ революціи; будущій министръ Александра, молодой графъ Строгановъ попадаетъ благодаря своему учителю Ромму на засѣданія Учредительнаго собранія, записывается

въ члены Якобинскаго клуба и восклицаетъ по этому поводу: «Лучшимъ днемъ въ моей жизни будетъ тотъ, когда я увижу Россію возрожденной въ такой же революціи». Эти неожиданные актеры великой драмы служили темой какъ для сочувственныхъ, такъ и для враждебныхъ коментаріевъ. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла приходится внести въ эти свѣдѣнія очень большія поправки. Карамзинъ изложилъ собранныя имъ во Франціи впечатлѣнія въ серіи писемъ, которыя производятъ такое же впечатлѣніе, какое вызвала въ средѣ французскихъ романистовъ недавно опубликованная переписка одного русскаго романиста, друзьями котораго они себя считали. Доминирующій тонъ ихъ—это ужасъ, внушенный мнимому поклоннику революціи очень многими ея актами.

До Карамзина во Франціи былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и независимыхъ людей тогдашней Россіи: въ концѣ 1777 года авторъ «Бригадира» Фонъ-Визинъ поселился въ Монпелье, откуда онъ затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ. Въ своей перепискѣ съ сестрой и своимъ другомъ графомъ Панинымъ онъ насъ также знакомитъ со своими впечатлѣніями и взглядами на страну и эпоху, которыя ему приходилось наблюдать. Мы находимъ у него суровые отзывы о монархіи, но еще болѣе сурово его мнѣніе объ обществѣ, которое на его глазахъ пробивало брешь въ этой монархіи. Онъ критикуетъ и поноситъ даже самыя привлекательныя стороны, которыя на нашъ взглядъ еще до сихъ поръ сохранили обаяніе этого исчезнувшаго міра и искупаютъ его слабости и заблужденія. На собраніяхъ музыка отвратительная, а разговоръ безсодержательный; въ ресторанахъ хорошія блюда часто испорчены плохой сервировкой. Нескромнымъ взглядомъ судебнаго слѣдователя онъ докапывается до изнанки этого элегантнаго міра и обнаруживаетъ его интимную нищету: рубашку изъ грубаго холста подъ волнами кружевъ, жирныя пятна подъ жабо ослѣпительной бѣлизны. Онъ видитъ грандъ-даму, обѣдающую на кухнѣ, когда она одна, чтобы съэкономить на освѣщеніи столовой. Такую же нетерпимость онъ проявляетъ по отношенію къ умственной жизни: въ этомъ легкомысленномъ обществѣ мало думаютъ, потому что говорятъ слишкомъ много, и тѣ немногія идеи, которыя у него имѣются, представляютъ смѣсь невѣжества и суевѣрія. Что касается нравовъ, то тамъ царитъ полный развратъ: честь и честность существуютъ только на словахъ, а о другихъ добродѣте-

ляхъ нельзя даже услышать и въ разговорѣ. Двѣ основныя черты проглядываютъ въ его сужденіяхъ. Прежде всего видна консервативная тенденція: бурбонская монархія производитъ на него впечатлѣніе зданія, «въ которомъ несчастье жить, но было бы однако безуміемъ его разрушить». Затѣмъ обнаруживается идея о превосходствѣ его родины. Въ свою бытность въ Ліонѣ онъ приходитъ къ заключенію, что самыя красивыя улицы этого города не стоятъ и переулка Петербурга. Въ Парижѣ онъ видитъ только злачное мѣсто для привлеченія иностранцевъ, спектакли и уличныхъ женщинъ. Трагедія очень посредственна, а опера невозможна. Постановка «Бригадира» въ Эрмитажѣ имѣетъ въ его глазахъ гораздо большую цѣнность.

И это не индивидуальныя впечатлѣнія, не изолированныя свидѣтельства. Во всей тогдашней русской литературѣ трудно было бы открыть даже проблески симпатіи къ освободительному и реформаторскому движенію, которымъ охвачена была въ этотъ моментъ Франція. Явно враждебное отношеніе проявляется даже въ журналахъ модъ, которые всячески превозносятъ платья *à la королева* и прически *à la контръ-революція*. «Рука дрожитъ отъ ужаса, когда начинаешь этотъ разсказъ...» — такъ начинаетъ свою статью «С.-Петербургская Газета», описывая взятіе Бастиліи. «О, Картушъ, Картушъ, несравненный художникъ въ своемъ родѣ, воскресни, явись въ Національное Собраніе и потребуй своей реабилитаціи. Ты можешь быть увѣренъ, что тебя тамъ удовлетворятъ...» И такой тонъ является доминирующимъ въ русской прессѣ, начиная съ 1790 года.

Даже тѣ, которые сочувствовали тогда въ Россіи идеямъ свободы и реформы, также являются рѣшительными противниками западнаго вліянія, въ особенности французскаго. Въ освободительномъ и реформаторскомъ движеніи, которое является слабымъ отголоскомъ европейской бури въ этомъ спящемъ обществѣ, обнаруживаются два теченія: одно съ элементами иностраннаго происхожденія, съ болѣе или менѣе ассимилированными продуктами западной культуры, французской, германской, англійской,—другое по существу своему національное, туземное, энергично борющееся съ первымъ. Представителями второго теченія являются самые просвѣщенные умы той эпохи, отъ драматурга Фонъ-Визина до историка-славянофила Болтина, отъ основателя школъ Новикова до памфлетиста Радищева. Всѣ они націоналисты, реформаторы и либеральные, но своеобразные,

ничего общаго не имѣющіе ни съ предтечами великой революціи, ни тѣмъ менѣе съ ея непосредственными творцами.

II.

Рѣзко нападая на нѣкоторые институты, въ которыхъ онъ видитъ препятствіе для духовнаго и матеріальнаго развитія своей страны, между прочимъ и на крѣпостное право, идя въ этомъ отношеніи гораздо дальше даже самыхъ смѣлыхъ западныхъ мыслителей, Новиковъ въ то же время выступаетъ рѣшительнымъ врагомъ скептицизма, овладѣвшаго, по его мнѣнію, умами западныхъ философовъ. Эта реакція противъ указанной тенденціи подчиняетъ его вліянію франкмасонства, а затѣмъ и *иллюминизма* Сенъ-Мартена. Какъ въ сатирическихъ, такъ и моралистическихъ своихъ произведеніяхъ онъ остается всегда мистикомъ.

Исторія философскаго и реформаторскаго движенія въ Россіи почти совпадаетъ въ эту эпоху съ исторіей масонства, а это русское масонство носитъ на себѣ спеціальную печать—своеобразнаго идеализма, аскетизма и экзальтаціи; въ немъ рѣзко обозначена борьба съ современнымъ иррелигіознымъ матеріализмомъ, и въ то же время по своимъ внѣшнимъ обрядамъ и испытаніямъ, которымъ подвергались его адепты и которыя отличались необыкновенной сложностью и жестокостью, оно далеко оставляетъ за собой всѣ западно-европейскіе образцы. Въ такой же таинственной и эксцентричной формѣ секта ведетъ пропаганду въ Петербургѣ и Москвѣ въ пользу ученія Сенъ-Мартена. Самъ Сенъ-Мартенъ, повидимому, никогда не пріѣзжалъ въ Россію; его прозелиты рекрутировались за-границей среди русскихъ путешественниковъ, которыхъ ему удавалось тамъ встрѣтить. Въ Монбельярѣ онъ имѣлъ случай встрѣтить тещу великаго князя Павла, и она затѣмъ сдѣлала изъ него оракула. Въ Лондонѣ онъ подчинилъ своему вліянію князя Алексѣя Голицына и на нѣкоторое время даже Семена Воронцова. Польскій дворянинъ Грабянка, русскій адмиралъ Плещеевъ и баварецъ Шварцъ были главными распространителями его ученія въ Россіи. Въ Москвѣ было учреждено типографское общество, которое, на ряду съ произведеніями Якова Бёме, Арндта и Шпенера печатало оригинальныя и переводныя сочиненія, излагавшія *моральную религію* секты. Скоро вся литература была пропитана

этимъ ученіемъ, а русское общество оказалось очень воспріимчивымъ къ нему. Книга Сенъ-Мартена: «Ошибки добродѣтели», переведенная Страховымъ и *Arcana coelestia* (небесныя тайны) Сведенборга нашли въ Петербургѣ и въ Москвѣ ревностныхъ читателей. Новиковъ былъ душой этого движенія; вскорѣ послѣдовалъ разрывъ его дружескихъ отношеній съ Екатериной.

Екатерина вначалѣ благосклонно смотрѣла на развитіе движенія, отъ котораго она даже ждала воды для своей мельницы: классическое франкмасонство, съ котораго начали Новиковъ и его друзья, держалось вполнѣ благонамѣренныхъ взглядовъ въ области государственныхъ вопросовъ, а Екатерина въ свою очередь была еще подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей и подъ впечатлѣніемъ своихъ собственныхъ либеральныхъ выступленій. Поддерживались добрыя отношенія, какъ съ національными сектантами, такъ и съ западными философами. Ложа, основанная въ 1784 году въ Петербургѣ на средства государыни, присвоила себѣ названіе *Императорской*. Въ то же время польскіе масоны организовались въ Варшавѣ и дали національной группѣ названіе: «Екатерина подъ сѣверной звѣздой». Дѣло круто измѣнилось, когда на горизонтѣ появился *иллюминизмъ*. Позитивистскій умъ Екатерины никакъ не могъ съ нимъ примириться. Всѣ ея произведенія, какъ извѣстно, были проникнуты реакціонной тенденціей и враждебнымъ отношеніемъ къ мистическимъ идеямъ. Связи послѣдователей Мартена съ семьей великаго князя Павла вызвали еще большее нерасположеніе государыни. Въ 1788 году Новиковъ присваиваетъ построенной имъ школѣ названіе Екатерининской и на торжествѣ его открытія дѣлаетъ надпись: «Домъ Минервы посвященъ Минервѣ русской». Но этого недостаточно, чтобы улучшить положеніе основателя школы. Онъ уже потерялъ свой вѣсъ въ глазахъ императрицы. Когда она черезъ четыре года сама занялась вопросомъ національнаго образованія, то она даже не пригласила Новикова участвовать въ ея трудахъ.

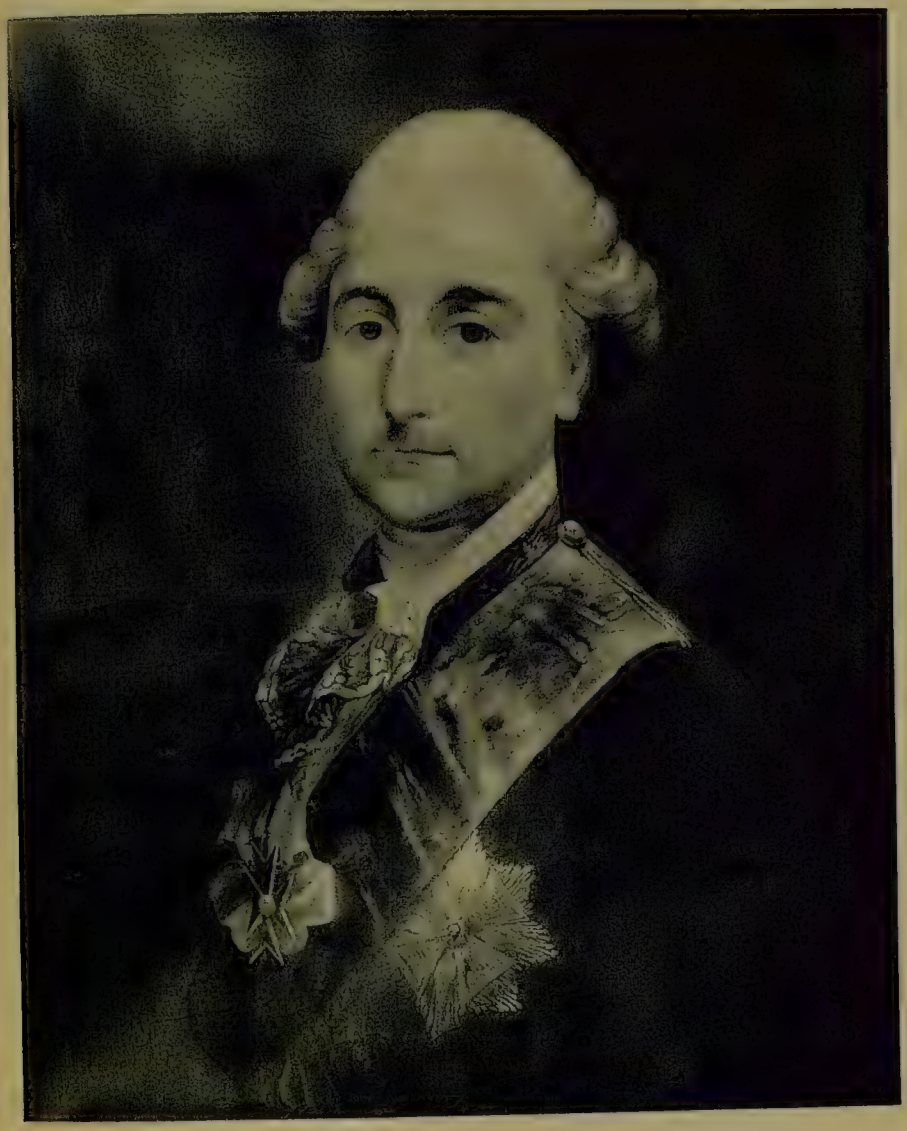
Тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія начинаются только въ 1792 году. Объявленіе войны французскимъ философамъ ведетъ къ началу кампаніи и противъ русскихъ мартенистовъ. Только во второмъ случаѣ сраженіе ведется уже не при помощи эпиграммъ. Въ 1792 году подъ ничтожнымъ предлогомъ нарушенія регламента о печати былъ отданъ приказъ объ арестѣ Новикова. Веденіе процесса поручено князю Прозоровскому и Этьену

Шешковскому, петербургскому и московскому полицеймейстерамъ, но въ дѣйствительности за это дѣло берется сама Екатерина и проявляетъ при этомъ крайнюю страстность, доходящую до неистовства. Въ глубинѣ души она не вѣритъ въ идейный характеръ мистицизма и ищетъ поэтому въ немъ болѣе реальныхъ мотивовъ, честолюбивыхъ видовъ, идеи заговора и покушенія. Призракъ заговора въ пользу Павла приводитъ ее въ ожесточеніе. Новиковъ имѣлъ несчастіе одолжить книги наслѣднику престола: немедленно наложить арестъ! Но захватили не то, чего искали: это было извлеченіе изъ Ѳомы Кемпійскаго! Послѣ того какъ онъ уже былъ отданъ подъ судъ, она раздумала и собственной властью внѣ всякаго судопроизводства приговорила его къ 15 годамъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости; всѣ изданія московскаго общества должны быть сожжены, домъ, въ которомъ происходили собранія, разрушенъ, и всѣ масонскія ложи въ Россіи закрыты. Но этого мало: уже послѣ своего осужденія Новиковъ долженъ былъ подвергнуться безчисленнымъ допросамъ какъ со стороны Прозоровскаго и Шешковскаго, такъ и самой Екатерины. Она въ этотъ моментъ забыла ту фразу, которую сама же написала между 1744 и 1764 годами и которая сохранилась въ ея автографическихъ замѣткахъ: «Только самое варварское судопроизводство можетъ допустить слѣдствіе послѣ осужденія?»...

Въ 1794 году Новиковъ сидитъ въ казематѣ въ обществѣ фальшивомонетчика; онъ жалуется на недостатокъ воздуха, пищи, бѣлья, одежды и медицинской помощи. Онъ напрасно добивался разрѣшенія воспользоваться услугами заключеннаго, какъ и онъ, врача. Генеральный прокуроръ Самойловъ, правда, объяснилъ свой отказъ: тюремная стража сама умираетъ съ голоду, а на медикаменты денегъ нѣтъ у администраціи. Несчастный публицистъ только черезъ два года былъ выпущенъ на свободу послѣ восшествія на престолъ Павла. Но его пѣсня была уже спѣта: больной духомъ и тѣломъ, окончательно разбитый, онъ не можетъ уже возстановить своихъ умственныхъ способностей и, вернувшись къ франкмасонству, увлекается самыми грубыми и эксцентричными формами его.

III.

Къ этому же направленію принадлежитъ и Радищевъ, представляющій собой типъ, еще рѣзче выраженный. Воспитанный



Король Польскій

Станиславъ Августъ Понятовскій.

Печатается въ первый разъ.

Худож. фототипія К. А. Фишера.

Пропонеру

Алексеєв

Пухонський

Рига, ул. Гоголя

тел. 14-8

пажемъ при дворѣ, отправленный на казенный счетъ въ лейпцигскій университетъ, назначенный въ одну изъ сенатскихъ комиссій, онъ долго производитъ впечатлѣніе хорошаго чиновника и благонамѣреннаго подданнаго самодержавной и православной имперіи. Но что-то бурлитъ въ немъ, и скоро онъ становится не только активнымъ представителемъ партіи среди той глухой борьбы, въ которой сталкиваются противоположныя вліянія и теченія: его собственная душа представляется намъ замкнутымъ полемъ, на которомъ продолжается эта страстная борьба. Въ своей книгѣ, за которую онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, въ «Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву» и въ періодическомъ изданіи: «Почта душъ» онъ въ идейномъ отношеніи явно подчиняется вліянію Рейналя, форму же заимствуетъ изъ «Сантиментальнаго путешествія» Стерна. Но въ примѣненіи этихъ идей къ проблемамъ мѣстной жизни, напр., къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, онъ далеко уходитъ, какъ отъ Вольтера, который представляетъ дѣло освобожденія крѣпостныхъ доброй волѣ ихъ господъ, такъ и отъ Руссо, который видитъ опасность въ поспѣшномъ освобожденіи. Онъ самъ хочетъ немедленной эмансипаціи безъ предосторожностей и безъ оговорокъ; но онъ хочетъ, чтобы она была проведена правительствомъ безъ посторонней помощи. Онъ вѣритъ въ самодержавіе, во всемогущество царя. Когда его на судѣ спросили, что онъ имѣетъ противъ государыни, которую онъ осмѣлился оскорбить, онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: какъ можетъ благонамѣренный русскій подданный питать къ ея августѣйшей особѣ какія-нибудь другія чувства, кромѣ любви и благодарности? Но это ему не помѣшало въ своемъ ярко революціонномъ произведеніи: «Ода свободѣ» развить мысль, заимствованную изъ извѣстнаго стиха, посвященнаго Франклину:

Eripuit coelo fulmen, Sceptrumque tyrannis [1]).

Точно также онъ въ одно и то же время является скептикомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ религіозныхъ обрядовъ, циникомъ и набожнымъ человѣкомъ, сторонникомъ теоріи эгоизма и экзальтированнымъ альтруистомъ въ жизни.

Нужно замѣтить, что его программа освобожденія крестьянъ вполнѣ совпадаетъ съ той, которая была проведена въ жизнь черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ него. За исключеніемъ отдѣль-

---

[1]). У неба вырвалъ молнію и скипетръ у тирановъ.

ныхъ мѣстъ, на которыхъ лежитъ печать памфлета, вся его книга представляетъ собой сборникъ статистическихъ данныхъ изъ политической и административной жизни страны. Онъ разсказываетъ исторію о трехъ молодыхъ помѣщикахъ, которые сговорились изнасиловать дочь одного крестьянина и приступили къ выполненію своего плана, послѣ того какъ имъ была обезпечена полная безнаказанность. Онъ приводитъ случай съ администраторомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, чтобы получить распоряженіе для спасенія двадцати человѣкъ, которымъ грозитъ смерть. Онъ сообщаетъ о шестидесяти молодыхъ дѣвушкахъ, соблазненныхъ въ одной только деревнѣ помѣщикомъ, пользующимся репутаціей гуманнаго и честнаго человѣка. «Вѣдь это Александръ Васильевичъ (Салтыковъ)!» невольно воскликнула Екатерина, прочитавъ это мѣсто. Онъ подводитъ итогъ подвигамъ цензуры и приводитъ случай, когда одинъ авторъ былъ осужденъ за *святотатство*, за то, что употребилъ выраженіе: «хитрый богъ», говоря объ Амурѣ. Даже въ 1790 году Екатерина способна была смѣяться по поводу этого инцидента, но она нашла въ книгѣ такія фразы, въ которыхъ авторъ передавалъ свои впечатлѣнія по поводу пребыванія императрицы въ Царскомъ Селѣ: «я былъ пораженъ царящей здѣсь тишиной... Все молчитъ; все дрожитъ; это мѣстопребываніе деспотизма».

Этого было достаточно, чтобы судьба автора была рѣшена. Осужденный на смерть Радищевъ только благодаря счастливой случайности избѣжалъ этой высшей кары. Въ день его ареста былъ заключенъ миръ со шведами. Екатерина по этому поводу въ хорошемъ настроеніи и даруетъ ему жизнь. Кнутъ и десятилѣтняя ссылка въ Сибирь замѣняютъ смертную казнь.

Его дальнѣйшая судьба напоминаетъ судьбу Новикова. Амнистированный Павломъ и даже приглашенный Александромъ къ участію въ Законодательной комиссіи, онъ и на свободѣ, и за работой не можетъ возстановить своихъ прежнихъ умственныхъ силъ. Онъ не выдержалъ страшнаго испытанія, которому его подвергли. Преслѣдуемый страшными призраками, видя вездѣ казни, опасности и угрозы, онъ налагаетъ на себя руку—послѣ того, говорятъ, какъ одинъ высокопоставленный сановникъ его спросилъ, *не довольно ли ему одного путешествія въ Сибирь*.

Еще одна характерная черта: онъ отравился водкой, выпивъ залпомъ цѣлую бутылку. Философскимъ идеямъ еще предстоялъ длинный путь въ Россіи.

Дворъ Екатерины.

I.

«Людовикъ XIV завидовалъ бы Екатеринѣ или женился бы на ней, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ красивый выходъ», писалъ князь де-Линь въ 1787 году. Придворные и корресподенты Семирамиды были склонны къ преувеличеніямъ. Но восторженные отзывы любезнаго космополита на этотъ разъ вполнѣ согласуются съ общимъ мнѣніемъ современниковъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ прославляютъ роскошь, великолѣпіе и блескъ новаго Версаля, возникшаго на туманномъ берегу Невы. Но можно ли безъ оговорокъ принять оцѣнку этого энтузіаста, который самъ нѣкоторое время содѣйствовалъ увеличенію обаянія этого двора? Конечно, нѣтъ! Гласъ народа можетъ быть иногда гласомъ Божьимъ, но не всегда голосомъ историка. Въ данномъ случаѣ общее эхо можетъ быть принято только съ серьезными поправками.

Въ своемъ настоящемъ Версалѣ король-солнце являлся наслѣдникомъ Франциска I и Екатерины Медичи. Это совсѣмъ не то, что собирать въ Царскомъ Селѣ наслѣдство Петра Великаго. Когда Людовику XIV пришлось поселиться въ своемъ новомъ жилищѣ, то онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Сенъ-Жерменъ, Фонтенебло, если не считать Лувра. Сенъ-Жерменъ, Фонтенебло и Лувръ Екатерины составлялъ маленькій деревянный домикъ, въ которомъ жилъ великій царь и который напоминаетъ ярмарочную палатку. Разница была велика. Заслуга современной Семирады заключается въ томъ, что она въ значительной степени сократила разстояніе, отдѣлявшее ее въ этомъ отношеніи отъ европейскихъ образцовъ. Своими свѣтлыми и тѣневыми сторо-

нами, глазировкой западной культуры и изнанкой азіатскаго варварства, изысканностью и грубостью, дѣйствительная картина екатерининскаго двора даетъ, хотя и фрагментарное, но вѣрное, поучительное и забавное въ то же время изображеніе великаго преобразовательнаго труда, результатомъ котораго явилась вся современная Россія.

До Петра I у московскихъ царей были придворные, но не было двора въ собственномъ смыслѣ этого слова. «Ассамблеи» въ императорскомъ дворцѣ были созданы также великимъ царемъ-преобразователемъ. Но только подъ угрозой тѣлеснаго наказанія можно было заставить московскихъ бояръ посѣщать эти ассамблеи. Еще при Елизаветѣ театръ ея Величества заполняется въ дни спектаклей при помощи *указа*. Екатеринѣ II принадлежитъ честь установленія въ этой области режима полной свободы, позволяющей графу Сегюру отказаться отъ удовольствія принимать участіе въ императорскомъ *лото* и даже воспользоваться имъ для язвительныхъ стиховъ, отъ которыхъ императрица первая смѣется. Дворъ Елизаветы ввелъ въ заблужденіе д'Эона, которому показалось, что «дѣйствительно великолѣпный тонъ» поддерживается въ небольшой группѣ приближенныхъ императрицы, человѣкъ въ десять. «Остальные ведутъ себя, какъ имъ угодно. Тутъ очень мало обращаютъ вниманія, сшито ли платье изъ сѣраго сукна и изъ зеленаго ли шелка отдѣлка, лишь бы въ гардеробѣ было какое-нибудь платье и какой-нибудь придворный костюмъ, шитый золотомъ или серебромъ... Пріемы очень красивы, но монотонны. На церемоніалахъ почти не бываетъ общества». Обществу, дѣйствительно, трудно было развернуться при мѣстническихъ традиціяхъ и даже послѣ уничтоженія этого института подъ тяжелымъ гнетомъ восточнаго деспотизма. Бояре, посѣщавшіе дворъ, едва отличались отъ слугъ. Покидая свою службу, послѣдніе — лакеи, гайдуки, повара, пирожники—получали по закону мѣсто въ арміи, становясь прапорщиками или подпоручиками, и кончали бурмистрами въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ. Еще Екатерина издаетъ указъ, запрещающій ея придворнымъ бить свою прислугу.

Пріемы и празднества по поводу коронаціи вдовы Петра III уже отличаются большимъ изяществомъ, не лишеннымъ, все-таки, замѣтнаго азіатскаго колорита. Но роскоши и расходовъ здѣсь меньше, чѣмъ, напр., въ Реймсѣ по такому же поводу. Организаторъ церемоніи князь Трубецкой получаетъ пятьдесятъ

тысячъ рублей на общіе расходы, одинъ фунтъ золота и десять фунтовъ серебра для короны и четыре горностая для императорской мантиліи. Расходы превышаютъ ассигновки, по общему правилу, которое оказывается дѣйствительнымъ на всѣхъ широтахъ. Въ теченіе цѣлой недѣли искали золотого яблока, которое должно было сохраняться въ императорской сокровищницѣ, но его не оказалось: оно ушло на непредвидѣнные расходы. При дворѣ въ это время такой безпорядокъ, что къ моменту отъѣзда ея Величества въ Москву, гдѣ должно было состояться коронованіе, прислуга готова была объявить стачку. Она ничего не ѣла въ теченіе трехъ дней! Государыня увозитъ съ собой небольшую свиту: всего двадцать восемь человѣкъ, но для ихъ перевозки требуется шестьдесятъ три экипажа и 395 лошадей. Царевичъ отправляется отдѣльно съ обозомъ въ 27 экипажей и 257 лошадей. Эти экипажи представляютъ собой дома на колесахъ. Въ 120 дубовыхъ боченкахъ съ желѣзными обручами везутъ шестьсотъ тысячъ серебряныхъ монетъ для личныхъ расходовъ ея Величества: для раздачи толпѣ и нуждающимся, для экстраординарныхъ наградъ и пр.

Церемонія состоялась 23 сентября 1762 года. Екатерина сама одѣваетъ на себя императорскую діадему, одна идетъ въ алтарь и собственными руками беретъ причастіе. Слѣдующіе дни уходятъ на пріемъ безконечныхъ депутацій. Цѣлованіе руки недостаточно для изъявленія вѣрноподданничества; земные поклоны, которые впослѣдствіи были отмѣнены Екатериной, еще во всей своей силѣ. Такъ приходятъ и падаютъ ницъ передъ ея трономъ представители русскаго дворянства и прибалтійскаго рыцарскаго сословія, гвардейскіе офицера, депутаты азіатскихъ народовъ, греки, армяне, калмыки, яицкіе и поволжскіе казаки и среди нихъ ученики Троицкой семинаріи въ шитыхъ золотомъ бѣлыхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ изъ зеленыхъ листьевъ. Затѣмъ начинаются придворныя празднества, балы, маскарады, торжественные обѣды и наряду съ ними народныя гулянья. Въ императорскомъ театрѣ постановка «Заира» на французскомъ языкѣ слѣдуетъ за русской трагедіей. Фрейлины танцуютъ балетъ, а оркестръ составленъ изъ придворныхъ кавалеровъ. Кортежъ, представляющій «тріумфъ Минервы» встрѣчаетъ довольно холодный пріемъ у уличной толпы, для которой имя греческой богини совершенно чуждо. Къ тому же никто не понимаетъ, надъ кѣмъ она одержала свой тріумфъ: не надъ *матушкой* ли, кото-

рая только что одѣла корону къ великому счастью своего народа? Впрочемъ, незадолго передъ этимъ былъ изданъ указъ, рекомендовавшій носить приличное платье на улицахъ и запрещавшій переодѣванія, и всѣ ждали, что эти смѣльчаки, которые нарядились въ такіе экстравагантные костюмы, будутъ арестованы. Народный театръ маріонетокъ имѣлъ еще меньше успѣха, такъ какъ заподозрили, что дѣло не обходится безъ нечистой силы. За годъ до этого французъ Дюмуленъ обратилъ въ бѣгство толпу представленіями «говорящей головы», которая навела паническій страхъ на всѣхъ.

Екатерина также приходитъ въ ужасъ отъ роскоши, которую влекутъ за собой эти необычайныя развлеченія. *Указомъ* она запрещаетъ ввозъ кружевъ и матерій изъ шелка и тканаго серебра. Баронъ Бретейль очень легко находитъ утѣшеніе: «Можетъ быть, и не станутъ носить матеріи изъ тканаго золота и серебра», пишетъ онъ въ депешѣ отъ 9 января 1763 года... «но все-таки будутъ покупать наши мануфактуры и ткани, если и не блестящія, то не менѣе дорогія».

Празднества продолжаются во все время пребыванія Екатерины въ Москвѣ, отъ сентября 1762 до іюня 1763 года. Этимъ случаемъ пользуются, чтобы внести больше изящества и комфорта въ резиденціи Петербурга и его окрестностей. Деревянный дворецъ, въ которомъ жила Елизавета, переносится въ Царское село, а въ новомъ кирпичномъ, построенномъ при предшественникѣ Екатерины, заводятъ роскошную обстановку. Въ 1765 году Казанова, посѣтившая садъ, примыкающій къ дворцу, находитъ еще тамъ много неожиданнаго и смѣшного: статуй, сдѣланныхъ гвардейскими солдатами, горбатыхъ аполлоновъ, дряхлыхъ венеръ, Сафо въ видѣ старика съ бородой и Филемона и Бавкиду, представленныхъ двумя молодыми людьми, обмѣнивающимися невинными поцѣлуями. Это наслѣдство Елизаветы. Менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ инспекторъ полиціи Лонгире былъ пораженъ блескомъ, который онъ нашелъ въ Царскомъ селѣ. Но въ монотонномъ обиліи позолоты и другихъ украшеній, которыя онъ перечисляетъ, больше богатства, чѣмъ художественнаго вкуса. «Трудно найти столько изысканности и роскоши», пишетъ онъ, «сколько мнѣ пришлось видѣть въ уборной, спальнѣ, рабочемъ кабинетѣ и будуарѣ Ея Величества. Уборная вся въ зеркалахъ и съ золотыми карнизами. Спальня окружена небольшими колоннадами, съ верха до низа покрыты-

ми массивнымъ серебромъ, наполовину серебристаго цвѣта и наполовину лиловаго. Задній фасадъ колоннадъ покрытъ зеркальнымъ стекломъ, а потолокъ разрисованъ. Рабочій кабинетъ также окруженъ небольшими колоннадами, съ верха до низа покрытыми также массивнымъ серебромъ наполовину цвѣта золота и наполовину голубого. Задній фасадъ этихъ колоннадъ весь покрытъ зеркалами, а потолокъ разрисованъ. Будуаръ также окруженъ небольшими колоннадами, съ верха до низа покрытыми массивнымъ серебромъ, наполовину серебристаго цвѣта и наполовину розоваго. Задній фасадъ этихъ колоннадъ наполовину зеркальный и наполовину розовый. Въ этихъ трехъ послѣднихъ комнатахъ много бронзы и золотыя гирлянды на всѣхъ колоннадахъ». Гаррисъ, со своей стороны, замѣчаетъ, что среди портретовъ коронованныхъ особъ, развѣшанныхъ на стѣнахъ деревенскаго дома, который императрица скромно и просто называетъ «своимъ болотомъ» (въ виду, вѣроятно, окружающихъ его прудовъ, которымъ соотвѣтствуетъ и финское названіе мѣстности «Кикерико»—рѣчь, очевидно, идетъ о Чесменскомъ дворцѣ), кромѣ полотна Веста, изображающаго двухъ англійскихъ принцевъ, нѣтъ ни одного, который отличался бы художественностью работы. Но Ведгвудъ привезъ для «болота» замѣчательный сервизъ съ изображеніемъ красивой зеленной лягушки надъ хорошенькой англійской деревушкой. А петергофскій фонтанъ «Самсонъ» считался первымъ въ Европѣ послѣ Кассельскаго.

Вездѣ видна все та же смѣсь богатства и нищеты, за исключеніемъ, можетъ быть, Эрмитажа, гдѣ Екатерина задалась цѣлью сконцентрировать всѣ яркіе лучи своего солнца, которому, какъ это можно видѣть и какъ она сама, безъ сомнѣнія, это видѣла, далеко до солнца великаго короля. Графъ Гордонъ оставилъ въ своихъ мемуарахъ прелестное описаніе этой пристройки большого и мрачнаго дворца, построеннаго по плану Растрелли въ стилѣ рококо. «Онъ (Эрмитажъ) представляетъ собой флигель императорскаго дворца и состоитъ изъ картинной галлереи, двухъ большихъ комнатъ, въ которыхъ играютъ, и третьей, гдѣ обѣдаютъ на двухъ *конфиденціальныхъ* столахъ; рядомъ съ этими комнатами расположенъ крытый, хорошо освѣщенный зимній садъ, гдѣ можно прогуливаться среди деревьевъ и многочисленныхъ цвѣтовъ. Тутъ можно видѣть птицъ всевозможныхъ породъ, въ томъ числѣ и поющихъ, особенно много канареекъ. Согрѣвается садъ при помощи подземныхъ печей, и въ самую

холодную погоду въ немъ поддерживаютъ пріятную температуру. Ко всѣмъ этимъ прелестямъ присоединяется полная свобода, которая тамъ царитъ. Императрица изгнала оттуда всякій этикетъ: всѣ безъ всякаго стѣсненія гуляютъ, играютъ, поютъ; каждый можетъ дѣлать то, что ему по вкусу». Въ картинной галлереѣ имѣются шедевры искусства. Главное мѣсто занимаютъ три коллекціи: одна—генералъ-лейтенанта Людовика XV барона Тьера, другая—графа Анри Брюля, министра саксонскаго короля Августа, и третья—замѣчательная серія полотенъ, собранная въ Хефтонъ-Холлѣ Робертомъ Вальполемъ. Среди картинъ англійскаго происхожденія фигурируютъ шесть полотенъ Сальватора Розы, въ томъ числѣ и лучшее произведеніе автора: «Блудный сынъ», *Благовѣщеніе* и *Рождество Христово* Мурильо, великолѣпныя произведенія Рубенса, изображающія торжественный въѣздъ кардинала въ Анверъ, *Богоматерь* Ванъ-Дейка, за которую Вальполь заплатилъ 1400 фунтовъ стерлинговъ, и *Диспутъ отцовъ церкви* Гвидо Рени, котораго Иннокентій XIII въ первый моментъ не хотѣлъ выдавать изъ своихъ владѣній. Среди коллекціи Тьери были двѣ знаменитыхъ картины Рафаэля: *Святое семейство съ молодымъ Іосифомъ* и *Святой Георгій на конѣ*. Въ 1772 году во время распродажи галлереи Шуазеля-Стенвиля Екатерина пріобрѣтаетъ *Benedicite* (молитва) Рембрандта, *Врача* Жерара Доу за 19,153 ливра, *Охоту на оленей* Вувермана, стоившую 20,700 ливр., и два *деревенскихъ праздника* Пуссэна, которые принадлежали знаменитой графинѣ Жаннѣ де-Вердракъ и стоили ей 37,000 ливр. Затѣмъ были куплены полностью или частями коллекціи Рандона де-Буассъ, князя де-Конти, Дезалье д'Аржанвиля, Гостковскаго, Тронтена. Она дѣлаетъ заказы Рафаэлю Менгсу, Анжелику Кауфману, I. Рейнольдсу. Въ 1784 году къ развлеченіямъ Эрмитажа прибавляется залъ для спектаклей. «Расположенный амфитеатромъ и поднимаясь ступенями отъ оркестра до вестибюля», онъ соединяетъ въ себѣ, по словамъ компетентнаго современнаго судьи, режиссера московскаго императорскаго театра Арманда Домерга, «все, что могущество, величіе и роскошь только могли дать блестящаго». Тамъ можно было слышать лучшихъ артистовъ того времени: Офренъ, Флоридоръ, Дельпи, Бурде, мадамъ Лесажъ, мадмуазель Гуссъ ставятъ тамъ лучшія произведенія Мольера и Реньяра; божественный Пансіелло управляетъ оркестромъ и сочиняетъ для Семирамиды нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ оперъ: La Serva padrona, il Matrimonio inaspet-

Чесменская битва.

Съ современной гравюры Кано и Ватса, сдѣланной съ картины Патона.

tato и le Barbiere di Siviglia, который сорокъ лѣтъ спустя былъ передѣланъ Россини (Севильскій цирюльникъ). Чимароза, замѣститель Пансіелло, написалъ на берегахъ Невы за три года своего пребыванія тамъ пятьсотъ пьесъ для придворнаго оркестра и для частныхъ оркестровъ мѣстныхъ аристократовъ. Сарти соперничаетъ съ этими двумя маэстро, и Екатерина при всей своей индиферентности къ музыкѣ готова удовлетворить всѣ требованія, которыя они предъявляютъ за свои произведенія; она выноситъ даже ихъ капризы и грубости. Габріелли, получавшая 7000 руб. жалованья, отказывается пѣть въ апартаментахъ государыни, «потому что», сказала она, «Ея Величество ничего въ этомъ не понимаетъ». Когда императрица дала ей понять, что ея маршалы получаютъ меньше жалованья, чѣмъ она, то она ей сказала въ отвѣтъ знаменитую фразу: «пусть она заставитъ въ такомъ случаѣ пѣть своихъ маршаловъ!»

Ссоры тенора Маркези съ другой примадонной Тоди на глазахъ снисходительной царицы пріобрѣтаютъ значеніе государственнаго дѣла.

Роскошь все увеличивается. Въ 1778 году на празднествѣ въ честь рожденія старшаго сына Павла играютъ въ макао за тремя столами, и выигрывающіе имѣютъ право брать по бриллiанту золотой ложечкой изъ шкатулки, стоящей посрединѣ стола и наполненной этими драгоцѣнными камнями. Игра продолжается полтора часа, и такъ какъ шкатулки наполовину еще были съ бриллiантами, то играющіе раздѣляютъ между собой остатки. На этотъ разъ самъ Гаррисъ пораженъ, хотя съ представленіемъ о богатствахъ Азіи у него всегда связываются воспоминанія о легендарныхъ сокровищахъ Голконда. Впрочемъ, приглашенія на это празднество разсылаются отъ имени «Франциска Азора», азіатскаго или африканскаго дворянина, владѣльца алмазныхъ копей, подъ псевдонимомъ котораго можно отгадать великолѣпнаго князя, раздававшаго драгоцѣнные камни и кашемировыя шали своимъ гостямъ въ Молдавіи. Бриллiанты, которые раздавались на этотъ разъ, стоили, впрочемъ, только по пятидесяти рублей, по оцѣнкѣ англійскаго дипломата; но онъ упоминаетъ о дессертѣ за ужиномъ, сервированномъ на посудѣ, которую онъ оцѣниваетъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вліяніе князя Таврическаго сильно сказалось на ростѣ роскоши, переходившей въ эксцессы безумной расточительности,

и за предѣлами двора и близкихъ къ нему круговъ. Назначенный посланникомъ въ Стокгольмъ по окончаніи шведской войны и въ разгаръ разорительной турецкой кампаніи, Игельстремъ получаетъ 20,000 руб. подъемныхъ, и мѣсячный окладъ въ 4500 рублей, не считая «огромнаго комплекта посуды»; тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ себя удовлетвореннымъ. Ему требуется двѣ парадныхъ кареты съ шестеркой лошадей для каждой, восемь офиціантовъ, двое вѣстовыхъ, двое егерей, двое гайдуковъ, двое гусаръ, чтобы сопровождать его карету, четыре кавалера посольства, секретарь, три помощника секретаря, четыре или шесть адьютантовъ, четыре курьера, армія лакеевъ, домъ, «равнаго которому не было въ Стокгольмѣ», и на 15000 руб. драгоцѣнностей для украшенія его собственной персоны. Костюмы кавалергардовъ, сопровождающихъ императрицу за предѣлами дворца въ торжественныхъ случаяхъ и обыкновенно несущихъ внутреннюю службу, отличаются необыкновеннымъ блескомъ: «изъ голубого сукна съ красной отдѣлкой, съ серебряными латами, на которыхъ выдѣляется золотой императорскій орелъ. Рукава и брюки также покрыты серебряными бляхами, соединенными между собой цѣпочками изъ того же металла, и напоминаютъ поручни и поножи древнихъ рыцарей». «Это сходство»,—прибавляетъ маркизъ де-Боссе, который описываетъ эти подробности въ депешѣ отъ 10 іюня 1766 года къ герцогу Шуазелю,—«увеличивается благодаря серебряному шлему съ черными перьями. Сапоги также покрыты на раструбахъ и на переднихъ сторонахъ голенищъ серебряными бляхами».

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что по документу отъ 1767 года ежегодные расходы двора не превышаютъ 1,100,000 рублей, а именно:

На домъ императрицы, на жалованье всѣмъ служащимъ, на столъ, музыку, комедію, мелкія удовольствія, свѣчи, охоту и на экипажъ	900,000 руб.
На большую и малую конюшни	100,000 „
На гардеробъ, драгоцѣнности, подарки	100,000 „
Итого . . .	1,100,000 руб

Эта цифра болѣе чѣмъ удвоилась, по нашему мнѣнію, во вторую половину царствованія и, тѣмъ не менѣе, она поражаетъ своей скромностью по сравненію съ расходами версальскаго двора. Одна конюшня Людовика XVI обходилась въ 7,717,058 лив-

ровъ въ 1786 году. Съ 1774 по 1788 годъ бюджетъ двора французскаго короля и его семьи колеблется между 32 и 36 милліонами въ годъ, т.-е. въ семь разъ превосходитъ бюджетъ Екатерины Великой!

Это объясняется главнымъ образомъ численнымъ неравенствомъ личнаго состава обоихъ дворовъ. Екатерина удовлетворяется сравнительно очень немногимъ: двѣнадцать камергеровъ, двѣнадцать камеръ-юнкеровъ и двѣнадцать фрейлинъ составляли главный контингентъ двора. Это далеко до четырехъ тысячъ человѣкъ, составляющихъ гражданскій дворъ французскаго короля, не считая военнаго съ составомъ, вдвое большимъ. Кругъ придворныхъ Екатерины былъ очень узкій, и честь попасть въ него считалась очень высокой. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, уже былъ главнокомандующимъ, когда въ 1775 году получилъ золотой ключъ, и былъ въ восторгѣ отъ этого повышенія. Функціи этихъ завидныхъ должностей выполняются съ большимъ рвеніемъ и аккуратностью. Получивъ не въ примѣръ другимъ разрѣшеніе жить внѣ дворца, чтобы не покидать своей матери, нуждавшейся въ ея уходѣ, фрейлина Бибикова не опаздываетъ на службу даже во время наводненія 1777 года: она пріѣзжаетъ во дворецъ на лодкѣ. Екатерина обходится со своими фрейлинами, какъ съ любимыми дочерьми. Она замѣчаетъ, что у фрейлины Потоцкой, которая недавно появилась при дворѣ, нѣтъ жемчуга; она воспользовалась костюмированнымъ баломъ, на которомъ молодая дѣвушка появляется въ костюмѣ молочницы и находитъ въ своемъ кувшинѣ великолѣпное колье.—«Это вы, государыня... это ваше величество...» лепечетъ дѣвушка, увидѣвъ подарокъ.— «Нѣтъ, это кислое молоко». Но упущенія и шалости этой молодежи наказываются очень сурово. Въ 1784 году при дворѣ ходитъ по рукамъ карикатура, изображающая князя Потемкина лежащимъ на диванѣ и окруженнымъ своими тремя племянницами, графинями Браницкой, Юсуповой и Скавронской, которыя сидѣли въ неглиже и оспаривали другъ у друга своего дядю. Двѣ восемнадцатилѣтнія фрейлины Бутурлина и Эльмптъ были обвинены въ томъ, что нарисовали эту карикатуру. Когда ихъ виновность была установлена, онѣ были высѣчены до крови въ присутствіи своихъ подругъ и отосланы въ ихъ семьи. Но ихъ опала продолжалась не долго. Эльмптъ вышла замужъ за Турчинова, черезъ нѣсколько лѣтъ появилась опять при дворѣ и

даже выхлопотала для своего мужа мѣсто директора императорскихъ построекъ. Другая, красивая, умная, смѣлая и легкомысленная фрейлина сдѣлалась скоро знаменитой графиней Дивовой, салонъ которой былъ широко открытъ для французскихъ эмигрантовъ.

Въ общемъ, обстановка двора Семирамиды, вызывающая восторги Европы, довольно скромна. Какъ и во время предыдущихъ царствованій, крайняя роскошь тутъ уживается рядомъ съ нищетой и расточительная щердость съ необыкновенной скупостью. Въ 1791 году во время маскараднаго бала въ петергофскомъ дворцѣ главная лѣстница не освѣщена. Въ 1792 году приходятъ къ убѣжденію въ необходимости сшить новыя ливреи пажамъ императрицы: старыя ливреи прослужили тридцать четыре года!

II.

Съ точки зрѣнія этикета, хорошаго тона и даже приличій этотъ дворъ также далекъ отъ своихъ западныхъ образцовъ. По сообщенію нѣмецкаго путешественника графа Штернберга, который посѣтилъ Россію въ 1792 году, въ залѣ для аудіенцій до прибытія государыни и послѣ ея удаленія царилъ крайній безпорядокъ. Все время слышенъ глухой шумъ разговаривающихъ на всѣхъ языкахъ Европы и Азіи. На балахъ еще хуже. Въ такіе дни доступъ ко двору имѣютъ военные чины всѣхъ степеней; къ тому же даже кучеръ Ея Величества состоитъ въ чинѣ подполковника! Въ обыкновенные дни пріемовъ также достаточно быть при шпагѣ, чтобы проникнуть до дверей тронной залы, охраняемой двумя кавалергардами въ полной формѣ, въ серебряныхъ латахъ въ треуголкахъ и въ полномъ вооруженіи. Никакой охраны не видно ни у входа, ни на лѣстницѣ, ни въ первой общей залѣ; никто не спрашиваетъ у посѣтителей, кто они и зачѣмъ пришли. Во время революціи распространился однажды слухъ, что французскіе демагоги организовали покушеніе; придворный адъютантъ Пасекъ поставилъ въ вестибюлѣ дворца двухъ часовыхъ; узнавъ объ этомъ, императрица отмѣняетъ распоряженіе. Входъ въ тронную залу разрѣшается только лицамъ, обозначеннымъ на листѣ, который передается дежурнымъ кавалергардамъ, но листъ этотъ очень длинный. Уборная, въ которой императрица даетъ свои частныя аудиенціи, также часто бываетъ переполнена; государственные секретари имѣютъ

туда свободный доступъ ежедневно, генеральный прокуроръ по воскресеньямъ. Простой лакей во французской формѣ охраняетъ порогъ этого святилища. Ливреи лакеевъ и пажей были отмѣнены, и до послѣднихъ лѣтъ царствованія не было придворной формы. Въ 1783 году была таковая установлена для дворянъ по цвѣтамъ ихъ провинцій. Чтобы въ то же время уменьшить роскошь въ туалетахъ, которые съ проникновеніемъ французскихъ модъ становились все болѣе и болѣе разорительными, Екатерина задумала установить единообразіе въ костюмахъ для дамъ, допущенныхъ къ ея пріемамъ. Она вводитъ сначала для пріемовъ въ Эрмитажѣ, а затѣмъ и для всѣхъ другихъ русское платье изъ краснаго бархата, которое могло бы привести въ ужасъ Марію Антуанету. Петербургскія красавицы приходятъ въ отчаяніе оттого, что имъ нельзя блистать во дворцѣ роскошными фасонами мадмуазель Бертенъ, но должны подчиниться. Онѣ принуждены также мириться съ прической *à la Reine* или *à la Belle Poule*, такъ какъ указъ запрещаетъ прически выше четверти локтя (около $3^1/_2$ вершк.). Великая княгиня Марія Ѳедоровна, которая должна была пожертвовать частью своихъ волосъ во исполненіе этого общаго указа, цѣлую недѣлю проплакала по этому поводу.

Екатерина въ данномъ случаѣ идетъ противъ давно установившагося теченія, которому она сама раньше не мало содѣйствовала. Подражаніе иностраннымъ образцамъ, въ особенности французскимъ, было общимъ явленіемъ въ жизни высшихъ сферъ страны въ теченіе полстолѣтія, и дворъ послѣ Петра Великаго постоянно служилъ примѣромъ въ этомъ отношеніи. Петергофскій паркъ—копія версальскаго. Обществу ничего не остается, какъ повиноваться приказу свыше. Въ 1779 году журналъ, посвященный модамъ, отступаетъ отъ своей задачи и печатаетъ исключительно литературныя статьи; но въ 1791 году «Магазинъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ модъ», который въ свою очередь не отказывается отъ политическихъ темъ, чтобы защищать дѣло реакціи, осмѣивая Національное Собраніе и пародируя *Ça ira*, даетъ уже самыя точныя свѣдѣнія объ изящныхъ новинкахъ европейскихъ столицъ, главнымъ образомъ Парижа, о шляпахъ à la Bergére и шедеврахъ модистки Пале-Рояля мадамъ Трейльяръ. Подражательное теченіе идетъ въ это время рука объ руку съ антиреволюціоннымъ движеніемъ, для котораго Екатерина дала сигналъ: борятся съ революціей,

съ увлеченіемъ воспринимая формы и изысканность стараго французскаго общества.

Подражаніе это отличалось своей грубостью, односторонностью и доходило до смѣшного. Гравюры «Магазина модъ» карикатуры. Придворныя дамы были увѣрены, что напоминаютъ Марію-Антуанету, покрывая парчу батистомъ, точно такъ же, какъ думали, что одѣваются въ стилѣ мадамъ Мальборо, пришивая ко всякому платью черную бахрому. Петергофскій каналъ, который долженъ былъ напоминать версальскій, представлялъ собой канаву въ нѣсколько футовъ ширины, гдѣ только дѣтскіе кораблики могли свободно плавать. «Въ Россіи», пишетъ графъ де-Дама, «все напоминаетъ скорѣе эскизъ, чѣмъ законченную работу. Въ учрежденіяхъ имѣется только одинъ принципъ, у домовъ только фасадъ, чиновники часто не знаютъ своихъ обязанностей... Костюмы, азіятскіе для народа, французскіе для общества, производятъ впечатлѣніе не вполнѣ законченныхъ... На людей какъ-будто одѣты только намордники, но ихъ натуры не укрощены... Встрѣчаешь много умныхъ людей, но мало любезныхъ... При дворѣ много женщинъ, которыя съ удовольствіемъ вернулись бы въ свои деревни, много бритыхъ подбородковъ, которые одѣлись бы теплой бородой и комерсантовъ, которые съ большимъ удовлетвореніемъ торговали бы кожами, чѣмъ драгоцѣнностями и модными товарами».

Инстинкты остаются дикими, вкусы грубыми. Тонъ стараго французскаго режима, который всячески стараются копировать, съ трудомъ можетъ утвердиться при дворѣ, гдѣ Петръ III не бросалъ своей трости въ окно, а награждалъ ударами палаша своихъ фаворитовъ и съ величайшимъ безстыдствомъ третировалъ публично дамъ. «Хватать за грудь», писалъ одинъ дипломатъ, «не было еще самой большой вольностью, какую онъ себѣ позволялъ публично по отношенію къ высокопоставленнымъ дамамъ. Только испорченность стараго версальскаго общества и была, повидимому, вполнѣ усвоена высшими сферами столицы, даже еще въ болѣе безобразной и низкой формѣ; съ нея снята была мантія изящества и скромнаго кокетства, и въ обнаженномъ видѣ она была цинично выставлена напоказъ. Въ 1795 году итальянскій теноръ Мандини и его жена, старая куртизанка, которую зналъ весь Парижъ, были любимцами самыхъ знатныхъ дамъ Петербурга. Княгиня Куракина хвасталась, что провела вечеръ en tête-á tête съ мадамъ Мандини въ ожиданіи пѣвца,

который пришелъ къ нимъ послѣ представленія «весь въ поту, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ». Носятся съ девизами, которые раздаетъ Мандини. Мадамъ Дивова демонстративно прикрѣпляетъ себѣ девизъ «Sempra pazza». Княгиня Долгорукая выдѣляется своими страстными криками Bravo! когда теноръ появляется на сценѣ и Fuori! когда онъ уходитъ за кулисы.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что главнымъ препятствіемъ къ болѣе полному, болѣе изящному и болѣе приличному усвоенію западныхъ образцовъ при дворѣ Екатерины была она сама. Ея умъ, ея характеръ и ея темпераментъ дѣлаютъ ее противницей не только, какъ она сама охотно подтверждала, строгостей разумнаго этикета, но и великолѣпія элегантнаго и воспитаннаго антуража или даже просто привычекъ и манеръ хорошаго общества. Графъ Сегюръ ей, конечно, нравится, потому что онъ льститъ ея самолюбію и его отмѣнные и изысканные разговоръ и умъ, цвѣтокъ, выращенный въ версальскихъ теплицахъ, представляютъ преимущество, которое она умѣетъ оцѣнить, но Левъ Нарышкинъ еще больше забавляетъ и ей больше нравится. Представленія ей надоѣдаютъ, офиціальныя церемоніи утомляютъ, поцѣлуи рукъ ей ненавистны. Она очень охотно иногда смѣется надъ всѣмъ этимъ.

«Я кончаю это письмо въ Плесковѣ, куда я пріѣхала въ девять часовъ вечера послѣ обѣда у княгини, просоленной какъ окорокъ, но просоленной въ буквальномъ смыслѣ слова. Вотъ какъ я эту тайну открыла. Когда я стала прощаться, она подошла поцѣловать мнѣ руку; я поцѣловала ее въ щеку. Спускаясь съ лѣстницы подъ руку съ обершталмейстеромъ и разговаривая съ нимъ, я почувствовала вкусъ соли на губахъ и, громко разсмѣявшись, сказала ему объ этомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и увидѣлъ бѣлую полоску у меня на губахъ. Отсюда я узнала, что бѣлила были соленыя». «Послѣ Плескова», пишетъ она черезъ нѣсколько дней, «старшая Энгельгардтъ беретъ на себя заботу щадить мои глаза: прежде чѣмъ представить мнѣ дамъ, она приводитъ въ порядокъ ихъ перья и цвѣты, отъ которыхъ я страдала въ Плесковѣ». Когда баронъ Бретейль приходитъ во время пріема, чтобы заявить ей свое почтеніе, она прерываетъ его словами: «Видѣли ли вы когда-нибудь охоту на зайца съ борзыми? Вы должны признать, что все происходящее здѣсь вполнѣ напоминаетъ такую охоту». Но даже вдали отъ ненавистной ей своры придворныхъ, которые ходятъ за ней по пя-

тамъ, она себя чувствуетъ плохо въ блестящей обстановкѣ, которую она сочла нужнымъ создать въ своихъ дворцахъ, ее стѣсняетъ роскошь къ которой у нея нѣтъ никакого вкуса, она скучаетъ среди красотъ искусства, въ которомъ она ничего не понимаетъ. «Я жила эту зиму въ блестящей обстановкѣ», пишетъ она въ 1777 году; «все вокругъ меня переполнено чудесными вещами, которыя мнѣ совершенно ни къ чему и которыми я никогда не пользуюсь. Я похожа на киргизскаго хана, которому императрица Елизавета подарила домъ въ Оренбургѣ, и который разбилъ свою палатку на дворѣ этого дома, чтобы жить въ ней. Я держусь своего уголка».

Ея уголокъ—это Эрмитажъ, гдѣ въ менѣе шикарной обстановкѣ имѣется все еще два отдѣленія: вся роскошь, которой восхищался, Арманъ Домергъ, театральныя представленія и художественныя коллекціи—все это для публики. Другое отдѣленіе принадлежитъ лично государынѣ, которая туда уходитъ отъ толпы въ интимный кружокъ; доступъ къ послѣднему имѣютъ только немногіе избранники. Эти собранія не напоминаютъ ни Версаля, ни Тріанона, ни тѣмъ болѣе буржуазнаго салона мадамъ Жофренъ въ Рамбулье. Даже графъ Сегюръ теряетъ тамъ свой обликъ человѣка изъ бо-монда, а Левъ Нарышкинъ, который задаетъ тамъ обыкновенно тонъ, ничего общаго не имѣетъ съ изящными придворными Людовика XIV. Онъ не проливалъ своей крови ни въ одномъ сраженіи и не управляетъ никакой провинціей. Въ качествѣ обершталмейстера онъ завѣдуетъ императорскими конюшнями; но, увидѣвъ однажды кошку въ своемъ креслѣ въ канцеляріи этого управленія, онъ заявилъ, что ему нашли преемника и больше туда не показывался. Онъ остроуменъ и больше всего любитъ каламбуръ. Скрипъ двери (по франц. porte—портъ) во время разговора по поводу объявленія турецкой войны даетъ ему поводъ прервать бесѣду и заявить: «это Порта (по фр. Porte—Портъ) проситъ помощи у Греціи». Онъ открыто смѣется надъ своей несчастной семейной жизнью—онъ женился на дочери простого казака—пародируя передъ императрицей модный въ то время романсъ: «Voilà l'objet de ma flamme» (вотъ предметъ моей страсти) и, указывая при этомъ на лакея, который пользуется благосклонностью мадамъ Нарышкиной, поетъ, произнося: «Voilà l'objet de ma *femme*» (вотъ предметъ моей жены). Когда онъ не можетъ воспользоваться игрой словъ, то онъ пускаетъ въ дѣло всевозможные сюжеты, самыя экстравагант-

ныя, подчасъ очень грубыя шутки и для вящаго успѣха беретъ, говорятъ, уроки у французскаго актера Рено. Екатерина находитъ его однажды въ своемъ кабинетѣ развалившимся на диванѣ и орущимъ во все горло какую-то глупую пѣсенку; такъ какъ онъ отказывается покинуть свое мѣсто или замолчать, то она отыскиваетъ двоюрдную сестру непрошеннаго гостя, и, вооружившись пучками крапивъ, онѣ обѣ изо всѣхъ силъ берутся его бить. Екатерина называетъ его «прирожденнымъ арлекиномъ», сознается, что «до безумія любитъ» слушать, какъ онъ говоритъ о политикѣ и что никто «никогда не могъ ее такъ разсмѣшить». Она прославляетъ его заслуги въ двухъ комическихъ поэмахъ (Леоніана) и выводитъ его въ комедіи «Беззаботный». Вотъ эпитафія, которую она составила для своего любимаго товарища, забавляясь въ часы досуга и отдохновенія:

Въ назиданіе потомству.

Надпись

для перваго камня фундамента подъ дачу обершталмейстера Льва Нарышкина:

«Здѣсь живетъ сэръ Левъ Нарышкинъ, обершталмейстеръ. Ни одна горячая лошадь не можетъ на него пожаловаться, потому что онъ никогда не ѣздилъ верхомъ. Въ молодости госпожа Природа обѣщала ему красоту: неизвѣстно, почему она не сдержала своего слова. Когда дѣло дошло до брака, онъ женился на той, о которой онъ менѣе всего думалъ. Онъ любилъ вино, женщинъ и костюмы, но никто его не видѣлъ ни пьянымъ, ни влюбленнымъ, ни хорошо одѣтымъ. Онъ брился самъ изъ боязни, что парикмахеръ его зарѣжетъ. Поэтому, чѣмъ больше были праздники, тѣмъ больше порѣзовъ было у него на лицѣ отъ бритвы. Онъ вездѣ искалъ приключеній и нигдѣ ихъ не находилъ. Его друзья говорили, что онъ былъ раньше очень почтительнымъ, но онъ впослѣдствіи потерялъ терпѣніе. Онъ много танцовалъ и былъ очень ловокъ и легокъ во всѣхъ случаяхъ, когда тучность его тѣла не мѣшала его лѣвой ногѣ слѣдовать за правой. Онъ былъ богатъ и никогда не имѣлъ гроша за душой. Онъ любилъ ходить на базаръ и охотно покупалъ то, что ему не нужно было. Изъ всѣхъ своихъ богатствъ онъ больше всего любилъ эти сто саженей, которыя вы видите передъ собой. Каждый годъ онъ сажалъ здѣсь новыя пустыя бутылки. Сюда вели непроходимыя тропинки, заросшія кустар-

никомъ. Здѣсь были бассейны и ручьи, которые высыхали, когда не было дождя. Быть веселымъ и веселить другихъ былъ его девизъ, игра его основнымъ элементомъ, а громкій смѣхъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ».

Рядомъ съ Нарышкинымъ баронъ Ванжура, другой членъ интимнаго кружка, отличается способностью спускать свою густую шевелюру до бровей, собирая въ складки кожу лба. За такую удаль онъ былъ названъ капитаномъ веселой компаніи, которую Екатерина собрала вокругъ себя. Она сама умѣетъ двигать правымъ ухомъ, сохраняя полную неподвижность лицевыхъ мускуловъ. Впрочемъ, двадцать лѣтъ спустя то же самое будетъ дѣлать другая императрица, урожденная великая княгиня, Марія-Луиза въ Тюльери. Не нужно забывать, что и при дворѣ была такая же чудачка Матрена Даниловна Теплицкая, родомъ изъ мелкихъ ярославскихъ купцовъ, женщина съ вульгарными манерами и умомъ. Императрица помѣстила ее во дворцѣ, осыпала брилліантами и позволила ей называть себя «сестрицей». На вопросъ государыни, почему она такъ поноситъ шведскаго короля, та отвѣтила: «Потому что онъ нѣмецъ, а у насъ послѣ посѣщенія нѣмца все моютъ и чистятъ, даже дверную ручку, до которой онъ дотрагивался рукой».

Да, это Версаль—только безъ десяти вѣковъ монархическихъ традицій и безъ той высокой культуры, которая достигла высшаго расцвѣта и блеска. Это Версаль, скопированный художникомъ, у котораго недоставало фона и красокъ: заимствованная картина на грубомъ полотнѣ, театральная декорація, создающая иллюзію дѣйствительности. Но сходство тутъ есть, и, чтобы прослѣдить его въ деталяхъ, нужно присмотрѣться къ изящному камергеру двора, у котораго, какъ будто застыла ироническая улыбка на устахъ: насмѣшливымъ взоромъ онъ проникаетъ подъ роскошныя украшенія, которыя его окружаютъ, чтобы открыть спрятавшуюся подъ ними нищету, поднимаетъ шелкъ и бархатъ, чтобы обнажить скрытый ими позоръ. Вернувшись къ себѣ, онъ напишетъ своему другу Воронцову письмо, гдѣ мельчайшія подробности дня будутъ просѣяны сквозь рѣшето безжалостной критики и всѣ лица, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать при дворѣ со вчерашняго дня, будутъ подвергнуты жестокому бичеванію его безконечныхъ сарказмовъ; это будущій подстрекатель московскаго общества, «русскій Сенъ-Симонъ», какъ его называли, Сенъ-Симонъ, болѣе жизнерадо-

стный и болѣе суровый въ то же время, менѣе скептикъ, и болѣе ядовитый, который не могъ предъявить окружавшему его міру требованій своего французскаго собрата и былъ, если можно такъ выразиться, неудавшимся геніемъ; передъ нимъ рано открылась перспектива блестящаго будущаго, заранѣе была обезпечена возможность занять мѣсто рядомъ съ наслѣдникомъ престола, но онъ не удовлетворенъ ни великимъ княземъ, со стороны котораго онъ видитъ только одни любезности, ни своимъ будущимъ, которое вызываетъ только его улыбку; это критикъ, хулитель всѣмъ, и всегда недовольный, подражатель Сенъ-Симона въ своей блестящей перепискѣ съ лондонскимъ изгнанникомъ, но еще болѣе предтеча, одинъ изъ первыхъ представителей того духовнаго обличія, которое, къ счастью Россіи, сдѣлалось впослѣдствіи достояніемъ только узкаго круга лицъ.

Можно въ короткое время создать великую имперію, но нельзя импровизировать Версаля. Огромная заслуга Екатерины въ томъ, что она окружила такимъ величіемъ и блескомъ учрежденіе, созданное наканунѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поставленное на европейскую ногу. Тѣмъ болѣе, что, создавая весь этотъ блескъ, она должна была идти противъ своей собственной натуры. «Любопытно наблюдать», пишетъ баронъ де-Бретейль еще въ 1763 году, «какъ въ дни пріемовъ императрица прилагаетъ всѣ старанія, чтобы понравиться своимъ подданнымъ. Зная ея характеръ и видя, сколько необыкновенной мягкости и любезности она при этомъ проявляетъ, я могу себѣ представить, какихъ усилій это ей стоитъ и сколько ей нужно сознанія необходимости всего этого». На всей внѣшней обстановкѣ и на дѣлахъ управленія лежитъ извѣстная печать захвата власти при помощи военной силы. Банкеты, на которыхъ она появляется среди своихъ гвардейскихъ офицеровъ въ военной формѣ и выпиваетъ съ ними традиціонную рюмку водки, напоминаютъ о жестокой борьбѣ, при помощи которой она достигла своего положенія. Вотъ почему вся эта роскошь и великолѣпіе, при помощи которыхъ она старается поставить свою монархическую власть на уровень европейской традиціи, достигаютъ своего апогея во время ея путешествія, по дорогѣ въ Тавриду.

III.

Въ противоположность Петру I, который былъ неутомимымъ путешественникомъ, Екатерина не отличается подвижностью.

Она скорѣе домосѣдка; но не только эта наклонность заставляетъ ее избѣгать путешествій: всякое передвиженіе связано для нее съ большимъ рискомъ. Она не успѣла выѣхать въ 1764 г. изъ Петербурга, направляясь въ Ливонію и Эстонію, какъ былъ обнаруженъ заговоръ Мировича, чтобы напомнить ей о неустойчивости ея положенія и о необходимости его охранять. Впослѣдствіи, когда тронъ уже былъ укрѣпленъ и защищенъ отъ всякаго нападенія, присутствіе Павла стало угрозой для ея спокойствія. Покидая свою столицу, она дѣлаетъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ малѣйшаго волненія ея довѣренные, на которыхъ она можетъ разсчитывать, арестовали наслѣдника и привезли его къ ней. Съ другой стороны ея путешествія обыкновенно продолжаются довольно много времени. Разстоянія приходилось дѣлать большія, а императрицѣ къ тому же спѣшить не къ лицу.

Путешествіе въ Крымъ—въ Тавриду, какъ ей хочется называть вновь завоеванный край, связывая его съ историческими воспоминаніями для вящаго престижа — продолжается шесть мѣсяцевъ. Путь тянется на двѣ тысячи верстъ, кромѣ того приходится еще этотъ путь создать. На дорогѣ изъ Петербурга въ Москву устроены станціи для перемѣны лошадей, хорошіе заѣзжіе дома для отдыха, и путь тамъ можно совершать быстро и съ удобствами. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ замки ливонскихъ и эстонскихъ дворянъ поражаютъ императрицу не только радушнымъ гостепріимствомъ своихъ хозяевъ, но и совершенно непривычной для нея роскошью и комфортомъ. Между Петербургомъ и Херсономъ дорога, по крайней мѣрѣ на одну треть, проходитъ по голой пустынѣ.

Выѣхали 18 января 1787 года. Запряженная въ тридцать лошадей карета ея величества заключаетъ въ себѣ кабинетъ, салонъ на восемь человѣкъ, столъ для игры, маленькую библіотеку и всѣ удобства: это почти современный вагонъ-люксъ. Фаворитъ Мамоновъ, неизмѣнная мадмуазель Протасова и не менѣе неизмѣнный Левъ Нарышкинъ помѣщаются вмѣстѣ съ Екатериной, которая кромѣ того приглашаетъ къ себѣ въ первый день австрійскаго посланника Кобенцля. На слѣдующій день очередь за Сегюромъ. 14 другихъ каретъ и 124 подводы везутъ остальную свиту. Стоитъ морозъ въ 17 градусовъ. Англійскій посланникъ Фитцъ-Гербертъ также принимаетъ участіе въ путешествіи. Испанскій посолъ Нормандецъ, который напрасно до-

Екатерпрогулкѣ.

бивался этой чести, безъ ума отъ досады по этому поводу, по сообщенію Кастера.

Деревянные дворцы, наскоро построенные и меблированные въ намѣченныхъ заранѣе пунктахъ, предназначены для ночлеговъ; на станціяхъ, гдѣ мѣняютъ лошадей, разставлены въ крытыхъ галлереяхъ столы съ освѣжительными напитками. Посуда, которую употребляютъ въ пути, служитъ только на одинъ разъ и становится добычей лакеевъ. Во всемъ большое изобиліе, необыкновенная расточительность, но вмѣстѣ съ этимъ большой безпорядокъ и мало удобства. «Всѣ наши кареты», пишетъ князь де-Линь, «переполнены персиками и апельсинами, наши лакеи опиваются шампанскимъ, а я умираю съ голоду, потому что все перемерзло и отвратительно... Нѣтъ ничего теплаго, кромѣ воды для питья».

Въ Украйнѣ Екатерину ждетъ разочарованіе: Безбородко, на которомъ лежала организація хозяйственной стороны путешествія, приходитъ въ ужасъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ и посылаетъ мѣстному губернатору предупредительный совѣтъ быть экономнѣе. Послѣдній, который есть никто иной, какъ знаменитый Румянцевъ, не изъ тѣхъ, которымъ нужно говорить дважды: онъ сократилъ всѣ расходы до необходимаго минимума и не позаботился объ украшеніи Кіева, святого города, изъ посѣщенія котораго Екатерина хотѣла сдѣлать праздникъ. «Скажите императрицѣ, что мое дѣло брать города, а не наводить на нихъ красоту», отвѣтилъ онъ Мамонову, которому было поручено сдѣлать ему замѣчаніе по этому поводу. Всѣ восторги, о которыхъ императрица мечтала, которыхъ она желала и ждала, начинаются только въ Крыму. Здѣсь Потемкинъ беретъ на себя инсценировку. Одинъ изъ его помощниковъ Чертковъ затрудняется понять чудеса, которыя самъ же помогалъ устраивать: «Я былъ въ Тавридѣ съ его высочествомъ... за два мѣсяца до пріѣзда императрицы... и спрашивалъ себя, что она можетъ дать ея величеству. Здѣсь не было ничего! Когда мы пріѣхали сюда съ ея величествомъ, то Богъ вѣстъ какія чудеса тутъ появились, и чортъ знаетъ откуда взялись эти постройки, арміи, неселеніе, татары въ богатыхъ костюмахъ, козаки, корабли. Я ходилъ, какъ во снѣ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ...» Это удивленіе раздѣлялось всѣми современниками, которые также были склонны думать, что такія преобразованія въ этихъ пустынныхъ степяхъ могли произойти только по щучьему велѣнью. «Какими волшеб-

ствами», спрашиваетъ Ланжеронъ, «можно создавать такія чудеса?» Но онъ самъ же отвѣчаетъ на свой вопросъ: «Нужно сказать, что все это было достигнуто при помощи насилія и страха и повлекло за собой раззореніе нѣсколькихъ провинцій. Изъ населенныхъ губерній Малороссіи, гдѣ императрица не должна была проѣзжать, выгнали все населеніе, чтобы размѣстить его по этимъ пустынямъ: тысяча деревень была на извѣстное время лишена жителей, которыхъ перевели вмѣстѣ съ ихъ скотомъ на различныя намѣченныя станціи. Для нихъ на скорую руку построили деревни на холмахъ вблизи Днѣпра. Когда императрица проѣхала, этихъ несчастныхъ малороссовъ погнали снова на ихъ старыя пепелища; многіе умерли во время этихъ перегоновъ... Въ свою бытность генералъ-губернаторомъ этихъ провинцій тридцать лѣтъ спустя я могъ убѣдиться въ подлинности всѣхъ этихъ подробностей, которыя мнѣ вначалѣ казались сказочными».

Это свидѣтельство точное, удостовѣренное и убѣдительное.

Въ Кіевѣ садятся на суда, чтобы дальше слѣдовать Днѣпромъ. Этотъ способъ передвиженія вполнѣ отвѣчалъ привычкамъ и вкусамъ Екатерины. Такую прогулку она совершила въ 1767 году по Волгѣ до Костромы въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ, вѣнскаго, берлинскаго и копенгагенскаго—французскаго посла тогда не было, но министръ короля имѣлъ тогда на это свои основанія. Тогда для нея самой и для всего экипажа было достаточно десяти галеръ, которыя, какъ описываетъ баронъ Ассебургъ, «всѣ были крытыя, раздѣлены на апартаменты и меблированы; на императорской галерѣ было нѣчто въ родѣ салона, гдѣ государыня обѣдала съ двѣнадцатью гостями безъ всякихъ затрудненій». На этотъ разъ дѣло обстоитъ иначе. Днѣпровская флотилія состоитъ изъ 80 судовъ съ экипажемъ въ 3000 человѣкъ. Акварель Жана Линдсея, художника двора и этой движущейся фееріи, даетъ намъ пестрое изображеніе встрѣчи Екатерины съ Понятовскимъ. Три большихъ барки на парусахъ плывутъ впереди на ровномъ разстояніи другъ отъ друга и съ одинаковыми украшеніями въ красныхъ и золотыхъ краскахъ. На палубахъ устроены павильоны съ большими окнами, надъ павильонами платформы, на которыхъ размѣщены солдаты въ походной формѣ. Первая изъ этихъ галеръ «Днѣпръ» везетъ императрицу. Рядомъ съ ней идетъ «Бугъ» съ княземъ Потемкинымъ и его двумя племянницами княгинями Браницкой

и Скавронской. Третья барка «Десна» служитъ столовой. Дальше слѣдуютъ гуськомъ: «Сновъ» съ графами Безбородко, Ангальтомъ и Левашевымъ, «Сеймъ» съ иностранными послами, среди которыхъ находится также «дипломатическій жокей» князь де-Линь, «Импетъ» съ безумнымъ Львомъ Нарышкинымъ, «Орелъ» съ графомъ Чернышевымъ и его дочерью, «Ежъ» съ другими придворными, секретарями и пр., «Самара» и «Кубань» везутъ кухню и провизію. «Тавель» и «Донъ» образуютъ военный эскортъ. «Золото и шелкъ», разсказываетъ графъ Сегюръ, «такъ и сверкаютъ на палубахъ. Каждый изъ гостей находитъ на своей галерѣ комнату и кабинетъ съ роскошной и изящной обстановкой, удобный диванъ, великолѣпную постель изъ тканой тафты и письменный столъ изъ краснаго дерева. На каждой галерѣ своя собственная музыка. Цѣлая флотилія мелкихъ лодокъ и шлюпокъ безпрестанно скользятъ впередъ и съ боковъ эскадры».

Понятовскій издержалъ три милліона на то, чтобы встрѣтить императрицу въ Каневѣ, устроить фейерверкъ въ ея честь, говорить съ ней въ теченіе трехъ четвертей часа и получить отъ Безбородко увѣреніе, что войны съ Турціей еще не предвидится! Ему скоро будетъ стоить меньше свиданіе съ императрицей на берегу Невы въ Петербургѣ. Но онъ тамъ потеряетъ свою корону, а его родина потеряетъ по его винѣ свою политическую самостоятельность. Участники этого феерическаго путешествія едва обратили вниманіе на эту королевскую интермедію. Геній князя Таврическаго доставляетъ имъ каждый день столько разнообразныхъ развлеченій! «Всѣ остановки устраивались съ такимъ разсчетомъ, чтобы избѣжать малѣйшаго утомленія. Флотъ причаливаетъ только у такихъ городовъ и крѣпостей, которые расположены въ живописной мѣстности. Огромныя стада оживляютъ луга, толпы крестьянъ встрѣчаютъ путешественниковъ на берегу; безконечное множество лодокъ, переполненныхъ деревенской молодежью, распѣвающей народныя пѣсни, всегда окружаетъ флотилію». Находясь на «Сеймѣ» рядомъ съ графомъ Сегюромъ, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, князь де-Линь будитъ его каждое утро, стуча въ тонкую перегородку, которая отдѣляетъ ихъ кровати, чтобы разсказать ему обо всѣхъ экспромтахъ. Черезъ часъ егерь князя приноситъ молодому дипломату письмо въ шесть страницъ, «смѣсь ума, безумія, политики, галантности, военныхъ анекдотовъ и эпиграмъ». И «неиз-

мѣнно каждый день шла эта переписка между австрійскимъ генераломъ и французскимъ посланникомъ, которые спали рядомъ на одной галерѣ, недалеко отъ сѣверной императрицы и плыли на Борисфенѣ мимо казацкихъ земель въ татарскую страну».

Въ лицѣ этого австрійскаго генерала и французскаго посланника Екатерина везла съ собой Европу, Европу политическую и образованную, культурную и литературную, везла по странѣ казаковъ и татаръ, по фантастической странѣ честолюбивыхъ грезъ; это было высшее вниманіе со стороны всемогущаго фаворита, ласкавшаго гордость честолюбивой любовницы.

Нѣсколько неудачъ прерываютъ на короткій моментъ эти безпрерывные восторги. Очень высоко построенные и обставленные съ чисто декоративной точки зрѣнія суда флотиліи мало приспособлены къ плаванію. Однажды сильное теченіе уноситъ судно Екатерины, бросаетъ его о берегъ и подвергаетъ императрицу серьезной опасности. Она запрещаетъ говорить объ этомъ инцидентѣ, который иностранные дипломаты, оставшіеся съ Нормандецомъ въ Петербургѣ, охотно преувеличиваютъ. Въ Кайданѣ, въ тридцати миляхъ отъ Херсона, высаживаются на берегъ. Въ Херсонѣ встрѣчаютъ Іосифа, который досадуетъ, что далъ себя пригласить безъ большихъ церемоній и принялъ это приглашеніе. Не обнаруживая своего недовольства, онъ мститъ своими злыми отзывами въ бюллетеняхъ, которые онъ посылаетъ фельдмаршалу Ляши и въ которыхъ отказывается раздѣлять восхищеніе своей царственной подруги и ея спутниковъ.

«Безпорядокъ въ этомъ путешествіи царитъ невыразимый. Высадка продолжалась много времени и связана была съ большими затрудненіями. Вещей и людей гораздо больше на судахъ, чѣмъ можетъ быть помѣщено на имѣющихся каретахъ и лошадяхъ. Однимъ приходится уѣзжать впередъ, другіе только позднѣе сумѣютъ двинуться въ путь. У одного князя Потемкина, который помѣшанъ на музыкѣ, сто двадцать музыкантовъ, и бѣдный офицеръ, который страшно пожегъ себѣ руки порохомъ, долженъ былъ четыре дня ждать помощи. Трудно даже себѣ представить, въ какомъ безпорядкѣ совершается сухопутное путешествіе; часть каретъ еще находится на водѣ, — приходится прибѣгать къ мѣстнымъ кибиткамъ для перевозки вещей. Передвигаются по этимъ огромнымъ равнинамъ крайне медленно, и, тѣмъ не менѣе, кареты ломаются, а посуду, матрацы, багажъ бро-

саютъ въ степи, чтобы потомъ испытывать недостатокъ въ нихъ. Ѣда обильная, но невкусная, холодная, черствая. Наконецъ, кромѣ императрицы, которая очень любезна, иностранцевъ и нѣсколькихъ другихъ человѣкъ, общество которыхъ можно переносить, со всѣми остальными одно наказаніе проводить вмѣстѣ время».

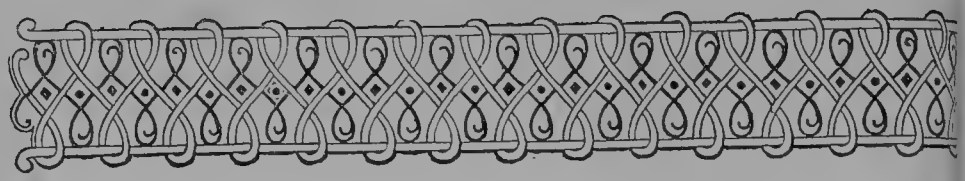
Можно простить августѣйшему путешественнику критику екатерининской кухни: въ день встрѣчи съ государыней онъ едва не остался безъ всякой пищи, такъ какъ повара ея величества заблудились въ дорогѣ, или кибитка подъ ними сломалась. Князь Потемкинъ, какъ и всегда, спасъ положеніе, импровизируя изъ себя повара вмѣстѣ съ графомъ Браницкимъ. Вдвоемъ они приготовили обѣдъ, который августѣйшій гость нашелъ отвратительнымъ. Его плохое настроеніе продолжается всю дорогу. То ему не нравится, что его заставляютъ идти по непроходимымъ дорогамъ, чтобы показать ему «козла и козу изъ Ангоры въ англійскомъ паркѣ», созданномъ Потемкинымъ въ окрестностяхъ Бахчисарая, то онъ замѣчаетъ, что отрядъ бомбардировъ тащили за двѣ тысячи верстъ съ собой, чтобы устроить фейерверкъ въ Карассубазарѣ.

Но Екатерина не видитъ этого или не хочетъ видѣть. Она восторгается безъ всякой задней мысли и безъ оговорокъ чудеснымъ зрѣлищемъ, которое развертывается передъ ея глазами. Она убѣждена, что Крымъ вернетъ ей съ избыткомъ всѣ расходы, которые были сдѣланы на его завоеваніе и посѣщеніе. Только на обратномъ пути этотъ энтузіазмъ ее покидаетъ. Ее удручаютъ извѣстія о плохомъ урожаѣ. Голодъ кажется неизбѣжнымъ, и она совершенно не чувствуетъ себя подготовленной къ нему. Четырехъ милліоновъ рублей, ассигнованныхъ на путевые издержки, оказалось недостаточно. Пришлось истратить еще столько же, но за то удивили всю Европу. Но за такую славу и за такія развлеченія стоило заплатить столько. Россія заплатитъ, какъ всегда.

Эта бѣдная Россія не была поражена всѣмъ этимъ. Она не была приглашена на это празднество и ничего не видѣла. Болотовъ разсказываетъ, что въ Тулѣ, гдѣ ожидали императрицу въ полдень, еще съ ранняго утра всѣ улицы были запружены народомъ. Но какъ только показалась карета ея величества, вся толпа упала ницъ и продолжала такъ лежать до тѣхъ поръ, пока весь императорскій кортежъ не проѣхалъ мимо. Когда

первыя головы осмѣлились подняться, императрица была уже далеко.

Этотъ новый блескъ, которымъ окружили себя послѣдніе государи, не былъ созданъ для народа, воспитаннаго на традиціяхъ татарскаго рабства. Повиноваться и выражать свои вѣрноподданническія чувства было его удѣломъ, а не принимать хотя бы малѣйшее участіе въ радостяхъ, за которыя онъ платилъ своимъ потомъ и кровью, не понимая и даже не видя ихъ.



Конецъ царствованія.

I.

Турецкая кампанія съ ея успѣхами и неудачами и начавшаяся вскорѣ послѣ путешествія въ Крымъ еще менѣе счастливая шведская война знаменуютъ собой начало упадка. Въ 1792 году великій режиссеръ феерическихъ спектаклей умираетъ по дорогѣ изъ Молдавіи на краю обрыва: это конецъ эпопеи. Екатеринѣ приходится теперь одной нести на своихъ плечахъ всю тяжесть огромнаго бремени, созданнаго тридцатилѣтними почти всегда успѣшными усиліями, и колоссальное зданіе своей собственной судьбы, связанной съ судьбой огромной, ею расширенной имперіи—одной рядомъ съ Зубовымъ! И дипломатъ революціи Женэ, котораго она еще терпитъ при своемъ дворѣ, пишетъ Дюмурье: «Такое широкое довѣріе къ человѣку, столь мало освѣдомленному, заставляетъ предположить, что самолюбіе императрицы страдало отъ чрезмѣрной власти, которую захватилъ въ свои руки Потемкинъ; и она, повидимому, теперь хочетъ показать, что она одна управляетъ. Но безжалостная природа разрушаетъ ея планы. Екатерина II замѣтно теряетъ свои силы; она это видитъ сама, и меланхолія начинаетъ овладѣвать ея душой».

Въ интимной перепискѣ государыни проглядываетъ эта меланхолія, медленно проникая, какъ сумерки и холодный туманъ, въ душу, которая такъ долго освѣщалась солнцемъ, лучами молодости и силы. Разрушается физическое здоровье, и вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ моральныя силы. Даже на ея всегда и неизмѣнно ясномъ лицѣ Женэ замѣчаетъ «вѣрные признаки приближающейся водянки и разложенія». Она храбро борется; она хвастается однажды, что прошла пѣшкомъ двѣ или три версты

отъ Зимняго дворца до Эрмитажа, чтобы показать, какъ она легка и проворна. Она по-своему лѣчится домашними средствами: «Я думаю, что у меня подагра въ желудкѣ», пишетъ она одному изъ своихъ интимныхъ друзей, «я ее выгоню малагой съ перцемъ, которую я пью каждый день по рюмкѣ».

Но ея имперія также обнаруживаетъ для внимательныхъ наблюдателей явные признаки истощенія и нужды. Въ письмѣ къ графу Воронцову отъ 3 апрѣля 1795 года Безбородко подводитъ итогъ общему положенію, и картина получается крайне мрачная: чтобы встрѣтить турецкую флотилію изъ 25 кораблей, выставленныхъ Портой на Черномъ морѣ, имѣется только девять судовъ, наполовину сгнившихъ: они были построены изъ плохого матеріала; флотъ изъ весельныхъ галеръ, на который разсчитывали, совсѣмъ не существуетъ: Мордвиновъ, которому было поручено это дѣло, думалъ только о томъ, чтобы набить свои карманы. Потемкинъ, который, по крайней мѣрѣ, понималъ людей, весьма мало цѣнилъ его, но новый фаворитъ ему протежируетъ, какъ и Рибасу, который столько же стоитъ. Сухопутная армія выглядитъ лучше, но она дорого стоитъ, потому что ею страшно плохо управляютъ и не на что удовлетворять ея нужды; на возстановленіе флота требуется девять милліоновъ, но не знаютъ, откуда взять эти деньги; дворъ съѣдаетъ три милліона ежегодно и дѣлаетъ на два милліона долговъ; содержаніе одной только графини Браницкой обходится въ двѣсти тысячъ рублей, и на графа Николая Салтыкова уходитъ столько же; торговля могла бы принести большіе доходы, если бы ею не завѣдывалъ полусумасшедшій стихоплетъ Державинъ, который ее только подрываетъ.

Безбородко принадлежитъ къ числу недовольныхъ, но его свидѣтельство не единичное. Современники почти единодушны въ своемъ мнѣніи о приближающемся страшномъ кризисѣ: политика Екатерины довела всѣ пружины правительственной машины, до такого напряженія, которое далеко превышаетъ силу ихъ сопротивленія; во всѣхъ областяхъ средства не могутъ удовлетворить предъявляемыхъ къ нимъ требованій, и Россія не можетъ выдержать той роли, которую ей навязали. Екатерина почти одинока со своимъ неизмѣннымъ оптимизмомъ, и, когда ей самой рисуются иногда грозныя тучи на горизонтѣ и чувствуются легкіе раскаты приближающейся бури, она склонна приписывать эти призраки скорѣе оптическому обману, чѣмъ

измѣнѣ судьбы: это возрастъ, по ея мнѣнію, заставляетъ видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ. И она тотчасъ же старается побороть въ себѣ эти чувства, на которыя она смотритъ, какъ на слабость. Она хочетъ быть веселой. «Я весела и рѣзва, какъ зябликъ», пишетъ она Гримму 15 февраля 1796 года. Она не хочетъ быть больной. «До сихъ поръ я себя чувствовала хорошо», утверждаетъ она въ томъ же письмѣ. Она придумываетъ новыя развлеченія. Она снаряжаетъ экспедицію, чтобы немедленно привести ко двору графа Строганова, который раздѣляетъ общую печаль и заперся на своей дачѣ подъ Петербургомъ. Она приказываетъ напасть на его дачу при пушечныхъ выстрѣлахъ. Принявъ активное участіе въ антиреволюціонной коалиціи, она освѣдомляетъ Гримма о походѣ Суворова тѣмъ веселымъ тономъ, который напоминаетъ ея извѣщеніе о началѣ первой ея кампаніи противъ турокъ: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ русскихъ выступили въ походъ, чтобы переправиться черезъ Эльбу и положить конецъ бѣдствіямъ Германіи; говорятъ, что во главѣ ихъ стоитъ маршалъ Суворовъ; говорятъ еще много и увидятъ еще больше; все это мы увидимъ въ волшебномъ фонарѣ. Прощайте, горемыка, ждите рѣшительныхъ ударовъ».

Но прежде чѣмъ первый ея солдатъ успѣлъ перейти черезъ границу, ей пришлось самой испытать рѣшительный ударъ превратной судьбы, поразившей ее въ первый разъ такъ сильно, что она была оглушена отъ этой неожиданности и крайне смущена. Веселые звуки военной трубы нашли отголосокъ въ ея письмѣ къ «горемыкѣ» отъ 13 августа 1796 года; слѣдующій день для нея праздникъ: графъ Гага и графъ Ваза — будущій шведскій король Густавъ и регентъ королевства за малолѣтствомъ принца, его дядя герцогъ Судерманскій—пріѣзжаютъ въ Петербургъ. Официіально они пріѣзжаютъ, чтобы объявить о присоединеніи Швеціи къ коалиціи, образовавшейся противъ республиканской Франціи, но въ дѣйствительности ихъ путешествіе связано съ другими обстоятельствами. Уже давно Екатерина лелѣетъ проектъ брака между шведскимъ наслѣднымъ принцемъ и ея внучкой, старшей дочерью Павла, Александрой. Княжна воспитана была на этой мысли.

Однажды, когда она играла на колѣняхъ императрицы, государыня открыла передъ ней альбомъ съ портретами, предложивъ ей выбрать принца, за котораго она хотѣла бы выйти

замужъ. Нисколько, повидимому, не колеблясь, дѣвочка указала пальцемъ на Густава. Теперь наступилъ моментъ осуществить мечту десятилѣтняго ребенка. Молодые люди теперь подрасли, ей четырнадцать лѣтъ, а ему семнадцать. Но возникли затрудненія. Регенту казалось, что Екатерина содѣйствовала заговору, организованному Армфельдтомъ противъ его правленія; и онъ мстилъ за это, держась во внѣшнихъ отношеніяхъ политики, враждебной стремленіямъ императрицы и подготовляя въ то же время бракъ своего племянника съ дочерью герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Въ ноябрѣ 1795 года была объявлена помолвка, и графъ Шверинъ былъ отправленъ въ Петербургъ для офиціальнаго освѣдомленія объ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Стокгольмѣ велись переговоры съ посломъ французской республики Ле-Гокомъ. Но Екатерина не уступала. Она отказалась принять графа Шверина и одно время была, повидимому, готова силою оружія расторгнуть союзъ съ Мекленбургъ-Шверинскимъ дворомъ. Герцогъ Судерманскій долженъ былъ согнуться передъ нависшей опасностью; съ другой стороны, тайный агентъ французской эмиграціи, бывшій секретарь Калонна, женевецъ Христэнъ успѣлъ склонить его на сторону антиреволюціонной коалиціи. При содѣйствіи французской актрисы, мадмуазель Гуссъ, любовницы Маркова, пользовавшагося довѣріемъ новаго фаворита императрицы, ему удалось убѣдить самого Зубова пойти на компромиссъ, пріемлемый для обѣихъ сторонъ. Тонкій дипломатъ баронъ Будбергъ, который уже раньше ѣздилъ въ Германію съ полномочіями по матримоніальному дѣлу, былъ отправленъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ съ офиціозной миссіей. Вскорѣ послѣ этого Ле-Гокъ получилъ прощальную аудіенцію, а регентъ, котораго Екатерина недавно называла «злодѣемъ», увѣрялъ императрицу въ своемъ письмѣ къ ней, что бракъ съ мекленбургской принцессой не состоится до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ у власти, и что онъ отказался отъ союза съ Франціей. Императрица упорно стояла на своемъ и категорически потребовала офиціальнаго расторженія состоявшейся въ ноябрѣ помолвки и пріѣзда въ Петербургъ князя и его племянника, чтобы просить руки Александры Павловны. Передъ угрозой военной демонстраціи, о которой были притворно отданы распоряженія императрицей, герцогъ Судерманскій уступилъ наполовину; онъ далъ формальное обѣщаніе, что помолвка, вызвавшая такое сильное раздраженіе, никогда никакихъ послѣдствій

не будетъ имѣть, и согласился пріѣхать въ Петербургъ, не беря, впрочемъ, на себя никакихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи въ виду того, что различіе въ религіяхъ создавало до сихъ поръ непреодолимое препятствіе для задуманнаго Екатериной брака. Екатерина еще была сердита: она заявила, что если регентъ и его совѣтники будутъ продолжать говорить о препятствіяхъ, никакого разумнаго основанія за собой не имѣющихъ, то можно будетъ сказать, что они «Богомъ забытые люди». Но она въ концѣ концовъ въ свою очередь уступила: когда оба принца будутъ въ Петербургѣ, не трудно будетъ найти какой-нибудь выходъ изъ положенія.

Они пріѣзжаютъ, и тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ недѣль переговоры не обѣщаютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Герцогъ Судерманскій не покидаетъ своей позиціи, и ни Зубовъ со своимъ помощникомъ Марковымъ, ни сама Екатерина не могутъ найти никакихъ средствъ, чтобы переубѣдить его. Императрица и слышать не хочетъ о какихъ-нибудь уступкахъ: безъ брака не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, или вести молодую пару подъ вѣнецъ, или начать военныя дѣйствія. Но въ это время происходитъ неожиданное событіе: 4 сентября, послѣ обѣда при дворѣ, когда всѣ спустились въ садъ, гдѣ было сервировано кофе, Густавъ подходитъ къ императрицѣ и безъ всякихъ предисловій, съ наивностью и пылкостью своихъ семнадцати лѣтъ, заявляетъ ей, что влюбленъ въ княжну Александру и проситъ ея руки.

Что же произошло? На навозѣ темныхъ интригъ и хитраго политиканства неожиданно расцвѣла идиллія. Молодые люди встрѣтились подъ теплымъ августовскимъ солнцемъ, и подъ шумъ сварливыхъ голосовъ дипломатическихъ агентовъ ихъ сердца говорили на вѣчномъ языкѣ любви и молодости. Съ перваго же дня ихъ знакомства всемогущія чары стали оказывать свое дѣйствіе. Прелестная княжна потеряла наканунѣ любимую собачку и цѣлый день проплакала. Мадамъ Ливенъ приходила въ отчаяніе при видѣ ея красныхъ глазъ. Но теплое солнце кончающагося лѣта скоро высушило эти слезы. Преданная гувернантка даже стала безпокоиться, когда увидѣла, что молоденькая парочка, не долго думая, покинула уютный уголокъ подъ покрывавшей ихъ густой зеленью и беззаботно подставляла свои бѣлокурыя головки подъ палящіе лучи солнца. Но Екатерина, замѣтивъ ея безпокойство, съ улыбкой на устахъ остановила

жестомъ ея движеніе, когда она уже готова была позвать назадъ неосторожныхъ дѣтей. И романъ развивался легко и быстро между четырнадцатилѣтней дѣвочкой и семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Послѣ прогулки наступила очередь для танцевъ. 28 августа былъ балъ у великаго князя, и на слѣдующій день великая княгиня сочла нужнымъ сообщить императрицѣ обо всемъ, что тамъ происходило. Это пишетъ не жена наслѣдника престола, а мать своего ребенка: «Моя дорогая мамаша, я считаю своимъ долгомъ дать вамъ отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ, который, повидимому, можетъ служить хорошимъ предзнаменованіемъ, потому что увлеченіе короля Александрой бросалось въ глаза. Онъ почти ни съ кѣмъ не танцовалъ, кромѣ нея. Даже послѣ полуночи, увидѣвъ, что дѣвочка спрашиваетъ у меня, можно ли ей танцовать еще контрдансъ, онъ подошелъ къ регенту и сказалъ ему что-то на ухо. Тотъ добродушно разсмѣялся. Когда я спросила, въ чемъ дѣло, то онъ отвѣтилъ: онъ спросилъ у меня, позволено ли молодымъ княжнамъ продолжать танцы, и, получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, сказалъ: О! въ такомъ случаѣ и мнѣ также еще нужно потанцовать, и тотчасъ же пошелъ приглашать Александру».

Четыре дня спустя, послѣ бала въ австрійскомъ посольствѣ, Екатерина сама пишетъ еще болѣе радостное письмо Гримму: «На этомъ балу было очень весело, потому что разнесся слухъ, что на словахъ уже окончательно пришли къ соглашенію. Не знаю, какъ это произошло, отъ радости ли или еще отъ чего-нибудь, но нашъ влюбленный вздумалъ сжать немного руку своей будущей супруги во время танца. Та поблѣднѣла какъ смерть и тотчасъ же обратилась къ своей гувернанткѣ: «Вообразите, пожалуйста, что онъ дѣлаетъ! Онъ мнѣ сжалъ руку во время танца. Я не знала, что дѣлать».—Что же съ вами было?—Я такъ испугалась, что едва не упала». Послѣ этого бала молодой человѣкъ принялъ свое рѣшеніе и, не желая на этотъ разъ довѣрять свое дѣло регенту, непосредственно обратился къ императрицѣ.

Начиная съ этого момента, они—женихъ и невѣста и не покидаютъ другъ друга. Они проводятъ цѣлые дни вмѣстѣ на глазахъ растроганной матери, которая продолжаетъ сообщать объ этомъ счастьѣ то бабушкѣ, то отцу, который живетъ въ своемъ мрачномъ уединеніи въ Павловскѣ: «Мой дорогой другъ, я вамъ пишу эти строки, когда наши юные женихъ и невѣста

сидятъ другъ около друга, и все время слышу голосъ жениха. Генеральша (мадамъ Ливенъ), Елена и я подтасовываемъ карты (Sic); Анна сидитъ на стулѣ и играетъ; регентъ и Стедингъ сидятъ съ нами и разсматриваютъ камеи, и я пригласила регента пойти покурить на диванѣ». Дальше слѣдуютъ поцѣлуи для «муженька» и подпись «Маша». Затѣмъ она разсказываетъ бабушкѣ, какъ король плакалъ при мысли о предстоящей разлукѣ въ теченіе восьми долгихъ мѣсяцевъ, въ виду того, что свадьба не можетъ состояться раньше весны. Она его спросила о причинѣ такого замедленія. Почему не сыграть свадьбу теперь же?—«Но дворъ еще не собрался, и апартаменты не готовы...—Что за важность? Дворъ можно очень скоро собрать, а на апартаменты можно и не обращать вниманія, разъ сильно любятъ другъ друга. Вы поженитесь, моя дочь поѣдетъ съ вами, и дѣлу будетъ конецъ.—Но море теперь опасное...» Тутъ Александра вмѣшивается въ разговоръ: «Съ вами я буду себя считать въ безопасности!»—«Положитесь на меня, мосье Густавъ», прибавляетъ мать: «и я переговорю съ императрицей, если вы хотите». Онъ, конечно, согласился и «пришелъ въ такое хорошее настроеніе», заканчиваетъ княгиня, «что все время за ужиномъ только и разговаривалъ съ невѣстой и при всѣхъ былъ очень нѣженъ съ ней». На слѣдующій день новая радость и новая записка къ отцу: «Мой дорогой другъ, да благословенъ будетъ Господь: «помолвка назначена въ понедѣльникъ вечеромъ въ бриллiантовой залѣ... будетъ митрополитъ... Затѣмъ..., будетъ балъ въ тронной залѣ». Въ понедѣльникъ, 11 сентября, въ 7 часовъ вечера всѣ, приглашенные присутствовать на церемоніи, собрались въ бриллiантовой залѣ. Пришла невѣста, затѣмъ императрица. Ждутъ только молодого короля. Онъ медлитъ, и государыня начинаетъ проявлять признаки нетерпѣнія, проходитъ четверть часа, затѣмъ еще четверть часа, наконецъ, появляется Марковъ и со смущеннымъ видомъ и дрожащимъ голосомъ шепчетъ нѣсколько словъ Екатеринѣ на ухо: «Король не хочетъ придти!» Она дѣлаетъ видъ, какъ будто хочетъ говорить, широко раскрываетъ ротъ, но звуки замираютъ на ея устахъ; ея лакей Зотовъ бросается къ ней со стаканомъ воды; она проглатываетъ нѣсколько капель, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, поднимаетъ руку и наноситъ Маркову два удара тростью, которой она пользуется съ нѣкоторыхъ поръ во время ходьбы; подбѣгаетъ Безбородко, но она его отталкиваетъ: «Я ему покажу

этому сопляку!..» раздается ея голосъ; затѣмъ ея слова какъ-будто застрѣваютъ въ горлѣ, она тяжело падаетъ въ кресло.

Что же произошло на этотъ разъ? Случилось то, что фаворитъ и его довѣренный Зубовъ и Марковъ взялись за щекотливое дѣло, не имѣя понятія о тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, которыя оно представляло, а Екатерина въ свою очередь довѣрила такимъ безразсуднымъ людямъ столь серьезные и столь дорогіе для нея интересы. Въ то время какъ молодые люди обмѣнивались нѣжными клятвами, нужно было выяснить условія проектированнаго брака, и Екатерина потребовала отъ Густава письменнаго обязательства, обезпечивающаго его будущей супругѣ «полную свободу совѣсти и религіи». Король сослался на данное уже имъ ея величеству честное слово въ томъ, что «свобода совѣсти и религіи великой княгини не будетъ стѣснена» и считалъ свою подпись въ данномъ случаѣ излишней. Со своей обычной стремительностью и предубѣжденностью Екатерина слишкомъ поспѣшно составила себѣ мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, котораго она видѣла въ первый разъ, и нашла въ немъ, какъ это свидѣтельствуютъ ея письмо къ Гримму, «много ума и доброты, благоразумія и такта». У него можетъ быть и былъ умъ, но очень странный, которому совершенно несвойственны были благоразуміе и тактичность, и его сердечная доброта также подвергалась сомнѣнію. Рѣзко выраженный мистическій фанатизмъ, повидимому, всегда составлялъ основную черту его духовной физіономіи. Женившись впослѣдствіи на баденской принцессѣ, онъ всю брачную ночь читалъ своей женѣ книгу Эсфири, и, будучи приглашеннымъ въ европейскую коалицію противъ Наполеона, онъ пользовался апокалипсисомъ для объясненія текущихъ событій. Разыгривая въ данное время съ видимой убѣжденностью, можетъ быть даже искренней, роль страстно влюбленнаго человѣка, онъ старался тайно разставить сѣти молодой, довѣрчивой дѣвушкѣ, заставляя ее со своей стороны принять на себя словесныя обязательства, значенія которыхъ она не понимала. «Фактъ тотъ», писала Екатерина послѣ катастрофы своему сыну, «что король ссылался на полученное имъ у Александрины обѣщаніе принять лютеранство и на то, что она дала ему руку на этомъ условіи... Со свойственной ей искренностью и наивностью она мнѣ сказала, что онъ настаивалъ на необходимости причащаться имъ вмѣстѣ въ день коронованія, и что она отвѣтила. «Охотно, если это только можно и если бабушка на это согласна. И по-

слѣ онъ ей нѣсколько разъ объ этомъ говорилъ, а она все отсылала его ко мнѣ. Я спросила у нея, не давала ли она ему руки съ опредѣленнымъ обѣщаніемъ по этому пункту. Она воскликнула съ испугомъ въ голосѣ: «Ни въ коемъ случаѣ!»

Эта двусмысленность создалась благодаря тому, что успокоительныя заявленія Зубова и его сотрудника относительно хода переговоровъ затянули дѣло до дня помолвки. Обѣ стороны разсчитывали на послѣдній моментъ, надѣясь сломить упрямство противника и устроить церемонію помолвки. Но моментъ наступилъ, а обѣ стороны все продолжали стоять передъ раздѣлявшей ихъ стѣной: письменное обязательство, котораго требовала императрица, и мнимыя обѣщанія дочери Павла, на которыя ссылался король, оставались въ прежней силѣ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Зубовъ воображалъ, что Густавъ не осмѣлится нарушить церемонію. Но онъ посмѣлъ это сдѣлать, и Екатерина на слѣдующій день утверждала, что ночь съ 11 на 12 іюля 1762 года, когда на карту была поставлена ея собственная судьба и ея жизнь, она меньше перенесла страданій и волненій.

II.

Она скоро приходитъ въ себя и не оставляетъ еще своей затѣи. Спѣшно вызванный новгородскій митрополитъ, долженъ былъ проѣхать двѣсти верстъ въ одинъ день, чтобы теперь напрасно ждать церемоніи въ полномъ облаченіи въ теченіе долгихъ часовъ; собравшіеся придворные проскучали до десяти часовъ вечера въ ожиданіи торжественнаго событія и бала: все это небольшія непріятности. Энергичная императрица заставляетъ возобновить переговоры и выражаетъ желаніе, чтобы ея внучка была на другомъ балу, который будетъ данъ въ честь ея имянинъ, и на который долженъ явиться и Густавъ. Бѣдная княжна проситъ разрѣшенія не явится на балъ въ виду ея красныхъ глазъ, которые на этотъ разъ не высыхаютъ, но получаетъ записку слѣдующаго содержанія: «Почему вы плачете? Несмотря на недоразумѣнія ничего не потеряно. Помойте глаза льдомъ и уши также и примите Бестужевскихъ капель. Это я былъ боленъ вчера. Вы разсердились за опозданіе, вотъ и все».

Балъ состоялся, Александра Павловна также явилась, но Густавъ, котораго она тамъ встрѣчаетъ, уже не прежній влюбленный принцъ, а непримиримый лютеранинъ. Наступаетъ окон-

чательный разрывъ. Александра Павловна черезъ два года выходитъ замужъ за австрійскаго эрцгерцога Іосифа, и отъ первыхъ же родовъ умираетъ это хрупкое существо, которому не суждено было наслаждаться счастьемъ. Екатерина побѣждена этимъ испытаніемъ, хотя ничѣмъ не обнаруживаетъ своего настроенія. Эта первая неудача, подорвавшая ея престижъ и самоувѣренность, какъ-будто затронула самые источники ея жизни. Въ появившейся кометѣ она видитъ знакъ своего близкаго конца. Ей замѣчаютъ, что раньше она не придавала значенія такимъ предзнаменованіямъ—«Да, раньше!...» отвѣчаетъ она печально. Колики, которыми она обыкновенно страдала послѣ сильныхъ волненій, не прекращаются у нея теперь. На ногахъ открываются раны. Пресловутый авантюристъ Лямбро-Кацціони, медицинскими совѣтами котораго она воспользовалась теперь, какъ раньше его услугами корсара на Архипелагѣ, рекомендуетъ ей ножныя ванны изъ ледяной морской воды. Это влечетъ за собой приливъ крови къ мозгу и опасность апоплексіи. Однако, въ первыхъ числахъ ноября она себя чувствуетъ лучше. Получивъ извѣстіе, привезенное любекскимъ пароходомъ, объ отступленіи генерала Моро, принужденнаго переправиться назадъ черезъ Рейнъ, она отправляетъ $^{5}/_{16}$ этого мѣсяца Кобенцлю свою знаменитую записку: «Спѣшу извѣстить ваше превосходное превосходительство, что превосходныя войска превосходнаго двора окончательно разбили французовъ». Вечеромъ, въ маломъ Эрмитажѣ, она очень весела, и Левъ Нарышкинъ переодѣтый мелкимъ торговцемъ, ее очень забавляетъ. Но она уходитъ все-таки раньше обыкновеннаго, заявивъ, что у нея появились колики отъ смѣха. На слѣдующій день она встаетъ въ обычный часъ, разговариваетъ нѣкоторое время съ фаворитомъ, работаетъ со своими секретарями, затѣмъ отсылаетъ послѣдняго изъ нихъ, попросивъ его обождать ея приказаній въ передней. Но ждать приходится необычайно долго, и секретарь начинаетъ безпокоиться. Вѣрный Зотовъ осмѣливается черезъ полчаса проникнуть въ спальню. Но императрицы нѣтъ ни здѣсь, ни въ уборной. Онъ поднимаетъ шумъ, сбѣгаются люди, и ее находятъ, наконецъ, въ гардеробной, лежащей безъ всякаго движенія, съ отекшимъ лицомъ, съ пѣной у рта и предсмертными хрипами въ горлѣ.

Существуетъ легенда, будто въ этой комнатѣ она поставила тронъ Понятовскаго, привезенный среди другой добычи изъ

несчастной Польши. Вздорная и низкая мысль. Дочь Петра Великаго вспомнила, что на этомъ тронѣ до ея коронованнаго любовника, который и самъ не заслуживалъ такого униженія въ своемъ несчастіи, сидѣли коронованные короли, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время были судьбы Россіи: Баторій, Сигизмундъ Ваза и его сынъ Владиславъ. И вотъ, этотъ кусокъ золоченаго дерева, профанированный и загрязненный ею символъ, мстилъ теперь! Смерть застигла здѣсь гордую побѣдительницу, которая должна была кончать свою жизнь въ этой грязной, унизительной обстановкѣ.

Ее перенесли въ спальню и положили на постель, и еще 37 часовъ она была въ агоніи, не приходя уже въ сознаніе. Когда врачи заявили, что надежды больше нѣтъ, то всѣ увидѣли, что Павелъ уже былъ здѣсь. Двадцать курьеровъ были отправлены за нимъ въ Павловскъ друзьями завтрашняго дня. Цѣлый кортежъ встрѣтилъ его у воротъ столицы. Но въ этомъ дворцѣ, который былъ переполненъ приближенными Екатерины и въ которомъ онъ еще наканунѣ никакимъ вліяніемъ не пользовался, когда всѣ мужчины и женщины были охвачены ужасомъ неожиданной катастрофы, какъ-будто для нихъ наступилъ конецъ міра, его присутствіе никѣмъ не было замѣчено. Авторъ любопытныхъ мемуаровъ Шишковъ, пришедшій въ этотъ день посѣтить по своему обыкновенію фаворита даетъ въ нѣсколькихъ, выразительныхъ чертахъ картину общей растерянности и удрученнаго настроенія при дворѣ. Войдя въ залу для аудіенцій и ничего еще не зная о случившемся, онъ былъ удивленъ, что никого тамъ не нашелъ. Только одинъ Лямбро-Кацціони стоялъ тамъ блѣдный, какъ смерть, неподвижный, съ широко раскрытыми глазами безъ всякаго выраженія. Онъ ничего не отвѣтилъ на его вопросъ и не тронулся съ мѣста, производя впечатлѣніе восковой фигуры. Затѣмъ является туда Николай Зубовъ, братъ фаворита: онъ двигается, какъ автоматъ и также, повидимому, потерялъ способность говорить. Шишковъ направляется тогда къ выходу. На лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ Грибовскаго; онъ хочетъ его спросить, что тутъ произошло, но чувствуетъ, что самъ онѣмѣлъ, горло сдавили спазмы, и слова не вылетаютъ изо рта. Его охватываетъ дрожь, хотя онъ и не знаетъ ничего, и его страхъ увеличивается еще больше, когда видитъ, что Грибовскій также дрожитъ и шевелитъ губами, не будучи въ состояніи издать ни одного звука. Они такъ и рас-

ходятся, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. Наконецъ, Шишковъ выходитъ изъ дворца и пускается бѣжать. Онъ возвращается домой и, весь дрожа отъ лихорадки, ложится въ постель, ничего не узнавъ.

Но Павелъ не теряетъ времени. Между тѣмъ какъ Роджерсонъ, Зотовъ, Перекусихина и Зубовъ хлопочутъ около умирающей, пытаясь облегчить ея страданія и вытирая ей губы, съ которыхъ течетъ кровавая пѣна, онъ занятъ съ Безбородко въ сосѣдней комнатѣ. Онъ роется въ письменномъ столѣ государыни и просматриваетъ бумаги. По общему мнѣнію существовало завѣщаніе, отрекавшее наслѣдника отъ престола; при немъ же былъ, говорятъ, объяснительный манифестъ, подписанный двумя популярными героями Румянцевымъ и Суворовымъ. И *правда воли монаршей* Петра Великаго остается въ силѣ, объявляя самодержавную власть монарха единственнымъ регуляторомъ престолонаслѣдія.

Если вѣрить легендѣ, то Павелъ открылъ этотъ старый документъ. Онъ беретъ въ руки конвертъ, завернутый въ черную ленту съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ Совѣтѣ». Не говоря ни слова, онъ посмотрѣлъ на Безбородко. Тотъ въ свою очередь молча переводитъ свои глаза на каминъ, гдѣ горитъ огонь, можетъ быть разведенный еще самой Екатериной наканунѣ утромъ...

Такова легенда. Исторія можетъ къ этому прибавить, что нѣсколько недѣль спустя Суворовъ въ суровой опалѣ, а Румянцевъ внезапно умираетъ отъ апоплексическаго удара, когда узнаетъ о смерти великой императрицы и о восшествіи на престолъ ея сына. Среди бумагъ Екатерины сохранился проектъ закона о престолонаслѣдіи, и онъ указываетъ на Павла, какъ на наслѣдника короны. Но это ранній документъ, относящійся, вѣроятно, ко времени Законодательной комиссіи (1767 г.).

Павелъ безпрепятственно восходитъ на престолъ, и за предѣлами двора смерть Екатерины далеко не производитъ того впечатлѣнія, которое такъ краснорѣчиво описано Шишковымъ. Вотъ что пишетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ по этому поводу: «Когда я получилъ офиціальное извѣщеніе... я, согласно приказу, распорядился, чтобы мой полкъ принесъ присягу императору Павлу. Я былъ пораженъ тому равнодушію, съ которымъ солдаты и офицеры встрѣтили эту новость; они не проявляли ни печали, ни сожаленія». Несмотря на то, что Ека-

терина одержала свою побѣду, опираясь на военную силу и несмотря на то, что военная среда наложила извѣстный отпечатокъ на ея царствованіе, она, по словамъ одного француза, не пользовалась любовью въ арміи, и весь русскій народъ не скоро пришелъ къ сознанію, что вмѣстѣ съ трупомъ великой императрицы онъ похоронилъ славное прошлое, которому долго не суждено было возродиться. Что же касается Европы, то ей некогда было въ это время заниматься петербургскими событіями: въ тотъ самый день, когда императрица испустила свое послѣднее дыханіе, унося съ собой утѣшительный призракъ тріумфа коалиціи надъ революціонными арміями, другой генералъ, соотечественникъ Моро, перешелъ Аркольскій мостъ въ ураганѣ энтузіазма—который возвѣщалъ Аустерлицъ.

III.

Россія медлила съ выраженіемъ своей признательности, даже съ постановкой памятника, достойнаго современной Семирамиды. При жизни Екатерина протестовала противъ такой формы почитанія. «Я не хочу памятника», писала она Гримму 20 сентября 1783 года, «и какъ онъ ни божественъ (Рейфенштейнъ) въ мечтѣ, я не завидую его удовольствію, но моего согласія на постановку не будетъ. Площади Петербурга загромождены». Она отбивала охоту проектировать статуи, но всегда очень терпимо относилась къ карикатурамъ; она всегда первая смѣялась при ихъ появленіи, иногда нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ, какъ, напр., въ этомъ письмѣ къ «горемыкѣ»: «Въ Голландіи сдѣлали медаль, на которой изображены императрица-королева и русская императрица сидящими въ каретѣ, а прусскій король кучеромъ на облучкѣ. На вопросъ, куда онѣ ѣдутъ, онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру угодно будетъ насъ везти. Я нашла это очень смѣшнымъ. Здѣсь недостаетъ только правды, чтобы карикатура была пикантной, или музыки французской комической оперы, чтобы шутка вышла совсѣмъ плоской. Иногда она сердилась и приказывала сжигать рисунки, которые по своей дерзости и неприличію, какъ она справедливо думала, переходили всякую мѣру. Ихъ сохранилось очень много въ коллекціяхъ современныхъ гравюръ: большинство ихъ не заслуживаетъ описанія, какъ, напр., «Обѣдъ Екатерины», смыслъ кото-

рой, по преданью, приблизительно такой: «Если ты такъ любишь людей, то ѣшь ихъ мясо и пей ихъ самую чистую кровь»; или также другой рисунокъ, изображающій императрицу, упирающейся одной ногой въ Варшаву, другой—въ Константинополь, и покрывающей своими огромными юбками всѣхъ вѣнценосцевъ Европы, въ томъ числѣ и папу. Но она была увѣрена, безъ сомнѣнія, что послѣ ея смерти найдется Фальконэ, можетъ быть даже русскій Фальконэ, который сдѣлаетъ для нея то, что она сдѣлала для Петра Великаго. Взявшись рисовать ея портретъ, Лампи помѣстилъ въ глубинѣ полотна бюстъ великаго царя и сдѣлалъ надпись: «Она завершила то, что онъ началъ».

Фальконэ явился не скоро. Первыми оказались бѣдные нѣмецкіе колонисты Саратовской губерніи, которые на скромномъ пьедесталѣ изъ гранита поставили изображеніе императрицы въ благодарность за благодѣянія, оказанныя ею ихъ предкамъ. Признательность прямыхъ наслѣдниковъ той славы, которая заполняла Европу въ теченіе четверти столѣтія, нашла свое выраженіе только въ 1883 году въ болѣе роскошномъ, но менѣе удачномъ памятникѣ. Онъ поставленъ посреди большого сквера, примыкающаго къ Императорской библіотекѣ, Аничкову дворцу и Александринскому театру. Эта работа Микешина мало радуетъ взоръ. Изображенная въ моментъ движенія со скипетромъ императрица производитъ впечатлѣніе идущей въ процессіи со свѣчей въ рукѣ. Нижняя часть памятника изъ бронзы представляетъ подражаніе памятнику Фридриха II въ Берлинѣ и какъ бы составляетъ другую работу. Тутъ представлены главныя фигуры изъ среды приближенныхъ императрицы: Потемкинъ, попирающій ногой турецкую чалму, чесменскій побѣдитель Орловъ и кагульскій герой Румянцевъ, и княгиня Дашкова, и Бецкій, и Державинъ... Но бронза измѣнила мысли артиста, и его фигуры вышли неудачными: завоеватель Крыма скорѣе напоминаетъ больного, чѣмъ тріумфатора, а дикій Орловъ производитъ впечатлѣніе кающагося грѣшника. Общимъ своимъ видомъ памятникъ напоминаетъ колокольчики, которые въ теченіе долгаго времени можно было видѣть на всѣхъ столахъ, съ ручками, изображавшими Наполеона со скрещенными на груди руками.

Бронза и мраморъ оказались несостоятельными по отношенію къ памяти Екатерины. Типографская краска оказалась на большой высотѣ: единственнымъ, достойнымъ ея памятникомъ, яв-

ляется до настоящаго времени посвященные ей труды русскаго Императорскаго Историческаго Общества. Но это только собраніе матеріаловъ. «Счастливъ будетъ писатель, который черезъ сто лѣтъ дастъ исторію Екатерины II», сказалъ Вольтеръ. Я не претендовалъ на это счастье; я только старался открыть этотъ путь и увѣренъ, что самъ шелъ имъ.

Конецъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ближайшіе сотрудники.

I.

Орловы.

I. Легенда и исторія.—Родъ Ивана Орла.—Орелъ и его дѣти.—Пять братьевъ.—Фаворитъ.—Претензіи Григорія Орлова.—Проектъ брака съ Екатериной.—Супругъ Елизаветы.—Воронцовъ и Разумовскій.—«Мадамъ Орлова не будетъ русской императрицей».—II. Разочарованіе.—Пробужденіе.—Григорій Орловъ въ Москвѣ.—Опала Васильчикова.—III. Новая ситуація.—Возвышеніе и паденіе.—Въ Царскомъ Селѣ и Гатчинѣ.—Принцесса Дармштадтская.—*Бурлакъ*.—Новый соперникъ.—Потемкинъ. IV. Полный разрывъ.—Непредвидѣнный эпизодъ.—Идиллія и трагедія.—Мадемуазель Зиновьева.—Бракъ.—Безуміе и смерть.—V. Алексѣй Орловъ.—Чесменская побѣда.—Временщикъ.—Возвышеніе и паденіе.—Борьба съ Потемкинымъ.—Удаленіе.—За гробомъ Петра III 5

II.

Потемкинъ.

I. Происхожденіе.—13 іюля 1762 г.—Серебряный темлякъ.—Ученикъ Екатерины.—Записка государыни.—Начало фавора.—II. Полученіе власти.—Чины и почести.—Графъ и князь.—Новые честолюбивые замыслы.—Въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ.—Комедіантъ и комедіантка.—Екатерина не хочетъ выйти замужъ.—Исчезнувшее очарованіе.—III. Новая звѣзда на горизонтѣ.—Завадовскій.—Борьба.—Побѣда Потемкина.—Властитель думъ императрицы и вице-императоръ.—IV. Характеристика личности.—Циклопъ.—Сибаритизмъ и безпорядокъ.—Грубость и добродушіе.—Не любимъ!—Честолюбіе.—Фатализмъ.—Тщеславіе.—Главная квартира въ Бендерахъ.—Сарданапалъ.—V. Умственныя способности.—Государственный человѣкъ.—Военный дѣятель.—Творческій геній.—Сотрудникъ Екатерины.—Обмѣнъ услугъ и нѣжныхъ изліяній.—Мораль и исторія.—Любовь.—VI. Любовныя похожденія.—Пять племянницъ.—Барынька.—Прекрасная Фанаріотка.—Княгиня Долгорукая.—Стиль великаго любовника.—VII. Паденіе звѣзды.—Зубовъ.—Въ Таврическомъ дворцѣ.—Прощальный вечеръ.—Смерть.—Могила въ Херсонѣ. 37

III.

Зубовы.

I. Новая весна.—Повтореніе сантиментальной комедіи.—Маленькій смуглякъ.—Избалованный ребенокъ.—Честолюбіе, жадность, непо-

тизмъ.—Борьба съ Потемкинымъ. — II. Платонъ Зубовъ. — Политикъ.— Администраторъ.—Военный талантъ.—Валерьянъ Зубовъ.—Герой.—Возвращеніе изъ Польши. 78

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фавориты.

I. Первые замѣстители Григорія Орлова.—Солдатъ, варваръ и теноръ.—Васильчиковъ, Зоричъ и Корсаковъ.—Политическое значеніе екатерининскихъ избранниковъ.—Реваншъ аристократической партіи.—Опытъ воспитанія.—Библіотека фаворита.—II. Прилежный ученикъ.—Екатерина въ должности секретаря.—Художественные вкусы красавца Ланского.—Его смерть.—Неутѣшная возлюбленная.—Утѣшеніе.—Ермоловъ.—Вѣчная юность.—III. Мамоновъ.—Тріумфъ французскаго вліянія.—Вполнѣ придворный человѣкъ.—*Красное платье.*—Ревность фаворита.—Измѣна.—Драма въ Зимнемъ дворцѣ.—Княжна Щербатова.—Бракъ.—Раскаяніе измѣнника.—Вѣчная иллюзія.—Возвышеніе Зубова 84

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Философскія идеи въ Россіи.—Новиковъ.—Фонъ-Визинъ—. Радищевъ.

I. Идейное движеніе въ Россіи и французская революція.—Карамзинъ и Фонъ-Визинъ во Франціи.—Два теченія среди русской интеллигенціи.—II. Новиковъ.—Франкмасонство и иллюминизмъ.—Сенъ-Мартенъ.—Начало преслѣдованій.—Процессъ Новикова.—III. Русскій философъ и реформаторъ.—Радищевъ.—*Почта душъ.*—*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.*—Осужденіе.—Смерть. 108

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дворъ Екатерины.

I. Дворъ Екатерины и версальскій дворъ.—Коронаціонныя празднества.—Царское село.—*Болото.*—Эрмитажъ.—Роскошь и нищета.—Европа и Азія. — Обозъ русскаго посланника. — Бюджетъ двора. — Личный составъ. — II. Этикетъ и тонъ.—Ливреи и форма.—Реформа туалетовъ и причесокъ.—Горе великой княгини.—Подражаніе западнымъ образцамъ.—Французскія моды.—Утонченность, варварство и испорченность. — Успѣхъ Мандини.—Личныя наклонности Екатерины.—Любимый отдыхъ.—Интимный кружокъ Эрмитажа. Русскій Сенъ-Симонъ и Роклоръ: Растопчинъ и Нарышкинъ.—Интимныя развлеченія.—Арлекинизмъ и акробатія.—Военный характеръ царствованія.—Императрица среди гвардейцевъ.—Водка.—III. Передвиженія двора.—Путешествіе въ Крымъ 116

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Конецъ царствованія.

I. Упадокъ.—Пошатнувшееся физическое здоровье и ослабѣвшія моральныя силы.—Меланхолія.—Симптомы усталости и бѣдности въ имперіи.—Храбрая борьба.—Смертельный ударъ.—Неудавшійся бракъ Александры Павловны.—Густавъ шведскій въ Петербургѣ.—Придворныя интриги и дипломатическіе маневры.—Идиллія.—День помолвки.—Неудача.—Женихъ не идетъ!—II. Екатерина еще борется.—Веселый вечеръ въ Эрмитажѣ.—На слѣдующій день.—Въ гардеробной.—Тронъ Понятовскаго.—Агонія.—Въ передней фаворита.—Рядомъ съ умирающей.—Павелъ.—Призракъ пораженія Моро.—Аркола.—III. Потомство.—Статуи и каррикатуры.—Памятники въ Саратовѣ и въ Петербургѣ.—Исторія. 144

Московское
Книгоиздательское
Образованіе.
Редакція: Главная контора:
Долгоруковская, д. 85, кв. 99. Москва, Долгоруковск. 87, кв. 1.
Телефонъ 104-31. Телефонъ 245-30

№

ТЕПРЬ
ЦАРИЦА
АННА
ІОАННОВНА
В. ЗАХАРОВ-СЛАВТ.

Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова.

ВРЕМЯ
Императора Петра II
и
императрицы
Анны Іоанновны.

переводъ съ французскаго

С. М.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

МОСКВА.
Типографія Русскаго Товарищества. Мыльниковъ пер., соб. д. Тел. № 18-35.
1909.

Предисловіе.

Записки князя Петра Владиміровича Долгорукова (1816—68 гг.) не принадлежатъ къ обычному типу мемуаровъ, гдѣ авторъ записываетъ, какъ можетъ и умѣетъ, все, чему свидѣтелемъ пришлось ему быть. Свои записки князь П. В. Долгоруковъ начинаетъ очень издалека, со временъ, предшествовавшихъ Петру Великому, заботливо собирая генеалогическія данныя о родахъ русскаго дворянства, бытовыя сцены и черточки, свидѣтельства о крупныхъ и важныхъ событіяхъ. На ряду съ литературными данными, онъ широко пользовался, какъ самъ говоритъ въ началѣ своего труда, разсказами и воспоминаніями сѣдыхъ стариковъ, бывшихъ очевидцами или даже участниками событій. Въ этомъ послѣднемъ—главная цѣнность и интересъ записокъ Долгорукова, въ нихъ все же есть кое-что «современнаго» событіямъ, разы-

гравшимся задолго до рожденія автора записокъ, и эта сторона ихъ пусть послужитъ оправданіемъ появленія ихъ въ печати.

Но есть стороны, которыя дѣлаютъ записки довольно-таки мутнымъ источникомъ. Князь П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ [1]), одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые съ болью сердечной уходили съ родины, не вынося желѣзнаго гнета печальныхъ обстоятельствъ родной дѣйствительности. У такихъ изгнанниковъ чувство горячей любви къ родинѣ всегда обостряется тяжелой, подчасъ мелочной и придирчивой, и почти всегда злобной критикой того на родинѣ, что заставило ихъ покинуть ее. И князь П. В. Долгоруковъ не скупится въ своихъ запискахъ на рѣзкія словечки и выходки противъ сильныхъ міра сего, противъ дворянства, самодержавнаго строя, стараясь иногда совсѣмъ не кстати и неумѣстно кольнуть своихъ враговъ; ему ничего не стоитъ, повѣствуя о временахъ императрицы Анны, сдѣлать экскурсъ въ область своихъ личныхъ обидъ, и разсказать, какъ ему не поклонился тотъ или иной петербургскій знакомый, какъ его избѣгалъ Тургеневъ и бывалъ не ласковъ съ нимъ тотъ или иной соотечественникъ, встрѣтившійся съ нимъ въ Швейцаріи. Эти сердитыя выходки порой смѣшны, порой досадны, но всегда излишни, и въ настоящемъ переводѣ, обнимающемъ лишь часть записокъ, выкинуты совсѣмъ; смягчены нѣкоторыя неудобныя въ печати выраженія, опущены лишнія, общеизвѣстныя, самимъ княземъ почерпнутыя изъ литературы, подробности. «И въ частныхъ разговорахъ и въ печати,—говоритъ проф. Д. А. Корсаковъ,—случается встрѣчаться съ незаслуженными, пренебрежительными отзывами объ этой книгѣ. Правда, авторъ позволяетъ себѣ иногда высказывать рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; но при сличеніи его книги съ архивными документами и изданными источниками и монографіями, несомнѣнно приходишь къ заключенію, что князь Долгоруковъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны. Отсутствіе цитатъ придаетъ видъ недостовѣрности книгѣ и вводитъ невольно въ сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи Россіи XVIII в. Преданія и анекдоты, конечно, лежатъ на отвѣтственности автора, но имъ никогда по самой

---

[1]) Онъ покинулъ Россію въ 1859 г. Не отвѣтилъ на приглашеніе правительства вернуться и былъ за это лишенъ всѣхъ правъ состоянія и признанъ изгнаннымъ изъ Россіи.

сущности ихъ нельзя придавать безусловной достовѣрности; а какъ дополненіе, какъ иллюстрація нравовъ эпохи, и преданія и анекдоты имѣютъ несомнѣнную важность для историка».

Для перевода выбраны страницы, повѣствующія объ императорѣ Петрѣ II и императрицѣ Аннѣ; изъ другихъ частей записокъ взяты кое-какія подробности бытового свойства, освѣщающія главный разсказъ. Бѣдность русской исторической литературы какъ разъ объ этой эпохѣ сказала свое вѣское слово за выборъ именно этихъ главъ.

Для разсказа о послѣднихъ дняхъ императрицы Анны редактору пришлось воспользоваться вмѣсто текста записокъ изложеніемъ въ новѣйшей сводной работѣ, посвященной этой эпохѣ, а именно соотвѣтствующими страницами изъ книги К. Валишевскаго «Наслѣдіе Петра Великаго». Эти страницы, по типу и характеру вполнѣ подходящія къ запискамъ, прекрасно дополняютъ ихъ пробѣлы и даютъ цѣльный законченный характеръ переводу. Редакторъ и переводчикъ по возможности свѣрили текстъ записокъ съ данными исторической литературы и внесли нѣкоторыя поправки тамъ, гдѣ авторъ допустилъ явныя ошибки или недосмотръ. Поправки эти не вездѣ оговорены. Вѣроятно, кое-какія ошибки второстепеннаго свойства остались въ текстѣ, благодаря нѣкоторой спѣшности работы. Просимъ заранѣе извинить эти промахи.

Въ теченіе моего полустолѣтняго существованія мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми самаго разнообразнаго общественнаго положенія, очень высокаго и очень скромнаго. Приходилось прислушиваться къ мнѣніямъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Я хочу записать все, что я видѣлъ, слышалъ отъ другихъ и узналъ, съ полной искренностью и откровенностью. Неоцѣнимое право писать правду я купилъ моимъ добровольнымъ изгнаніемъ, рядомъ тяжелыхъ испытаній и непріятностей со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ бы заставить меня молчать...

Мемуары и записки содержатъ обыкновенно личныя воспоминанія пишущаго; я избралъ рамки болѣе широкія и хочу сказать почему. Мои личныя воспоминанія будутъ также записаны, но записки мои, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ интимной хроникой Русскаго двора и главныхъ семействъ и лицъ, причастныхъ къ исторіи послѣднихъ десяти царствованій: Петра II, Анны Іоанновны, Іоанна Антоновича, Елизаветы, Петра III, Екатерины II, Павла, Александра I, Николая и Александра II,—отъ 1727 г. до нашихъ дней [1]).

[1]) *Прим. пер.* Автору не удалось довести свой планъ до конца: Записки его заканчиваются царствованіемъ императрицы Екатерины II. Въ этой книгѣ нами выбрано лишь то, что относится къ царствованіямъ Петра II и Анны Іоанновны.

Я зналъ очень много стариковъ, всегда старался вызвать ихъ на разговоръ о прошломъ и тщательно записывалъ ихъ разсказы.

Воспоминанія ихъ касались далекаго прошлаго и часто основывались на воспоминаніяхъ другихъ стариковъ, жившихъ еще раньше, которыхъ они знали въ своей ранней молодости. Я жилъ и въ русскихъ столицахъ и въ губернскихъ городахъ, жилъ и въ деревнѣ; былъ въ ссылкѣ, теперь объявленъ изгнаннымъ изъ Россіи. Мнѣ приходилось говорить съ лицами всѣхъ общественныхъ положеній, съ людьми государственными, вліявшими на ходъ историческихъ событій, и съ простыми крестьянами.

Мнѣ удалось собрать о Россіи XVIII вѣка подробности еще неизданныя, но полныя интереса и значенія. Вотъ почему я начинаю мои записки съ эпохи, почти на столѣтіе предшествовавшей дню моего рожденія.

ГЛАВА I.

Состояніе Россіи послѣ смерти Петра Великаго.

Со смертью Петра I громадная энергія, двигавшая все,—угасла. Дѣятельность, подчасъ лихорадочная, но всегда разумная, прекратилась совершенно. Въ 1728 году Россія, казалось, была погружена въ глубокій сонъ. Только при дворѣ шла борьба враждовавшихъ партій.

Петръ, дико жестокій въ минуты гнѣва, необузданный во всемъ, былъ полонъ пороковъ. Въ душѣ его не было ничего святого, кромѣ великой цѣли, которой онъ отдалъ всю свою могучую жизнь,—цѣли обратить Россію въ культурное государство. Каковы бы ни были его недостатки, для безпристрастнаго историческаго суда, они покрыты великимъ дѣломъ, осуществленнымъ его геніемъ: безъ Петра мы были бы до сихъ поръ темными варварами, азіатами...

Петръ умеръ рано (52 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ) и именно тогда, когда, покончивъ со Швеціей, готовился двинуться на Турцію. Проживи онъ еще лѣтъ пятнадцать, очень вѣроятно, что столица Россіи была бы перенесена на берега Босфора. Это измѣнило бы все будущее нашей родины, облегчило бы работу внутренняго устроенія и внѣшней политики и избавило бы насъ отъ тяжелой необходимости влачить

за собой несчастную обузу Польши, которая тормозитъ наше политическое развитіе и стоитъ какъ стѣна между Россіей и прогрессомъ.

Реакція была безсильна по отношенію къ реформамъ перваго русскаго императора: онѣ были такъ жизненны и радикальны, пустили такіе глубокіе корни, что не могли быть уничтожены. Реакція могла только задержать ихъ развитіе, парализовать его, даже, на нѣкоторое время, но и только.

Преобразованія захватили всѣ слои общества, всѣми чувствовалось навалившееся иго, болѣе тяжелое, чѣмъ когда бы то ни было. Мы можемъ сказать, что не дешево купили свою цивилизацію: отошедшимъ поколѣніямъ пришлось много выстрадать для счастья послѣдующихъ.

Положеніе крестьянъ было ужасное. Въ XVI и XVII вв. еще не смѣшивали крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, съ холопами,— т.-е. военноплѣнными и тѣми несчастными, которые, благодаря задолженности, или добровольно, по нищетѣ, дѣлались рабами, на время, пожизненно или наслѣдственно и которыхъ кабала превращала въ вещь, въ предметъ торговли по произволу.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича выясняло различіе этихъ двухъ несчастныхъ сословій. Но Петръ I, намѣреваясь преобразовать земельную подать въ подушную и ввести воинскую повинность, повелѣлъ произвести въ 1722 г., впервые въ Россіи, всеобщую перепись, въ спискахъ которыхъ, крѣпостные и холопы оказались смѣшанными и, такимъ образомъ, и крѣпостные обратились въ холоповъ: владѣльцы ихъ стали ихъ продавать подушно. Эта торговля людьми была узаконена при Биронѣ: сенату было предписано обложить продажу людей такимъ же налогомъ, какимъ облагалась продажа всякой другой собственности.

То, что терпѣли крестьяне и дворовые, было невообразимо. Дворянинъ помѣщикъ, которому могли отрѣзать языкъ, уши, вырвать ноздри, подлежавшій самъ наказанію кнутомъ, не стѣснялся, разумѣется, съ людьми, находившимися въ полной его зависимости. Нравственное чувство не существовало вовсе, а примѣръ, подаваемый правительствомъ, развращалъ еще больше.

Долготерпѣніе въ страданіи, то, что въ древности называлось стоицизмомъ, лежитъ въ характерѣ русскаго человѣка и, можетъ быть, въ бо́льшей степени, чѣмъ это желательно для чувства національнаго достоинства. Русскій способенъ вынести безконечно много, страдать долго безъ жалобы и ропота, но когда настаетъ реакція, естественная и законная, онъ закусываетъ удила и обуздать его почти

невозможно. Крѣпостной, закономъ лишенный собственности, всегда неувѣренный въ возможности сохранить, а тѣмъ менѣе передать дѣтямъ, плоды своего труда — возненавидѣлъ самую работу. Иго рабства вліяло на народъ различно. Натуры слабыя, апатичныя опускались, впадали въ уныніе, спивались и въ водкѣ топили свое горе. Сильные возставали противъ порядка, который ихъ давилъ, бѣжали: одни обращались въ бродягъ и воровъ, другіе искали убѣжища у сектантовъ, въ темныхъ лѣсахъ, далекихъ степяхъ. Тамъ они находили пріютъ, пищу и возможность укрыться отъ розыска, и такъ сильно затрудненнаго, въ обширной и мало населенной странѣ. Нѣкоторые, наконецъ, самые предпріимчивые, объявляли открытую войну обществу, лишившему ихъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Они собирались въ шайки и, вооруженные топорами и ножами, разбойничали, преимущественно по большимъ рѣкамъ Окѣ, Волгѣ, Дону, Днѣпру. Шайки, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, захватывали барскія усадьбы, жгли деревни, звѣрски истязали жителей. Вооруженные разбойничьи суда двигались безпрестанно по большимъ рѣкамъ. При встрѣчѣ съ торговымъ или инымъ судномъ, разбойники, съ крикомъ «Сарынь на кичку!», преграждали ему путь. При этомъ грозномъ крикѣ, всѣ на остановленномъ суднѣ бросались на-земь и лежали ничкомъ, пока шелъ грабежъ. Того, кто осмѣливался поднять голову, убивали немедленно.

Императоръ Павелъ уничтожилъ, впослѣдствіи, рѣчной разбой очень своеобразнымъ способомъ: онъ отдалъ приказъ, чтобы всякое судно, сдавшееся разбойникамъ, или только ограбленное ими,— было конфисковано. Дворяне, находившіеся на немъ, лишались дворянства, не дворяне—наказывались кнутомъ и ссылались въ Сибирь. Разбой прекратился въ нѣсколько лѣтъ, и грозный крикъ «Сарынь на кичку» отошелъ въ область исторіи.

Я упомянулъ о сектантахъ. Этотъ многочисленный классъ населенія, обязанный своимъ происхожденіемъ религіозному расколу, выросъ и окрѣпъ благодаря крѣпостному праву. Главная сила раскольниковъ заключалась въ ихъ открытой враждѣ къ грубому правительству и нечестной власти. Всякій, возставшій противъ господствующаго порядка, дѣлался его врагомъ, а врагъ господствующаго порядка былъ естественный и желанный союзникъ сектантовъ: онъ находилъ у нихъ пріютъ, пищу и покровительство. Бѣжавшіе отъ воинской повинности, бѣглые крѣпостные, спасающіеся отъ жестокости помѣщиковъ, воры, убійцы,—всѣ находили убѣжище у раскольниковъ, на одномъ лишь условіи: не нарушать, внѣшне по крайней мѣрѣ, ихъ

обрядности. Долгія преслѣдованія и постоянная борьба воспитали въ нихъ гражданское мужество, самообладаніе и здравый смыслъ. Они поняли, что деньги—сила, что безъ нихъ нѣтъ свободы, и это убѣжденіе сдѣлало ихъ трудолюбивыми, разсчетливыми и воздержанными. Чтобы умѣть при случаѣ повести споръ съ православнымъ, поразить его знаніемъ св. Писанія, сектантъ долженъ былъ, во что бы то ни стало научиться грамотѣ и это стало его большимъ преимуществомъ передъ темной массой. Тогда какъ крѣпостной, лишенный собственности, не заботился о пріобрѣтеніи и пропивалъ послѣдніе гроши—раскольникъ работалъ, торговалъ, копилъ, богатѣлъ, подкупалъ жадныхъ подъячихъ и достигалъ почти независимаго положенія. Поскольку выраженіе «независимость» можетъ быть умѣстно при существованіи въ странѣ произвола, гдѣ всѣ слои населенія живутъ въ рабствѣ.

Представьте теперь себѣ рядомъ съ сектантами невѣжественное православное духовенство, бо́льшая часть котораго, особенно въ деревняхъ, была безграмотна, не знало хорошенько даже службы, обѣдню служило, какъ попало, путая и перевирая молитвы. Суевѣрное, пьяное, оно не было, разумѣется, въ состояніи бороться съ сектантствомъ словомъ и убѣжденіемъ, не прибѣгая къ силѣ. Суевѣріе и невѣжество духовенства доходило до того, что въ большихъ городахъ священники, зажиточные и вліятельные, серьезно разсказывали, что Петръ умеръ за границей, во время своего перваго путешествія, въ 1697 г., и что въ Россію, подъ видомъ его, вернулся антихристъ... Что къ фельдмаршалу Брюсу каждую ночь приходилъ чортъ, ужиналъ съ нимъ, и что Брюсъ не можетъ говорить съ монахомъ праведной жизни, безъ того чтобы у него изо рта не выходило синее пламя...

Петру I приходилось за немногими исключеніями назначать епископами и архимандритами большихъ монастырей бывшихъ воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи, по большей части малороссовъ. Большая заслуга Ѳеофана Прокоповича лежитъ въ его стремленіи упорядочить дѣло образованія молодого духовенства. Но возможно ли было требовать независимости и даже простого чувства собственнаго достоинства отъ духовенства, подчиненнаго всецѣло власти митрополитовъ, въ свою очередь подвластныхъ всесильному правительству. Архимандриты сѣкли монаховъ, митрополиты пороли и священниковъ и архимандритовъ. Правительство не останавливалось передъ разстриженіемъ ссылкой, пыткой и даже наказаніемъ кнутомъ епископа и архіепископа. Это былъ батальонъ въ рясахъ.

Духовенство, особенно черное, владѣло огромными имуществами. Монастырямъ принадлежало болѣе девяти сотъ тысячъ душъ, изъ которыхъ десятая часть (92.450 душъ, согласно записи 1742 г.) составляла собственность Троице-Сергіевской Лавры. Послѣдней были подвластны четырнадцать малыхъ монастырей, владѣвшихъ 12,500 душами. Если причислить сюда еще всѣ мельницы, заливные луга, огромные лѣса, принадлежавшіе монастырямъ—цифра получится громадная. Монахи жили въ довольствѣ и изобиліи, ѣли жирно, копили и богатѣли. Настоятели монастырей и архимандриты плавали въ роскоши. Извѣстный своимъ краснорѣчіемъ проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, архимандритъ Троице-Сергіевской Лавры и позже архіепископъ Псковской, носилъ на башмакахъ брилліантовыя пряжки.

Право управленія духовными имуществами было отнято у духовенства Петромъ I, и вновь ему возвращено, послѣ смерти этого государя. При Петрѣ III, въ 1762 г. мѣра Петра I была примѣнена вторично, а въ 1764 г. послѣдовалъ указъ императрицы Екатерины II объ отчужденіи духовныхъ имуществъ.

Нравы духовенства были дикіе. Въ странѣ, гдѣ князья, графы, кавалеры высшихъ орденовъ и даже кавалерственныя дамы могли быть наказаны кнутомъ—и духовенство было подчинено общему правилу. Не говоря о Тайной канцеляріи и ея пыткахъ, простой доносъ подвергалъ священника и монаха самому постыдному униженію, по произволу архимандрита или епископа. Часто священника, едва успѣвшаго дослужить обѣдню и совершить таинство св. Причастія, тащили на конюшню архіерейскаго двора и сѣкли «нещадно». Самые умные и образованные изъ архіепископовъ — оказывались часто самыми жестокими. Таковы были, напримѣръ, Амвросій Каменскій митрополитъ Московскій и Арсеній Мацеевичъ—Ростовскій.

Такое унизительное положеніе стало, разумѣется, причиной полнаго развращенія духовенства. Въ одной разбойничьей шайкѣ, захваченной въ царствованіе императрицы Екатерины II, на восемьдесятъ шесть разбойниковъ, оказалось три священника, одинъ діаконъ и три дьячка.

Метрическія книги были введены лишь при Екатеринѣ II, а до тѣхъ поръ священники вѣнчали кого угодно за цѣлковый или ведро водки, и двоеженство и троеженство были довольно обычнымъ явленіемъ.

Купечество стонало подъ игомъ произвола безправной и капризной власти, откупалось взятками, сколько могло, отъ жадныхъ до безстыдства подъячихъ. Разбогатѣвшіе купцы спѣшили записывать

своихъ сыновей на службу, чтобы добиться для нихъ званія дворянина, ставшаго доступнымъ. Никакой независимостью купечество не пользовалось—однѣ взятки могли его оградить отъ произвола. Поневолѣ, купецъ стремился прежде всего нажиться и въ способахъ не стѣснялся. О коммерческомъ кредитѣ и доброй репутаціи никому не приходило въ голову заботиться, да и было не до того. Сверху давило рабство, снизу царилъ обманъ, мошенничество совмѣщалось съ самымъ высокимъ положеніемъ; что же удивительнаго, что и купцы были по большей части мошенники. Дворянству жилось не лучше. Положеніе его было унизительно до ужаса. Монгольское иго оставило глубокій слѣдъ. Оно не только видоизмѣнило и расшатало политическій и общественный строй Россіи, но и развратило нравы нашихъ предковъ.

До нашествія татаръ, въ XIII вѣкѣ, тѣлесныя наказанія не были въ такомъ ходу, — слово «кнутъ» было неизвѣстно. Запираніе женщинъ въ терему не было въ обычаѣ, — онѣ свободно выходили изъ дому и принимали гостей. Наконецъ до XIII вѣка всѣ были равны: сословій не было. Кромѣ удѣльныхъ князей, почти исключительно Рюриковичей, — не было ни титуловъ, ни наслѣдственныхъ должностей, не было и дворянскаго сословія; была своего рода аристократія, свободно мѣняющаяся, среди которой было мѣсто всякому кто сумѣлъ выдѣлиться изъ своей среды умомъ ли и способностями, или богатствомъ и связями. Иногда положеніе боярина, воеводы, посадника становилось наслѣдственнымъ, не по праву, а по обычаю, но семьи эти не пользовались никакими особыми преимуществами и не составляли сословія; члены ихъ были обязаны своимъ положеніемъ только своимъ личнымъ заслугамъ, богатству, иногда счастливому стеченію обстоятельствъ.

Монгольское иго создало рабство. Рабство повлекло за собой необходимость учредить цѣлую іерархію, давящую и притѣсняющую. Иванъ III,—съ огромнымъ талантомъ и небывалой жестокостью продолжавшій дѣло объединенія Россіи, начатое еще его предками, князьями Московскими,—создалъ во второй половинѣ XV вѣка сословіе служилыхъ людей, которымъ были розданы земли, съ обязательствомъ, въ случаѣ войны представлять опредѣленное число воиновъ, большее или меньшее, въ зависимости отъ количества, полученной земли. Изъ этого служилаго сословія, создалось русское дворянство.

Рюриковичи, лишенные своихъ удѣловъ и своего положенія, сохраняли до временъ Іоанна Грознаго извѣстную долю вліянія. Гроз-

ный,—деспотъ и извергъ, но человѣкъ громаднаго ума,—велѣлъ составить родословныя книги, въ которыхъ рядомъ съ именами Рюриковичей и Гедиминовичей были записаны имена и другихъ, нерадовитыхъ, но находившихся въ царской милости бояръ. Сливъ такимъ образомъ Рюриковичей съ другими боярскими родами и создавъ мѣстничество не по родовитости, а по «отечеству», т.-е. въ зависимости отъ должностей, которыя занимали отецъ и дѣдъ даннаго лица, Іоаннъ Грозный достигъ двухъ цѣлей: онъ окончательно уничтожилъ значеніе потомковъ удѣльныхъ князей и, въ средѣ привилегированныхъ рабовъ, создалъ ядро, еще болѣе привилегированныхъ. Эти привилегированные изъ привилегированныхъ никакъ не могутъ быть названы аристократіей. Отличительная черта всякой аристократіи лежитъ, прежде всего, въ ея личной независимости, людей же обреченныхъ на пожизненное служебное тягло, публично подвергавшихся тѣлеснымъ наказаніямъ, битыхъ кнутомъ, назвать аристократіей невозможно [1]).

Въ 1682 г. при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, московское правительство уничтожило различіе между боярскими родами, внесенными въ списки оффиціальнаго «родословца» и другими, не внесенными. Образованной для этого «родословныхъ дѣлъ палатѣ» было повелѣно руководствоваться «родословцемъ» и частными родословными росписями, которыя должны были доставить представители служилыхъ родовъ. Результатомъ работы «родословныхъ дѣлъ палаты» была «Бархатная книга» [2]), въ списки которой вошли Рюриковичи, Гедиминовичи и «иные честные роды, бывшіе въ боярахъ, въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ». Указами 1686 и 87 г.г. Списки Родословной книги были обновлены и пополнены новыми родами. Эти мудрыя мѣры царя Ѳедора, значительно облегчили задачу его брату,

---

[1]) Авторъ записокъ слишкомъ рѣзко относится къ русскому княжому боярству XVI и XVII вв. Не говоря уже о томъ, что думные люди были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, они въ правительствѣ выступали рядомъ съ царемъ. «Царь указалъ, а бояре приговорили»—вотъ обычная формула начала всѣхъ правительственныхъ актовъ того времени. По Судебнику 1550 г. боярскій совѣтъ признается необходимымъ для всякаго новаго правительственнаго узаконенія. Безъ бояръ царь не рѣшаетъ никакого дѣла. И княжое боярство въ сознаніи своего правительственнаго значенія, основаннаго для большинства даже еще въ XVII в. на родовитости, происхожденіи, могло съ извѣстной гордостью заявлять, что царь жалуетъ за службу деньгами и землей, а не отечествомъ. Это очень аристократическое чувствованіе, и современная наука самый строй русскаго государства московскихъ временъ называетъ „самодержавно-аристократическимъ“.

[2]) Хранящаяся теперь въ департаментѣ Герольдіи Правительствующаго Сената.

Петру, но были еще недостаточны. Петръ не могъ обойтись безъ помощи иностранцевъ. Съ проницательностью, свойственной генію, онъ сумѣлъ выбрать себѣ незамѣнимыхъ помощниковъ среди людей очень скромнаго происхожденія. Ему необходимо было твердо упрочить положеніе своихъ сотрудниковъ, оказавшихъ ему такія громадныя услуги, и возведенныхъ имъ въ высокіе чины. По совѣту Лейбница и фельдмаршала Брюса, онъ рѣшился издать законъ о порядкѣ государственной службы. Въ 1722 г. 24 января была опубликована извѣстная «Табель о рангахъ», раздѣленная на 14 классовъ. Эта мѣра, превосходная въ свое время, когда большинство дворянства не сочувствовало реформамъ и относилось съ ненавистью къ иностранцамъ и съ презрѣніемъ къ людямъ, достигшимъ высокаго положенія, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ,—впослѣдствіи пережила самое себя. Петръ, создавая чины, сохранилъ за монархомъ право двигать впередъ способныхъ людей, не заставляя ихъ послѣдовательно проходить черезъ всѣ ступени.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣ русскіе дворяне несли службу, за исключеніемъ только дряхлыхъ стариковъ, дѣтей и очень небольшого числа людей, которымъ посчастливилось получить отставку. Отставка эта, по большей части, разрѣшалась въ формѣ продолжительнаго отпуска, возобновляемаго по мѣрѣ истеченія.

Для того, чтобы заставить дворянсто служить, Петръ прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ мѣрамъ, на которыя только былъ способенъ. Имущества дворянъ, уличенныхъ въ уклоненіи отъ службы, объявлялись конфискованными. Доносъ былъ возведенъ въ обязанность; чтобы поощрить доносчиковъ имъ обѣщались имущества, конфискованныя у обвиненныхъ. Крѣпостной, донесшій на своего барина, получалъ вольную немедленно.

Само собой разумѣется, что безнравственность и безчестность, возведенныя въ долгъ вѣрноподданнаго не могли не развратить и не извратить нравственное чувство русскаго народа. Служилое дворянство тѣхъ временъ стремилось попасть въ гвардію или ко двору, хотя бы на самыя скромныя должности, въ крайнемъ случаѣ, на штатскую службу, въ одной изъ столицъ. Тамъ дворянину приходилось терпѣть, сравнительно, меньше. Въ арміи и въ провинціи дворянинъ могъ попасть подъ начальство мужика, иногда бывшаго крѣпостного своихъ родителей, достигшаго офицерскаго чина и съ нимъ званія потомственнаго дворянина [2]). Начальникъ имѣлъ право под-

[1]) По табели о рангахъ 1722 г.. потомственное дворянство было связано съ младшимъ офицерскимъ чиномъ и съ чиномъ 8-го класса статской службы. Въ

вергать телѣснымъ наказаніямъ и прибѣгалъ къ этому нерѣдко. Сознаніе необходимости дать своимъ дѣтямъ образованіе, начинало пробуждаться въ средѣ дворянства. Но сдѣлать это было въ то время не легко. Въ деревняхъ учителей не было вовсе. Помѣщикамъ приходилось прибѣгать къ сельскому дьячку или причетнику. Даже въ городахъ учителя найти было трудно. Въ запискахъ майора Данилова мы находимъ сообщеніе, что въ царствованіе Анны Іоанновны, въ одной изъ Петербургскихъ школъ, математику преподавалъ, нѣкто Алабушевъ, дворянинъ, приговоренный судомъ за убійство, къ каторжнымъ работамъ, и оставленный въ Петербургѣ для преподаванія за неимѣніемъ другого учителя. Это дѣлаетъ заслугу Миниха, создавшаго кадетскіе корпуса, тѣмъ болѣе цѣнной.

Жизнь помѣщиковъ, по деревнямъ была, за очень немногими исключеніями,—жизнь растительная, тупая, безпросвѣтная.

Осенью и зимой—охота. Круглый годъ—водка; ни книгъ, ни газетъ. Газета въ тѣ времена была, на всю Россію, только одна: С.-Петербурскія Вѣдомости, основанныя Петромъ I въ 1703 г. Онѣ выходили два раза въ недѣлю и читались довольно много въ обѣихъ столицахъ и въ большихъ городахъ, но въ помѣщичьихъ усадьбахъ о нихъ почти не знали. Невѣжество было невообразимое.

Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, одна почтенная, помѣщица, владѣвшая 300 душами, спрашивала моего прадѣда, правда ли, что нѣмецкій «царь» кушаетъ всякій день къ обѣду колбасу и утверждала, что турецскій султанъ и «царь» французскій — оба басурманской вѣры.

Помѣщичьи дома, средней руки, были всѣ похожи одинъ на другой и отличались лишь размѣрами. Всѣ они были деревянные, одноэтажные, раздѣленные на двѣ половины широкими сѣнями. Въ одной половинѣ находились господскія комнаты, въ другой—кухни, людскія и кладовыя.

Стѣны были бревенчатыя, проложенныя паклей, и обоями оклеивались лишь у очень богатыхъ людей. Мебель состояла изъ деревянныхъ скамей, покрытыхъ коврами—стулья были рѣдки, кресла были предметомъ исключительной роскоши. Зато ѣли тяжело, жирно и обильно, благодаря дешевизнѣ продуктовъ.

царствованіе имп. Николая, права на потомственное дворянство были отнесены къ чину майора и къ 5-му классу статской службы. Въ царствованіе Александра II перемѣщены еще выше и связаны съ чиномъ полковника и 4-мъ классомъ статской службы.

Зажиточность сказывалась главнымъ образомъ въ нарядахъ, лошадяхъ, экипажахъ, упряжи, въ посудѣ особенно и, наконецъ, въ количествѣ дворовыхъ.

Кормили дворовыхъ до отвалу, но одѣвали неряшливо и убого. Казакины изъ грубаго домашняго сукна были покрыты заплатами и на локтяхъ были всегда продраны. Прислуживали столу босикомъ—сапоги надѣвались по большимъ праздникамъ или для исключительно почетныхъ гостей.

Многочисленная дворня, не была для помѣщика только роскошью—она была въ тѣ времена необходима. Не говоря о томъ, что всѣ предметы первой необходимости приходилось производить въ домашнемъ хозяйствѣ, многочисленная дворня была необходима помѣщику еще и для защиты отъ разбойниковъ.

Разбойники эти были тѣмъ опаснѣе, что тайные руководители ихъ, скупавшіе награбленныя вещи и помогавшіе ворамъ—бывали, нерѣдко, люди родовитые, иногда титулованные, съ большими связями. Въ Чернскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), напримѣръ, два дворянина, Ёрженскій и Шеншинъ были атаманами разбойничьихъ шаекъ. Шеншинъ былъ изъ очень хорошей семьи. Въ Карачевскомъ и Новооскольскомъ уѣздахъ (Курск. губ.) во главѣ разбойничьей шайки стоялъ помѣщикъ Деревицкій. На югѣ Россіи тайными руководителями разбойниковъ были братья, графы Девіеры; въ Костромской губерніи—князь Козловскій, который по матери, Салтыковой, былъ въ родствѣ съ Ягужинскими, Салтыковыми, Лабановыми, Долгоруковыми и др. Этотъ князь Козловскій умеръ въ 1812 г., окруженный большимъ почетомъ и исключительной заботливостью, находившихся тогда у власти.

Даже женщины принимали участіе въ разбоѣ. Въ Путивльскомъ уѣздѣ (Курск. губ.) одна изъ помѣщицъ, владѣвшая болѣе чѣмъ тысячью душами, вдова, Марѳа Дурова, садилась на лошадь и разбойничила въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей и довольно многочисленной шайки. Она называла это добродушно—«ходить на охоту». Охота обошлась ей дорого,—въ концѣ концовъ она была арестована и сослана въ Сибирь.

Въ Малороссіи, нѣкая Базилевская, женщина богатая, извѣстная подъ именемъ Базилихи, была покровительцей и возлюбленной извѣстнаго разбойника Гаркуцы. Собравъ въ своихъ кладовыхъ огромное количество награбленныхъ Гаргуцей драгоцѣнностей, она выдала его полиціи. Гаргуца былъ наказанъ кнутомъ, заклейменъ и сосланъ на каторгу. Базилиха сохранила все награбленное, и по смерти оста-

вила огромное наслѣдство своему сына Петру, по предположенію, сыну Геркуцы. Этотъ Петръ Базилевскій женился на Грессеръ, кроткой и милой женщинѣ, племянницѣ фельдмаршала князя Трубецкого, министра двора при императорѣ Николаѣ. Послѣ женитьбы Базилевскій былъ пожалованъ камергеромъ. Въ 1849 г. его крѣпостные, возмущенные его жестокостью, связали его и выпороли. Базилевскому былъ немедленно разрѣшенъ выѣздъ за границу. О дѣяніяхъ графовъ Девіеръ слѣдуетъ также сказать нѣсколько словъ. Они были главными руководителями разбоя въ нынѣшнихъ Харьковской и Воронежской губерніяхъ.

Старшему Антону, досталось отъ отца великолѣпное имѣніе Погромецъ въ Валуйскомъ уѣздѣ. У своей сосѣдки онъ купилъ часть земли; заставилъ ее подписать купчую, вошелъ во владѣніе землей и, подъ предлогомъ недостатка денегъ, просилъ отложить платежъ. Когда прошелъ срокъ помѣщица пріѣхала къ нему въ гости и просила объ уплатѣ. Онъ предложилъ ей взять, вмѣсто денегъ, великолѣпную столовую посуду. Она согласилась, пообѣдала съ графомъ, велѣла уложить посуду и уѣхала. Дѣло было вечеромъ, зимой; было совсѣмъ темно; путь лежалъ черезъ покрытую льдомъ рѣку. На льду, на ѣхавшихъ напали люди, посланные Девіеромъ, отняли посуду и чуть не утопили несчастную женщину и ея слугъ. По счастью мимо проѣзжалъ экипажъ, запряженный четверкой—къ больному помѣщику, по сосѣдству, ѣхалъ докторъ. Помѣщица была спасена, подала жалобу и начался процессъ.

Всѣ дворяне Валуйскаго уѣзда, оффиціально запрошенные, дали *единогласно* самый лучшій отзывъ о Девіерѣ. Одни сдѣлали это изъ трусости, другіе изъ нелѣпаго предразсудка, до нашего времени сильнаго въ Россіи, согласно съ которымъ считается непорядочнымъ подвергать огласкѣ подлости, совершенныя человѣкомъ съ положеніемъ. Но процесъ не былъ остановленъ, графъ Девіеръ былъ обвиненъ въ покушеніи на воровство и убійство и сосланъ въ Сибирь. Дворянство Валуйскаго уѣзда было лишено, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, своихъ выборныхъ правъ.

Младшій Девіеръ, Михаилъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Девіеровъ, превзошелъ своего брата. Онъ жилъ въ имѣніи, расположенномъ на берегахъ Дона. Подъ усадьбой его устроены были подземелья, въ которыхъ были великолѣпныя пріемныя залы, кухни, спальни и подвалы для заключенья съ цѣпями и кандалами. Когда графу надоѣла его жена, мать его двоихъ сыновей, онъ заключилъ ее въ одинъ изъ этихъ погребовъ, заковалъ въ кандалы и оставилъ тамъ

до самой ея смерти. Она томилась въ подземельи около семи лѣтъ. Чтобы исчезновеніе ея не вызвало подозрѣнія, онъ объявилъ всѣмъ о ея смерти и устроилъ великолѣпныя похороны. Въ гробу лежала кукла. Вскорѣ онъ женился опять. Замѣчательно, что Михаила Девіера, какъ и его брата, погубила столовая посуда.

Обѣдая, какъ-то, у одного изъ своихъ сосѣдей, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ столовой посуды и рѣшилъ ею завладѣть.

Онъ подкупилъ дворецкаго, крѣпостного, и пообѣщалъ ему написать подложную вольную, выдавъ его за одного изъ своихъ крѣпостныхъ. Дворецкій съ точностью все исполнилъ, доставилъ графу Девіеру посуду и самъ остался у него въ домѣ. Чтобы избавиться отъ опаснаго свидѣтеля, графъ далъ дворецкому порученіе въ городѣ, приказавъ кучеру убить его по дорогѣ и бросить трупъ въ прорубь. Весной трупъ нашли и въ карманѣ сюртука оказалось собственноручное письмо графа Девіера, въ которомъ тотъ подговаривалъ дворецкаго похитить посуду и обѣщалъ ему вольную. Началось судебное дѣло. Графъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Тогда онъ распространилъ слухъ о своей смерти, велѣлъ устроить ложныя похороны, какъ, когда-то, для своей жены и спокойно прожилъ еще нѣсколько лѣтъ подъ охраной мѣстныхъ властей, которыя всѣ были подкуплены.

Вотъ еще очень характерный анекдотъ. Графъ Гендриковъ, двоюродный братъ императрицы Елизаветы Петровны, выѣхалъ однажды на охоту съ борзыми. Собаки загрызли нѣсколько крестьянскихъ овецъ. Крестьяне, обозлившись, убили двухъ собакъ. Графъ велѣлъ немедленно зажечь деревню со всѣхъ четырехъ сторонъ и на слѣдующее утро прислалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, по его приказу, срыли остатки деревни и перепахали землю. Воеводѣ была подана жалоба, но онъ не осмѣлился войти въ препирательство съ графомъ Гендриковымъ и переслалъ жалобу губернатору; тотъ направилъ ее въ Петербургъ. Графъ Гендриковъ поѣхалъ самъ въ Петербургъ, гдѣ императрица, при свиданіи, погрозила ему пальцемъ и замѣтила: «Эй, Генрихъ, не шали!» Тѣмъ дѣло и кончилось.

Жизнь московскаго дворянства, зимой въ Москвѣ, лѣтомъ въ подмосковныхъ, по существу, мало чѣмъ отличалась отъ жизни въ деревенской глуши. Она была, можетъ быть, немного менѣе дика и внѣшне болѣе роскошна.

Улицы Москвы были побольшей части немощеныя. Нѣкоторыя, покрытыя бревенчатой мостовой, были хуже немощеныхъ, лошади и пѣшеходы ломали себѣ ноги, попадая между бревнами, экипажи

трясло и подбрасывало невѣроятно. Фонарей почти не было; приходилось, не по тщеславію только, а по необходимости держать большое количество дворовыхъ. Домъ мало-мальски зажиточнаго помѣщика былъ всегда окруженъ обширнымъ дворомъ, огородомъ и фруктовымъ садомъ. Среди дворовыхъ были гайдуки (вершники), которые должны были сопровождать экипажъ, когда господа выѣзжали въ городъ. Кромѣ повара и поварятъ, въ домѣ были—свой булочникъ, свой пирожникъ, медоваръ, пивоваръ, квасникъ; были слесаря, столяры, плотники, сѣдельники, жестяники, каретники, кузнецы, бочары и пр.

У богатыхъ людей, среди двора, нерѣдко стояла домовая церковь. Большая часть этихъ церквей стали теперь приходскими. Случалось, что въ усадьбѣ богатаго московскаго дома бывалъ прекрасный рыбный прудъ и великолѣпные рыбные садки. Лѣтъ двадцать тому назадъ, старый генералъ Фроловъ нанялъ въ Москвѣ домъ съ садомъ и прудами. Въ контрактѣ было отмѣчено, что генералъ можетъ пользоваться садами безъ «покосовъ и безъ рыбной ловли».

Внутри, дома бывали меблированы очень разнообразно — отъ золоченой мебели во дворцахъ богатыхъ вельможъ до простыхъ стульевъ и скамей, покрытыхъ коврами, у людей побѣднѣе. Въ каждомъ домѣ, богатомъ и бѣдномъ, проживали бѣдные родственники, дворяне—приживалы и приживалки. Это были ходячія газеты, всегда все знавшія и разносившія всѣ новости.

На празднествахъ и пирахъ игралъ домашній оркестръ изъ своихъ крѣпостныхъ людей, выступали хоры пѣсельниковъ. Страсть къ карламъ, калмыкамъ, калмычкамъ, шутамъ была очень велика. Въ каждомъ богатомъ домѣ ихъ было множество.

На лѣто и осень переѣзжали въ подмосковныя. Осень была временемъ охоты въ обширныхъ подмосковныхъ лѣсахъ, изобиловавшихъ дичью. Охоты сопровождались пирами и попойками полными разгула.

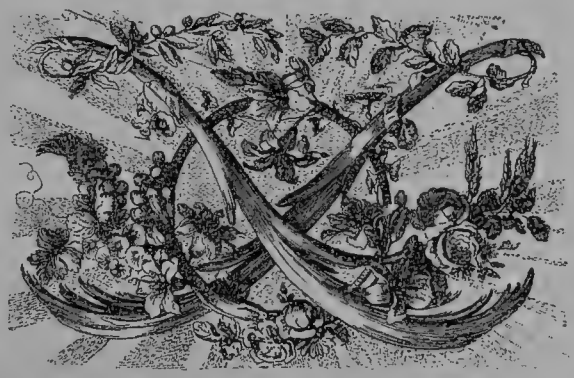
Въ Петербургѣ было больше роскоши, больше денежныхъ затратъ, чѣмъ въ Москвѣ, но жизнь была у̀же. Дома тѣснѣе стояли другъ около друга и не были окружены такими обширными дворами. Слугъ было меньше, но они были лучше одѣты. Упряжь и экипажи были роскошнѣе. Императрицы Анна Іоанновна и Елизавета Петровна любили роскошь. Екатерина II была очень скромна въ своихъ вкусахъ, но считала, что роскошь и блескъ двора необходимы, чтобы импонировать мало культурной націи. Въ жизни петербургскихъ придворныхъ и вельможъ было двѣ стороны—одна, которую показывали Европѣ, лицамъ дипломатическаго корпуса, путешествующимъ иностранцамъ—другая, своя, частная, для себя и своихъ соотчичей.

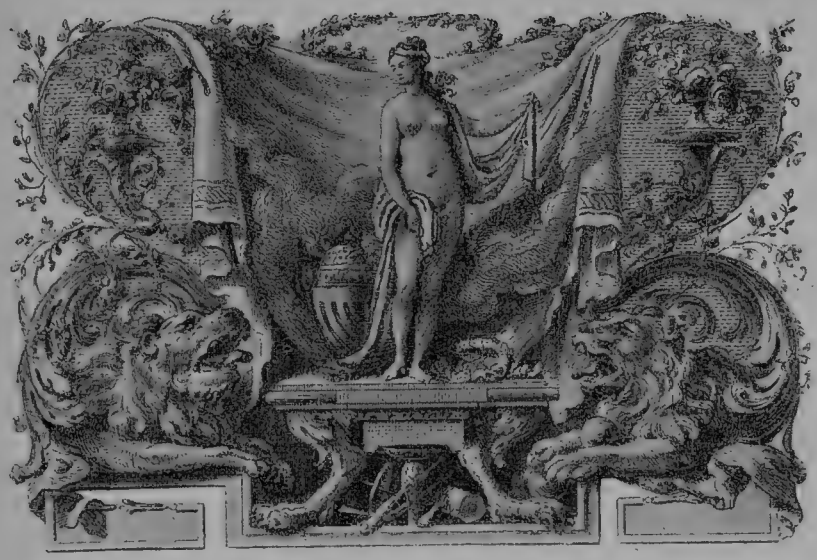
Мой дѣдъ заѣхалъ, разъ лѣтомъ на Петербургскую дачу къ княгинѣ Голицыной, женѣ фельдмаршала. «Ахъ, князь, какъ я Вамъ рада», встрѣтила она его—«дождь, гулять нельзя, мужа нѣтъ, я умирала отъ скуки и собиралась, для развлеченья, велѣть пороть моихъ калмыковъ». Княгиня была рожденная Гагарина, кавалерственная дама, сестра графини Матюшкиной, личнаго друга императрицы Екатерины II. Въ ея салонѣ собирался цвѣтъ лучшаго общества Петербурга.

Въ гвардіи служили почти исключительно дворяне. Преображенскій полкъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ и ста двадцати офицеровъ. Семеновскій изъ трехъ тысячъ и ста офицеровъ. При Аннѣ Іоанновнѣ были образованы полки Измайловскій и Конногвардейскій. Многіе изъ солдатъ и почти всѣ унтеръ-офицеры были дворяне. Они держали крѣпостныхъ и, въ зависимости отъ своего достатка, жили иногда очень роскошно. Большая часть унтеръ-офицеровъ ѣздили въ собственныхъ экипажахъ. Многіе принадлежали къ аристократіи, бывали въ свѣтѣ, танцовали на балахъ. Офицерамъ полагалось ѣздить четверкой цугомъ; дѣлать визиты пѣшкомъ считалось для гвардейскаго офицера крайне неприличнымъ. Въ чинѣ бригадира и выше невозможно было ѣздить иначе, какъ шестеркой.

Однажды, въ царствованіи императрицы Елизаветы Петровны, сенаторъ князь Одоевскій, извѣстный своей нечистой игрой въ карты вернулся домой очень взволнованнымъ. «Представьте себѣ», объявилъ онъ гостямъ своей жены, «что я только что видѣлъ—сенаторъ Жуковъ, въ наемномъ экипажѣ четверкой, вмѣсто шестерки! Какое неприличіе! Куда мы идемъ?..»

Многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, подъ предлогомъ болѣзни жили въ Москвѣ, въ деревняхъ, въ отпуску, постоянно возобновляемомъ. Такой отпускъ всегда покупался. Если не было наличныхъ денегъ платили, не стѣсняясь и не задумываясь, крѣпостными. Дарили одну, двѣ, три семьи, считая эту плату людьми дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и естественнымъ.





ГЛАВА II.

Придворная жизнь при Петрѣ II.

Четвертаго февраля 1728 года Петръ II торжественно въѣхалъ въ Москву [1]); три недѣли спустя онъ короновался, а черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи участь Меншикова была окончательна рѣшена.

---

[1]) Петръ II родился 12 октября 1715 года и взошелъ на престолъ одиннадцати съ половиною лѣтъ. Онъ былъ щедро одаренъ природою какъ умомъ и способностями, такъ и внѣшними данными. Тонкій и высокій, съ прекрасными глазами, онъ былъ очень хорошъ собой. Умъ и способности его были совершенно исключительные. Онъ судилъ о государственныхъ дѣлахъ со смысломъ, поражавшимъ министровъ его Великаго Дѣда. Холодный и слегка надменный при постороннихъ, онъ былъ простой, веселый и общительный мальчикъ среди своихъ близкихъ. Онъ былъ чрезвычайно добръ.

Послѣ смерти Петра I и восшествія на престолъ Екатерины, казалось, было всецѣло въ интересахъ Меншикова способствовать укрѣпленію престола за двумя дочерьми Екатерины, въ ущербъ маленькому великому князю, сыну погубленного, самимъ Меншиковымъ, царевича Алексѣя. Но Меншиковъ отлично понималъ что отстранить отъ престола вел. кн. Петра Алексѣевича немыслимо, не возбудивъ очень серьезнаго недовольства, и рѣшилъ перейти на его сторону. Импера-

24 марта, въ Кремлѣ возлѣ Спасскихъ воротъ было найдено подметное письмо, адресованное государю. Въ этомъ письмѣ выражалось неудовольствіе по поводу ссылки Меншикова въ Раненбургъ (въ 337 верст. отъ Москвы) осуждались поступки государя, его поведеніе, и подавался совѣтъ вернуть изгнаннику бразды правленія. Невозможно предположить, чтобы умный и хитрый Меншиковъ могъ сдѣлать эту несчастную ошибку и написать такое неумѣлое письмо. Была ли это неумѣстная попытка друзей, плохо знавшихъ обычаи двора, или злостный подвохъ враговъ павшаго генералиссимуса—осталось навсегда неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ Долгоруковы, боявшіеся ума Меншикова и находившіе, что Раненбургъ слишкомъ близко отъ Москвы, воспользовались этимъ, чтобы нанести ему послѣдній и самый жестокій ударъ: всѣ громадныя богатства его были конфискованы и онъ съ семьей отправленъ въ Сибирь; въ Березовъ (за 3350 в. отъ Москвы) [1]).

торъ Карлъ VI, жена которого, принцесса Брауншвейгская, была теткой царевича Петра, очень хотѣлъ возвести на престолъ своего племянника. Меншикову было обѣщано герцогство Козельское въ Силезіи и полное согласіе на бракъ будущаго императора съ дочерью генералиссимуса, Маріей Меншиковой. Оставалось самое трудное: получить согласіе императрицы Екатерины I и побудить ее написать завѣщаніе въ пользу сына ея нелюбимаго пасынка и въ ущербъ ея роднымъ дочерямъ. По совѣту Меншикова, императоръ Карлъ VI послалъ тридцать тысячъ червонцевъ Аннѣ Ивановнѣ Крамеръ, бывшей любимой камерфрау императрицы, теперь гофмейстеринѣ при дворѣ великой княжны Наталіи Алексѣевны. Завѣщаніе было составлено и, что любопытнѣе всего — подписано за мать рукой цесаревны Елизаветы. Императрица Екатерина была безграмотна и всегда заставляла своихъ дочерей подписывать за нее ея имя.

[1]) По вступленіи на престолъ молодой императоръ быстро охладѣлъ къ Меншикову. Подчиненіе, въ которое Меншиковъ поставилъ его по отношенію къ себѣ, раздражало самолюбиваго и упрямаго мальчика. Онъ не былъ охотникъ учиться, любилъ погулять, страстно любилъ охоту. Но обо всемъ надобно было спрашиваться свѣтлѣйшаго князя и часто ждать суроваго отказа. «По какому праву онъ отказываетъ?» вопросъ напрашивался самъ собой и былъ крайне опасенъ для положенія генералиссимуса. Воспитателемъ и оберъ-гофмаршаломъ къ императору былъ назначенъ Остерманъ. Человѣкъ очень хитрый и ловкій, онъ сумѣлъ снискать большую любовь своего воспитанника и незамѣтно поддерживалъ антипатію послѣдняго къ свѣтлѣйшему. Случайная болѣзнь Меншикова дала возможность государю пожить безъ его гнета и произвела свое роковое дѣйствіе: возвратить вліяніе было почти невозможно. Меншиковъ, ослѣпленный своей властью, продолжалъ вести упорную борьбу и постоянно раздражалъ государя, отмѣняя его приказанія. Цехъ каменщиковъ поднесъ Петру 9000 червонныхъ. Петръ послалъ ихъ въ подарокъ сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавъ: «Императоръ еще очень молодъ и не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Петръ, узнавъ объ этомъ, былъ

Князь Алексѣй Долгоруковъ и сынъ его, Иванъ, любимецъ Петра II, торжествовавшіе побѣду, не предвидѣли тогда, что черезъ два года и они послѣдуютъ за Меншиковымъ, первый, чтобы умереть въ Березовѣ, послѣ четырехъ лѣтъ изгнанія, второй, чтобы провести тамъ восемь тяжелыхъ лѣтъ и быть возвращеннымъ для пытки и четвертованія...

Слѣдствіе признало, что подметное письмо было написано рукою духовника царицы Евдокіи. Это наводитъ на мысль объ участіи въ дѣлѣ враговъ Меншикова, которые въ этомъ случаѣ не ошиблись въ разсчетѣ.

Положеніе Меншикова при дворѣ Петра I было исключительное, небывалое. Свѣтлѣйшій князь, герцогъ Ижорскій, онъ пользовался съ женой, величайшими почестями, наравнѣ съ членами императорскаго дома и привилегіями, недоступными ни одному подданному: при его особѣ состояли гофъ-юнкеры и пажи изъ дворянъ.

Княгиня Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, изъ старой дворянской семьи, была безличная женщина, кроткая и добрая. За то сестра ея, Варвара, старая дѣва, маленькая, горбатая — умная и злая, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ у своего деверя создавала ему и семьѣ множество враговъ своей надменностью, рѣзкостью и мстительностью. Она была злымъ геніемъ семьи.

Когда ея племянница сдѣлалась невѣстою государя и Варвару Михайловну назначили оберъ-гофмейстершой — придворныя дамы, по ея требованію должны были цѣловать ея руку! Послѣ паденія генералиссимуса она была сослана и пострижена въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ Александровѣ (въ 164 в. отъ Москвы). Тамъ она оставалась до самой своей смерти.

Меншиковъ жилъ по царски, на Васильевскомъ острову, въ огромномъ домѣ, (нынѣ первый кадетскій корпусъ) за которымъ былъ разбитъ обширный паркъ, съ оранжереями, голубятнями и загонами для дикихъ звѣрей. Въ то время мостовъ на Невѣ не было. Меншиковъ переѣзжалъ рѣку въ огромной золоченной лодкѣ, изнутри обтянутой зеленымъ бархатомъ. Ладью вели 12, иногда 24 гребца. На лѣвомъ берегу Невы его ждала золоченная украшенная княжеской короной карета, на низкихъ рессорахъ, запряженная шестеркой цугомъ, въ малиновой упряжи, обдѣланной золотомъ и серебромъ.

взбѣшонъ и закричалъ: «Я покажу ему, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться». Рядъ такихъ случаевъ, которыми ловко умѣли пользоваться Остерманъ и Долгоруковы, вскорѣ окончательно возстановили императора противъ Меншикова и привели къ паденію послѣдняго.

Впереди шли гайдуки, за ними пажи верхомъ, въ голубыхъ бархатныхъ казакинахъ съ золотыми позументами; два гофъ-юнкера княжескаго двора ѣхали у подножекъ кареты и шесть конныхъ драгунъ замыкали шествіе.

Петръ II былъ совершенно равнодушенъ къ Маріи Меншиковой и она, съ своей стороны, не выносила своего жениха. Разсказываютъ, что молодой государь на колѣняхъ умолялъ сестру, великую княжну Наталію Алексѣевну, разстроитъ этотъ бракъ. Меншиковъ надѣялся побѣдить упрямство юнаго государя, и былъ такъ опьяненъ своимъ могуществомъ, что колебался дать солгласіе на бракъ младшей своей дочери Александры, съ наслѣднымъ принцемъ Ангальтъ-Дессаускимъ, потому что мать его была дочерью аптекаря. Крестьянскій сынъ, пирожникъ—боялся неравнаго брака!..

Сосланный въ Раненбургъ въ сентябрѣ 1727 года, Меншиковъ имѣлъ неосторожность обставить свой отъѣздъ небывалой роскошью и торжественностью, раздражившей ею враговъ и оскорбившей императора. Онъ ѣхалъ по улицамъ города среди дня въ великолѣпной каретѣ, въ сопровожденіи 127 слугъ, безчисленнаго множества каретъ, экипажей, верховыхъ лошадей. За нимъ выслали курьера, велѣли догнать, конфисковать экипажи и заставили продолжать путь въ простыхъ кибиткахъ.

Въ декабрѣ былъ посланъ въ Раненбургъ, другъ семьи Долгоруковыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Плешеевъ, чтобы учинить Меншикову допросъ, состоявшій изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1. Въ чемъ состоялъ буквальный текстъ его переписки со шведскимъ сенаторомъ Дюккеромъ, которому онъ далъ завѣреніе въ томъ: «что Швеціи нечего опасаться, въ виду того, что армія находится въ его, Меншикова, распоряженіи и въ случаѣ тяжкой болѣзни Императрицы, при необходимости онъ будетъ ходатайствовать о помощи Швеціи». О какой помощи онъ говорилъ? Кто писалъ эти письма? Гдѣ черновики ихъ и гдѣ подлинники, адрессованые ему Дюккеромъ?

2. Такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе сообщать о всѣхъ секретныхъ дѣлахъ шведскому посланнику барону Седеркрейцу,—что именно изъ вышеизложеннаго, было извѣстно послѣднему?

3. Сознается ли онъ въ полученіи отъ Швеціи денегъ между прочимъ 5.000 червонцевъ за вышеупомянутое письмо адресованное Дюккеру? Черезъ чье посредство были имъ получены эти деньги?

4. Какъ осмѣлился онъ лишить герцогиню голштинскую 80.000 р. изъ суммы въ 300.000, которую она должна была получить изъ каз-

ны передъ отъѣздомъ ея изъ Россіи? Онъ присвоилъ эти деньги, заставивъ Герцогиню расписаться въ полученіи 240.000, тогда какъ она получила лишь 220.000?

5. Когда императоръ сдѣлалъ герцогинѣ голштинской денежный подарокъ изъ казны, при посредствѣ негоціанта Марсэ, Меншиковъ принудилъ герцогиню уступить ему половину суммы и баронъ Стамкенъ, голштинскій министръ въ Петербургѣ, выдалъ росписку въ 2.000 червонцевъ на имя Меншикова, за подписью его адъютанта, барона Ливена?

Слѣдствіе тянулось всю зиму, а въ мартѣ подметное письмо, о которомъ я говорилъ, окончательно погубило генералиссимуса. Лишенный всего имущества, онъ былъ отправленъ въ Березовъ съ женой, сыномъ и двумя дочерьми. Ему позволили взять съ собой десять слугъ обоего пола и положили на его содержаніе пять рублей золотомъ въ сутки.

Меншиковъ переносилъ свое несчастье съ необычайнымъ мужествомъ и рѣдкимъ самообладаніемъ, но жена его не перенесла удара— она ослѣпла отъ слезъ, заболѣла и умерла въ пути, въ деревнѣ Услони, на берегу Волги въ 12 в. отъ Казани. Ей не было еще 45 лѣтъ.

На скромномъ деревенскомъ кладбищѣ до сихъ поръ сохранилась ея могила.

Похоронивъ жену, Меншиковъ съ дѣтьми продолжалъ тяжелый путь

Когда за годъ передъ тѣмъ, послѣ обрученья дочери съ императоромъ Меншиковъ велѣлъ вносить въ оффиціальные документы съ 1728 г. свое имя, имена своей жены, сына и дочерей, рядомъ съ членами императорскаго дома; онъ не подозрѣвалъ, конечно, что этотъ 1728 г. онъ проведетъ въ Сибири, въ Березовѣ, гдѣ зима длится семь мѣсяцевъ и морозъ доходитъ до 40° съ лишнимъ градусовъ, лѣтомъ земля оттаиваетъ только на три четверти аршина; въ ноябрѣ и декабрѣ заря едва занимается въ 10 часовъ, а въ три уже ночь—за то въ іюнѣ солнце заходитъ менѣе чѣмъ на 2 часа; лѣто длится едва три недѣли и весной и осенью стоитъ постоянный туманъ, поднимающійся отъ болотъ, которыми окруженъ Березовъ.

Какъ я говорилъ уже, Меншиковъ въ несчастьи выказалъ большую душевную силу. Развращенный во дни своего сказочнаго счастья, порочный, надменный, алчный—въ изгнаніи онъ превратился вдругъ въ образецъ терпѣнья, кротости и спокойствія. На крутомъ берегу Сосвы онъ съ помощью своихъ слугъ, собственноручно построилъ себѣ маленькій деревянный домъ. Построилъ также и церковь (сгорѣвшую въ 1765 г.); во время службы онъ исполнялъ обязанности діакона, причетника, а послѣ обѣдни иногда говорилъ проповѣди.

Дѣтямъ онъ диктовалъ свои воспоминанія—къ несчастью неизвѣстно, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ манускриптомъ. Черезъ годъ А. Д. Меншиковъ скончался.

Его старшая дочь, Марія, бывшая невѣста императора опасно заболѣла въ 1729 г. Доктора въ Березовѣ не было; проболѣвъ недѣлю она умерла на рукахъ отца. Ей было всего 18 лѣтъ. Онъ собственноручно рылъ для нея могилу. Ему пришлось пережить ее не надолго. Когда онъ заболѣлъ, въ Березовѣ не нашлось даже цирульника, чтобы пустить больному кровь. Онъ умеръ 22 октября 1729 года, 56-ти лѣтъ и былъ похороненъ возлѣ построенной имъ церкви въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега Сосвы.

Когда пришла въ Москву вѣсть о смерти Меншикова, Алексѣй Шаховской, женатый на дальней родственницѣ покойной княгини Меншиковой, приближенный Бирона, выхлопоталъ у послѣдняго разрѣшеніе дѣтямъ Меншикова—Александру и Александрѣ—вернуться въ Россію. Шаховской взялся за дѣло очень умѣло. Лондонскій и Амстердамскій банки, въ которыхъ хранились огромные капиталы генералиссимуса, отказались ихъ выдать русскому правительству, заявивъ, что могутъ ихъ вручить лишь законнымъ наслѣдникамъ Меншикова. По нравамъ того времени, не вмѣшайся Шаховской въ это дѣло, молодого Меншикова пыткой заставили бы отказаться отъ своихъ правъ. Шаховской убѣдилъ Бирона, что лучше воспользоваться случаемъ и женить его брата Густава Бирона на молодой Меншиковой, чтобы захватить громадные капиталы ея брата. Такъ и было сдѣлано.

Семнадцатилѣтнему князю Александру Меншикову вернули его титулы князя двухъ имперій: Россійской и Австрійской, и Высочества, но титулъ герцога Ижорскаго ему не былъ возвращенъ. Изъ 90.000 душъ, принадлежавшихъ его отцу, онъ получилъ только 2.000, т.-е. пятидесятую часть. Изъ капиталовъ и огромнаго движимаго имущества не получилъ ничего. Его произвели въ прапорщики Преображенскаго полка, послѣ того, какъ 13 лѣтъ онъ былъ генералъ-лейтенантомъ, оберъ-камергеромъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго и Прусскаго Орла. Девять милліоновъ рублей, помѣщенные въ Лондонскомъ и Амстердамскомъ банкахъ были отданы въ распоряженіе правительства: восемь милліоновъ частью конфисковано государствомъ, частью украдено Бирономъ, девятый былъ переданъ Густаву Бирону, женившемуся на княжнѣ Александрѣ Меншиковой. Она была очень несчастна въ замужествѣ и умерла 24 лѣтъ не оставивъ дѣтей—13 октября 1736 года.

Князь Александръ Меншиковъ былъ впослѣдствіи генералъ-аншефомъ, гвардіи майоромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Это былъ глупый и ничтожный человѣкъ. Спесивый въ юности, во дни могущества отца, онъ вернулся изъ Сибири любезнымъ и предупредительнымъ. Онъ женился на Голицыной, единокровной сестрѣ моей пра-прабабки и умеръ въ 1764 году 50 лѣтъ, оставивъ двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Въ царствованіе Петра II, при русскомъ дворѣ было двѣ партіи, не считая Долгоруковыхъ. Послѣднихъ «партіей» нельзя было назвать—это былъ семейный кружокъ, не болѣе. Обязанность, не всегда пріятная, быть безпристрастнымъ, заставляетъ насъ признать, что въ дѣйствіяхъ Долгоруковыхъ, этой эпохи, не было иныхъ побужденій кромѣ личныхъ, эгоистическихъ, имѣвшихъ цѣлью разбогатѣть, удалить отъ двора всякое вліяніе, кромѣ своего, и пользоваться жизнью и ея наслажденіями, нисколько не считаясь съ правами и достоинствомъ ближняго. Единственная ихъ заслуга въ томъ, что они не были жестоки; за исключеніемъ трагической исторіи Меншикова, всѣ преслѣдованія и изгнанія этого царствованія отличались мягкостью и ни одно имущество, кромѣ имущества Меншикова, не было конфисковано. Надо замѣтить что жестокость была чужда характеру Петра II, и еще болѣе характера его сестры, великой княжны Наталіи Алексѣевны [1]), которая могла бы быть ангеломъ хранителемъ Россіи, если бы осталась жива. Въ 1729 году молодой императоръ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ у постели умирающей сестры, и уничтожилъ ужасную тайную канцелярію (Преображенскій приказъ), которую, впрочемъ, императрица Анна возстановила, немедленно по восшествіи своемъ на престолъ.

Партія молодая, называвшаяся также нѣмецкой, стремилась идти по пути намѣченномъ Петромъ I: охранять абсолютизмъ во всей его

---

[1]) Великая княжна Наталія Алексѣевна была на годъ старше своего брата. Она умерла на пятнадцатомъ году 22 ноября 1728 года. Она поражала знавшихъ ее зрѣлостью ума, широтою взгляда и необычайною добротою. Она не отличалась большой красотой, черты ея были неправильны, но была очень миловидна и привлекательна. Брата своего она обожала и давала ему воистинну мудрые совѣты. Никогда не любившая, она сосредоточила на братѣ всю свою привязанность, и не на шутку ревновала его къ ихъ теткѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ которую мальчикъ былъ юношески влюбленъ. Позже, когда онъ охладѣлъ къ Елизаветѣ она также ревновала и мучилась его страстью къ охотѣ, которую въ немъ развили не безъ цѣли удалить его отъ вліянія сестры и Остермана. Огорченія, причиняемыя безпорядочной жизнью, въ которую вовлеченъ былъ молодой императоръ, сильно повліяли на ухудшеніе ея болѣзни и быстро свели въ могилу.

полнотѣ и вести безпощадную борьбу со старыми обычаями, исконными устоями, со всѣмъ, что напоминало до Петровскій строй жизни Эта партія была права, утверждая, что русскіе обычаи и устои конца XVII вѣка были смѣсью монгольскаго варварства съ Византійскимъ разложеніемъ; что Россію необходимо было возродить при помощи европейской цивилизаціи, и возродить во чтобы то ни стало; что политическій строй Россіи XVII-го столѣтія былъ гнилъ насквозь, такъ что мы не были въ силахъ даже вести войну съ Турціей. По счастью мы были дважды спасены фанатизмомъ и отсутствіемъ политическаго такта польскихъ магнатовъ: они помѣшали Владиславу надѣть шапку Мономаха, не допустивъ его принять православіе и затѣмъ, полвѣка спустя, религіозными преслѣдованіями и притѣсненіями магнатовъ, заставили Малороссію присоединиться къ Россіи. Когда представителямъ нѣмецкой партіи ставили на видъ, что нецѣлесообразно управлять націей, особенно верхнимъ ея слоемъ, пришедшимъ въ соприкосновеніе съ европейской культурой, при помощи азіатскихъ пріемовъ Царя Преобразователя, они отвѣчали, что монгольскіе и византійскіе начала такъ присущи русской натурѣ, что съ этой стороны нечего опасаться; что люди, которые несмотря на свои богатства и исключительное общественное положеніе такъ безропотно и легко позволяютъ себя грабить, отправлять на поселеніе, стегать кнутомъ и изувѣчивать, очень еще далеки отъ Европейской знати; что нѣтъ такого ига, тягость котораго имъ показалась бы невыносимой... Дальнѣйшая исторія нашего отечества доказала, увы, правоту этого приговора.

Партія русская, ошибочно называемая старо-русской и мнившая себя таковой, понимала также всю невозможность и опасность возстановленія обветшалаго прошлаго, во всемъ его цѣломъ; она готова была допустить развитіе культурности въ Россіи на условіи сохраненія однако стариннаго быта въ частной жизни, сдѣлавъ въ этомъ отношеніи одну только уступку, очень важную, такъ какъ сама по себѣ она создавала своего рода соціальный переворотъ: они навсегда отказались отъ азіатскаго обычая запиранія женщины, обычая, сложившагося во времена монгольскаго ига и уничтоженнаго Петромъ Первымъ. Русская партія готова была пользоваться услугами иностранцевъ, понимая, что обойтись безъ нихъ нельзя, но пользоваться ими она хотѣла съ большимъ выборомъ и считала невозможнымъ допускать ихъ къ высокимъ должностямъ, дѣлая исключеніе лишь для тѣхъ, которые принимали православіе и вступали въ бракъ съ дочерьми русскихъ вельможъ; послѣднее допускалось и въ до Петров-

Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

Лучш. фототип. К. А. Шмидъ.

ское время. Наконецъ, большинство сановниковъ принадлежавшихъ къ русской партіи тяжело чувствовало гнетъ царской власти и съ вполнѣ понятной завистью смотрѣло на независимость польскихъ магнатовъ, на вновь возстановленную, послѣ смерти Карла XII шведскую конституцію... Они мечтали создать ограниченія самодержавію. Вліяніе, которое оказали шведскія учрежденія на поведеніе русской знати въ 1730 г., заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ о шведской конституціи. Парламентъ, въ Швеціи состоялъ до 1865 г. изъ четырехъ палатъ: 1) Палата духовенства, гдѣ архіепископъ Упсальскій и епископы засѣдали по праву, прочее же духовенство—по выборамъ; 2) палата дворянъ, гдѣ по праву засѣдали старшіе въ родѣ отъ всѣхъ дворянскихъ родовъ безъ исключенія. Они дѣлились на три секціи, голосовавшія каждая отдѣльно: a) Секція графовъ и бароновъ, в) Секція стараго дворянства, c) Секція молодого дворянства. 3) Палата горожанъ и 4) Палата крестьянъ—обѣ выборныя—Сенатъ, состоящій изъ шестнадцати пожизненныхъ сенаторовъ, служилъ совѣщательнымъ учрежденіемъ во время парламентскихъ каникулъ.

Короли Карлъ XI и Карлъ XII перестали созывать парламентъ и захватили въ свои руки неограниченную власть, превративъ сенатъ въ своего рода канцелярію. По смерти Карла XII шведскіе генералы провозгласили королевой его сестру принцессу Ульрику Элеонору, супругу принца Фридриха — Гессенъ - Кассельскаго. Сенатъ призналъ эти выборы незаконными, созвалъ парламентъ и, сообща съ нимъ, вновь избралъ принцессу Ульрику Элеонору, взявъ съ нея обязательство царствовать на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1) Законодательная власть и право учреждать налоги, объявлять войну и заключать миръ—должны быть раздѣлены между королемъ и парламентомъ; 2) Совершеннолѣтіе монарха наступаетъ въ восемьнадцать лѣтъ; 3) Монархъ управляетъ страной сообща съ сенатомъ; 4) Высшіе сановники выбираются сенатомъ большинствомъ голосовъ; 5) Подданные, включая сюда армію и флотъ, присягаютъ въ вѣрности королю и государству.

Эта конституція существовала въ Швеціи до 1772 г. Она была уничтожена Густавомъ III возстановившимъ неограниченное правленіе, длившееся до 1809 г., когда вновь была возстановлена въ Швеціи конституціонная монархія. Наиболѣе вліятельные русскіе вельможи очень опредѣленно мечтали о введеніи въ Россіи конституціи по образцу шведской, но большинство дворянства было гораздо болѣе скромно въ своихъ стремленіяхъ: они мечтали лишь объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, объ уничтоженіи права конфи-

скаціи, отмѣнѣ обязательной службы и о томъ, чтобы ссылка и всякій иной приговоръ совершались не иначе, какъ правильнымъ судомъ. Такія стремленія дворянства были бы болѣе чѣмъ законны, еслибы оно добивалось этихъ правъ не для себя только, а для всего народа.

Оно стремилось, однако, сохранить также и крѣпостное право,—забывая, что въ Швеціи, какъ и въ Англіи, политическая свобода пустила такіе глубокіе корни, только благодаря отсутствію рабства; забывая также, что свободное дворянство, пользующееся политической свободой и отказывающее въ этомъ правѣ другимъ классамъ населенія, попирающее крестьянство, обреченное на рабство,—идетъ къ неминуемой гибели, увлекая за собой всю страну. Въ этомъ, именно, и лежала коренная причина гибели Польши.

Нелѣпая и безчеловѣчная претензія русской партіи пріобрѣсти дворянству исключительныя политическія права, сохранивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостное право, во всей его неприкосновенности—стояла на пути къ освобожденію, и русское дворянство, только въ очень недавнее время, и весьма неохотно, отказавшееся отъ своихъ беззаконныхъ правъ—поплатилась за это тѣмъ, что до сихъ поръ влачитъ свое существованіе подъ игомъ унизительнаго и постыднаго рабства.

Нѣмецкую партію составляло дворянство Балтійскихъ провинцій и всѣ иностранцы, находившіеся на русской службѣ. Изъ нихъ самые вліятельные были: вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, фельдмаршалъ графъ Брюсъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Минихъ и оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій. Въ эту партію входили также и русскіе, возвысившіеся при Петрѣ I и по своему скромному происхожденію не имѣвшіе права разсчитывать на соотвѣтственное положеніе въ русской партіи. Среди этихъ «новыхъ» людей, какъ ихъ называли, самымъ выдающимся по своимъ заслугамъ, уму и энергіи былъ несомнѣнно архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ первоприсутствующій св. Синода личный другъ и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра I. Затѣмъ шли Головкины, Румянцевы, Чернышевъ и другіе.

Русская же партія состояла изъ всей русской знати за исключеніемъ,—во время царствованія Петра II,—семьи Долгоруковыхъ, которые нисколько не заботились о благахъ государства, были заняты своими личными разсчетами, и поставили себя въ очень невыгодное, совершенно обособленное положеніе.

Самымъ выдающимся человѣкомъ въ русской партіи, признанный ея главой и руководителемъ, былъ старый князь Дмитрій Михайло-

вичъ Голицынъ, старшій братъ фельдмаршала, князя Михайлы [1]). Князь Дмитрій Михайловичъ, такой же безупречно порядочный, какъ и его братъ, имѣлъ всѣ преимущества широкаго ума, большой энергіи и несокрушимой твердости.

Былъ еще въ русской партіи человѣкъ большой ловкости и ума—бывшій вице-канцлеръ, баронъ Шафировъ. По своему иностранному

---

[1]) Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (род. 1665 г., ум. 1738 въ казематѣ Шлиссельб. крѣпости) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своей эпохи по выдающемуся уму, широкому образованію и рѣдкой энергіи. При Петрѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, затѣмъ губернаторомъ въ Кіевѣ. Гордый и независимый, Голицынъ не могъ примиться съ мыслью, что онъ, Гедиминовичъ, долженъ быть «покорнымъ рабомъ». Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, хотя и понималъ необходимость для Россіи европейской образованности. Онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и составилъ [библіотеку изъ 7,000 томовъ.

Послѣ смерти Петра Великаго Голицынъ сталъ во главѣ старо-боярской партіи, защищавшей права Петра II противъ Екатерины. Соглашеніе между партіями произошло на почвѣ фактическаго ограниченія власти императрицы при посредствѣ Верховнаго тайнаго совѣта. Старо-боярская партія, какъ сообщаютъ иностранцы мечтала освободиться этимъ путемъ отъ тиранніи и возобновить прежніе порядки или учредить форму правленія подобную шведской.

У князя Дм. М. было три брата—Петръ, сенаторъ и подполковникъ Преображенскаго полка, умеръ въ 1722 г., не оставивъ дѣтей, и два брата Михаила, одинъ на десять, другой на двадцать лѣтъ моложе кн. Дмитрія. Старшій Князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ, отличный воинъ, но человѣкъ недалекій, отличался благородствомъ и порядочностью. 29 августа 1708 года, послѣ горячей схватки со шведскимъ авангардомъ, предводительствуемымъ самимъ Карломъ (который по разсказамъ къ концу битвы рвалъ на себѣ волосы) и одержанной побѣды, Петръ обнялъ Голицына, произвелъ его въ генералъ-майоры, пожаловалъ Андреевской лентой и обѣщалъ разрѣшить ему все, что только тотъ ни пожелаетъ. Голицынъ испросилъ: уменьшенія налога на соль и помилованіе своего личнаго недоброжелателя князя Никиты Репнина, совершившаго стратегическіе промахи въ битвѣ при Головчинѣ и находившагося подъ судомъ.

Съ этого дня Голицынъ и Репнинъ стали близкими друзьями. Послѣ блестящей финляндской кампаніи въ 1714 г. князь Михаилъ Михайловичъ получилъ отъ Петра крупную сумму. Онъ тотчасъ заказалъ зимнюю обувь для своихъ солдатъ. Доброта его, скромность и крайняя умѣренность въ ѣдѣ (рѣдкое въ ту пору явленіе) были извѣстны всѣмъ, и Петръ настолько уважалъ его, что никогда не заставлялъ пить. Князь Михаилъ Голицынъ, Репнинъ и Шереметевъ имѣли мужество не подписать приговора надъ царевичемъ Алексѣемъ. Михаилъ Михайловичъ дожилъ и пережилъ царствованіе Петра II, который оказывалъ ему очень мало вниманія, тогда какъ мачеха несчастнаго царевича Алексѣя, Екатерина, поспѣшила произвести популярнаго князя Михаила Михайловича въ фельдмаршалы.

Младшій братъ, тоже Михаилъ, до смерти фельдмаршала, т.-е. до 45 лѣтъ, назывался молодымъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ. Онъ былъ человѣкъ сред-

очень скромно му происхожденію [1]) и выдающимся заслугамъ передъ Петромъ I, онъ долженъ былъ бы занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ рядахъ «новыхъ» людей, но онъ былъ отодвинутъ въ русскую партію своею ненавистью къ Остерману, своему бывшему секретарю, обошедшему его, и котораго онъ, въ свою очередь, надѣялся смѣстить. Его большой политическій опытъ, глубокое знаніе людей были очень полезны его новымъ друзьямъ. Породнившись черезъ свою невѣстку съ Измайловыми и черезъ зятьевъ съ Долгоруковыми, Салтыковыми, Хованскими и Гагариными, онъ былъ свой въ кругу старой русской аристократіи. Хитрый, вкрадчивый, онъ,—бывшій министръ и любимецъ Петра I,—сумѣлъ войти въ довѣріе и милость царицы Евдокіи... Долгоруковымъ Шафировъ часто давалъ мудрые и осторожные совѣты, которые, къ несчастью, были безполезны... Если бы Петръ II жилъ дольше, старый баронъ, несомнѣнно, смѣстилъ бы Остермана и вновь сдѣлался бы вице-канцлеромъ...

Образъ жизни, въ который Долгоруковы втянули молодого государя въ Москвѣ, отвлекалъ его отъ всякаго серьезнаго занятія и быстро расшатывалъ его здоровье. Онъ любилъ охоту; этимъ пользовались и увлекали его въ далекія охотничьи поѣздки, длившіяся по нѣсколько недѣль. Обширные лѣса, окружавшіе тогда Москву, были соблазнительны для охотника, и этимъ воспользовались, чтобы заставить его утвердить резиденцію въ Москвѣ, что приводило въ отчаяніе нѣмецкую партію и «новыхъ» людей, чувствовавшихъ себя неудобно и неловко въ старой столицѣ, сердцѣ старой Россіи. Частыя и продолжительныя отлучки изъ Москвы, въ которыя вовлекали молодого государя, были средствомъ оградить его отъ всякаго посторонняго вліянія. Долгоруковы одни были постоянно при немъ, окружали его, слѣдили за нимъ, не спуская съ глазъ, и подчиняли своему вліянію совершенно.

Боязнь какого бы то ни было вліянія была такъ сильна, что даже свиданья Петра съ бабкой его, царицей Евдокіей, которую онъ глу-

---

нихъ способностей, но очень порядочный. При Екатеринѣ I онъ былъ президентомъ юстицъ-коллегіи. При Елизаветѣ—посланникомъ въ Персіи, откуда онъ вывезъ персиковыя деревья, неизвѣстныя до тѣхъ поръ въ Россіи, и развелъ ихъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи. Въ ту пору персики были такой рѣдкостью, что въ пріѣзды императрицы Елизаветы въ Москву, и во время коронованія императрицы Екатерины II, Голицынъ, тогда уже генералъ-адмиралъ, являлся во дворецъ съ двумя-тремя корзинами персиковъ, которые очень высоко цѣнились тогда.

[1]) Есть извѣстіе, что въ ранней молодости онъ былъ сидѣльцемъ въ мелочной еврейской лавочкѣ, и фамилія его была Шапиро.

боко почиталъ и окружалъ ласками, казались опасны. При этихъ свиданьяхъ всегда кто-нибудь присутствовалъ.

Остерманъ говаривалъ со слезами на глазахъ: «Государю точно умышленно хотятъ разстроить здоровье и привести его къ смерти!» Остерманъ былъ извѣстенъ своею способностью плакать по желанію, но въ этомъ случаѣ онъ былъ болѣе чѣмъ правъ и говорилъ, какъ умный и преданный человѣкъ.

Всю зиму 1728—1729 года, молодой императоръ, ежедневно, съ ранняго утра отправлялся въ саняхъ въ Измайлово съ любимцемъ своимъ Иваномъ Долгоруковымъ и его отцомъ. Тамъ онъ проводилъ весь день, окруженный одними только Долгоруковыми и ихъ друзьями, выслушивая безконечныя жалобы на нѣмцевъ, захватившихъ, благодаря преобразованіямъ его дѣда, Петра I, бо̀льшую часть власти въ свои руки. Молодой государь становился игрушкой въ рукахъ небольшого кружка жадныхъ эгоистовъ, отдалявшихъ отъ него лучшихъ совѣтниковъ и эксплоатировавшихъ его для личныхъ своихъ выгодъ.

Онъ привязался было къ одному изъ камергеровъ, старшему сыну Дмитрія Голицына, князю Сергѣю, человѣку лѣтъ 30, прекрасно воспитанному и въ высшей степени порядочному. Чтобы отдалить этого опаснаго соперника, — Сергѣя Голицына поторопились отправить въ Берлинъ, представителемъ Россіи.

Я нашелъ въ бумагахъ моего дѣла, списокъ охотничьихъ поѣздокъ Петра въ теченіе 1728—1729 г.г., съ замѣткой, что охоты, продолжавшіяся менѣе четырехъ дней, въ немъ не отмѣчены, такъ какъ бывали слишкомъ часты:

Въ 1728 г.	— отъ	7	— до	19 мая	. . . . .	12 дней.
»	отъ	21 мая	— до	14 іюня	. . .	24 »
»	»	30 іюня	— »	10 іюля	. . .	10 »
»	»	7 сент.	— »	3 октяб.	. .	26 »
»	»	14 окт.	— »	7 ноября	. .	24 »

(Эта охота продлилась бы дольше, если бы онъ не получилъ извѣстія о тяжелой болѣзни сестры, Натальи Алексѣевны, умершей 22 ноября).

Въ 1729 г.	— отъ	1	— до	23 марта	. . . .	22 дня.
»	»	20	— до	24 апрѣля	. . .	4 »
»	»	5 іюля	— до	29 августа	.	55 »
»	»	31 авг.	— »	4 сент.	. .	4 »
»	»	8 сент.	— »	9 ноября	.	62 »

Итакъ, съ февраля 1728 до ноября 1729 г., въ теченіе 21 мѣсяца—243 дня, т.-е. восемь мѣсяцевъ, не считая мелкихъ охотъ въ 2 и 3 дня!—Гдѣ же тутъ было думать объ ученьи и о занятіяхъ государственными дѣлами. Члены дипломатическаго корпуса почти не видѣли государя и очень на это жаловались. Только хитрому интригану, герцогу де-Лиріа [1]), угодливо втиравшемуся въ довѣріе къ Долгоруковымъ, удавалось иногда видѣть государя, невидимаго для всѣхъ, кто не принадлежалъ къ интимному кружку фаворита. Увлеченіе охотой доходило до того, что Петръ не только присутствовалъ лично при кормленіи собакъ, но иногда собственноручно варилъ имъ пищу—а ему ужъ было 14 лѣтъ и онъ былъ очень уменъ и развитъ не по лѣтамъ.

Въ семьѣ Долгоруковыхъ шли серьезныя разногласія. Старый фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ, человѣкъ отсталый, но честный и прямой, очень преданный царицѣ Евдокіи, изъ-за несчастнаго сына которой ему пришлось много пострадать, хотѣлъ подчинить молодого императора вліянію его бабки, т.-е. другими словами вліянію барона Шафирова, т. к. престарѣлая царица была не умна и ничего не понимала въ дѣлахъ [2]).

---

[1]) Испанскій посланникъ герцогъ де Лиріа былъ ярый католикъ. Отецъ его былъ маршалъ Бервикскій Яковъ Фицъ-Джемсъ, незаконный сынъ англійскаго короля Іакова II и Арабеллы Черчиль. Семнадцати лѣтъ молодой герцогъ Бервикскій сопровождалъ въ изгнаніе своего отца короля Іакова. Впослѣдствіи онъ былъ французскимъ маршаломъ и командовалъ испанской арміей. Людовикъ XIV подарилъ ему помѣстья Варти, возведенныя въ герцогство Фицъ-Джемсъ.

Филиппъ V сдѣлалъ его грандомъ испанскимъ и подарилъ ему земли въ Валенсіи, давшія ему право титуловаться герцогомъ де Лиріа.

Сыну его молодому герцогу де Лиріа было тридцать два года, когда онъ пріѣхалъ въ Россію. Его огромное состояніе давало ему возможность жить широко Кровь королей Стюартовъ, текшая въ его жилахъ дѣлала его положеніе при Европейскихъ дворахъ исключительнымъ. Онъ былъ фанатикомъ религіи, которой его дѣдъ пожертвовалъ тремя британскими коронами. Онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ Долгоруковыми, находившимися тогда у власти. Около этого времени вернулась въ Россію моя прапрабабка княгиня Ирина Долгорукова, женщина очень умная и живая, принявшая католицизмъ и фанатично преданная своей новой религіи. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ въ качествѣ воспитателя ея дѣтей іезуитъ, аббатъ Жюбе, вошедшій въ дружбу съ де Лиріа и назначенный священникомъ при испанскомъ посольствѣ, сохраняя должность воспитателя дѣтей моей прапрабабки.

[2]) Фельдмаршалъ Василій Владимировичъ родился въ 1667 г. и умеръ въ 1746 г. Произведенъ въ фельдмаршалы въ 1728 году. Человѣкъ недалекій, но въ высшей степени порядочный и отличавшійся на полѣ сраженія самой неподдѣльной храбростью. Братъ его Михаилъ Владиміровичъ, сибирскій губернаторъ, былъ напыщенъ, глупъ и мало образованъ.

Князь Василій Лукичъ, человѣкъ очень умный, ловкій и двуличный, ухаживалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ и сыномъ послѣдняго, Иваномъ, любимцемъ царя. Понимая ничтожность отца и сына, онъ надѣялся подчинить ихъ своему вліянію и при ихъ помощи осуществить свои честолюбивыя мечты [1]).

Опаснымъ соперникомъ онъ считалъ брата Алексѣя, кн. Сергѣя Григорьевича, который имѣлъ хорошаго руководителя въ лицѣ своего тестя Шафирова. При помощи герцога де-Лиріа и іезуитовъ Василій Лукичъ затѣялъ цѣлую сѣть интригъ, изъ которыхъ самой крупной, былъ планъ востановленія патріаршаго сана, съ тѣмъ чтобы возвести въ этотъ санъ князя Якова Петровича Долгорукова (брата моего прапрадѣда) круглаго дурака, которымъ надѣялись вертѣть по желанію.

Но удивительнѣе и непонятнѣе всего была глупая зависть князя Алексѣя Григорьевича къ возвышенію своего собственнаго сына Ивана! Отношенія отца и сына испортились со времени приближенія послѣдняго къ императору.

---

[1]) Князь Василій Лукичъ, племянникъ извѣстнаго Якова Долгорукаго, не унаслѣдовалъ прямоты и мужества своего дяди, осмѣливавшагося противорѣчить и говорить правду въ глаза Петру Великому. Въ молодости Василій Лукичъ былъ секретаремъ русскаго посольства при Людовикѣ XIV. Онъ навсегда сохранилъ привычки и манеры французскихъ придворныхъ. Петръ I, хорошо различавшій людей, давалъ Василію Лукичу самыя сложныя и тонкія порученія. Долгоруковъ былъ посломъ въ Копенгагенѣ во время Сѣверной войны. Былъ посломъ во Франціи, во время регентства, и съ большимъ блескомъ представлялъ Россію во время коронованія Людовика XV. Былъ посломъ въ Варшавѣ и ѣздилъ съ секретной миссіей въ Курляндію. Во Франціи Василій Лукичъ сблизился съ іезуитами и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе къ разрѣшенію имъ въѣзда въ Россію и распространенію ихъ пропаганды.

Князь Алексѣй Григорьевичъ былъ старшій сынъ извѣстнаго дипломата Григорія Ѳедоровича Долгорукова и племянникъ князя Якова. Человѣкъ очень глупый, грубый, мало образованный и всегда низкопоклонничавшій.

Кромѣ старшаго сына Ивана, у него было три сына: Николай, Алексѣй и Александръ—всѣ трое были совершенно ничтожные люди.

Князь Иванъ Алексѣевичъ провелъ свое дѣтство въ домѣ дѣда Григорія Ѳедоровича, бывшаго посломъ въ Варшавѣ. Воспитатель Ивана, нѣкто Фикъ, человѣкъ очень образованный, не сумѣлъ передать своему воспитаннику ни своихъ знаній, ни культурныхъ привычекъ. Какъ большая часть молодыхъ людей того времени, князь Иванъ пріобрѣлъ только внѣшній лоскъ. Несмотря на свой живой умъ и доброе сердце, онъ былъ легкомысленный, развращенный и ничтожный человѣкъ, не сумѣвшій достойно воспользоваться своимъ безграничнымъ вліяніемъ на молодого государя.

Изъ трехъ братьевъ Алексѣя: Сергѣя, Ивана и Александра два послѣдніе были совершенно ничтожными людьми. Сергѣй былъ уменъ, очень честолюбивъ и неразборчивъ въ средствахъ. У него былъ прекрасный совѣтникъ въ лицѣ его тестя стараго барона Шафирова.

Князь Иванъ не всегда сопровождалъ государя на охоту; иногда онъ оставался въ Москвѣ и велъ самый непристойный образъ жизни. По ночамъ, окруженный сбродомъ негодяевъ, вооруженный, онъ разъѣзжалъ по улицамъ Москвы, вламывался въ дома, совершалъ самыя гнусныя насилія и никто не смѣлъ ни оказать сопротивленія, ни попожаловаться на царскаго фаворита. Въ то же время отецъ его, нисколько не огорчавшійся его гнуснымъ поведеніемъ и называвшій такіе подвиги «молодечествомъ», старался умалить его вліяніе на государя и снискать милость младшему своему сыну, Николаю, пустому и глупому пятнадцатилѣтнему малому.

Иванъ Долгоруковъ забывался совершенно; онъ былъ въ связи съ женой Никиты Трубецкого, дочерью канцлера Головкина. Какъ-то разъ въ домѣ у Трубецкихъ, будучи навеселѣ, онъ поссорился съ мужемъ своей возлюбленной — повидимому весьма предупредительнымъ—и въ припадкѣ ярости, выбросилъ бы его изъ окна, еслибы Степанъ Лопухинъ не вмѣшался въ это дѣло.

Смерть великой княжны Натальи Алексѣевны (22 ноября 1728 г.), горячо любимой государемъ, уничтожила послѣднее препятствіе къ его полному подчиненію вліянію Долгоруковыхъ. У послѣднихъ зародилась мысль женить императора на сестрѣ Ивана, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Ей было восемнадцать лѣтъ—Петру четырнадцать [1]). Она была очень хороша собой, высокая, стройная, съ прекрасными выразительными глазами и тучей темныхъ чудесныхъ волосъ. Въ ней было много ума, но чрезвычайная надменность, рѣзкость искажали ея характеръ—цѣльный, энергическій, но злой. Позже, въ Березовѣ, ея рѣзкость и несдержанность навлекли не мало бѣдъ на всю семью. Она любила графа Миллезимо, секретаря австрійскаго посольства, родственника посланника графа Вратислава. Этотъ бракъ былъ почти рѣшенъ, но къ ея несчастью отецъ и братъ ея лелѣяли другіе планы [2]).

Во время послѣдней охоты Петра II, длившейся около двухъ мѣсяцевъ, мѣстомъ отдыха для охотниковъ служили Горенки, имѣніе князя Алексѣя Долгорукова. Семья его находилась тамъ же. Зачастую и дамы сопровождали государя на охоту. Какъ-то, въ сентябрѣ, въ одну изъ этихъ поѣздокъ, послѣ веселаго ужина, за которымъ было много выпито, государя оставили съ княжной наединѣ...

---

[1]) Петръ II, родился 12 октября 1715 г. за нѣсколько дней до смерти своей матери принцессы Шарлоты Софіи Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской.

[2]) Князь Иванъ, какъ выяснено проф. Д. А. Корсаковымъ, былъ противъ этого брака сестры съ императоромъ и замыслы отца, не стѣсняясь, называлъ «глупостями». Въ Горенки онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить.

Петръ II былъ рыцарь и рѣшилъ жениться. Слухи о помолвкѣ распространились быстро. Вскорѣ вся Москва объ этомъ говорила. Всѣ были очень недовольны, враги Долгоруковыхъ пришли въ ужасъ. Наконецъ, девятаго ноября государь вернулся въ Москву и 19-го объявилъ генералитету о своемъ намѣреніи жениться на княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой. Два дня спустя оберъ-церемонимейстеръ баронъ Габигшталь былъ посланъ къ представителямъ иностранныхъ державъ, чтобы объявить имъ эту новость, а на слѣдующій день дипломатическій корпусъ принесъ свои поздравленія государю и его невѣстѣ. Графъ Миллезимо не присутствовалъ, подъ предлогомъ болѣзни, а черезъ двѣ недѣли австрійскій посланникъ графъ Вратиславъ отправилъ его курьеромъ въ Вѣну.

Двадцать четвертаго ноября, въ день имянинъ невѣсты, дворъ, дипломатическій корпусъ и вся московская знать приносили поздравленія въ Головинскомъ дворцѣ, предназначенномъ для резиденціи невѣсты и ея семьи. 30 ноября состоялось обрученіе въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ императоръ.

Царскимъ указомъ повелѣвалось именовать княжну государыней невѣстой и императорскимъ высочествомъ. Ко двору ея назначены были фрейлины.

Долгоруковы очень хорошо понимали тяжелое впечатлѣніе, которое должна была произвести эта помолвка, знали о всеобщемъ раздраженіи и приняли всѣ мѣры предосторожности ко дню торжественнаго обрученія 30-го ноября 1729 г. Цѣлый баталіонъ Преображенскаго полка, въ двѣсти человѣкъ былъ въ этотъ день введенъ въ Лефортовскій дворецъ и расположенъ частью въ торжественномъ залѣ, гдѣ происходила церемонія, частью въ прилегающихъ покояхъ. Всѣ эти мѣры были приняты Иваномъ Долгоруковымъ безъ вѣдома старшаго подполковника Преображенскаго полка, стараго фельдмаршала, князя Василія Владиміровича Долгорукова, который былъ немало удивленъ, увидѣвъ во дворцѣ солдатъ своего полка. Князь Иванъ отдалъ это приказаніе, не имѣя на то никакого права, младшему изъ подполковниковъ Преображенскаго полка, Григорію Юсупову, и этотъ низкій придворный, позволявшій себя третировать и отзывавшійся на грубый окрикъ Алексѣя Долгорукова— «Эй, ты, татаринъ!»—поторопился исполнить незаконное требованіе фаворита.

Въ три часа дня дворъ, генералитетъ и дипломатическій корпусъ собрались въ залѣ Лефортовскаго дворца. Во всю залу былъ разостланъ персидскій коверъ и посерединѣ возвышался столъ, покрытый

алымъ сукномъ; на немъ стояло тяжелое золотое блюдо съ крестомъ и, на золотыхъ тарелкахъ обручальныя кольца, усыпанныя бриллiантами.

Невѣста прибыла изъ Головинскаго дворца съ большой торжественностью. Всѣ кареты были запряжены шестеркой цугомъ: впереди ѣхали камергеры въ двухъ каретахъ, за ними карета оберъ-камергера, князя Ивана Долгорукова—за ней четыре скорохода, шталмейстеръ Кошелевъ—верхомъ, четыре конныхъ гренадера и четыре фельдъегеря. Наконецъ карета, въ которой ѣхали—невѣста, ея мать и двѣ сестры: Анна (19 лѣтъ) и Елена (14 лѣтъ) [1]. Карета была окружена пѣшими гайдуками, пажами и камеръ-пажами—верхомъ. Затѣмъ слѣдовали нѣсколько каретъ, въ которыхъ ѣхали родные невѣсты, ея фрейлины и четыре кавалерственныя дамы: баронесса Остерманъ, рожд. Стрѣшнева, Ягужинская, рожд. Головкина, княгиня Черкасская, рожд. Трубецкая и Чернышева, рожденн. Ржевская.

Когда золотая карета невѣсты, украшенная сверху императорской короной, въѣзжала въ ворота дворца, корона зацѣпилась за перекладину, упала на мостовую и разбилась въ куски. Въ толпѣ закричали: «Дурная примѣта, свадьбѣ не бывать!»

Дворцовая стража салютовала невѣстѣ, встрѣченной при выходѣ изъ кареты оберъ-гофмаршаломъ Шепелевымъ и оберъ-церемонимейстеромъ барономъ Габигшталемъ. При входѣ въ залъ ее встрѣтили: царица Евдокiя, великая княжна Елизавета Петровна, царевна Прасковiя, герцогиня Мекленбургская и маленькая принцесса Мекленбургская (впослѣдствiи правительница Анна Леопольдовна).

Невѣста и царица Евдокiя заняли мѣста въ креслахъ, великая княжна Елизавета Петровна, царевна Прасковья Ивановна и принцессы—на стульяхъ. Мать невѣсты, ея сестра, тетки, кузины, всѣ ея фрейлины и четыре кавалерственныя дамы стояли за ея креслами во время всей службы, также какъ и всѣ приглашенные, не исключая и членовъ дипломатическаго корпуса (въ томъ числѣ три посланника)—съ ихъ супругами.

Дипломатическiй корпусъ стоялъ противъ дамъ, съ правой строны креселъ императора; слѣва стояли фельдмаршалы — Голицынъ, Трубецкой и Брюсъ, члены Верховнаго Совѣта: князь Дмитрiй Голицынъ, князья Василiй Владимiровичъ и Михаилъ Владимiровичъ Долгоруковы, дѣйствительные тайные совѣтники графъ Мусинъ-Пуш-

---

1) Княжна Анна Долгорукова умерла незамужней въ 1758 г. Княжна Елена, по возвращенiи изъ ссылки, вышла замужъ за князя Георгiя Юрьевича Долгорукова, племянника фельдмаршала. Умерла 84 лѣтъ въ 1799 г.

кинъ и князь Рамодановскій, генералъ графъ Матюшкинъ, оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій, восемь сенаторовъ; всѣ Долгоруковы, находившіеся въ Москвѣ, и всѣ генералы дѣйствительной службы, бывшіе въ Москвѣ.

У стола стоявшаго посерединѣ, архіепископъ Ѳеофанъ, окруженный архіереями и архимандритами, собирался начать торжественное богослуженіе; за два съ половиной года передъ тѣмъ, не менѣе торжественно, онъ совершалъ обрученіе Петра II, съ княжной Маріей Меншиковой, о смерти которой только что пришла вѣсть изъ Березова.

Императоръ, прибытіе котораго было возглашено оберъ-камергеромъ, вошелъ въ сопровожденіи фельмаршала Долгорукова, Алексѣя Григорьевича Долгорукова, канцлера Головкина и вице-канцлера Остермана. Онъ занялъ мѣсто въ предназначенныхъ для него креслахъ, насупротивъ невѣсты, и, пробывъ такъ нѣсколько мгновеній, всталъ и подвелъ княжну подъ торжественный балдахинъ, поддерживаемый шестью генералами: княземъ Барятинскимъ, Венедигеромъ, Бибиковымъ, Измайловымъ, Кейтомъ и Еропкинымъ. Архіепископъ Ѳеофанъ совершилъ богослуженіе и благословилъ обручальныя кольца.

Обрученные подошли подъ благословеніе царицы Евдокіи и затѣмъ началась долгая церемонія цѣлованія руки императора и государыни невѣсты. Цесаревна Елизавета Петровна, герцогиня Мекленбургская, ея дочь, царевна Прасковья, должны были почтительно подходить къ рукѣ княжны Долгоруковой.

Блѣдное, усталое лицо княжны сохраняло все время выраженіе надменнаго презрѣнія. Церемонія цѣлованія руки сопровождалась пушечными выстрѣлами. По окончаніи, послѣдовали фейерверки, затѣмъ начался балъ, длившійся не долго, благодаря крайней усталости невѣсты.

Государыня невѣста отбыла въ Головинскій дворецъ съ тѣмъ же церемоніаломъ, съ какимъ прибыла къ обрученью. Но теперь оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій лично эскортировалъ ту, которая, казалось, должна была вскорѣ стать императрицей.

Свадьба была назначена семь недѣль спустя—19 января 1730 г.

Молодой императоръ казался грустнымъ, подавленнымъ. Какъ ни хороша была его невѣста, онъ ея не любилъ, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія жениться и, несмотря на свой четырнадцатилѣтній возрастъ, дѣйствовалъ, какъ дѣйствовалъ бы человѣкъ взрослый, рѣшившійся, цѣной своей руки, покрыть минутную потерю самообладанія...

Отношеніе Петра II къ своей невѣстѣ было тѣмъ болѣе достойно, что княжна его не заслуживала, онъ былъ къ ней безупречно

Ауж. фототип. К. А. Шмидъ

почтителенъ, хотя говорилъ мало и казался разсѣяннымъ. Въ эти послѣднія пять недѣль, протекшія между обрученіемъ и его болѣзнію, онъ казался утомленнымъ говорилъ часто о предчувствіи близкой кончины, о томъ что онъ равнодушенъ къ смерти. Это говорилось четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, развитымъ не по лѣтамъ и умственно и физически, сильнымъ, здоровымъ, неограниченнымъ властителемъ обширнѣйшаго государства Европы...

Народъ любилъ Петра II, зналъ его доброту, любовался его благородной красотой; любилъ въ немъ послѣдній отпрыскъ Романовыхъ, царствовавшихъ болѣе ста лѣтъ, радовался его любви къ Москвѣ бѣлокаменной и отвращенію къ нелюбимому Петербургу. Народъ не зналъ ни придворныхъ интригъ, ни характера княжны Долгоруковой и ея родныхъ, и искренне радовался, что государь «наше красное солнышко», какъ называли Петра II, женится, какъ встарь, на своей, на русской, православной, и переноситъ опять столицу въ Москву...

Въ обществѣ, напротивъ, недовольство росло; довольные перенесеніемъ столицы въ Москву, не могли примириться съ мыслью о предстоящемъ бракѣ императора съ княжной Долгоруковой.

Долгоруковыхъ знали и опасались за ближайшее будущее правительства, руководимаго ими; высокомѣріе ихъ раздражало, приводило въ отчаяніе окружающихъ, тѣмъ сильнѣе, что приходилось прятать горькія и злобныя чувства, казаться любезнымъ и довольнымъ...

Въ семьѣ невѣсты царила радость и торжество неописуемыя, которыхъ не считали даже нужнымъ скрывать. Князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ отъ императора 12,000 крестьянскихъ дворовъ, т.-е. около сорока тысячъ душъ. Австрійскій посланникъ, графъ Вратиславъ, желавшій сохранить добрыя отношенія Австріи съ Россіей, обѣщалъ выхлопотать отцу невѣсты, вмѣстѣ съ титуломъ герцога и князя священной имперіи—герцогство Козельское, въ Силезіи когда-то обѣщанное Меншикову.

Каждый Долгоруковъ выражалъ свою радость по своему, въ зависимости отъ степени своего ума,—съ бо́льшей или меньшей заносчивостью: Алексѣй, всегда и во всемъ глупый, заставлялъ гостей своихъ цѣловать себѣ руку...

Катастрофа надвигалась быстро... Во вторникъ, 6 января 1730 г., въ день крещенья при обычной церемоніи водосвятія, два полка, Семеновскій и Преображенскій подъ командою фельдмаршала Долгорукова, были выстроены на льду, на Москвѣ-рѣкѣ. Государыня-невѣста пріѣхала въ раззолоченыхъ саняхъ, запряженныхъ шестеркой цугомъ; государь стоялъ на запяткахъ. Ихъ сопровождалъ эскадронъ кавалер-

гардовъ и многочисленная свита. Императоръ сѣлъ на лошадь и сталъ во главѣ Преображенскаго полка. Богослуженіе и парадъ длились долго; былъ сильный морозъ, дулъ рѣзкій вѣтеръ.

Наканунѣ Петръ II произвелъ Ивана Долгорукова въ майоры Преображенскаго полка. Это была послѣдняя милость, оказанная фавориту.

По возвращеніи во дворецъ, государь жаловался на головную боль. На слѣдующее утро, въ среду, у него открылась оспа, сначала очень легкая.

Черезъ недѣлю, въ четвергъ, 15 января, бюллетень на имя дипломатическаго корпуса и депеши, посланныя представителямъ при иностранныхъ державахъ, объявляли болѣзнь благополучно разрѣшившеюся и здоровье государя—внѣ опасности. Но въ тотъ же день онъ совершилъ ужасную неосторожность, подошедъ къ открытому окну, чтобы подышать морознымъ воздухомъ. Болѣзнь возобновилась и на спасеніе не стало никакой надежды.

Народъ былъ пораженъ. Дворъ озабоченъ, и встревоженъ будущимъ. Долгоруковы приходили въ отчаяніе.

Днемъ въ субботу, 17 января, Долгоруковы—Алексѣй съ сыномъ Иваномъ, два брата Алексѣя: Сергѣй и Иванъ и Василій Лукичъ, сидѣли въ нижнихъ покояхъ Головинскаго дворца, въ спальнѣ Алексѣя Григорьевича и смущенные, встревоженные обсуждали положеніе. Алексѣй, первый высказалъ громко вопросъ, который былъ у всѣхъ на умѣ: «кого слѣдуетъ возвести на престолъ?» Хитрый Василій Лукичъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ: «какъ ты думаешь?» Тогда Алексѣй Григорьевичъ заявилъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ составить завѣщаніе въ пользу его дочери невѣсты государя. Осторожный Василій Лукичъ колебался, находя это опаснымъ, но когда Сергѣй Григорьевичъ присоединился къ мнѣнію брата—Василій Лукичъ, боясь возраженіями скомпроментировать себя въ глазахъ братьевъ, перемѣнилъ тонъ и показалъ письмо полученное имъ отъ датскаго посланника барона Вестфалена [1]). Въ этомъ письмѣ Вестфаленъ писалъ: ...«говорятъ о безнадежномъ положеніи Императора. Если бы онъ скончался, кому перейдетъ престолъ? Воцареніе великой княжны Елисаветы было бы непріятно его королевскому величеству. Вы должны были бы позаботиться о возведеніи на престолъ племянницы Вашей, невѣсты императора. Послѣ смерти Петра I, Меншикову и Толстому удалось короновать Екатерину»...

Это письмо уничтожило послѣднія колебанія. Рѣшено было соста-

---

[1]) Баронъ Вестфаленъ—очень образованный и умный человѣкъ, но скряга. Изъ скупости онъ никого не принималъ, нигдѣ не бывалъ и, благодаря своему уединенію, не былъ въ достаточной мѣрѣ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ.

вить фальшивое завѣщаніе, и если бы не удалось заставить государя его подписать (и, такимъ образомъ, узаконить); Иванъ, умѣвшій имитировать почеркъ Петра, долженъ былъ его подписать. Василія Лукича просили составить текстъ завѣщанія, но онъ былъ слишкомъ тонокъ и хитеръ, чтобы согласиться, своей рукой написать такой компрометирующій документъ; онъ сослался на свой неразборчивый почеркъ, и завѣщаніе, составленное словесно имъ самимъ и княземъ Алексѣемъ, было написано въ двухъ экземплярахъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ.

Во время заговора въ Головинскій дворецъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Долгоруковъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ былъ внѣ себя отъ негодованія. Алексѣй, съ увѣренностью глупости увѣрялъ его, что можно увлечь весь Преображенскій полкъ, въ виду того, что Иванъ маіоръ этого полка, а кн. Василій Владиміровичъ старшій подполковникъ, что къ Преображенскому полку, можно привлечь и Семеновскій и обратиться также къ князю Дмитрію Голицыну и Канцлеру Головкину... «Что вы рэбячье врете!» закричалъ фельдмаршалъ; по его мнѣнію не только увлечь полкъ на такое дѣло было нельзя, но и говорить съ полкомъ объ этомъ значило рисковать жизнью. Къ тому же онъ напомнилъ, что княжна не жена императора, а только его невѣста, что присягать ей никто не станетъ, начиная съ него самого. Въ заключеніе своей рѣчи онъ сказалъ, что предпочитаетъ высказать это все сейчасъ, не вводя ихъ въ грѣхъ, такъ какъ лгать и обманывать было не въ его привычкѣ. Высказавъ это все, старикъ всталъ и уѣхалъ. Его разумныя слова не привели ни къ чему. Князь Василій Лукичъ и князь Сергѣй, люди умные, не могли не понимать опасности той страшной игры, которую затѣяли, но ослѣпленные честолюбіемъ и жаждой власти катились по наклонной плоскости.

Иванъ подписалъ подъ однимъ изъ завѣщаній *Петръ*, совершивъ явный подлогъ. Онъ поѣхалъ во дворецъ, надѣясь еще заставить государя подписать второй экземпляръ и быть избавленнымъ отъ необходимости предъявлять фальшивый. Ему ничего не удалось сдѣлать. Весь вечеръ въ субботу и всю ночь Остерманъ не выходилъ изъ спальни больного. На слѣдующій день, въ воскресенье, Петръ потерялъ сознаніе. Смерть приближалась быстро. Минула полночь. Насталъ понедѣльникъ, 19 января—день предполагавшейся свадьбы. Въ половинѣ второго ночи Петръ скончался, не приходя въ сознаніе. Остерманъ и Иванъ Долгоруковъ были при немъ.

Петру было четырнадцать лѣтъ и три мѣсяца; царствованіе его продолжалось два года и восемь мѣсяцевъ. съ нимъ пресѣклось мужское поколѣніе дома Романовыхъ въ прямой нисходящей линіи.

ГЛАВА III.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и верховники.

Петръ II скончался въ половинѣ второго, въ ночь съ 18-го на 19 января. Многіе изъ сановниковъ всю ночь не покидали дворца; другіе ежечасно засылали гонцовъ узнавать о состояніи государя. Къ пяти часамъ утра дворецъ былъ полонъ народа.

Князь Алексѣй Григорьевичъ попробовалъ было заявить присутствующимъ о завѣщаніи государя, но встрѣтилъ самый единодушный отпоръ. Верховный совѣтъ удалился во внутренніе покои, чтобы обсудить положеніе дѣлъ.

Верховный тайный совѣтъ состоялъ изъ шести членовъ, обыкновенно называвшихся верховниками. Это были: канцлеръ Головкинъ, вице-канцлеръ Остерманъ, князь Дмитрій Голицынъ и три Долгорукова—Василій Лукичъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, отецъ фаворита, и князь Михаилъ Владиміровичъ, сибирскій губернаторъ братъ фельдмаршала. Остерманъ остался у тѣла государя, присутствовалъ при омовеніи и облаченіи его, самъ распорядился уложить въ гробъ

и выставить въ торжественномъ залѣ дворца. Члены Верховнаго Совѣта собрались въ засѣданіе. Рѣшено было послать еще за фельдмаршаломъ Голицынымъ;—ни онъ, ни кн. Василій Владиміровичъ Долгоруковъ не были членами Верховнаго совѣта, но оба фельдмаршала были подполковники, одинъ—Преображенскаго, другой—Семеновскаго полка и ихъ содѣйствіе было необходимо новому правительству.

Пошли просить и Остермана, но тотъ пришелъ только на минуту и со своей обычной тонкостью заявилъ, что онъ, какъ иностранецъ, не считаетъ себя вправѣ принимать участіе въ совѣщаніи, въ которомъ будутъ располагать короною Россійской имперіи, прибавивъ, что подчинится мнѣнію большинства. Сказавъ это, онъ опять ушелъ къ тѣлу императора.

Верховники размѣстились вокругъ большого стола подъ предсѣдательствомъ стараго канцлера Головкина, кашлившаго, дрожавшаго и боявшагося остановиться на какомъ бы то ни было рѣшеніи. Правитель дѣлъ Верховнаго совѣта, Степановъ, готовился писать протоколъ. Я опишу это историческое засѣданіе, согласно запискѣ, найденной мною въ бумагахъ моего дѣда, и составленной имъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ князя Василія Михайловича Долгорукова (Крымскаго), племянника фельдмаршала.

Засѣданіе велъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Смыслъ его рѣчи былъ слѣдующій:—нѣсколько часовъ передъ тѣмъ угасла мужская линія императорской династіи; законныхъ наслѣдниковъ у императора Петра I больше нѣтъ; считаться съ его незаконными дѣтьми нечего; завѣщаніе Екатерины не дѣйствительно; Екатерина сама, какъ женщина низкаго происхожденія (выраженія его были крайне рѣзки) не имѣла права занимать престола, и тѣмъ менѣе располагать Россійской короной. Завѣщаніе покойнаго императора, только что предъявленное,—фальшиво.

Здѣсь Василій Лукичъ хотѣлъ его перебить, но фельдмаршалъ Долгоруковъ остановилъ его, заявивъ, что завѣщаніе это дѣйствительно фальшиво, что справедливѣе всего было бы возвести на престолъ царицу Евдокію (фельдмаршалъ былъ личный другъ царицы и преданъ ей всецѣло).

Голицынъ продолжалъ. Доводъ въ пользу царицы Евдокіи онъ отклонилъ, заявивъ, что отдавая должное достоинствамъ царицы, не можетъ не признать, что она только вдова государя, тогда какъ есть три дочери царя Ивана, за коими всѣ законныя права. Выборъ Екатерины Ивановны—затруднителенъ; за ней онъ признавалъ всѣ до-

стоинства, но супруга ея герцога Мекленбургскаго [1]) считалъ злымъ и опаснымъ глупцомъ. Кандидатура герцогини курляндской Анны Іоанновны, по его мнѣнію, была наиболѣе желательна.

Кн. Василій Лукичъ поспѣшилъ согласиться. Онъ былъ одно время резидентомъ въ Митавѣ, былъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль очень близокъ съ герцогиней и надѣялся, возобновивъ дружбу, подчинить ее своему вліянію.

Совѣтъ согласился на избраніе Анны Іоанновны. Тогда Голицынъ заявилъ, что на комъ бы выборъ ни остановился «*надобно себѣ полегчить—чтобы воли себѣ прибавить*». Осторожный Василій Лукичъ усумнился: «*Хоть и зачнемъ это, но не удержимъ*». «*Неправда, удержимъ!*» воскликнулъ Голицынъ.

Постановлено было избрать герцогиню курляндскую, ограничивъ императорскую власть. Засѣданіе кончилось и члены верховнаго совѣта отправились въ залъ объявить всѣмъ присутствующимъ великую вѣсть. Большинство встрѣтило съ сочувствіемъ проектъ ограниченія самодержавной власти; иностранцы и нѣмцы хмурились; архіепископъ Ѳеофанъ напомнилъ верховникамъ о завѣщаніи Екатерины въ пользу малолѣтняго герцога Голштинскаго и его тетки в. к. Елизаветы Петровны—и вызвалъ рѣзкое замѣчаніе, Дмитрія Голицына, сказанное въ непередаваемыхъ выраженіяхъ, по адресу «незаконныхъ дѣтей Петра I».

Въ тотъ же день, въ 9 часовъ утра всѣ члены генералитета, бывшіе въ Москвѣ, высшее духовенство, дворъ и вся московская знать—были собраны, по приглашенію, въ Лефортовскомъ дворцѣ.

Дмитрій Голицынъ произнесъ рѣчь, достойную и не лишенную краснорѣчія. Онъ объявилъ рѣшеніе верховнаго совѣта избрать герцогиню курляндскую на условіяхъ ограниченія самодержавія. Это не встрѣтило сочувствія членовъ нѣмецкой партіи и «новыхъ людей», но молчаливое недовольство ихъ прошло незамѣченнымъ, при бурной радости большинства людей старой русской партіи. Изъ нихъ приверженцами неограниченной власти оказался только небольшой кружокъ лицъ, лично преданныхъ герцогинѣ курлянской: Салтыковы [2]), Трубецкіе, Головкины, старый князь Рамодановскій; всѣ остальные жаждали свободы, и намъ теперь совершенно непонятны неосторож-

---

[1]) Злой нравъ герцога принудилъ Екатерину Іоанновну покинуть мужа и вернуться въ Россію.

[2]) Мать Анны Іоанновны, царица Прасковья Ѳедоровна была рожденная Салтыкова.

ность и ослѣпленіе членовъ Верховнаго Совѣта, задумавшихъ замѣнить самодержавную власть одного лица, властью еще болѣе тяжелой и беззаконной—властью двухъ княжескихъ фамилій: Голицыныхъ и Долгоруковыхъ: на восемь членовъ Верховнаго Совѣта (включая двухъ фельдмаршаловъ, приглашенныхъ на засѣданіе 19 января) было четыре Долгоруковыхъ и два Голицына.

Въ то же утро Верховный Совѣтъ собрался вновь и составилъ конституціонный актъ, подлинникъ котораго утерянъ [1]) или во всякомъ случаѣ, о существованіи его ничего неизвѣстно. Нѣсколько текстовъ его были извлечены изъ донесеній иностранныхъ резидентовъ и напечатаны. Въ примѣчаніи я привожу эти варіанты [2]).

---

[1]) Авторъ ошибается: этотъ историческій документъ, сперва подписанный, а затѣмъ разорванный императрицей Анной, находится въ Государственномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Приводимъ пункты «Кондиціи».

— Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (обѣщаемся): 1.—Ни съ кѣмъ войны не вчинять. 2.—Миру не заключать. 3.—Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать. 4.—Въ знатные чины, какъ статскіе, такъ и военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять.—Гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта. 5.—У шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отнимать. 6.—Вотчины и деревни не жаловать. 7.—Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить. 8.—Государственные доходы въ расходъ не употреблять.

(Внѣ нумераціи). И всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны

[2]) Изъ донесенія французскаго резидента Маньяна:

1. Императрица должна совѣтоваться съ Верховнымъ Совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія.

2. Не должна объявлять войну, ни заключать миръ безъ совѣта Верховнаго Совѣта.

3. Не должна налагать никакихъ податей безъ согласія В. С.

4. Не должна назначать на высокія должности, ни производить въ чины выше пятаго класса, безъ согласія В. С.

5. Не должна ни ссылать, ни казнить, безъ предварительнаго суда.

6. Ни конфисковать имущества, безъ приговора суда.

7. Никакого имущества, принадлежащаго казнѣ, не жаловать безъ согласія В. С.

8. Безъ согласія В. С. императрица не можетъ ни выйти замужъ, ни назначить наслѣдника престола.

Эти пункты, сообщенные Маньяномъ, совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что было словесно передано моему прадѣду княземъ Долгоруковымъ Крымскимъ.

Изъ донесенія Рондо, англійскаго резидента:

Дмитрій Голицынъ предложилъ послать эти «Кондиціи» герцогинѣ курляндской въ Митаву, при депутаціи, состоящей изъ одного члена Верховнаго Совѣта, одного сенатора и одного генерала. Предложеніе фельдмаршала Долгорукова присоединить къ депутаціи и архіепископа, вызвало рѣзкое возраженіе Голицына, ненавидѣвшаго поповъ и объявившаго, что духовенство опозорило себя участіемъ въ возведеніи на престолъ Екатерины, не имѣвшей на то никакихъ правъ. Выраженія его при этомъ были опять крайне рѣзки. Онъ предложилъ избрать кн. Василія Лукича и сенатора князя Михаила Голицына, своего младшаго брата. Канцлеръ Головкинъ предложилъ еще родственника своего, генерала Леонтьева; оба предложенія были приняты. Въ этомъ же засѣданіи составлена была и инструкція тремъ депутатамъ. Какъ оригиналъ, такъ и копіи этой инструкціи затеряны, но по свѣдѣніямъ, достойнымъ довѣрія, извѣстно, что въ ней особенно настаивалось на томъ, чтобы герцогиня курляндская удалила отъ себя своего фаворита Бирона. Депутація отъѣхала вечеромъ того же дня, 19 января 1730 года.

О подложномъ завѣщаніи Петра II больше не было и рѣчи. Князь Алексѣй Григорьевичъ поторопился сжечь оба экземпляра.

Какъ только стало извѣстно олигархическое содержаніе «кондицій», сосредотачивавшихъ всю власть въ рукахъ Верховнаго Совѣта и дававшихъ ему даже право избирать своихъ членовъ,—поднялась цѣлая буря негодованія.

По случаю предстоявшаго бракосочетанія Петра II, въ январѣ 1730 г., въ Москвѣ были собраны всѣ представители высшей администраціи и знати. Собралось и дворянство, гвардейское, армейское, и даже отставное.

---

1. Императрица будетъ безконтрольно распоряжаться только своими карманными деньгами (размѣры суммы будутъ опредѣлены), она будетъ начальствовать только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

2. Верховный Совѣтъ будетъ состоять изъ 12 членовъ. В. С. будетъ вѣдать всѣ важнѣйшія дѣла иностранной политики: войну, миръ, договоры. Для финансовъ В. С. будетъ избранъ государственный казначей, кот. долженъ будетъ отдавать Совѣту самый точный отчетъ о государственныхъ расходахъ.

3. Сенатъ изъ 30—36 членовъ долженъ будетъ предварительно разсматривать дѣла, вносимыя въ В. С.

4. Будетъ учреждена палата низшаго шляхетства изъ 200 человѣкъ, охраняющая права этого сословія.

5. Палата городскихъ представителей будетъ вѣдать интересы простого народа.

Москва была переполнена, и волненіе поднялось сильное. Приверженцевъ самодержавія было немного среди русскихъ, но къ нимъ примыкала вся нѣмецкая партія, всѣ иностранцы и, подъ вліяніемъ Ѳеофана, все духовенство, за исключеніемъ только двухъ митрополитовъ (Лопатинскаго и Дашкова) личныхъ друзей, одинъ—Дмитрія Голицына, другой—семьи Долгоруковыхъ.

Духовенство, пренебреженное Верховнымъ Совѣтомъ, открыто стало во враждебное къ нему отношеніе. Тайныя депутаціи были отправлены изъ Москвы въ Митаву Ѳеофаномъ, графомъ Рейнгольдомъ Левенвольде, Семеномъ Салтыковомъ, Ягужинскимъ.

Посланный послѣдняго Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, гвардіи офицеръ (позже обершталмейстеръ при Елизаветѣ и Екатеринѣ II) имѣлъ неосторожность показаться на улицахъ Митавы. Князь Василій Лукичъ, узнавъ о его пребываніи въ Митавѣ, арестовалъ его и завладѣлъ довѣренными Сумарокову письмами.

Всѣ эти тайныя петиціи совѣтовали герцогинѣ курляндской подписать на время «кондиціи» Верховнаго Совѣта, но по пріѣздѣ въ Москву, совершить переворотъ, участіе и содѣйствіе въ которомъ ей обѣщалось. Всѣ совѣтовали ей ѣхать въ Москву немедленно.

Салтыковы, Трубецкіе [1]) и Головкины рѣшили воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ, вызваннымъ дѣйствіями Верховнаго Совѣта, а также и горячими стремленіями широкихъ слоевъ дворянства къ ограниченію самодержавія, — и вошли съ послѣдними въ сношенія.

Задача этого сближенія и соглашенія была возложена на высшей степени умнаго, но совершенно безпринципнаго человѣка — Василія Никитича Татищева. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ хлопоталъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіи сенатора и обращался съ этимъ къ Ивану и Алексѣю Долгоруковымъ. Ему было грубо отказано. Долгоруковы ненавидѣли его, не за недостатки, которыхъ сами были полны, но за европейское воспитаніе, за знанія и работоспособность—здѣсь Азія ненавидѣла Европу.

Татищевъ сталъ заклятымъ врагомъ Верховнаго Совѣта и сблизился съ Салтыковыми, съ которыми былъ связанъ дальнимъ родствомъ.

---

[1]) Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ третій фельдмаршалъ. Не введенный въ Верховный Совѣтъ, онъ сталъ ярымъ сторонникомъ возстановленія самодержавія, за что, былъ, впослѣдствіи, Анной Іоанновной пожалованъ званіемъ сенатора, а затѣмъ (1739 г.) назначенъ Московскимъ ген.-губернаторомъ.

Партія самодержавія, понявъ что конституціонныя стремленія очень сильны въ дворянствѣ, особенно въ богатыхъ его кругахъ, рѣшилась на крупныя уступки, въ надеждѣ въ будущемъ сумѣть воспользоваться обстоятельствами и, отнявъ уступленное, утвердить заново государыней самодержавныя права. Къ партіи самодержавія примкнули, два молодыхъ человѣка, дѣятельныхъ и энергичныхъ, сыгравшихъ крупную роль въ ближайшихъ событіяхъ: князь Антіохъ Кантемиръ и графъ Матвѣевъ. Первый былъ движимъ разсчетомъ второй личной ненавистью и враждой къ Долгоруковымъ.

Антіохъ Кантемиръ, младшій изъ четырехъ сыновей бывшаго молдавскаго господаря, князя Дмитрія Кантемира, отъ перваго его брака съ княжной Кантакузенъ, родился въ 1708 году. Отецъ его умеръ въ 1723 году, когда дѣйствовалъ законъ о принудительномъ майоратѣ, безъ обезпеченія на то права перворожденнаго (1714—1730). Принужденный этимъ закономъ оставить свое огромное состояніе (10,000 душъ) одному изъ сыновей, по выбору, и ненавидѣвшій своего старшаго сына Матвѣя, бывшій господарь вставилъ въ свое завѣщаніе слѣдующія слова: «Умоляю Его И. В. утвердить моимъ наслѣдникомъ одного изъ моихъ трехъ (сына моего Матвѣя исключаю) сыновей, на которомъ остановится всемилостивѣйшій выборъ Его И. В. Признаю моего сына Константина лучшимъ изъ трехъ, сына же Антіоха наиболѣе умнымъ и способнымъ...»

При этомъ онъ оставилъ все свое состояніе въ пожизненное владѣніе второй своей женѣ, рожд. княжнѣ Трубецкой—на что не имѣлъ никакого права. Послѣ его смерти разгорѣлся процессъ между вдовой (при содѣйствіи Трубецкихъ и Нарышкиныхъ; послѣдніе были ей родня по матери) и Константиномъ и Антіохомъ Кантемирами,—каждый изъ трехъ хотѣлъ захватить богатое наслѣдство.

Въ царствованіи Петра II Константинъ Кантемиръ женился на на кн. Анастасіи Голицыной, дочери Дмитрія Михайловича, члена Верховнаго Совѣта. Это усилило его шансы, и онъ выигралъ процессъ. Антіохъ взбѣшенный неудачей, принужденный жить на маленькую пенсію младшаго члена семьи, въ скромномъ чинѣ гвардіи поручика, умный энергичный, чувствующій свое превосходство, сталъ злѣйшимъ врагомъ Верховнаго Совѣта. Энергія его удвоилась, когда онъ задумалъ жениться на княжнѣ Черкасской, единственной дочери и наслѣдницы огромнаго состоянія въ 70,000 душъ. Для этого ему было необходимо войти въ милость и снискать довѣріе матери ея, рожденной Трубецкой.

Графу Федору Андреевичу Матвѣеву было двадцать пять лѣтъ. Внукъ боярина Матвѣева, друга царя Алексѣя Михайловича, наслѣдникъ большого состоянія, Матвѣевъ былъ уменъ, горячъ и всегда дѣятеленъ. Воспитанный иностранцемъ гувернеромъ, дѣтство проведшій за границей, по взглядамъ своимъ онъ былъ культурнѣе большинства своихъ современниковъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ вызвавшій на дуэль. Каковъ бы ни былъ взглядъ на дуэль, ей приходится отдать предпочтеніе передъ кулачнымъ боемъ, не вышедшимъ еще тогда изъ обычая въ Россіи [1]).

Въ іюнѣ 1729 г. графъ Матвѣевъ и герцогъ Де-Лиріа повздорили, какъ-то, за званнымъ обѣдомъ и публично наговорили другъ другу рѣзкостей. Матвѣевъ вызвалъ Де-Лиріа на дуэль. Посланникъ пожаловался канцлеру, тотъ довелъ дѣло до Верховнаго Совѣта. По распоряженію послѣдняго Матвѣева посадили подъ арестъ и заставили извиниться передъ герцогомъ де-Лиріа. Верховный Совѣтъ не могъ дѣйствовать иначе, но оберъ-камергеръ Иванъ Долгоруковъ, другъ герцога, позволилъ себѣ послать сказать графу Матвѣеву, что тотъ заслужилъ нѣсколько добрыхъ ударовъ кнута.

Матвѣевъ сталъ заклятымъ врагомъ Долгоруковыхъ.

Семенъ Салтыковъ поручилъ Татищеву составить записку. Въ этой запискѣ, послѣ обсужденія различныхъ формъ правленія, бѣглаго очерка событій за послѣднія два столѣтія и довольно слабыхъ доводовъ, направленныхъ противъ ограниченія императорской власти,— доводовъ среди которыхъ былъ забытъ единственный, имѣющій серьезное значеніе: фактъ существованія крѣпостного права, — авторъ приходилъ къ заключенію, что въ Россіи самодержавіе необходимо. Эта записка была выраженіемъ идей Салтыковыхъ, а для Татищева служила заручкой въ будущемъ. На случай возстановленія самодержавія, онъ подготовлялъ себѣ репутацію человѣка, преданнаго этому образу правленія. Въ концѣ записки, однако, было вставлено предложеніе, формулированное въ десяти параграфахъ, явно стремившееся ограничить царскую власть, уничтожить существующій Верховный Совѣтъ и перемѣстить власть въ руки дворянства.

Вотъ содержаніе этихъ десяти параграфовъ:

1) Учредить Сенатъ, долженствующій служить опорой Е. И. В. въ управленіи Имперіей. Сенату состоять изъ 21 пожизненнаго чле-

---

[1]) Такъ напр. въ 1722 г. между княземъ-кесаремъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Рамодановскимъ и сенаторомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Григоріемъ Ѳеодоровичемъ Долгоруковымъ, бывшимъ посланникомъ въ Польшѣ, произошелъ кулачный бой.

на. Въ число сенаторовъ принять восемь членовъ нынѣ существующаго Верховнаго Совѣта.

2) Для внутренняго управленія, учрежденія налоговъ, объявленія войны—учредить Совѣтъ, состоящій изъ ста пожизненныхъ членовъ. Совѣту собираться три раза въ годъ; въ промежуткахъ между сессіями засѣдать постоянно третей части членовъ Совѣта.

3) Свободныя вакансіи въ Сенатѣ и Совѣтѣ, такъ же какъ вакансіи на постъ президента и вице-президента различныхъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ различныхъ губерній, должно замѣщать по выборамъ, въ общемъ, соединенномъ засѣданіи Сената, Совѣта и совѣта президентовъ различныхъ коллегій. Назначеніе на высшіе военные посты—по выборамъ въ общемъ соединенномъ засѣданіи Сената, Совѣта и совѣта военныхъ генераловъ.

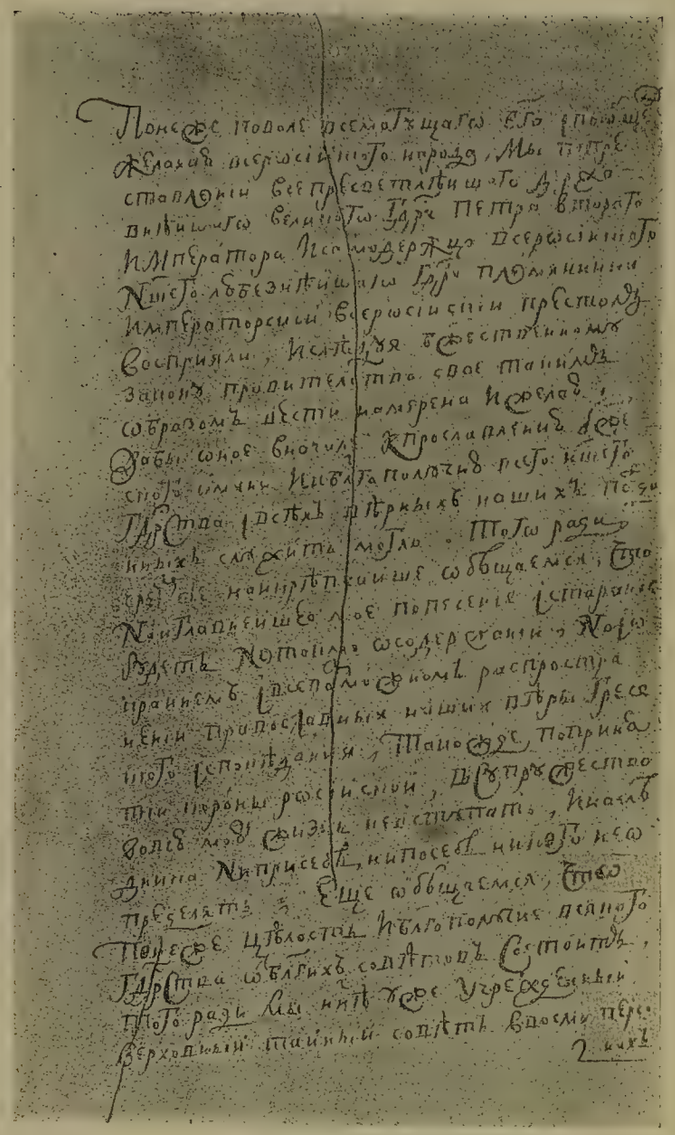
Въ этихъ засѣданіяхъ каждому писать на билетахъ имя своего кандидата, дабы собранію удобно было предоставить на выборъ Е. И. В. трехъ кандидатовъ, получившихъ большинство голосовъ, или самому Совѣту переизбрать одного изъ этихъ кандидатовъ, представивъ выборъ на утвержденіе Е. И. В. «Черезъ сей способъ», говорилось въ запискѣ «можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, несмотря на высокородство, въ которомъ много негодныхъ въ чины происходитъ».

4) Проэктамъ законовъ надлежитъ быть выработанными въ различныхъ коллегіяхъ и представленными въ Сенатъ, гдѣ онѣ подлежатъ разсмотрѣнію, сравненію и обсужденію, на основаніи которыхъ вырабатывается законъ въ своей окончательной формѣ.

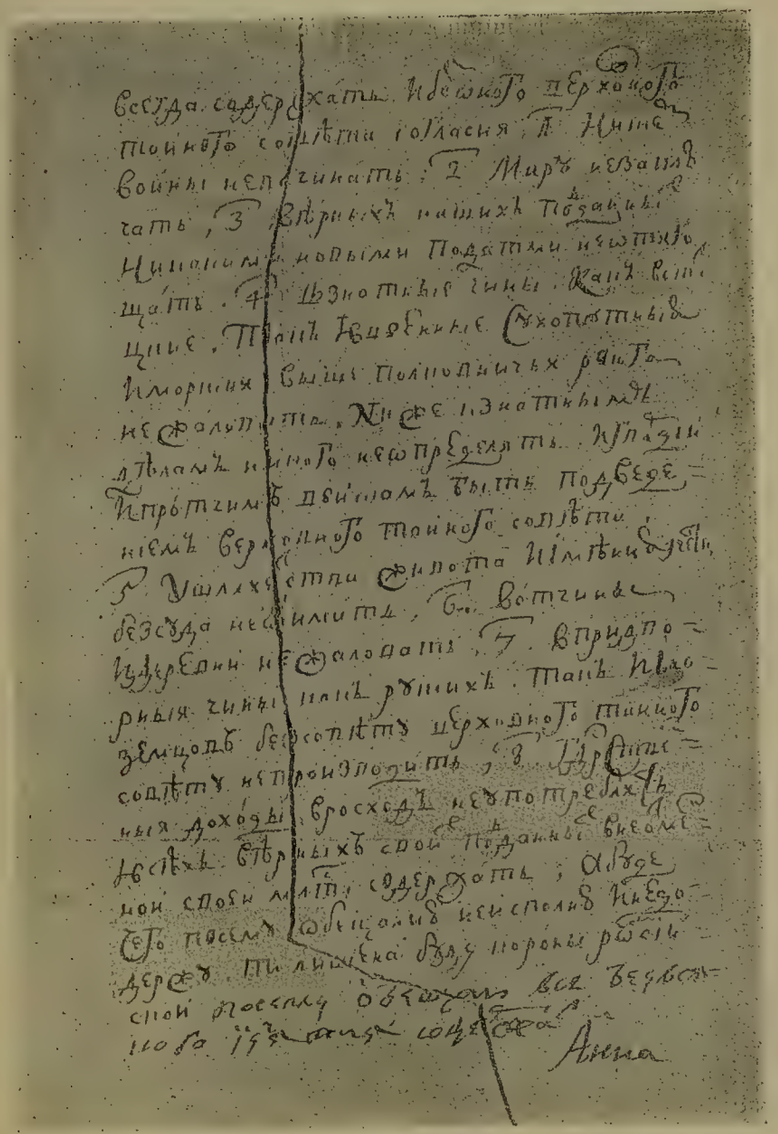
5) Въ Сенатѣ, Совѣтѣ, равно и въ различныхъ коллегіяхъ не должно засѣдать одновременно: отцу и сыну, тестю и зятю, дядѣ и племяннику. Равно не должно, впредь, засѣдать одновременно въ Сенатѣ двумъ членамъ одной фамиліи.

6) Начальникъ тайной канцеляріи долженъ назначаться Е. И. В. два помощника его должны быть выбираемы сенатомъ изъ числа дворянъ срокомъ на три мѣсяца. Должно назначить лицо знатной фамиліи для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ случаѣ ареста, у приговоренныхъ не было похищено имущество.

7) Слѣдующія мѣры надлежитъ принять: a) открыть школы для дворянскихъ дѣтей. b) Дворянамъ не быть призываемыми къ службѣ ранѣе восемнадцати лѣтъ и не быть обязанными служить болѣе двадцати лѣтъ. c) Дворянамъ не должно нести службы простыми матросами, ни отбывать, будучи на службѣ, какихъ-либо черныхъ работъ. d) Завести дворянскія книги въ кои внести всѣ дворянскіе роды



«Кондиціи» Императрицы



Анны Іоанновны.

происхожденія болѣе давняго нежели время царствованія имп. Петра I.

е) Въ книги отдѣльныя внести дворянскіе роды, пріобрѣтшіе дворянство въ послѣднія три царствованія, и владѣющіе или дворянскими граматами или дарственными на владѣніе крѣпостными душами.

8) Составить опись имуществамъ духовнымъ; улучшить положеніе деревенскаго духовенства. Что касается до архіерейскихъ и монастырскихъ богатствъ—излишекъ ихъ отчудить на нужды государства и благотворительныхъ учрежденій.

9) Облегчить подати купцамъ и внимательно слѣдить за развитіемъ промышленности и торговли.

10) Законъ принудительнаго майората уничтожить. Выработать новый законъ о наслѣдованіи, согласно уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Эта записка была подписана Семеномъ Салтыковымъ и самимъ Татищевымъ и представлена на одобреніе дворянства. Подъ ней подписались:—сенаторы—князь Юсуповъ, кн. Черкасскій и Новосильцевъ; генералъ-лейтенанты—Чернышевъ и Ушаковъ; тайные совѣтники—графъ Иванъ Головкинъ, Иванъ Плещеевъ и Макаровъ; гофмаршалъ Шепелевъ, обершенкъ графъ Андрей Апраксинъ и гофмейстеръ Елагинъ; шталмейстеръ двора Кошелевъ; генералъ майоры—Алабердеевъ, князь Барятинскій, Бибиковъ, два Грековыхъ, Лопухинъ, Петръ Измайловъ, кн. Шаховской, Сукинъ, Таракановъ, Вельяминовъ, кн. Вяземскій, Петръ Воейковъ; дѣйствит. статск. совѣтники:—Баскаковъ, Дашковъ, графъ Михаилъ Головкинъ, Колтовской, Кропотовъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Матвѣй Олсуфьевъ, Секитовъ, Сухотинъ, Вельяминовъ-Зерновъ и Зыбинъ, камеръ-юнкеръ князь Никита Трубецкой, 51 гвардіи офицеръ, 156 офицеровъ арміи, между ними нѣсколько полковниковъ и бригадировъ. Наконецъ, 42 кавалергарда т.-е. двѣ трети эскадрона.

Въ то время какъ составлялась эта записка и собирались подписи, Верховный Совѣтъ торжествовалъ побѣду. Второго февраля Леонтьевъ вернулся изъ Митавы. Онъ привезъ вѣсть о принятіи герцогиней курляндской предложенныхъ ей кондицій. Привезъ, также и арестованнаго и закованнаго въ кандалы Сумарокова, тайнаго посланца Ягужинскаго.

Верховный Совѣтъ собрался въ залѣ дворца и пригласилъ членовъ генералитета, чтобы сообщить имъ о принятіи «кондиціи» герцогиней курляндской. Князь Голицынъ, обратившись къ Ягужинскому, спросилъ его, не имѣетъ ли тотъ сказать чего противъ кондицій, Ягужинской смущенно отвѣчалъ, что нѣтъ. Кн. Дмитрій Ми-

хайловичъ, обратившись къ статсъ-секретарю Степанову, сказалъ ему чтобы онъ пригласилъ оберъ-шталмейстера пройти въ сосѣдній залъ для объясненій. Тамъ фельдмаршалъ Долгоруковъ встрѣтилъ Ягужинскаго гнѣвной рѣчью, сорвалъ темлякъ съ его шпаги и приказалъ его немедленно арестовать.

Извѣстіе объ арестѣ мгновенно облетѣло присутствующихъ; старый канцлеръ Головкинъ, тесть оберъ-шталмейстера, поблѣднѣлъ и былъ охваченъ припадкомъ нервной дрожи. Онъ всталъ и ни слова не сказавъ, уѣхалъ домой. Вечеромъ того же дня онъ, его дочь, сыновья и зятья пріѣхали къ Голицыну умолять о помилованіи Ягужинскаго, котораго Верховный Совѣтъ присудилъ къ смертной казни. Смертная казнь была отмѣнена, но Ягужинскій остался въ заключеніи, такъ же какъ и Сумароковъ.

Проектъ Татищева—Салтыковыхъ, о которомъ я говорилъ, былъ представленъ въ Верховный Совѣтъ черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Леонтьева [1]. Верховники отклонили его рѣзкимъ заявленіемъ, въ которомъ говорилось, что только Верховному Совѣту принадлежитъ право составлять проекты, обсуждать ихъ и приводить въ исполненіе.

Отвѣтъ этотъ, составленный графомъ Ѳедоромъ Апраксинымъ, былъ подписанъ всѣми членами Верховнаго Совѣта, за исключеніемъ Остермана; ловкій дипломатъ, чтобы не быть замѣшаннымъ въ дѣло, сослался опять на свое иностранное происхожденіе, прикинулся больнымъ, заперся у себя въ кабинетѣ и, чтобы не давать подписи забинтовалъ правую руку, увѣряя что у него подагра. Канцлеръ Головкинъ, два сына котораго подписали Татищевскій проектъ,—подписалъ отвѣтъ Верховнаго Совѣта, чтобы заручиться въ обоихъ лагеряхъ. Угрозами и давленіемъ удалось собрать подписи людей малодушныхъ, находившихся въ зависимости отъ Верховнаго Совѣта, или въ родствѣ съ Голицыными и Долгоруковыми. Между другими подписались—фельдмаршалъ Трубецкой, старый графъ Мусинъ-Пушкинъ (сынъ котораго, Платонъ подписалъ проектъ Татищева), генералъ Матюшкинъ, сенаторъ кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, сенаторъ Мамоновъ, сенаторъ Наумовъ, князья Сергѣй и Иванъ Долгоруковы, братья Алексѣя. Старый баронъ Шафировъ, князь Алексѣй Голицынъ, сынъ Дмитрія Михайловича, генералъ Левъ Измайловъ и

---

[1]) Леонтьевъ былъ произведенъ Верховн. Сов. въ генер.-лейтенанты, но Имп. Анна не пожелала утвердить это назначеніе и, несмотря на покровительство гр. Головкина, ему былъ возвращенъ этотъ чинъ только черезъ два года.

Худож. фототип. К. А. Фишеръ

Александръ Бутурлинъ, оба зятья фельдмаршала Голицына, Московскій губернаторъ Плещеевъ, оберъ-комендантъ Еропкинъ, правитель дѣлъ Верховнаго Совѣта Степановъ, русскій резидентъ въ Варшавѣ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, находившійся въ Москвѣ. Угрозами были собраны 37 подписей офицеровъ гвардіи и арміи, 14 кавалергардовъ, 21 подпись мелкихъ дворянъ и то, что любопытнѣе всего— мы видимъ, среди подписей, подпись Ивана Колтовскаго, подписавшаго проектъ Татищева и имѣвшаго низость поставить свою подпись подъ отвѣтомъ Верховаго Совѣта на этотъ проектъ.

Отвѣтъ верховниковъ вызвалъ большое негодованіе. Пятнадцатью членами генералитета былъ составленъ новый проектъ и представленъ въ Верховный Совѣтъ. Требованія новаго проекта были скромны: 1.— Число членовъ В. С. увеличить до двѣнадцати, съ запрещеніемъ на будущее время назначать двухъ членовъ одной фамиліи. 2.—Вакантныя мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ замѣщать a) или по выбору генералитета изъ тройного списка кандидатовъ, представленнаго Верховнымъ Совѣтомъ, b) или по выбору Верховнаго Совѣта изъ тройного списка кандидатовъ, представленнаго генералитетомъ. И эта скромная петиція была отвергнута. Возмущеніе было всеобщее.

Верховный Совѣтъ увидѣлъ необходимость пойти на уступки, но уступки предложенныя имъ были недостаточны. Верховники согласились увеличить число членовъ Совѣта до двѣнадцати, число членовъ одной фамиліи, имѣющихъ право засѣдать въ Совѣтѣ, ограничили двумя, соглашались на назначеніе членовъ Совѣта императрицей, но лишь на томъ условіи, чтобы государыня назначала ихъ исключительно изъ числа кандидатовъ, представленныхъ самимъ Верховнымъ Совѣтомъ. Обѣщали въ дѣлахъ важныхъ принимать во вниманіе мнѣніе сената, генералитета и знати, и въ вопросахъ, касающихся духовенства, совѣтоваться съ епископами (это послѣднее обѣщаніе дано было подъ впечатлѣніемъ энергичнаго противодѣйствія, оказаннаго Совѣту духовенствомъ съ архіепископомъ Ѳеофаномъ во главѣ). Но говоря о дѣлахъ важныхъ, ничто не было указано опредѣленно и, по существу, не было дано никакого обѣщанія.

Уступки болѣе значительныя были предложены дворянству и нѣмцамъ. Было обѣщано сохранить привилегіи, данныя Балтійскимъ провинціямъ Петромъ I и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уравнять дворянство этихъ провинцій въ правахъ съ русскими дворянами. Уступки эти были формулированы въ слѣдующихъ условіяхъ, содержавшихъ для того времени довольно значительное расширеніе правъ.

a) Дворяне не будутъ принуждаемы служить ни солдатами, ни матросами.

b) Будутъ открыты военныя школы для дворянъ, послѣ обученія въ которыхъ дворяне будутъ причисляться къ арміи въ младшемъ офицерскомъ чинѣ и къ флоту—въ чинѣ гардемарина.

c) Конфискаціи будутъ уничтожены. Имущества приговоренныхъ и сосланныхъ будутъ передаваться ихъ законнымъ наслѣдникамъ.

d) Сенаторы, президенты и члены различныхъ коллегій и главныхъ канцелярій будутъ выбираться дворянствомъ.

e) Будетъ оказано покровительство купцамъ. Патентный сборъ уменьшенъ и монополіи уничтожены.

f) Столица окончательно переносится въ Москву.

g) Совѣтъ обѣщаетъ облегчить положеніе крѣпостного люда, съ характерной, для времени, оговоркой, что ни одинъ крѣпостной не можетъ быть допущенъ на государственную службу.

Этимъ уступкамъ недоставало только одно: гарантіи, что онѣ будутъ приведены въ исполненіе.

По существу власть перемѣщалась изъ рукъ одного государя въ руки 12 неограниченныхъ правителей. Деспотизмъ замѣняется олигархіей. Дворянство не могло, не хотѣло и не должно было согласиться на это.

Анна Іоанновна выѣхала изъ Митавы 29 янв.; она ѣхала черезъ Ригу, Новгородъ, Тверь, вездѣ была встрѣчена колокольнымъ звономъ, вездѣ ей были оказаны, подобающія ея сану почести, но все время пути она была подъ строгимъ надзоромъ Василія Лукича. Съ нею ѣхали дѣти Бирона, но Биронъ остался въ Митавѣ. Верховный Совѣтъ поставилъ это своимъ главнымъ условіемъ. Въ Митавѣ, во время первой аудіенціи трехъ депутатовъ, Биронъ, единственный изъ всѣхъ приближенныхъ герцогини, позволилъ себѣ остаться въ ея кабинетѣ. Князь Василій Лукичъ приказалъ ему выйти. Биронъ отказался, тогда Долгоруковъ, взявъ его за плечи, вывелъ изъ комнаты. Долгоруковы дорого заплатили за это оскорбленіе.

Императрица пріѣхала 10-го февраля въ Всесвятское, подъ Москвой, гдѣ была встрѣчена двумя своими сестрами. На слѣдующій день 11-го, были похороны императора Петра II, а 15-го, въ воскресенье, Анна Іоанновна торжественно въѣхала въ Москву. Впереди кортежа ѣхали верхомъ: фельдмарш. Долгоруковъ съ братомъ, фельдмаршалъ Голицынъ и Дмитрій Мих. Голицынъ, канцлеръ Головкинъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ. Около ста лицъ знатнѣйшихъ фамилій, съ кн. Шаховскимъ во главѣ; кавалергарды, съ поручикомъ сенато-

Худож. фототип. К. А. Фишеръ.

ромъ Мамоновымъ во главѣ; наконецъ императорская карета, запряженная восьмеркой цугомъ; справа ѣхали кн. Василій Лукичъ и генералъ Леонтьевъ, слѣва сенаторъ Михаилъ Голицынъ и генералъ-маіоръ графъ Шуваловъ.

По всему пути отъ Всесвятскаго и по Тверской, до часовни Иверской Божіей Матери, были разставлены восемь пѣхотныхъ полковъ, а отъ Иверской, на Красной площади и въ Кремлѣ выстроены два гвардейскихъ полка. Все московское духовенство, черное и бѣлое, ожидало императрицу подъ сводами и возлѣ Иверской часовни. Входъ временно былъ расширенъ и образъ, вывѣшенный сбоку, нѣсколько дней оставался снаружи, подъ дождемъ и снѣгомъ; это вызвало сильное недовольство въ народѣ. Въ Вознесенскомъ соборѣ императрица была встрѣчена высшимъ духовенствомъ и всѣми, кому возрастъ или болѣзненное состояніе не дозволяло сѣсть на лошадь. Недоставало только двухъ лицъ:—находившагося въ заключеніи Ягужинскаго и вице-канцлера Остермана, который продолжалъ болѣть подагрой и осторожно наблюдалъ ходъ событій изъ своего кабинета.

Надзоръ кн. Василія Лукича не ослабѣвалъ и въ Москвѣ. Онъ поселился въ комнатахъ, смежныхъ съ аппартаментами императрицы и безъ его разрѣшенія къ ней никому не было доступа; такое положеніе оскорбляло и раздрожало ее и становилось очевидно, что оно долго длиться не можетъ.

Нельзя было, также, запретить императрицѣ видѣть своихъ сестеръ и не допускать къ ней кавалерственныхъ дамъ. Герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, царевна Прасковья Ивановна, баронесса Остерманъ, княгиня Черкасская, Чернышева, Ягужинская, мужъ которой былъ въ заключеніи, графиня Головкина и другія—составляли ея интимный кружокъ и рады были помочь полу-заключенной государынѣ. Осебенно энергично дѣйствовала молодая 22-хъ лѣтняя Салтыкова, рожденная Трубецкая, невѣстка Семена Салтыкова. Прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ способамъ. Архіепископъ Ѳеофанъ поднесъ императрицѣ часы. Салтыкова предупредила государыню, что она найдетъ въ нихъ цѣлый планъ дѣйствій, составленный Ѳеофаномъ. Нѣсколько разъ въ день приносили императрицѣ маленькаго Карла Бирона (ему было 1 годъ и четыре мѣсяца), и въ его одеждѣ она постоянно находила письма.

Времени терять было нельзя. Въ пятницу, 20 февраля, по распоряженію Верховнаго Совѣта присягали императрицѣ и отечеству. Дмитрій Голицынъ предлагалъ заставить присягать «императрицѣ и Верховному Совѣту», но другіе верховники на это не рѣшились.

Дворянство обратилось къ государынѣ съ петиціей, въ которой просило созвать совѣтъ дворянъ и поручить ему обсужденіе вопроса о выборѣ наиболѣе желательной формы правленія. Салтыковы, Трубецкіе, Головкины, Барятинскіе, Антіохъ Кантемиръ, словомъ, лица стремившіеся, изъ личныхъ цѣлей, къ возстановленію самодержавія, соединились съ констуціоналистами, рѣшивъ временно воспользоваться ихъ услугами и, при первой возможности, разрушить ихъ планы. Это имъ, какъ извѣстно, удалось. 23 и 24 февраля, въ домѣ князя Черкасскаго, на Никольской и у князя Барятинскаго на Поварской происходили многолюдныя собранія. Собравшіеся у Барятинскаго, 24-го вечеромъ, послали Татищева въ собраніе къ Черкасскому, чтобы обсудить петицію на имя императрицы и придти къ общему соглашенію, которое и состоялось. Въ этой петиціи, указывали императрицѣ, на нежеланіе Верховнаго Совѣта считаться съ мнѣніемъ общества умоляли ее соблаговолить созвать совѣтъ, изъ двухъ членовъ отъ каждой дворянской фамиліи, поручить этому совѣту разсмотрѣть всѣ конституціонные проекты, представленные за послѣднія пять недѣль и дозволить ему выработать статутъ государственнаго устройства въ Россіи. Текстъ петиціи былъ составленъ Антіохомъ Кантемиромъ. Татищевъ вернулся къ Барятинскому, гдѣ все собраніе, въ числѣ 74 человѣкъ, подписалось подъ составленной Кантемиромъ петиціей и in corpore отправилось въ домъ Черкасскаго. Собравшіеся у Черкасскаго, въ числѣ 93 человѣкъ, также поставили свою подпись.

Антіохъ Кантемиръ, графы Матвѣевы и Ѳедоръ Апраксинъ (составлявшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ текстъ отвѣта Верховнаго Совѣта) провели всю ночь, собирая подписи. Къ утру петиція была подписана 58 офицерами гвардіи и 37 кавалергардами. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дано знать дворянамъ прибыть лично во дворецъ къ 8 ч. утра. Императрица была освѣдомлена о всемъ, что происходило. Князья Барятинскій и Черкасскій, предупрежденные о намѣреніи Верховнаго Совѣта ихъ арестовать, уѣхали изъ дому и провели ночь, одинъ у Алексѣя Шаховского, другой у Платона Мусинъ-Пушкина. Въ среду 25 февраля, къ 8 ч. утра, дворяне начали съѣзжаться во дворецъ. Въ этотъ день солдаты Семеновскаго полка несли караулъ во дворцѣ; Семенъ Салтыковъ, майоръ этого полка, пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ. Собралось около 800 человѣкъ, включая офицеровъ гвардіи которыхъ прибыло очень много.

Черкасскій пріѣхалъ къ 10 часамъ, въ сопровожденіи своего деверя Никиты Трубецкого, Барятинскаго, двухъ Головкиныхъ, стараго

фельдмаршала Трубецкого (дядя княгини Черкасской) Шаховского, Татищева и Антіоха Кантемира. Дворецъ былъ уже полонъ народа и Верховному Совѣту было бы невозможно ихъ арестовать. Императрица велѣла пригласить верховниковъ, засѣдавшихъ въ это время въ Совѣтѣ. Въ сопровожденіи членовъ Верховнаго Совѣта и сестры своей герцогини Мекленбургской, она вышла къ дворянамъ. Фельдмаршалъ Трубецкой подалъ ей петицію, но въ виду его природнаго заиканья, Татищевъ долженъ былъ ее прочесть. Верховники были ошеломлены; князь Василій Лукичъ предложилъ государынѣ пройти въ ея кабинетъ, чтобы обсудить дѣло. Въ залѣ поднялся шумъ; герцогиня Мекленбургская, съ несвойственной ей находчивостью, подала императрицѣ перо, замѣтивъ: «Не время обсуждать, надо согласиться». Анна Іоанновна написала на петиціи «быть по сему» и своимъ громкимъ мужскимъ голосомъ объявила, что не находится въ безопасности и обратившись къ Семену Салтыкову, поручила ему командованіе надъ дворцовой стражей и произвела его, тутъ же, въ подполковники Семеновскаго полка, приказавъ повиноваться только ея приказамъ. Фельдмаршалъ Долгоруковъ и кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ хотѣли высказать свое мнѣніе; тогда въ залѣ поднялся страшный шумъ, слышались возгласы о томъ, что ослушниковъ воли Ея И. В. надо выбросить изъ окна.

По заранѣе обдуманному плану императрица пригласила членовъ Верховнаго Совѣта къ обѣду. Дворяне, собиравшіеся уѣзжать, были задержаны и имъ было предложено собраться въ большомъ залѣ. Тамъ партія Салтыковыхъ заговорила о крайнемъ неудобствѣ и затруднительности долгаго обсужденія и разсмотрѣнія различныхъ конституціонныхъ проектовъ.

Нѣсколько генераловъ и офицеровъ гвардіи, заранѣе настроенныхъ Семеномъ Салтыковымъ, кричали о необходимости немедленно покончить дѣло. Рѣшено было составить тутъ же новую петицію и просить императрицу:

1. Уничтожить Верховный Совѣтъ.
2. Учредить Сенатъ изъ 21 члена.
3. Возстановить самодержавіе.
4. Но разрѣшить дворянству выбирать a) сенаторовъ; b) губернаторовъ; c) президентовъ коллегій.
5. Имѣть въ виду облегченіе налоговъ.

Послѣ обѣда императрица опять вышла къ дворянамъ и Антіохъ Кантемиръ прочелъ ей новую петицію.

Анна Іоанновна приказала принести «Кондиціи», подписанныя ею въ Митавѣ. Бумага немедленно была принесена первымъ секретаремъ сената совѣтникомъ Масловымъ и вручена императрицѣ княземъ Черкасскимъ. Обернувшись къ Долгорукому, государыня сказала ему: «Василій Лукичъ, ты меня, стало быть, обманулъ?» и разорвала бумагу.

Раздалось «ура!» Императрица приказала Чернышеву послать за Ягужинскимъ и привести его немедленно. Она приняла его очень милостиво, поблагодарила за преданность и возстановила его въ званіи оберъ-шталмейстера.

Послѣ чтенія новой петиціи Анна Іоанновна объявила, что возстановляется самодержавіе и не прибавила ни слова больше: не было дано ни малѣйшаго обѣщанія. Салтыковы, объединившіеся съ нѣмецкой партіей, превосходно повели дѣло. Верховный Совѣтъ былъ побѣжденъ, но побѣда, которую конституціоналисты думали одержать, досталась приверженцамъ самодержавія. День, начавшійся возмущеніемъ противъ олигархіи, казалось, долженъ былъ кончиться утвержденіемъ конституціи. Вмѣсто этого было возстановлено самодержавіе и дворянство оставлено въ рабствѣ болѣе тяжелымъ, чѣмъ когда-либо. Князь Голицынъ, выходя изъ дворца сказалъ своимъ товарищамъ: «Пиръ былъ готовъ, но званые не захотѣли придти. Знаю, что головой отвѣчу за все, что произошло, но я старъ, жить мнѣ не долго. Тѣ кто переживутъ меня натерпятся вволю».

Въ тотъ же вечеръ курьеръ былъ посланъ въ Митаву, чтобы спѣшно призвать Бирона ко двору русской императрицы. Черезъ девять дней фаворитъ былъ въ Москвѣ.

На слѣдующій день послѣ возстановленія неограниченнй императорской власти Остерманъ совершенно поправился. Ноги его, которымъ подгара мѣшала двигаться, носили его быстро и легко; рука, бывшая не въ силахъ поднять перо, крѣпко жала руку новыхъ любимцевъ.

Остерманъ, Карлъ Густавъ Левенвольде и Биронъ стали во главѣ нѣмецкой партіи. Чтобы съ меньшимъ трудомъ ослабить русское дворянство, они стали искусно сѣять въ немъ раздоръ.

Первыми жертвами этого страшнаго царствованія были Долгоруковы: фаворитъ Петра II, Иванъ, его отецъ, братья, дяди; затѣмъ Василій Лукичъ, позже старый фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ. Послѣ ссылки Долгоруковыхъ насталъ чередъ преслѣдованія Голицыныхъ, по отношенію къ которымъ, въ первые дни царствованія, нѣмецкая партія выказала много ласки и лести.

Худож. фототип. К. А. Фишеръ.

Это необходимо было, чтобы заставить ихъ отвернуться отъ Долгоруковыхъ. Уничтожить эти двѣ семьи было легче одну за другой.

Также ловко и умѣло выбирались члены новаго сената[1]) и назначались новыя лица ко двору.

28 апрѣля Анна Іоанновна короновалась и осыпала въ этотъ день милостями всѣхъ, кто велъ борьбу противъ Верховнаго Совѣта [2]).

Такова была неудавшаяся попытка введенія конституціи въ 1730 г.

---

[1]) Назначенные 21 сенаторъ были: Канцлеръ Головкинъ, фельдмаршалы Голицынъ, Долгоруковъ, Трубецкой, дѣйств. тайн. совѣтники, князь Вас. Лукичъ Долгоруковъ, Дмитрій Голицынъ, Остерманъ, князь Рамодановскій (дядя императрицы), Ягужинскій, князь Алексѣй Черкасскій, Чернышевъ, Мамоновъ, Ушаковъ, князь Юсуповъ, Семенъ Салтыковъ, князь Георгій Трубецкой, князь Барятинскій, Сукинъ, кн. Григорій Урусовъ, Василій Новосильцевъ, и графъ Михаилъ Головкинъ.—Салтыковъ отказался и былъ замѣненъ Шаховскимъ. Князь Рамодановскій умеръ 16-го того же мѣсяца и былъ замѣщенъ генералъ-майоромъ Таракановымъ.

[2]) Къ большому удовлетворенію дворянства, въ эти первые дни своего царствованія А. I. уничтожила законъ о принудительномъ майоратѣ.

Княжна Меншикова.
Александра Александровна.

Княжна Меншикова
Марія Александровна.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

ГЛАВА IV.

Ссылка Долгоруковыхъ.

Биронъ и Карлъ Густавъ Левенвольде, ставши во главѣ нѣмецкой партіи рѣшили, какъ я говорилъ уже, поссорить Голицыныхъ съ Долгоруковыми, съ тѣмъ, чтобы тѣмъ легче было погубить ихъ поочередно. Шестого марта, въ день многочисленныхъ назначеній при новомъ дворѣ, Голицыны были осыпаны милостями: фельдмаршалъ Голицынъ и кн. Дмитрій Михайловичъ назначены сенаторами, княгиня Голицына, жена фельдмаршала,—оберъ-гофмейстериной, князь Куракинъ, ея братъ и Алексѣй Голицынъ, сынъ кн. Дмитр. Михайловича—шталмейстерами. Въ этотъ же день генералъ-лейтенанты Ушаковъ и кн. Юсуповъ получили приказъ сдѣлать обыскъ и отобрать всѣ драгоцѣнности, лошадей, охотничьихъ собакъ и пр., принадлежавшее двору имущество, похищенное князьями Алексѣемъ и Иваномъ Долгоруковыми во дни ихъ могущества.

Долгоруковы, дѣйствительно, присвоили себѣ великолѣпные бриллiанты, конфискованные у Меншикова, вмѣстѣ съ другими, принадлежавшими казнѣ, завладѣли частью дворцовой посуды и перевели въ свои конюшни лучшихъ лошадей и лучшихъ собакъ царской охоты.

Надо, впрочемъ, прибавить, что ихъ предшественникъ Меншиковъ грабилъ всю свою жизнь и въ очень широкихъ размѣрахъ. Биронъ, занявшій недавнее положеніе Долгоруковыхъ, превзошелъ въ своей алчности и ихъ, и Меншикова и всѣхъ временщиковъ, которые когда-либо существовали.

Было извѣстно, что княжна Долгорукова беременна отъ Петра II; ждали ея родовъ, чтобы послѣ нихъ начать преслѣдованіе семьи [1]). Въ среду, 1 апрѣля, она разрѣшилась отъ бремени мертворожденной дочерью и черезъ недѣлю надъ семьей разразилась гроза. 8 апрѣля кн. Василій Лукичъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Сибирь; князь Михаилъ Владиміровичъ, братъ фельдмаршала — губернаторомъ въ Астрахань; князь Иванъ Григорьевичъ братъ Алексѣя—воеводой въ Вологду; на слѣдующій день, 9 апрѣля, князь Александръ Григорьевичъ (братъ Алексѣя) былъ назначенъ воеводой въ городокъ Алатырь за 617 в. отъ Москвы, а князья Алексѣй и Сергѣй Григорьевичи сосланы въ дальнія вотчины. Алексѣю назначено было его Никольское—въ нынѣшней Пензенской губерніи.

14 апрѣля князь Василій Лукичъ былъ также сосланъ въ одну изъ своихъ дальнихъ деревень. Грозный манифестъ былъ изданъ противъ всей семьи Долгоруковыхъ и князь Михаилъ Владиміровичъ, не уѣхавшій еще въ Астрахань, также сосланъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ выѣхалъ со всей семьей въ свое пензенское помѣстье. Ѣхали медленно, отдыхая подолгу, въ сопровожденіи сотни слугъ и нѣсколькихъ своръ охотничьихъ собакъ. Недалеко отъ Касимова, приблизительно на полпути, рѣшили отдохнуть и поохотиться въ одномъ изъ помѣстій княгини. Эта остановка на нѣсколько недѣль была тѣмъ болѣе необходима, что княжна была еще слаба (выѣхали на 12-й день послѣ ея родовъ) и здоровье ея требовало отдыха.

Биронъ представилъ императрицѣ это временное пребываніе въ другомъ, не указанномъ ею имѣніи, какъ актъ дерзкаго ослушанія 12 іюня вышелъ новый указъ: князь Алексѣй Григорьевичъ съ семьей былъ сосланъ въ Березовъ. Братья его Сергѣй и Иванъ сосланы, одинъ—въ Раненбургъ, другой—въ Пустозерскъ; князь Василій Лукичъ посланъ въ Соловецкій монастырь. Младшій изъ братьевъ Алексѣя, Александръ, отправленъ на службу во флотъ на Каспійскомъ морѣ.

---

[1]) Кн. П. В. Долгоруковъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не подтверждаетъ никакими ссылками на авторитетные источники сообщаемый имъ фактъ. Надо думать, что онъ основываетъ свои извѣстія этого характера на семейныхъ преданіяхъ.

Сестра (бывшая замужемъ за Салтыковымъ, но разошедшаяся съ нимъ, вслѣдствіи его грубаго обращенія)—заточена въ монастырь, въ Нижнемъ-Новгородѣ. На содержаніе ея было положено по 50 копеекъ въ сутки.

15 іюля—новый указъ.—Все имущество кн. Алексѣя Григорьевича, имущества его сыновей, братьевъ Ивана и Сергѣя и кн. Василія Лукича были конфискованы. Каждому было назначено по 1 рублю въ день на содержаніе—слугамъ также—по рублю.

Помѣстья ихъ перешли въ казну за исключеніемъ подмосковныхъ, причисленныхъ къ личному имуществу императрицы. Подмосковныя эти были: Горенки, Волынское и Хотунь, принадлежавшіе Алексѣю, и Неклюдово—имѣніе Василія Лукича.

Баронъ Шафировъ выхлопоталъ своему зятю Сергѣю Долгорукому, 9-го ноября того же года, возвращеніе одного изъ его помѣстій (Замотрина).

Въ тотъ самый день, когда рѣшалась судьба Долгоруковыхъ, 8-го апрѣля, князь Иванъ Алексѣевичъ, бывшій любимецъ Петра II, вѣнчался въ Горенкахъ съ графиней Натальей Борисовной Шереметевой.

Наталья Борисовна родилась 17 января 1714 года. Она была дочь извѣстнаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева тогда уже семидесятилѣтняго старика, и его второй жены Анны Петровны, рожденной Салтыковой [1]). Ей было 5 лѣтъ, когда умеръ ея отецъ. Четырнадцати, потерявъ мать, она осталась круглой сиротой на попеченіи брата, Петра, который былъ только на годъ старше нея. Братъ и сестра совершенно не походили другъ на друга. Графъ Петръ Борисовичъ былъ глупый и напыщенный человѣкъ, безъ сердца и безъ правилъ. Сестра—была его полная противоположность. Красавица, умница, съ чуткой любящей душой—она была олицетвореніемъ физической и душевной красоты. Ей было 15 лѣтъ, когда Иванъ Долгоруковъ, любимецъ государя, братъ его невѣсты, оберъ-шталмейстеръ, двадцатилѣтній красавецъ, просилъ ея руки. Она полюбила его и съ радостью согласилась на уговоры братьевъ, сестеръ и родныхъ, которые рады были этому браку изъ честолюбія. Обрученіе состоялось въ Шереметевскомъ дворцѣ, на Воздвиженкѣ, въ среду 24 декабря 1729 г., съ большой пышностью, въ присутствіи Государя, двора и всего Московскаго общества. Вся семья и родня Шеремете-

---

[1]) По первому мужу Нарышкина, вдова Льва Нарышкина, дяди Петра I по матери.

выхъ, гордая будущимъ родствомъ съ Государемъ, на рукахъ носила Наталью Борисовну, окружала ее ласками, лестью, стараясь заранѣе купить ея расположеніе и покровительство.

19 января Петра II не стало. Положеніе князя Ивана круто измѣнилось, а вскорѣ несчастья посыпались на всю семью. Тогда вся родня стала уговаривать Наталью Борисовну отказать жениху. Она не колебалась. Никто изъ семьи, кромѣ двухъ захудалыхъ старушекъ изъ дальней родни, не пріѣхалъ на ея свадьбу. На другой день послѣ вѣнчанья пришла вѣсть о ссылкѣ всей семьи. Съ молодой женщиной никто не пріѣхалъ проститься, и братъ ея, обладавшій огромнымъ состояніемъ, имѣлъ низость присвоить приданое сестры, пославъ ей въ помощь тысячу рублей.

Только старая гувернантка, воспитавшая молодую княгиню, и преданная горничная, служившая при ней давно и носившая ее когда-то на рукахъ, поѣхали вмѣстѣ съ ней въ далекій, трудный путь.

Въ старости, въ 1770 году, за годъ до смерти, Наталья Борисовна, уже тринадцать лѣтъ монахиня Фроловскаго монастыря въ Кіевѣ, набросала для своего сына и его жены свои воспоминанія объ обрученіи своемъ, свадьбѣ и ссылкѣ.

Записки княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой.

1767 году генваря 12 дня.

Какъ скоро вы [1]) отъ меня поѣхали, осталась я въ уединеніи пришло на меня уныніе, и такъ отягощена была голова моя безпокойными мыслями: казалось, что уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь. Не знала, чѣмъ бы тѣ безпокойныя мысли разбить; пришло мнѣ на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себѣ оставила на память журналъ, что́ мнѣ случилось въ жизни моей достойно памяти и какимъ средствомъ я жизнь проводила. Хотя она очень бѣдственна и до-днесь, однако во удовольствіе ваше хочу васъ тѣмъ утѣшить, и желаніе ваше или любопытство исполнить, когда то будетъ Богу угодно и слабость моего здоровья допуститъ. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошеніе меня убѣждаетъ. Сколько можно, буду стараться, чтобъ привести на память все то, что случилось мнѣ въ жизни моей.

---

[1]) Княгиня Долгорукова обращается къ старшему сыну своему князю Михаилу Ивановичу (1731—1794) и къ супругѣ его.

Не всегда бываютъ счастливы благороднорожденные; по большей части находятся въ свѣтѣ изъ знатныхъ домовъ происходящіе бѣдственны, а отъ подлости рожденные происходятъ въ великіе люди, знатные чины и богатства получаютъ. На то есть опредѣленіе Божіе. Когда и я на свѣтѣ родилась, надѣюсь, что всѣ пріятели отца моего и знающіе домъ нашъ блажили день рожденія моего, видя радующихся родителей моихъ и благодарящихъ Бога о рожденіи дочери. Отецъ мой и мать надежду имѣли, что я имъ буду утѣха при старости. Казалось бы и такъ, по предѣламъ свѣта сего ни въ чемъ бы недостатку не было. Вы сами небезъизвѣстны о родителяхъ моихъ, отъ кого на свѣтъ произведена, и домъ нашъ знаете, который и доднесь во всякомъ благополучіи состоитъ; братья и сестры мои живутъ во удовольствіи міра сего, честьми почтены, богатство и изобиліе [1]). Казалось и мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему достоянію. Для чего бы и мнѣ не такъ счастливой быть, какъ и сестры мои? Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей и воспитана отмѣнно отъ нихъ, я же имъ и большая. Надѣюсь, тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатство и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратитъ очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя, и я, по человѣческому разсужденію, совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но Божій судъ совсѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ. Онъ по своей власти иную жизнь мнѣ назначилъ, объ которой никогда и никто вздумать не могъ и ни я сама.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтня послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ: это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько

---

1) Два брата, графы Петръ Борисовичъ (1713—1788), отъ котораго происходятъ нынѣшніе графы Шереметевы, и Сергѣй Борисовичъ (1715—1768), не оставившій потомства. Двѣ сестры графиня Вѣра (1716)—за Лопухинымъ и графиня Екатерина (1718)—за кн. Урусовымъ.

я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ, я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранить отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ, я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большаго удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которую я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того, и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ, какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако,

я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриллiантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею; мои-бъ руки не могли-бъ всего забрать, когда-бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой—въ шесть тысячъ. Напротивъ, и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ пополудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было, сказываютъ, что около ограды дому нашего столько было народа, что вся улица заперлась, и кричалъ народъ: «Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!» Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ и что очень былъ любимъ народомъ, и до-днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долго-ль продолжалось? Не болѣе какъ отъ декабря 24 дня по 18 генваря день.

Вотъ моя обманчивая надежда кончилась, со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто-бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой; паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя, и великой былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было,—не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего отъ меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фа-

вориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако, послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра—другого; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли. — Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти, жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И, такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ, часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ

я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше-бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла въ коронѣ [1]). Между тѣмъ пріуготовлялись церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенной несчастливый день; нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такія высочайшія погребенія, несли государственные гербы, кавалерію, разные ордена, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ: отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло. Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная. О, Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха. О, Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой государыни милости.

---

[1]) Такъ какъ закона о престолонаслѣдіи не было, то и нельзя сказать, кому былъ слѣдъ въ коронѣ; но по старшинству она скорѣе принадлежала Мекленбургской принцессѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, старшей дочери царя Ивана Алексѣевича, нежели Аннѣ Ивановнѣ.

По нѣсколькихъ дняхъ послѣ погребенія, пріуготовляли торжественное восшествіе новой государыни въ столичный городъ со звономъ, съ пушечною пальбою. Въ назначенный день поѣхала и я посмотрѣть ея встрѣчи: для того полюбопытствовала, что я ее не знала отъ роду въ лицо, кто она. Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ всю церемонію видѣла. Она шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардіею; онъ былъ маіоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ее не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста. Какъ я поѣхала домой, надобно было ѣхать черезъ всѣ полки, которые въ строю были собраны. Я поспѣшила домой, еще не распущены были. Боже мой Я тогда свѣта не видѣла и не знала отъ стыда, куда меня везутъ, и гдѣ я. Одни кричатъ: «это отца нашего невѣста!» Подбѣгаютъ ко мнѣ: «матушка наша, лишились мы своего государя!» Иные кричатъ: «прошло ваше время, теперь не старая пора!» Принуждена была все это вытерпѣть, рада была, что доѣхала до двора своего; вынесъ Богъ изъ такого садому.

Какъ скоро вступила государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворитъ ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбирали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней каммергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши, жила съ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней попрежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю! Что онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произвелъ. Какъ онъ уже взошелъ на великую степень, онъ не могъ уже на насъ спокойными глазами глядѣть. Онъ насъ боялся и стыдился; зналъ нашу фамилію, за сколько лѣтъ рожденные князья имѣли свое владѣніе, сколькимъ

коронамъ заслужили. Всѣ предки нашъ родъ любили за вѣрную службу къ отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнахъ головы свои положили! За такія ихъ знатныя службы были отъ государей отмѣнно награждены великими чинами, кавалеріами, и въ чужихъ государствахъ многимъ спокойствіе дѣлали, гдѣ имя ихъ славно; а онъ былъ самый подлый человѣкъ, а дошелъ до такого великаго градуса, однимъ словомъ сказать, только одной короны не доставало! Уже всѣ въ руку его цѣловали, и что хотѣлъ, то дѣлалъ: уже титуловали его ваше высочество; а онъ не что иное былъ, какъ башмачникъ: на дядю моего сапоги шилъ. Сказываютъ, мастеръ превеликой былъ; да красота его до такой великой степени довела. Бывши такихъ высокихъ мыслей, думалъ, что не удастся ему до конца привести свое намѣреніе, онъ не истребитъ знатные роды; (но) такъ и сдѣлалъ: не только нашу фамилію, но другую такую же знатную фамилію сокрушилъ, разорилъ и въ ссылку сослалъ [1]). Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не прейтить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

Не зналъ онъ, чѣмъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое, всѣхъ сталъ къ себѣ призывать изъ тѣхъ же людей, которые прежде намъ друзья были; ласкалъ ихъ, выспрашивалъ, какъ мы жили, и не дѣлали ли кому обиды, не брали ли взятокъ? Нѣтъ, никто ничего не сказалъ. Онъ этимъ не доволенъ былъ; велѣлъ указомъ объявить, чтобъ всякой безъ опасности подавалъ самой государынѣ челобитныя, ежели кого чѣмъ обидѣли: и того удовольствія не получилъ. А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ; иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ, иной скажетъ, чины и кавалеріи оберутъ; подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руку помощи не имѣть, и не съ кѣмъ о себѣ посовѣтывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему весь страхъ изгонитъ изъ сердца; а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горесть приведетъ, что всѣ члены онѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило; кровь вся закипитъ, когда вспомню, какіе столбы поколебалъ, до основанія разорилъ, и до-днесь не можемъ исправиться; что же до меня касается, въ здѣшнемъ свѣтѣ на вѣки пропала.

---

[1]) Т. е. князей Голицыныхъ.

И такъ мое жалкое состояніе продолжалось по апрѣль мѣсяцъ; только и отрады мнѣ было, когда его вижу, поплачемъ вмѣстѣ, и такъ домой поѣдетъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сходства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ. Что же между тѣмъ, какія были домашнія огорченія? Боже, дай мнѣ все то забыть! Наконецъ, ужъ надо нашъ несчастливый бракъ окончить; хотя, какъ ни откладывали день отъ дня, но, видя мое непремѣнное намѣреніе, принуждены согласиться. Братъ тогда былъ боленъ большой, а меньшой, который меня очень любилъ, жилъ въ другомъ домѣ, по той причинѣ, что онъ тогда не лежалъ еще воспою, а большой братъ былъ воспою боленъ. Ближніе сродники всѣ отступили; дальніе и пуще не имѣли резону. Бабка родная умерла [1]). И такъ я осталась безъ призрѣнія; самъ Богъ давалъ меня замужъ, а больше никто. Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; не кому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня провожали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село, пятнадцать верстъ отъ города; тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменные, пруды великіе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти государевой отецъ его съ своею фамиліею тамъ жилъ [2]). Фамилія ихъ была не малая: я, все презря на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божію: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашніе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая это розница свадьба, сговоръ! Тамъ всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать, что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какая перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу пе-

---

1) Бабка княгини по матери, Марья Ивановна Салтыкова, урожд. княжна Прозоровская, сконч. 23 февраля 1730 г.

2) Знаменитыя Горенки, нынѣ полуразрушенныя, въ 14 верстахъ отъ Москвы, по Владимирской дорогѣ.

редъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастіе; не токмо въ таковомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдненькую сироту: принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала собираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъ-де секретарь изъ Сенату; свекоръ мой долженъ былъ его принять. Онъ ему объявляетъ: указомъ велѣно-де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указу. Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюся, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодоумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, который насъ съ тѣмъ встрѣтилъ: «былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указу» Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ то же сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебныя конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже сбираются; велѣно въ три дни чтобъ въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться. У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше турковъ: когда-бъ прислали петлю, должны-бъ удавиться.

Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, сбираются! И я суечусь. Куда ѣду, не знаю, и гдѣ буду жить, не вѣдаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и къ нимъ ни къ кому не привыкла; мнѣ страшно было только въ чужой домъ перейтить. Какъ это тяжело! Такъ далеко везутъ, что никого своихъ не увижу; однако въ разсужденіи для милаго человѣка все должна сносить; стала я сбираться въ дорогу; а какъ я очень молода, никуда не ѣздила, и что въ дорогѣ надобно, не знала никакихъ обстоятельствъ,

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Работы де-Велли. Наход. въ Академіи художествъ.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

что можетъ впредь быть: обоимъ намъ и съ мужемъ было тридцать семь лѣтъ. Онъ выросъ въ чужихъ, жилъ все при дворѣ; онъ все на мою волю отдалъ; не знала, что мнѣ дѣлать, научить было некому. Я думала, что мнѣ ничего не надобно будетъ и что очень скоро насъ воротятъ. Хотя и вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ бриллiантовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячутъ, мнѣ до того и нужды не было: я только хожу за нимъ слѣдомъ, чтобъ изъ глазъ моихъ куда не ушелъ; и такъ чисто собралась: что имѣла при себѣ, золото и серебро, все отпустила домой къ брату на сохраненiе, довольно моему глупому тогдашнему разсудку, изъяснить вамъ хочу, не токмо бриллiантовъ что оставить для себя и всякихъ нуждъ, всякую мелочь: манжеты кружевныя, платки, чулки шелковые, сколько ихъ было дюжинъ, все отпустила. Думала, на что мнѣ тамъ? всего не переносить; шубы всѣ обобрала у него и послала домой, потому что онѣ всѣ были богатыя; одинъ тулупъ ему оставила, да себѣ шубу, да платье черное, въ чемъ ходила тогда по государѣ. Братъ прислалъ на дорогу тысячу рублевъ; на дорогу вынула четыреста, а то назадъ отослала; думаю, на что мнѣ такъ много денегъ прожить? Мы поѣдемъ на общемъ коштѣ; мой отъ отца не отдѣленъ. Послѣ уже узнала глупость свою, да поздно было; только на утѣшенiе себѣ оставила одну табакерку золотую, и то для того, что царская милость.

И такъ мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей десять человѣкъ, да лошадей его любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на общемъ. Ѣдемъ въ незнаемое мѣсто и путь въ самый розливъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляетъ вода, и маленькiе розливы бываютъ озерами, а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемьсотъ верстъ. Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли, Богъ то разсудитъ; а только со мной поѣхала моя мадамъ, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣмъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горесть для мужа милаго; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ же и меня видитъ, что его ради погибаю. Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой нравъ, что я всякому услужу. И такъ, куда мы прiѣдемъ на станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ. Стала уже и я въ экономiю входить; вижу, что денегъ много идетъ. Мужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ

лошадямъ кормъ задаютъ, и я съ нимъ; отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади право и стоили того, чтобы за ними смотрѣть; ни прежде, ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда-бъ я была живописецъ, не устыдилась бы ихъ портреты написать.

Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первой провинціальной городъ пріѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалеріи снять. Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это ихъ правосудіе! Мы отдали тотчасъ съ радостію, чтобы ихъ спокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сослали; нѣтъ, у нихъ не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, на дорогѣ ли, или свернули, никто не знаетъ, потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣ поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ по близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ. Случилось и въ болотѣ; какъ постелю сымутъ—мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ зеленой, травы не было, какъ только чеснокъ полевой; и такой былъ духъ тяжелый, что у всѣхъ головы болѣли, и когда мы ужинали, то мы всѣ видѣли, что два мѣсяца взошло, ординарный большой, а другой подлѣ него поменьше, и мы долго на нихъ смотрѣли, и такъ ихъ оставили, спать пошли. По утру, мы встали, свѣтъ насъ освѣтилъ, удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и не по дорогѣ, какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли ночью, такъ оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у насъ утѣха была, псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ; гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ; только провожденіе было времю, или сказать скукѣ. А я останусь одна, утѣшу себя, дамъ глазамъ своимъ волю и плачу сколько хочу.

Въ одинъ день такъ случилось; мой товарищъ поѣхалъ верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало смеркаться, и гораздо уже темно, вижу противъ меня скачутъ двое верховые, прискакали къ моей каретѣ, кричатъ: «стой!» Я удивилась; слышу голосъ мужа моего и съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говоритъ

мнѣ мужъ: вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти. Какъ же я испужалась! Какъ-де мы поѣхали отъ васъ, и все разговаривали и сшиблись съ дороги; видимъ мы, за нами никого нѣтъ, вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздно; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ; такъ мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать опробовать, какъ глубокъ. Такъ бы они, конечно, утонули, потому что тогда подъ нимъ лошадь была не проворна, и онъ былъ въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: «постой! на тебѣ шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезетъ, а послѣ вы переѣдете». Какъ это выговоря, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ крутоберего было и глубоко, что не могла задними ногами справиться, одна только шляпа поплыла; однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная, а онъ крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастію ихъ, человѣкъ ихъ наѣхалъ, который отъ нихъ отсталъ; видя ихъ въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ берегу. И такъ, Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. Такъ испужалась, и плачу и дрожу вся; побожилась, что я его никогда верхомъ не пущу, спѣшили скорѣе доѣхать до мѣста, насилу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширокая; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: «спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ прибить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ, кромѣ топоровъ, ничего нѣтъ, здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили; мужики разбѣжались, а деревню сожгли». Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ! боюсь до смерти разбойниковъ; прошу, чтобъ уѣхать оттудова: никто меня не слушаетъ. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и такъ готовились на драку; однако Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды: можетъ быть, они и подъѣзжали водою, да побоялись, видя такой великій обозъ, или и не были. Чего же мнѣ эта ночь стоила! Не знаю, какъ я ее пережила; рада, что свѣту дождалась. Славу Богу! уѣхали.

И такъ, мы три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги, гдѣ намъ опредѣлено было жить.

Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько время прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень рада была, что въ свою деревню пріѣхали [1]. Казна моя уже очень истончала; думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду покупать, по крайней мѣрѣ сѣна лошадямъ не куплю; однако я недолго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили; паче чаянія нашего вдругъ ужасное нѣчто насъ постигло. Только что мы отобѣдали—въ эвтомъ селѣ домъ былъ господскій, и окна были на большую дорогу:—взглянула я въ окно, вижу пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Когда стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска.... [2]); всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ; въ коляскѣ офицеръ гвардіи, а по телѣгамъ солдаты двадцать четыре человѣка. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускаю отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ: можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины, какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ: какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты закладать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

---

[1]) Въ село Селище, въ 6 верстахъ отъ города Касимова по дорогѣ въ Елатьму.

[2]) Въ подлинникѣ два слова нельзя разобрать.

Войдите въ мое состояніе, каково мнѣ тогда было! Только меня и поободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ таковомъ состояніи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самого офицера спросить, да онъ со мною не говоритъ, кажется неприступный; придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ, и прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлюсь.

Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась и стала просить, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить и свѣдать, что съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаетъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю; они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить, а солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно васъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе городы, а куда—не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ, что насъ везутъ въ островъ [1]), который состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допущать, ни насъ никуда, кромѣ церкви, переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое, — лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила, я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду корреспонденціи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться!

---

1) Городъ Березовъ стоитъ на островѣ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою.

Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой очень испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить и утаевать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела! все оставила: и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина—все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

И такъ, насъ довезли до Касимова. Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ таковомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на розныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки.

Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако, не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она—человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребывніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ; а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою; однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою; а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ,

ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ, я хорошо собралась: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ оная моя воспитательница денегъ, мнѣ отдала; сумма не очень велика была—шестьдесятъ рублевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я во свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было — помогала моему бѣдному состоянію; пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю, еще хотя разъ увижу—ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду упустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ ужъ и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая, очень боялась—та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня си-

дитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла, все тошнилось [1]).

Однажды что съ нами случилось: погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто-бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель, и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, а темно ужъ становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ; якорь бросили середи рѣки въ самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ наверхъ; боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло, я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ, какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы—никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ; на одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой; стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ кверху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго; думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когда-бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно-бъ намъ въ томъ озерѣ быть. Вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать, землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды, выѣхали на свѣту на свой путь, изъ онаго заливу въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ. Однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на бо́льшія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города Соликамска, гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти

---

[1]) Княгиня была тогда беременна первымъ ребенкомъ, кн. Михаиломъ Ивановичемъ, родившимся въ Березовѣ 2 апрѣля 1731 года.

на горы и съ горы также; онѣ же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взъѣдешь на самый верхъ горы, и посмотришь по сторонамъ—неизмѣримая глубина; только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Это каменная дорога; я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться; а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики для пристанища проѣзжавшихъ и для корму лошадямъ. Что случилось? Одинь день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы и до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ промокли, закрыться нечѣмъ; да и, пріѣхавши на квартиру, обсушиться негдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошутило.

Повадка или привычка прямо ходить; меня за то смалу били: ходи прямо, притомъ же и росту я немалаго была: какъ только въ ту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать, только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу—она была очень низка—такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала. Мой товарищъ испужался; думалъ, я умерла; однако молодость лѣтъ все мнѣ сносить помогала, всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила. Не можно всего описать, сколько я въ той дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я одна въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страждующаго.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль—не упомню. Доѣхали до провинціальнаго города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизонта офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ

очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: «теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ». И такъ, мы всѣ плакали, будто съ родникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно! хотя бы на другой день пропасть; какъ мы тогда назывались арестанты, иного имени не было;—что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь диры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое, какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержана; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому были препоручены, чтобъ

онъ усмотрѣлъ, когда-бъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что современемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ, мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить...

ГЛАВА V.

Долгоруковы въ Березовѣ. Ихъ гибель.

Послѣ долгаго и тяжелаго пути, семья Долгоруковыхъ прибыла въ Березовъ. Ихъ помѣстили въ острогѣ, находившемся неподалеку отъ церкви Рождества Пресв. Богородицы. Въ оградѣ острожнаго двора имъ былъ отведенъ маленькій одноэтажный деревянный домъ, ветхій и почти безъ мебели. Княгиня Наталья Борисовна съ мужемъ, всегда обставленные хуже другихъ членовъ семьи, поселились въ небольшомъ сараѣ, раздѣленномъ внутри перегородкой. Наскоро имъ были поставлены туда двѣ печи.

Посреди двора былъ прудикъ, гдѣ лѣтомъ плавали утки и гуси, доставлявшіе много развлеченія несчастнымъ, особенно дочерямъ Алексѣя Григорьевича, не имѣвшимъ, кромѣ кормленія птицъ, никакихъ занятій.

Надзоръ за сосланными былъ порученъ, присланному съ этой цѣлью въ Березовъ, майору Семену Петрову. Березовскимъ воеводою былъ тогда нѣкто Бобровскій, добрѣйшій человѣкъ, дѣлавшій все возможное, чтобы облегчить положеніе заключенныхъ. Подъ его вліяніемъ

и Петровъ смотрѣлъ сквозь пальцы на уклоненія отъ суровой инструкціи, присланной изъ столицы. Согласно инструкціи, заключенныхъ не разрѣшалось выпускать за ограду острога, кромѣ праздничныхъ дней, когда ихъ подъ вооруженнымъ конвоемъ должны были водить въ церковь. Имъ было запрещено сообщаться съ кѣмъ бы то ни было; приказано было отнять бумагу и перья. Бобровскій и Петровъ значительно облегчили надзоръ: позволили прогулки въ городѣ, допускали гостей и даже позволяли иногда, Ивану особенно, посѣщать нѣкоторыхъ чиновниковъ города. За все это имъ пришлось жестоко поплатиться: впослѣдствіи оба были сосланы.

Старая княгиня пріѣхала въ Березовъ совсѣмъ больная и умерла черезъ нѣсколько недѣль; ее похоронили возлѣ церкви Рождества Пр. Богородицы и надъ могилой поставили деревянную часовенку, сгорѣвшую въ 1764 г. Князь Алексѣй Григорьевичъ въ несчастьи и ссылкѣ сталъ невыносимъ; мучилъ придирками своихъ дѣтей, особенно Ивана и княжну Екатерину Алексѣевну; онъ часто упрекалъ ихъ въ томъ, что они не сумѣли во время заставить покойнаго государя написать завѣщаніе; что будь оно заявлено при жизни его, дѣло такъ легко нельзя было бы разстроить. Ивану, а иногда и княжнѣ, приходилось терпѣть отъ отца и побои.

Въ 1734 г. онъ умеръ и былъ похоренъ возлѣ жены.

Фельдмаршала Долгорукова правительство, вначалѣ, какъ будто, щадило. Онъ былъ даже назначенъ сенаторомъ. Положеніе его при дворѣ было неловкое, трудное, особенно для него, человѣка прямого, честнаго, не умѣвшаго замалчивать правду. Императрица его не любила; Биронъ ненавидѣлъ, придворные старательно избѣгали: чувствовалось, что гибель его близка. Нуженъ былъ предлогъ, и предлогъ нашелся. Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гамбургскій, бывшій тогда на русской службѣ, человѣкъ очень сомнительной репутаціи и признанный шпіонъ, донесъ въ декабрѣ 1731 г. на стараго фельдмаршала. Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, фельдмаршалъ, будто бы, оскорбительно отзывался объ императрицѣ. Этого было достаточно. Фельдмаршала и его жену немедлено арестовали. Въ доносѣ были также названы лица, слышавшія оскорбительныя рѣчи фельдмаршала: это были—племянникъ его—кн. Георгій Юрьевичъ Долгоруковъ, гвардіи капитанъ, князь Алексѣй Барятинскій, и Георгій Столѣтовъ, гвардейскій офицеръ. Они были тоже арестованы; этихъ трехъ при допросѣ пытали. Сенатъ и генералитетъ были созваны, чтобы вести судебное дѣло; съ характерной угодливостью они всѣмъ вынесли смертный приговоръ. Императрица смягчила наказаніе: фельдмаршалъ и его

жена были приговорены къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости; имущество ихъ конфисковано. Имъ было однако разрѣшено жить въ Иванъ-Городѣ (около Нарвы) подъ карауломъ капральства солдатъ. У остальныхъ имущество было тоже конфисковано и ихъ самихъ сослали на вѣчную каторгу въ Сибирь: князья Долгоруковъ [1]) и Барятинскій попали въ Охотскъ, Столѣтовъ [2])—въ Нерчинскъ. Князь Михаилъ Владиміровичъ, братъ фельдмаршала, назначенный вначалѣ губернаторомъ въ Астрахань, затѣмъ сосланный, одновременно съ семьей кн. Алексѣя Григорьевича въ одну изъ отдаленныхъ своихъ деревень, пожалованый вскорѣ, по ходатайству фельдмаршала и назначенный губернаторомъ въ Казань,—теперь былъ лишенъ должности и вновь сосланъ въ дальнее помѣстье. У него было три сына: Сергѣй, 36 лѣтъ, Александръ 17 и Василій 9 лѣтъ (впослѣдствіи Долгоруковъ Крымскій). Сергѣй, генералъ-майоръ, былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ деревню; Александръ разжалованъ въ солдаты, безъ права производства, а Василію воспрещено учиться, даже грамотѣ, предписано съ 15 лѣтъ служить рядовымъ всю жизнь. При осадѣ Очкова онъ отличился, и фельдмаршалъ Минихъ, свидѣтель его храбрости, не зная его имени, тутъ же произвелъ его въ офицеры. Узнавъ, что это Долгоруковъ, который былъ лишенъ права производства, фельдмаршалъ воскликнулъ: «Минихъ никогда не лгалъ! Я ему объявилъ, что онъ произведенъ, и онъ останется офицеромъ!» Благодаря запрещенію учиться, къ которому онъ былъ приговоренъ, князь Василій Михайловичъ былъ почти безграмотенъ и едва могъ подписать свое имя. Позже, когда онъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, ставя свою резолюцію на бумагахъ, онъ дѣлалъ самыя невѣроятныя ошибки. Его правитель канцеляріи, Василій Степановичъ Поповъ, говаривалъ ему: «Ваше сіятельство сдѣлали ошибку въ этомъ словѣ»,—Долгоруковъ бросалъ перо и съ досадой говорилъ: «Вы даже и перьевъ очинить не умѣете!»

---

[1]) Кн. Г. Ю. Долгорукова императрица Елизавета вернула изъ ссылки и произвела въ генералъ-майоры.

[2]) Несчастный Столѣтовъ, сосланный въ Нерчинскъ, какъ-то тамъ, въ пьяномъ видѣ проговорился объ какомъ-то своемъ разговорѣ въ Петербургѣ со своимъ деверемъ, мундшенкомъ двора, Сергѣемъ Нестеровымъ, гофмейстеромъ Елагинымъ и княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ. Этого было достаточно, чтобы Столѣтова вернули въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ переданъ тайной канцеляріи, подвергнутъ страшнымъ пыткамъ и обезглавленъ.

Сестру его, тоже Нестерову, наказывали кнутомъ *нещадно* и сослали съ мужемъ въ Оренбургъ. Елагинъ былъ посаженъ въ тюрьму; Бѣлосельскій сосланъ въ Оренбургъ. Елагинъ и Бѣлосельскій были возвращены изъ ссылки лишь Елизаветой Петровной.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, руководитель верховниковъ, былъ вначалѣ, казалось, въ милости у Бирона и нѣмецкой партіи. Назначенный сенаторомъ, онъ рѣдко бывалъ въ засѣданіяхъ, и когда столица, въ 1732 г., была окончательно перенесена въ Петербургъ, онъ остался въ Москвѣ.

Онъ проводилъ большую часть года въ своемъ подмосковномъ помѣстьѣ Архангельскомъ (теперь принадлежитъ кн. Юсуповымъ); тамъ онъ собралъ великолѣпную библіотеку (около 7 тысячъ томовъ) и старательно держался вдали отъ двора. Но Бирону, во чтобы то ни стало, хотѣлось избавиться отъ этого предпріимчиваго и умнаго старика. Я разсказывалъ уже, что зять князя Дмитрія Михайловича, Константинъ Кантемиръ, выигралъ процессъ о своемъ наслѣдствѣ Антіоха Кантемира научили поднять дѣло вновь и принести жалобу императрицѣ. Это былъ въ 1737 г.—Стараго князя посадили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ слѣдующимъ году, въ апрѣлѣ. Его второй сынъ, Алексѣй, избѣжалъ ссылки благодаря своимъ связямъ съ Салтыковыми; старшій, Сергѣй, былъ сначала оставленъ на своемъ посту въ Берлинѣ, затѣмъ посланъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ былъ убитъ молніей 1-го іюля 1738 г., вскорѣ послѣ смерти отца. Князь Дмитрій Михайловичъ перенесъ несчастье съ твердостью, мужествомъ и тѣмъ достоинствамъ, которое всю жизнь было его отличительной чертой. Его политическія заблужденія и олигархичеекія тендеціи не могутъ умалить чувства уваженія, которое внушаетъ этотъ большой человѣкъ, гордый, независимый среди моря человѣческой низости, такъ энергично стремившійся къ достиженію личной независимости, которой большая часть его современниковъ, равныхъ ему по положеніи и рожденію, не знали цѣны, привыкнувъ пресмыкаться въ рабствѣ, унаслѣдованномъ ими отъ отцовъ и завѣщанномъ потомкамъ, которые пресмыкаются и по сію пору [1]).

---

[1]) Однимъ изъ пострадавшихъ былъ еще князь Александръ Андреевичъ Черкасскій. Въ 1734 г. онъ былъ смоленскимъ губернаторомъ; постъ замѣщаемый въ то время съ большимъ выборомъ, такъ такъ въ виду близости Смоленска къ польской границъ и постоянныхъ сношеній съ ближайшими польскими провинціями, на губернаторѣ лежала не только административная, но и политическая отвѣтственность. Такой большой баринъ, какъ Черкасскій, независимый и очень богатый (у него было болѣе 40.000 душъ) не могъ, разумѣется, не тяготиться игомъ деспотизма, не могъ не сравнивать своего положенія съ независимымъ положеніемъ польскихъ магнатовъ и не чувствовать себя возмущеннымъ и оскорбленнымъ беззаконіями Бироновскаго режима. Съ другой стороны, его огромное состояніе было слишкомъ соблазнительно для придворныхъ, умышленно вызывавшихъ ссылки и конфискаціи, въ надеждѣ извлечь изъ нихъ личную выгоду. Въ

Мой пра-прадѣдъ Сергѣй Петровичъ Долгоруковъ, не игралъ никакой роли въ описываемыхъ событіяхъ: по отношенію къ нему и его женѣ ограничились, поэтому, только ссылкой ихъ въ деревню.

Передъ ихъ отъѣздомъ изъ Москвы Анна Іоанновна велѣла призвать мою пра-прабабку и стала упрекать ее за принятіе католицизма. (Императрица приняла ее въ фрейлинской комнатѣ, смежной со своимъ кабинетомъ). Когда княгиня нагнулась, чтобы, согласно этикету, поцѣловать государынѣ руку, та дала ей сильнѣйшую пощечину, осыпала ругательствами и закончила аудіенцію словами: «Пошла вонъ, мерзавка!»

Аббатъ Жюбе, духовникъ моей пра-прабабки такъ же, какъ и ея горничная, фанатичная католичка, были изгнаны изъ Россіи.

Герцогъ де-Лиріа, понявъ, что положеніе его опасно, выразилъ своему двору желаніе быть отозваннымъ и уѣхалъ черезъ полгода по восшествіи Анны Іоанновны на престолъ.

Но несчастья семьи Долгоруковыхъ не пришли еще къ концу. Какъ это часто бываетъ, счастливый случай былъ причиной ужасающей катастрофы.

царствованіе Анны Іоанновны правительство проявляло невѣроятную жестокость при взиманіи недоимокъ съ народа. Черкасскій, какъ губернаторъ, долженъ былъ поступать, какъ того требовалъ общій режимъ и дѣлалъ это съ явнымъ отвращеніемъ. Онъ имѣлъ неосторожность говорить откровенно о дурномъ вліяніи окружавшихъ на императрицу, и разъ сказалъ, что было бы, пожалуй, лучше, если бы, въ свое время, выбрали маленькаго принца Голштинскаго и назначили регентшей цесаревну Елизавету. Этого было совершенно достаточно, чтобы Черкасскій былъ обвиненъ въ учиненіи заговора съ цѣлью возвести на престолъ принца Голштинскаго. При обыскѣ у него нашли письма, полученныя имъ изъ Польши, отъ друзей; въ этой перепискѣ, чисто личнаго, интимнаго характера откровенно обсуждалось печальное состояніе Россіи, говорилось объ ужасѣ положенія независимыхъ и порядочныхъ людей, вынужденныхъ терпѣть обиды и оскорбленія отъ такого негодяя, какъ Биронъ; Бирона въ этихъ письмахъ не щадили. Несчастнаго Черкасскаго пытали въ тайной канцеляріи, конфисковали все его состояніе и самого сослали въ Сибирь. По восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны онъ былъ возвращенъ, произведенъ въ генералъ-поручики, назначенъ гофмаршаломъ, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Это были жалкія награды для человѣка его положенія, послѣ перенесенныхъ имъ потерь. Изъ состоянія его ему вернули очень немногое: только тѣ помѣстья, которыя еще не были подарены другимъ; за невозвращенныя, онъ получилъ самую ничтожную плату. Лишнее доказательство, что заговора не существовало: въ противномъ случаѣ награды были бы иныя. Онъ умеръ въ 1749 г. Князя Александра Андреевича Черкасскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Черкасскимъ, способствовалъ возстановленію самодержавія въ 1730 г. и впослѣдствіи при Аннѣ Іоанновнѣ былъ кабинетъ-министромъ (см. ниже VIII глава). Оба они принадлежали къ различнымъ вѣтвямъ рода Черкасскихъ.

Хитрый и ловкій баронъ Шафировъ выхлопоталъ у Бирона разрѣшеніе своему зятю Сергѣю Долгорукову, вернуться изъ ссылки (тотъ былъ сосланъ въ деревню). Обсуждался даже вопросъ объ одномъ дипломатическомъ назначеніи для князя Сергѣя Григорьевича. Но Остерманъ, ненавидѣвшій Шафирова и опасавшійся его возрастающаго вліянія, Ушаковъ [1])—врагъ Долгоруковыхъ, боявшійся ихъ мести, наконецъ, Волынскій, быстро сдѣлавшійся вліятельнымъ лицомъ и боявшійся усиливающагося значенія Шафирова—всѣ соединились, чтобы убѣдить Бирона, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вернуть семью, причиной несчастій которой былъ онъ самъ, Биронъ; ему указали на неотложную необходимость покончить навсегда съ Долгоруковыми. Начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ обѣщалъ доставить ему для этого необходимый предлогъ.

Послѣ смерти отца и матери въ Березовѣ, князь Иванъ сталъ главой семьи; поведеніе его не могло внушить уваженія къ нему, ни близкихъ, ни чужихъ. Несчастье поднимаетъ сильную душу, очищаетъ ее, но оно совершенно разрушаетъ волю слабаго, дюжиннаго человѣка; оно принижаетъ и развращаетъ его еще больше. Князь Иванъ пилъ, небрежно относился къ женѣ; проводилъ дни въ пьянствѣ съ мелкими чиновниками, попами и купцами Березова. Кроткой Натальѣ Борисовнѣ бывало очень тяжело ладить съ золовками, надменными, капризными, требовательными. Младшіе братья Ивана Алексѣевича, глупые и грубые, не были способны оцѣнить его жену, которой жизнь стала настоящей мукой. Душевно одинокая, среди семьи, которой она всѣмъ пожертвовала, терпящая постоянныя мелкія обиды отъ золовокъ, заброшенная мужемъ,—она находила утѣшеніе только въ своихъ крошечныхъ дѣтяхъ; у нея было два мальчика Михаилъ и Дмитрій [2]); она сама ихъ кормила, несмотря на слабое здоровье свое, такъ какъ нанять кормилицу правительство ей не разрѣшило.

Въ Березовѣ княжна Екатерина Алексѣевна опустилась; она вошла въ связь съ поручикомъ гарнизона, нѣкимъ Овцынымъ, однимъ изъ собутыльниковъ князя Ивана [3]). Среди послѣднихъ, появлялся иногда

---

[1]) Ушаковъ и князь Юсуповъ были назначены, чтобы произвести обыскъ у Долгоруковыхъ.

[2]) Дмитрій родился позже, уже послѣ того, какъ князя Ивана разлучили съ семьей и увезли на казнь въ Новгородъ.

[3]) Сплетня, не обоснованная ни однимъ сколько-нибудь достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, и выросшая, по всѣмъ вѣроятіямъ, на томъ фактѣ, что когда доносчикъ Тишинъ оскорбилъ княжну, имѣвшую несчастье понравиться ему, своими объясненіями, она пожаловалась князю Ивану, съ которымъ былъ близокъ поручикъ

одинъ подъячій изъ Тобольска, Осипъ Тишинъ, пріѣзжавшій въ Березовъ по дѣлалъ службы. Какъ-то разъ, въ пьяномъ видѣ, Тишинъ позволилъ себѣ по отношенію къ княжнѣ какую-то непристойность. Овцынъ съ товарищемъ своимъ Яковомъ Лихачевымъ и еще однимъ обывателемъ Березова, Кашперовымъ, избили Тишина. Тотъ поклялся отмстить.

Приблизительно въ это же время Ушаковъ послалъ въ Тобольскъ одного изъ своихъ родственниковъ, капитана сибирскаго гарнизона, съ тѣмъ, чтобы тотъ запуталъ ссыльныхъ въ какое-нибудь опасное дѣло. Капитанъ научилъ Тишина донести: 1) что князь Иванъ ему говорилъ объ императрицѣ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; 2) что Тишинъ видѣлъ у него картину изображающую коронованіе имп. Петра II, 3) что у князя Николая (младшаго брата) есть книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ которой описано обрученіе его сестры съ императоромъ; 4) что воевода Бобровскій и майоръ Петровъ разрѣшали ссыльной семьѣ принимать гостей, что князь Иванъ бывалъ у жителей города, кутилъ, роскошничалъ и хулилъ государыню; 5) что духовенство Березова бывало постоянно въ гостяхъ, обѣдало и ужинало въ ссыльной семьѣ.

Капитанъ, котораго, если не ошибаюсь, тоже звали Ушаковымъ [1]), получивъ этотъ доносъ, пріѣхалъ лично въ Березовъ въ маѣ 1738 г., присланный, будто бы, правительствомъ для того, чтобы внести возможныя облегченія и улучшенія въ положеніи сосланныхъ. Онъ каждый день бывалъ у Долгоруковыхъ, обѣдалъ, гулялъ съ ними по городу. Вскорѣ онъ уѣхалъ, и немедленно послѣ его отъѣзда пришелъ приказъ, имъ самимъ посланный, разлучить князя Ивана съ семьей и посадить его въ одиночное заключеніе; тамъ приказано было кормить его только настолько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Княгиня Наталья Борисовна, съ разрѣшенія сжалившагося Петрова, ходила ночью повидать мужа сквозь маленькое рѣшетчатое оконце и приносила ему пищу.

Въ сентябрѣ, въ темную, дождливую ночь къ берегу Сосвы причалила баржа. Изъ нея вышли солдаты. Тридцать одинъ человѣкъ

Овцынъ. Овцынъ побилъ Тишина. Для послѣдняго этого было достаточно, чтобы увидѣть въ Овцынѣ счастливаго соперника. Овцынъ былъ очень образованный по своему времени человѣкъ. Разжалованный за дружбу съ Долгоруковымъ въ матросы, онъ участвовалъ въ экспедиціи Беринга, въ 1741 г. получилъ снова офицерскій чинъ; въ 1757 г. онъ уже командовалъ судами на Балтійскомъ морѣ. Ему принадлежитъ подробное описаніе Обской губы и Енисейскаго залива.

1) Фамилія его дѣйствительно была Ушаковъ.

были арестованы въ Березовѣ; ихъ повели къ судну, заковали въ кандалы и до зари увезли въ Тобольскъ.

Арестованы были между другими: князь Иванъ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, Лихачевъ, Кашперевъ; пять священниковъ, Федоръ Петровичъ Кузнецовъ, духовникъ Ивана Долгорукова, Илья Прохоровъ и три брата Васильева; наконецъ, діаконъ Ѳеодоръ Какоулинъ. Въ Тобольскѣ ихъ повели на дознаніе, которое дѣлалъ самъ... пріѣзжавшій въ Березовъ капитанъ Ушаковъ!

Обвиненные въ сношеніяхъ съ ссыльными, въ томъ, что вели съ ними дружбу, обѣдали и пили съ ними, они были приговорены: Лихачевъ и Кашперевъ къ кнуту и ссылкѣ въ Оренбургъ; Бобровскй посланъ въ Оренбургъ и разжалованъ въ солдаты безъ права производства. Петровъ и Овцынъ сосланы на каторгу. У митрополита Сибирскаго Антонія Стаховскаго хватило благородства и мужества вступиться за пятерыхъ священниковъ и діакона, но спасти ихъ онъ не могъ. Всѣ были наказаны кнутомъ и сосланы на каторгу. Кромѣ того, имъ были вырваны ноздри.

Князя Ивана посадили въ Тобольскѣ въ острогъ, гдѣ держали на цѣпи, прикованнымъ къ стѣнѣ, въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ. Чтобы измучить его, ему не давали спать. Доведенный до полнаго нервнаго разстройства, онъ сталъ бредить о своемъ прошломъ и, ловко допрошенный, разсказалъ подробно о томъ, какъ составлено было ложное завѣщаніе Петра II. Для Бирона этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отправить его на пытку и казнь.

Князя Ивана отправили въ Новгородъ. Вскорѣ, привезли туда изъ Березова и остальныхъ братьевъ и сестеръ. Изъ Соловецкаго монастыря былъ доставленъ Василій Лукичъ. Братья покойнаго Алексѣя Григорьевича, Сергѣй и Иванъ, были также привезены въ Новгородъ. Слѣдователямъ приказано было всѣхъ на допросѣ пытать.

Это было въ 1739 г. Вся Россія, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ нѣмцевъ, стоявшихъ у власти,—была измучена, доведена до отчаянія правленіемъ Бирона. Цесаревна Елизавета Петровна и ея маленькій племянникъ, принцъ Голштинскій, о которыхъ въ 1730 г. никто не думалъ и о которыхъ упоминали съ презрѣніемъ, теперь представлялись русскому дворянству единственной надеждой на спасеніе.

Привѣтливость, простота и ласковость цесаревны привлекали къ ней всѣхъ знавшихъ ее, и въ полкахъ у нея было много преверженцевъ, какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ. Биронъ и нѣмцы начинали серьезно опасаться ея вліянія и въ каждомъ политическомъ

процессѣ, въ каждомъ открытомъ выраженіи недовольства искали участія преданныхъ цесаревнѣ людей. Такъ было и теперь, въ дѣлѣ Долгоруковыхъ, и совсѣмъ напрасно: ни сосланные въ Березовъ, ни ловкій интриганъ Василій Лукичъ, никогда не имѣли сношеній съ великой княжной. Къ несчастью для Долгоруковыхъ, единственный человѣкъ въ Петербургѣ, который могъ за нихъ вступиться, старый Шафировъ, умеръ не задолго передъ тѣмъ (1 марта 1739 г.). Умирая, онъ обратился къ милости и добротѣ императрицы и довѣрилъ ей судьбу своего зятя Сергѣя Долгорукова и своихъ внуковъ... Но Анна Іоанновна не знала ни милости, ни доброты... Эта предсмертная просьба еще болѣе обострила ненависть враговъ несчастной семьи.

Допросъ велся съ жестокостью, доходившей до дикости. Пытки были ужасны. Младшаго брата князя Ивана, Александра, напоили пьянымъ и заставили разсказывать вещи губившія семью.

Придя въ себя, въ отчаяніи, онъ схватилъ ножъ и вскрылъ себѣ животъ. Это замѣтили во-время—зашили рану, стали его лечить и *спасли* ему жизнь.

Императорскій приказъ приговорилъ Ивана къ четвертованію, [1]) братьевъ его отца, князей—Сергѣя и Ивана Григорьевичей и Василія Лукича—къ обезглавленію. Фельдмаршала Василія Владиміровича и его брата, Михаила, къ заточенію, одного въ Соловецкій монастырь, другого въ Шлиссельбургъ,—имущества ихъ къ конфискаціи. Николай, младшій братъ Ивана, 26-ти лѣтъ, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ въ Охотскѣ и къ отрѣзанію языка, Алексѣй, 23-хъ лѣтъ, къ ссылкѣ на Камчатку простымъ матросомъ на всю жизнь; Александръ, 21 года, на Камчатку, въ каторжныя работы. Всѣ три брата приговорены къ кнуту. Сестры заточены въ монастыри. Изъ четырехъ сыновей князя Сергѣя Григорьевича (внуковъ стараго Шафирова): старшіе Николай и Петръ отданы въ солдаты; младшіе Григорій и Василій отданы въ подмастерья; маленькій Василій попалъ къ кузнецу—учиться грамотѣ ему было также навсегда запрещено.

Казнь назначена была 8 ноября 1739 г. Въ верстѣ отъ Новгорода тянется болотистая мѣстность, отдѣленная отъ города высохшимъ русломъ рѣки—носящимъ названіе Федоровскаго ручья. На этомъ болотистомъ мѣстѣ находится кладбище для бѣдныхъ, извѣстное подъ именемъ Скудельничьяго. На разстояніи четверти версты отъ этого Скудельничьяго кладбища былъ построенъ эшафотъ. Начали съ кну-

[1]) По приговору суда князь Иванъ былъ не четвертованъ, а колесованъ; его братья Александръ и Николай во время новгородскихъ ужасовъ находились въ Вологдѣ.

та, къ которому приговорены были три брата князя Ивана; младшему Николаю былъ кромѣ того «урѣзанъ» языкъ; затѣмъ отрубили голову князю Ивану Григорьевичу (дядѣ кн. Ивана Алексѣевича), затѣмъ Сергѣю Григорьевичу, наконецъ, Василію Лукичу. Пришелъ чередъ Ивана. Въ эту страшную минуту онъ выказалъ поразительную твердость; онъ глядѣлъ въ глаза смерти, и какой смерти! Съ мужествомъ, воистину русскимъ. Въ то время, какъ палачъ привязывалъ его къ роковой доскѣ—онъ молился. Когда палачъ рубилъ ему лѣвую руку—онъ сказалъ: «*Благодарю тя Господи!*» Палачъ отсѣкъ ему правую ногу—Иванъ продолжалъ «*что сподобилъ мя...*» и когда ему рубили лѣвую ногу «*познать тя...*» затѣмъ онъ потерялъ сознаніе. Палачъ закончилъ казнь, отрѣзавъ правую руку и голову. Внукъ несчастнаго, князь Иванъ Михайловичъ, пишетъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ:

«Такая неожиданная и ужасная кончина, полная такихъ страстныхъ страданій, искупаетъ всѣ вины его молодости и его кровь, оросившая новгородскую землю, эту древнюю колыбель русской свободы, должна примирить съ его памятью всѣхъ враговъ нашего рода».

Внукъ несчастнаго мученика правъ, утверждая, что столько страданій, увѣнчанныхъ такой смертью, искупаютъ вину молодости, но безпристрастный историческій судъ, не долженъ ничего замалчивать и, клеймя безчеловѣчныхъ палачей несчастнаго князя Ивана, онъ долженъ сохранить въ своихъ анналахъ и тяжелыя страницы короткаго царствованія Петра II.

Послѣ казни были тотчасъ вырыты двѣ могилы; въ нихъ опустили по гробу, съ двумя тѣлами въ каждомъ. Послѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, князь Николай, братъ и племянникъ казненныхъ и князь Михаилъ, старшій сынъ несчастнаго князя Ивана, построили возлѣ кладбища церковь святого Николая Чудотворца. Они перенесли и похоронили въ церкви оба гроба. Они стоятъ влѣво отъ входа, по правую руку отъ алтаря; вмѣсто надгробныхъ плитъ они обложены, выбѣленными известкой кирпичами. Ни надписи, ни имени, ни чиселъ. Я посѣтилъ въ 1849 г. эту церковь и почтительно склонился передъ этими двумя могилами, нѣмыми и такими краснорѣчивыми, свидѣтелями человѣческаго тщеславія, честолюбія и шаткаго счастья.

Я разскажу еще о тѣхъ членахъ семьи, которые пережили эту страшную казнь. О фельдмаршалѣ я говорилъ. Возвращенный, какъ и всѣ Долгоруковы, импер. Елизаветой изъ ссылки, фельдмаршалъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни въ Петербургѣ, окруженный

вниманіемъ и почетомъ. Его братъ Михаилъ Владиміровичъ былъ назначенъ сенаторомъ. Онъ пережилъ фельдмаршала и умеръ въ 1750 г. восьмидесяти двухъ лѣтъ.

Жена князя Ивана, Наталья Борисовна, оставалась въ Березовѣ, гдѣ ее задержали до воцаренія императрицы Елизаветы. Она вернулась тогда въ Петербургъ съ обоими сыновьями и жила въ домѣ брата графа Петра Борисовича Шереметева.

Старшій сынъ Натальи Борисовны, Михаилъ, былъ женатъ два раза; въ первый разъ, въ теченіе только одного года, на Голицыной; овдовѣвъ, онъ женился на Строгановой. Второй, Дмитрій, страдавшій съ дѣтства нервнымъ разстройствомъ, умеръ на рукахъ матери въ Кіевѣ, въ 1757 году. Послѣ смерти сына, Наталья Борисовна, исполнила обѣтъ, давно данный, и постриглась въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ подъ именемъ Нектаріи. Наканунѣ постриженія она сошла къ берегу Днѣпра, сняла съ руки обручальное кольцо, поцѣловала его и бросила въ рѣку. Въ 1771 г. 3 іюля она скончалась и была похоронена въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Княжна Екатерина Алексѣевна была увезена въ ноябрѣ 1739 г. въ Горицкій Воскресенскій монастырь, на Бѣломъ озерѣ, въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губ. — Этотъ монастырь, построенный среди глухихъ лѣсовъ, не разъ служилъ государственной тюрьмой. Основанный княгиней Евфросиньей, вдовой князя Андрея Іоанновича Старицкаго, сына Іоанна III, онъ сдѣлался мѣстомъ заключенія своей основательницы. Она была заточена туда Іоанномъ IV, послѣ того, какъ сынъ ея былъ отравленъ грознымъ царемъ. Вслѣдъ затѣмъ тамъ была заключена невѣстка Іоанна Грознаго, Прасковья Михайловна Саловая, жена его несчастнаго сына Ивана. Въ первыхъ годахъ XVII в., послѣ паденія Годунова, царевна Ксенія провела въ Горицкомъ монастырѣ нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ.

Княжну Екатерину Алексѣевну держали въ строгомъ одиночномъ заключеніи, никогда не выпуская изъ кельи. На заднемъ дворѣ монастыря стояла изба съ небольшими отверстіями, вмѣсто оконъ; дверь ея была всегда заперта тяжелымъ висячимъ замкомъ. Эта изба служила тюрьмой бывшей невѣстѣ Петра II. Ни суровое заключеніе, ни полная зависимость, въ которой она находилась отъ игуменьи, не сломили ея характера. Къ игуменьѣ, бывшей крѣпостной, она относилась съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Какъ-то разъ грубая старуха замахнулась четками и хотѣла ударить княжну; та спокойно уклонилась отъ удара, выпрямилась во весь ростъ и указала на дверь: «Ты должна уважать свѣтъ и во тьмѣ», сказала она, «не забывай, что я

княжна, а ты холопка!» Игуменья смутилась и вышла безпрекословно. Въ другой разъ, губернаторъ, объѣзжая губернію, посѣтилъ монастырь. Его принимали съ большой торжественностью. Игуменья повела его къ княжнѣ; княжна при входѣ гостей не встала и въ отвѣтъ на замѣчаніе, молча повернула вошедшимъ спину. Въ наказаніе заколотили единственное оконце ея кельи и оставили ее въ полной темнотѣ. Такъ томилась она въ теченіе двухъ лѣтъ, до воцаренія императрицы Елизаветы. Изъ Петербурга за княжной былъ присланъ экипажъ; игуменья и монахини почтительно ее провожали, земно кланялись ей, прощаясь, и просили не забывать ихъ милостями. Много разъ впослѣдствіи, монастырь получалъ отъ нея богатые дары[1]).

---

1) Этотъ разсказъ князя П. В. Долгорукова о судьбѣ бывшей невѣсты Петра II долгое время пользовался большой распространенностью. Новѣйшее изслѣдованіе, принадлежащее перу проф. Д. А. Корсакова, мѣняетъ многое въ привычной версіи. Пользуясь документами Государственнаго Архива, а также мѣстными томскими и иркутскими консисторскими и монастырскими архивами, Д. А. Корсаковъ установилъ, что сестры князя Ивана были разосланы по сибирскимъ монастырямъ: Екатерина (государыня-невѣста), м. б. послѣ очень недолгаго пребыванія въ Горицкомъ монастырѣ—въ томскій Рождественскій, Елена—въ тюменскій Успенскій, Анна—въ верхотурскій Покровскій. Указъ тобольской архіерейской канцеляріи отъ 9-го ноября 1740 г. былъ полученъ въ Томскѣ 21-го декабря того же года,—говоритъ проф. Корсаковъ,—а на другой день совершено было іеромонахомъ Моисеемъ постриженіе въ монахини томскаго Рождественскаго монастыря «разрушенной невѣсты», «дѣвки Катерины, Долгоруковой дочери», какъ она названа была въ указѣ тобольской архіерейской канцеляріи. Постриженіе происходило въ присутствіи караульнаго оберъ-офицера, доставившаго ее изъ Тобольска; княжна Екатерина, по обычаю всѣхъ насильственно постригаемыхъ въ монашество въ XVII и XVIII вв., не произнесла ни одного изъ монашескихъ обѣтовъ, храня упорное молчаніе на вопросы, предлагаемые ей іеромонахомъ. Рождественскій монастырь былъ крайне бѣденъ, не имѣя никакихъ вкладовъ и земельныхъ владѣній и не получая ничего отъ казны на свое содержаніе: монахини питались мірскимъ подаяніемъ, и такъ какъ княжна Екатерина ничего не получала отъ казны на свое содержаніе, то пропитывалась тѣмъ же способомъ. Преданія о княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой, доселѣ живущія среди томскихъ обывателей, разсказываютъ слѣдующее: содержалась она въ монашеской келіи подъ строгимъ карауломъ, не покидавшимъ ее ни днемъ, ни ночью; она получала позволеніе лишь иногда, для развлеченія, подняться на монастырскую колокольню, съ высоты которой былъ виденъ весь городъ Томскъ. Сохранился также разсказъ о томъ, какъ княжна Екатерина рѣшительно отказала отдать присланному къ ней нарочному свое обручальное кольцо, дѣлавшее ее обрученной невѣстой императора Петра II. «Только тогда вы можете воспользоваться этой моей святыней, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку»—сказала она посланному. См. Д. А. Корсаковъ Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка, стр. 136—137.

Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ очень хотѣлось выдать замужъ бывшую царскую невѣсту, но это было не легко: тяжелый и властный характеръ княжны отпугивалъ жениховъ, да и сама она была слишкомъ горда и разборчива. Наконецъ въ 1745 году, графъ Александръ Брюсъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, просилъ руки княжны, Екатерины Алексѣевны. Послѣ свадьбы молодые ѣздили въ Новгородъ поклониться могиламъ брата и дядей молодой графини. Во время этого путешествія она простудилась, захворала и вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ умерла. Говорятъ, что передъ смертью она велѣла при себѣ сжечь всѣ свои платья, изъ страха, чтобы кто-нибудь не надѣлъ ихъ послѣ нея. Даже близость смерти не могла заглушить въ ней ея надменности.

Братья княжны Екатерины Алексѣевны, Николай, Алексѣй и Александръ были всѣ возвращены изъ ссылки имп. Елизаветой такъ же какъ и дѣти князя Сергѣя Григорьевича, казненнаго вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ въ Новгородѣ.

ГЛАВА VI.

Императрица Анна Іоанновна и ея дворъ.

Императрица Анна Іоанновна была роста выше средняго, очень толста и неуклюжа; въ ней не было ничего женственнаго: рѣзкія манеры, грубый мужской голосъ, мужскіе вкусы. Она любила верховую ѣзду, охоту, и въ Петергофѣ, въ ея комнатѣ всегда стояли наготовѣ заряженныя ружья: у нея была привычка стрѣлять изъ окна пролетающихъ птицъ. Во дворѣ Зимняго дворца для нея былъ устроенъ тиръ и охотничій манежъ, куда ей приводили дикихъ кабановъ, козъ, иногда волковъ и медвѣдей. Такъ, 14 марта 1737 г. С.-Петербургскія Вѣдомости объявляютъ «что Е. И. В., всемилостивѣйшая Государыня, изволила потѣшаться охотой на дикую свинью, которую изволила изъ собственныхъ рукъ застрѣлить». 25 іюля объявляется, что на прошедшей недѣлѣ, въ присутствіи императрицы состоялось состязаніе въ стрѣльбѣ и были розданы призы: золотыя кольца, усыпанныя алмазами. 27 апрѣля 1738 г. въ Вѣдомостяхъ объявляется, что императрица застрѣлила дикаго кабана и оленя. 8-го августа 1740 г., за два мѣсяца до смерти Анны Іоанновны въ Вѣдомостяхъ объ-

является, что во время пребыванія Ея Величества въ Петергофѣ (т.-е. въ три мѣсяца) было убито: девять оленей, шестнадцать дикихъ козъ, четыре кабана, волкъ, триста семьдесятъ четыре зайца, шестьдесятъ восемь утокъ, шестнадцать большихъ чаекъ и т. д.

Даже флегматичную и кроткую Анну Леопольдовну заставляли охотиться. Такъ въ 1737 г., когда принцессѣ было всего девятнадцать лѣтъ, С.-Петербургскія Вѣдомости объявляютъ, что во время императорской охоты, во дворѣ Зимняго дворца, ея Высочество убила оленя.

Имераторскимъ указомъ запрещалось, подъ угрозой суровѣйшихъ наказаній, 1) охота въ окрестностяхъ Петергофа и Петербурга, 2) на зайцевъ, на сто верстъ 3) на куропатокъ на 200 верстъ вокругъ.

Быть сурово наказаннымъ, въ царствованіе Анны Іоанновны означало, по меньшей мѣрѣ быть битымъ кнутомъ или имѣть вырванныя ноздри.

Надменная, жестокая, злая Анна Іоанновна была нелюбима даже родной матерью, которая примирилась съ нею лишь передъ смертью, по настоянію Петра I и Екатерины. Она вставала между 7—8 часами, туалетъ ея длился не долго. Она была неряшлива и грязна, несмотря на страсть къ роскоши. Послѣ утренняго кофе, она проводила нѣкоторое время, разбирая свои драгоцѣнности. Въ 9 часовъ начинался пріемъ министровъ; она подписывала бумаги, часто не читая; затѣмъ ѣхала въ манежъ Бирона, гдѣ у нея была, отдѣльная комната. Въ манежѣ она ѣздила верхомъ, осматривала лошадей, стрѣляла; часто, тамъ же назначались и аудіенціи. Въ 12 часовъ она возвращалась во дворецъ и завтракала съ семьей Бирона. Въ торжественные дни она обѣдала на народѣ, въ открытомъ павильонѣ, съ племянницей своей принцессой Анной Леопольдовной и цесаревной Елисаветой Петровной. Во внутреннихъ покояхъ она носила обыкновенно широкій шлафрокъ, голубой или блѣднозеленый, голову повязывала, по крестьянски, краснымъ платкомъ. Послѣ обѣда она ложилась отдыхать. Биронъ оставался возлѣ нея, жена его и дѣти удалялись. Послѣ часового отдыха, она вставала, открывала дверь въ сосѣднюю комнату, въ которой за рукодѣльемъ сидѣли фрейлины и кричала имъ: «Ну, дѣвки, пойте!» И фрейлины должны были пѣть, пока она имъ не кричала: «Довольно!» По вечерамъ бывали куртаги. Играли въ фараонъ, банкъ, квинтичь. Проигрывалось и выигрывалось по десять, пятнадцать тысячъ червонцевъ въ вечеръ. Императрица сама держала банкъ; только тѣ, кого она лично просила, могли понтировать; она платила немелленно и никогда не брала своего выигрыша, такъ что честью быть приглашенными къ игрѣ императрицы приближенные ея очень дорожили.

Неряшливая въ одеждѣ и въ домашнемъ обиходѣ, Анна Іоанновна любила роскошь тѣмъ болѣе, что это была одна изъ страстей Бирона; вкусы Бирона—были ея вкусы, то что онъ любилъ, она любила, то что онъ ненавидѣлъ—ненавидѣла она. Она была весела, только когда и онъ былъ веселъ, была грустна, когда онъ хмурился. Фаворитъ любилъ яркіе цвѣта: черный цвѣтъ былъ запрещенъ при дворѣ. Пріѣхать ко двору въ темномъ платьѣ, значило навлечь на себя немилость. Всѣ одѣвались свѣтло и пестро. Старики, какъ князь Черкасскій и вице-канцлеръ Остерманъ, появлялись во дворцѣ въ блѣдно-розовыхъ костюмахъ. Платье вице-канцлера, который былъ скупъ и неряшливъ, было всегда сомнительной чистоты; чтобы угодить императрицѣ онъ пускался танцовать полонезъ, съ трудомъ передвигая больныя ноги, мучась отъ боли, но всегда съ улыбкой и съ сіяющимъ лицомъ.

Иногда давались при дворѣ спектакли; игрались нѣмецкія и итальянскія комедіи; императрицѣ нравились особенно тѣ, въ которыхъ вступали въ драку; чѣмъ грубѣе были сцены, тѣмъ громче она хохотала своимъ басистымъ смѣхомъ. Она первая ввела, впрочемъ, итальянскую оперу въ Россіи: это было въ 1736 г.

Не получивъ разрѣшенія Бирона, императрицу видѣть было нельзя. Горе было тому, кто осмѣлился бы ослушаться временщика. Всѣ, служившіе при дворѣ, начиная съ оберъ-гофмаршала Рейнгольда Левенвольде и до истопниковъ, были ставленниками Бирона; онъ ихъ назначалъ и смѣнялъ по капризу. Истопникъ, топившій печи въ покояхъ императрицы, былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Бирону людей. Онъ имѣлъ свободный доступъ въ спальню Анны Іоанновны. Ему приходилось входить нѣсколько разъ, чтобы слѣдить за топкой; императрица вставала и одѣвалась при Биронѣ, не стѣсняясь и присутствіемъ истопника. Въ тѣ времена прислуга, входя въ комнату, должна была подойти сперва къ императрицѣ и поцѣловать ей руку (Екатерина II этотъ обычай уничтожила). Истопникъ былъ слишкомъ грязенъ, чтобы быть допущеннымъ къ рукѣ—онъ кланялся въ ноги и цѣловалъ ногу императрицѣ, затѣмъ продѣлывалъ тоже по отношенію къ Бирону. Этому истопнику даровали дворянство 3 марта 1740 г.; гербъ, которымъ его наградили, очень краснорѣчивъ: три серебряныя вьюшки на голубомъ полѣ. Его звали Алексѣй Милютинъ. Одинъ изъ его правнуковъ теперь военный министръ—другой министръ, статсъ-секретарь царства польскаго [1]).

---

[1]) Записки печатались впервые въ 1867 г.

Наканунѣ праздниковъ генералитетъ, придворные и гвардія являлись поздравлять императрицу, допускались къ рукѣ и получали изъ Высочайшихъ рукъ стаканъ вина. 19 января, день восшествія на престолъ Анны Іоанновны, справлялся попойкой: чѣмъ больше пили, тѣмъ больше, значитъ, выражали радости, слѣдовательно, и преданности. Больше всѣхъ выказывалъ свою преданность оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, горьчайшій пьяница.

Анна Іоанновна любила шутовъ. У нея ихъ было шесть; изъ которыхъ два были шутами еще при Петрѣ I: это были Балакиревъ, человѣкъ очень хорошей семьи, и Лакоста, крещеный португальскій еврей, которому Петръ I, шутки ради, подарилъ необитаемый островокъ на Балтійскомъ морѣ, съ титуломъ «царя Самоѣдскаго». Остальные четыре были: князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, зять его графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій и итальянецъ Педрилло, пріѣхавшій въ Россію въ качествѣ первой скрипки театральнаго оркестра, и перешедшій на болѣе выгодную должность придворнаго шута. Онъ скопилъ на этомъ доходномъ мѣстѣ довольно хорошее состояніе и, послѣ смерти Анны Іоанновны, когда регентша Анна Леопольдовна упразднила шутовъ, уѣхалъ въ Италію богатымъ человѣкомъ. Онъ и Лакоста были любимцами императрицы; она установила для нихъ особый орденъ—Санъ-Бенедетто. Это былъ въ миніатюрѣ орденъ Александра Невскаго, повѣшенный въ петлицѣ, на красной лентѣ; придворнымъ, которые имѣли орденъ Александра Невскаго—это было не очень лестно.

Какъ-то Биронъ сказалъ Педрилло: «Правда ли что ты женатъ на козѣ?» «Ваша свѣтлость, не только женатъ, но моя жена беременна, и я надѣюсь, мнѣ дадутъ достаточно денегъ, чтобы прилично воспитать моихъ дѣтей». Черезъ нѣсколько дней онъ сообщилъ Бирону, что жена его, коза, родила, и онъ проситъ, по старому русскому обычаю, придти ее навѣстить и принести въ подарокъ, кто сколько можетъ, одинъ, два червонца. На придворной сценѣ поставили кровать, положили на нее Педрилло съ козой, и всѣ, начиная съ императрицы,—за ней дворъ, офицеры гвардіи—приходили кланяться козѣ и дарили ее. Это дикое шутовство принесло Педрилло около 10 тысячъ рублей.

Князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, былъ почтенный пятидесятилѣтній человѣкъ, зять Алексѣя и Михаила Бестужевыхъ-Рюминыхъ; онъ былъ приговоренъ къ шутовству изъ личной мести Анны Іоанновны; это была старая вражда между женой Волконскаго и тремя дочерьми царя Ивана. У Волконскаго было два сына, уже

офицеры. Старшій Михаилъ, человѣкъ выдающійся, былъ, впослѣдствіи при Екатеринѣ II, посланникомъ въ Польшѣ и московскимъ генералъ-губернаторомъ. Зятья Волконскаго Алексѣй и Михаилъ Бестужевы занимали высокіе дипломатическіе посты; Алексѣй въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Анны Іоанновны былъ призванъ въ Петербургъ, чтобы занять одно изъ вліятельнѣйшихъ положеній для того времени—постъ кабинетъ-министра. Онъ бывалъ при дворѣ, пользовался милостями двора, при которомъ зять его, оплеванный и всѣми презираемый, получалъ ежедневные пинки. Отсутствіе достоинства и готовность терпѣть униженія у русскихъ придворныхъ воистину изумительна!

Шутъ князь Михаилъ Голицынъ былъ внукъ извѣстнаго Василія Голицына, сотрудника и любимца царевны Софіи, изгнаннаго Петромъ I на самый сѣверъ Россіи. Съ нимъ вмѣстѣ былъ изгнанъ и его старшій сынъ Алексѣй, женатый на Квашниной; Алексѣй впалъ въ меланхолію и умеръ раньше отца, который вынесъ 24 года тяжелаго изгнанія. Михаилъ, сынъ Алексѣя, родился въ самый годъ ужасной катастрофы, разразившейся (въ 1689 г.) надъ его дѣдомъ. Когда онъ подросъ, его взяли въ солдаты и лѣтъ сорока онъ былъ все еще въ скромномъ чинѣ армейскаго майора. Онъ женился на Хвостовой; отъ нея у него былъ сынъ Николай, впослѣдствіи умершій бездѣтнымъ, и дочь Елена, вышедшая замужъ за Апраксина. Овдовѣвъ, Голицынъ путешествовалъ; въ Италіи онъ женился вторично на итальянкѣ и, подъ ея вліяніемъ, принялъ католичество. Жена его была семьи очень простой, и онъ не рѣшился объявить о своемъ бракѣ своимъ именитымъ родственникамъ. Вернувшись въ Россію, онъ поселилъ жену въ Нѣмецкой слободѣ, и только въ 1736 г. узнали при дворѣ о его необъявленномъ бракѣ. Послѣ смерти фельдмаршала Голицына, Биронъ преслѣдовалъ всю семью и былъ очень доволенъ возможности нанести Голицынымъ такой унижающій, оскорбительный ударъ. Князь Михаилъ Алексѣевичъ былъ приговоренъ къ роли придворнаго шута. У него не хватило мужества лишить себя жизни. Жену его арестовали, увезли въ Петербургъ и предали тайной канцеляріи; я не знаю, что съ ней сталось, но бракъ былъ расторгнутъ и признанъ недѣйствительнымъ. Въ послѣдній годъ своего царствованія Анна Іоанновна приказала женить Голицына [1]) на камчадалкѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Ей было лѣтъ 30; она была уродлива, грязна, звали ее Евдокіей Ивановной; у нея даже фамиліи не было.

---

1) Голицынъ былъ тогда въ состояніи близкомъ къ идіотизму.

Ее прозвали Буженниновой (въ честь «буженины»—любимаго блюда императрицы!). Свадьба справлялась въ февралѣ 1740 года среди сборища представителей чуть ли не всѣхъ дикихъ народностей Россіи, созванныхъ нарочно по этому случаю. Молодыхъ везли въ церковь въ клѣткѣ на спинѣ слона; приглашенные ѣхали за ними въ саняхъ, запряженныхъ быками, собаками, оленями, козлами и свиньями. Въ Бироновскомъ манежѣ устроенъ былъ пиръ и балъ, на которыхъ каждая пара инородцевъ угощалась своимъ національнымъ кушаньемъ и затѣмъ каждая танцовала свой національный танецъ подъ звуки родной музыки: шумъ и гамъ стояли оглушающіе. Затѣмъ молодыхъ ввели въ ледяной домъ, построенный на Невѣ, гдѣ они были заперты на всю ночь. У Евдокіи Ивановны родился сынъ, Андрей.

Несчастнаго князя Михаила Алексѣевича прозвали при дворѣ «квасникомъ»; вотъ по какому случаю: какъ-то разъ Анна Іоанновна спросила себѣ стаканъ квасу и, выпивъ половину, вылила остатокъ на голову бѣдному Голицыну. Придворные нашли, конечно, что шутка полна остроумія, и бѣдный старикъ до конца жизни назывался квасникомъ. Анна Леопольдовна, сдѣлавшись регентшей (въ 1840 г.) освободила Голицына отъ его тяжкихъ обязанностей, и онъ уѣхалъ въ Москву. Тамъ родился у Евдокіи Ивановны второй сынъ.

Голицынъ былъ женатъ и въ четвертый разъ, на Хвостовой, отъ которой у него было три дочери. Онъ умеръ въ 1775 г. восьмидесяти шести лѣтъ.

Графъ Алексѣй Апраксинъ былъ сдѣланъ шутомъ также въ наказаніе: за то, что онъ принялъ католичество подъ вліяніемъ своего тестя Михаила Голицына. Онъ былъ племянникъ графовъ Апраксиныхъ: генералъ-адмирала и оберъ-шенка. Сынъ оберъ-шенка, его двоюродный братъ Ѳедоръ, пра-прадѣдъ, нынѣшнихъ Апраксиныхъ, тотъ самый который игралъ такую постыдную роль 1730 году, совершенно спокойно выносилъ оскорбленіе, нанесенное семьѣ и исполнялъ при дворцѣ свои обязанности камергера, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это же время начиналъ свою карьеру Степанъ Апраксинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ родственника своего графа Петра Апраксина, отца шута. Это послѣднее обстоятельство Степанъ Апраксинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ—мать его была во второмъ бракѣ замужемъ за Ушаковымъ, начальникомъ тайной канцеляріи—повидимому, совершенно не помнилъ и никогда не сдѣлалъ ничего для облегченія участи несчастнаго шута.

По воскресеньямъ, когда императрица Анна Іоанновна и ея дворъ шли черезъ залы дворца отъ обѣдни, прослушавъ молитвы Тому, Кто

напомнилъ людямъ о любви, объ уваженіи къ слабости и къ страданію,—несчастные шуты должны были сидѣть вдоль стѣнъ на корточкахъ и кричать «кука-реку». Придворные забавлялись, толкая ихъ, глумясь, разрисовывая имъ лица углемъ. Среди придворныхъ находились родственники Волконскаго, Голицына и Апраксина, не подозрѣвавшіе, что оскорбленіе и стыдъ, переживаемые несчастными, падалъ на нихъ, маралъ и ихъ имя.

Однимъ изъ любимыхъ развлеченій Бирона и Анны Іоанновны были драки шутовъ. Ихъ заставляли нападать другъ на друга, бить другъ друга по лицу, часто въ кровь, валить другъ друга на землю. Императрица и Биронъ хохотали до слезъ, глядя на нихъ. Шутамъ приходилось повиноваться безпрекословно. Балакиреву, однажды, нездоровилось, и онъ отказался вступить въ драку. Анна Іоанновна и Биронъ были взбѣшены; Балакирева приказано было выпороть *нещадно*; несчастный два дня пролежалъ послѣ экзекуціи, не будучи въ состояніи ни встать, ни повернуться въ постели.

У Анны Іоанновны была вообще страсть ко всякаго рода вульгарному шутовству. Узнавъ, что Тредьяковскій написалъ эротическую буффонаду въ стихахъ, она призвала его и выразила желаніе услышать это произведеніе. Вотъ какъ Тредьяковскій разсказываетъ объ этомъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Имѣлъ счастіе читать Государынѣ Императрицѣ, у камеля, стоя на колѣняхъ передъ ея Императорскимъ Величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія, удостоился получить, изъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества рукъ Всемилостивѣйшую оплеушину».

Анна Іоанновна приблизила къ себѣ и воспитала племянницу свою, единственную дочь сестры Екатерины Іоанновны герцогини Мекленбургской. Молодая принцесса родилась 18 декабря въ 1718 году и была названа при крещеніи Елизаветой-Екатериной-Кристиной. Грубый, деспотическій нравъ герцога принудилъ Екатерину Іоанновну покинуть мужа и пріѣхать въ Петербургъ, когда дочери ея было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Принцесса Елизавета приняла православіе и была названа въ честь своей тетки, Анной. Это была свѣтлая блондинка, съ лицомъ мало выразительнымъ, хорошо сложенная и довольно граціозная; она была не глупа, но питала отвращеніе ко всякому серьезному занятію и всегда имѣла усталый, скучающій видъ; несмотря на свою флегматичность, она была очень чувственна; очень не любила стѣснять себя и бо́льшую часть дня проводила полуодѣтая, безъ дѣла, безпорядочно мечтая. Императрица искала ей жениха, среди нѣмецкихъ принцевъ. Карлъ

Густавъ Левенвольде былъ посланъ за границу съ этой цѣлью. Австрійскій дворъ щедро заплатилъ ему за то, что онъ способствовалъ выбору принца Антона—Ульриха Брауншвейгъ-Бевернскаго. Принцъ Брауншвейгскій былъ племянникомъ по матери, императрицы Австрійской, супруги Карла VI. Ему было двадцать пять лѣтъ (род. 17 августа 1714 г.). Онъ былъ очень добрый малый—и только; у него было доброе сердце, умъ отсутствовалъ, энергіи не было никакой: это было именно то, что требовалось. Его дядя и тетка и вся семья были очень довольны, когда дѣло устроилось: они не подозрѣвали, что посылаютъ его на гибель, на ужасы, на смерть въ тюрьмѣ, послѣ 35-ть лѣтъ заточенія. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Россію, его послали на границы Турціи подъ начальство Миниха, въ дѣйствующую армію, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ обществу и сблизить съ арміей. Биронъ противодѣйствовалъ, сколько могъ, предполагавшемуся браку. Онъ задумалъ женить своего старшаго сына Петра (мальчикъ былъ на пять лѣтъ моложе принцессы) на Аннѣ Леопольдовнѣ и возвести такимъ образомъ своихъ потомковъ на русскій престолъ. Вліяніе фаворита на императрицу было такъ сильно, что трудно было предвидѣть, чѣмъ кончилась бы его интрига, если бы въ дѣло не вмѣшался Остерманъ. Послѣдній очень стоялъ за бракъ Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Къ Остерману присоединилась графиня Головкина, искренне любившая Анну Леопольдовну. Головкиной удалось окончательно разрушить планы Бирона. Въ тѣ времена, бракъ между двоюродными считался совершенно недопустимымъ; дѣти же Бирона были дѣтьми Анны Іоанновны, такъ что Петръ Биронъ приходился, въ сущности, двоюроднымъ братомъ принцессѣ [1]. Графиня Головкина сумѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и съ необычайнымъ тактомъ провела все дѣло. Съ другой стороны она очень повліяла и на Анну Леопольдовну, которая очень неохотно согласилась на бракъ съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Онъ былъ ей очень не по душѣ. Головкина убѣдила ее, что колебанія могутъ только способствовать успѣху интриги Бирона, и что если ужъ рѣшаться на бракъ безъ сердечной склонности, то, конечно, лучше выйти замужъ за герцога Брауншвейгскаго, потомка владѣтельныхъ князей, племянника австрійской императрицы, чѣмъ за Бирона, сдѣлавшагося правда наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ,

---

[1]) Насколько все это достовѣрно—судить нельзя; приходится принимать, какъ тогдашніе ходячіе слухи и пересуды, очень характерные для общаго положенія дѣлъ.

но, все же, правнука простого конюха. Анна Леопольдовна нисколько не скрывала своей антипатіи къ обоимъ женихамъ. Она говорила, не стѣсняясь, окружающимъ, что для нея не понятенъ фактъ, что она, племянница и пріемная дочь самодержцы всероссійской, не можетъ выбрать себѣ мужа по своему желанію, свободно и независимо [1]).

Уже будучи невѣстой принца Антона Ульриха, принцесса говорила Волынскому, съ которымъ была въ пріятельскихъ отношеніяхъ: «Это вы, министры проклятые, на то привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала,—раздраженно и злобно отвѣчала Анна Леопольдовна,—а все вы для своихъ интересовъ къ тому привели».

— Я и князь Черкасскій въ томъ не виноваты—дипломатически оправдывался Волынскій:—Мы о томъ не вѣдали, а вѣдалъ ли о томъ или нѣтъ графъ Остерманъ,—мнѣ неизвѣстно... Чѣмъ же вы, ваше высочество, недовольны?

«Принцъ Брауншвейгскій весьма тихъ и не смѣлъ въ поступкахъ своихъ?..»

Волынскій отвѣчалъ на это опять таки очень дипломатично:

— Хоть въ его свѣтлости какіе недостатки и есть, то, напротивъ того, довольныя богодарованія въ вашемъ высочествѣ имѣются и для того можете тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ. Сносите все то терпѣливо и не показывайте людямъ, что въ томъ вамъ противность имѣется. Въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоитъ. Когда такого состоянія принцъ Брауншвейгскій, то для вашего высочества пользы лучше будетъ, потому что больше будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, а ежелибъ вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ (Биронъ), то бъ хуже было для вашего высочества, потому что принцъ Петръ въ молодыхъ лѣтахъ и при томъ запальчиваго нрава.

Анна Леопольдовна уступила уговорамъ окружающихъ и подчинилась волѣ своей тетки. Но несмотря на свою природную доброту, она не могла переломить себя и была очень нелюбезна и холодна къ своему жениху.

Всю ночь послѣ свадьбы она провела одна, въ Лѣтнемъ саду. Аннѣ Іоанновнѣ пришлось прибѣгнуть къ своимъ привычнымъ грубымъ мѣрамъ: фрейлины видѣли въ полуотворенную дверь, какъ императрица била по щекамъ свою племянницу.

---

[1]) Въ молодости Карабановъ слышалъ это отъ графини Головкиной, которая доживала свои послѣдніе годы въ Москвѣ. Она умерла 90 съ лишнимъ лѣтъ въ 1791 г.

Теперь я хочу разсказать о Биронѣ и его роковомъ вліяніи на дѣла въ это несчастное для Россіи царствованіе.

Іоганнъ-Эрнстъ Биренъ, измѣнившій свое имя на Биронъ, родился 12 ноября 1690 года. Онъ былъ внукъ конюха придворной конюшни герцога курляндскаго Іакова III. Сынъ этого конюха началъ свою службу въ конюшняхъ сына герцога Іакова, принца Александра [1]).

Придворный конюхъ сопровождалъ принца въ Венгрію и послѣ его смерти, вернулся въ Курляндію, гдѣ былъ назначенъ егерсгауптманомъ герцогской охоты. Онъ былъ большой взяточникъ и скопилъ хорошее состояніе. Послѣ него остались три сына: Карлъ, Іоганнъ-Эрнстъ и Густавъ, которымъ онъ оставилъ, кромѣ капиталовъ, пріобрѣтенное имъ имѣніе Калеземъ.

Іоганнъ-Эрнстъ былъ посланъ отцомъ въ Кенигсбергскій университетъ. Онъ тамъ больше безобразничалъ и кутилъ, чѣмъ учился. За мошенничество въ карты товарищи его высѣкли. Биронъ пришлось бѣжать. Онъ вернулся въ Курляндію и поступилъ управляющимъ къ одному богатому помѣщику. Черезъ нѣкоторое время онъ переѣхалъ въ Петербургъ и хлопоталъ тамъ о полученіи званія камеръ-юнкера при дворѣ супруги цесаревича Алексѣя. Ему было отказано и онъ возненавидѣлъ Россію и русскихъ со всей злобой, на которую былъ способенъ. Впослѣдствіи судьба дала ему возможность выместить въ несчастной Россіи всѣ свои обиды. Вернувшись въ Митаву, Биронъ сумѣлъ втереться къ Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, гофмаршалу двора вдовствующей герцогини Анны Іоанновны. Стройный и прекрасно сложенный, онъ сумѣлъ привлечь вниманіе самой герцогини и въ 1718 году получилъ званіе камеръ-юнкера ея двора и сталъ ея любовникомъ. Его назначеніе камеръ-юнкеромъ жестоко оскорбило двухъ камеръ-юнкеровъ курляндцевъ, Кейзерлинга и Фитингофа. Они были возмущены уравненіемъ своимъ со внукомъ конюха, и что еще хуже, человѣкомъ высѣченнымъ товарищами за карточныя плутни. Кейзерлингъ подалъ въ отставку.

Какъ только Биронъ попалъ въ милость, онъ сталъ интриговать противъ своего бывшаго покровителя Бестужева и поссорилъ послѣд-

---

[1]) Распространенное мнѣніе объ очень низкомъ происхожденіи фаворита едва ли справедливо. Родъ Bühren'овъ по подлиннымъ актамъ восходитъ къ XVI в. Представители его роднились въ XVI и XVII в.в. съ лучшими фамиліями Польши и Курляндіи. Можетъ быть, Іоганнъ Эрнстъ Биронъ и занималъ маленькую должность при дворѣ курляндскаго герцога по шталмейстерской части—отсюда и разговоры о немъ, какъ о конюхѣ. По всей вѣроятности, родъ Бирона дворянскій, но не богатый и не древній среди курлянскаго дворянства, многіе представители котораго ведутъ свои родославныя съ XII и даже XI вв.

няго съ герцогиней. Съ перваго же дня новый фаворитъ сталъ пользоваться необычайнымъ вліяніемъ у Анны Іоанновны. Герцогиня послала барона Корфа въ Петербургъ къ Петру I, съ жалобой на Бестужева. Бирону было довѣрено управленіе дворомъ и частными дѣлами герцогини и пожаловано званіе секретаря и камергера. Биронъ сопровождалъ герцогиню въ Петербургъ въ 1724 году, куда она ѣздила, чтобы присутствовать при коронованіи императрицы. Въ 1724 году на него было возложено порученіе, поздравить императрицу Екатерину съ восшествіемъ ея на престолъ.

Биронъ былъ посланъ однажды герцогиней, съ частнымъ порученіемъ въ Кенигсбергъ. По своей привычкѣ, онъ тамъ проводилъ время въ пьянствѣ и кутежахъ, попалъ въ какой-то ночной скандалъ и драку, былъ схваченъ, высѣченъ и въ истерзанномъ видѣ съ разорваннымъ платьемъ, избитый и окровавленный, былъ отправленъ въ городскую тюрьму, гдѣ былъ заключенъ съ ворами и бродягами. Герцогинѣ пришлось заплатить большія деньги, чтобы освободить его и избѣжать суда.

Курляндцы были внѣ себя отъ негодованія, но Анна Іоанновна, ослѣпленная страстью, замяла дѣло. Требованія удалить Бирона, присутствіе котораго при дворѣ герцогини считалось оскорбленіемъ курляндскаго дворянства, были оставлены, разумѣется, безъ вниманія.

По настоянію Анны Іоанновны Биронъ женился, чтобы имѣть возможность дать имя дѣтямъ герцогини. Анна Іоанновна выбрала ему въ супруги одну изъ своихъ фрейлинъ, Бенигну Готтлибе. Ей было двадцать лѣтъ. Она была глупа, некрасива, очень слабаго здоровья (что ей не помѣшало, однако, прожить до 85 лѣтъ) и совершенно неспособна къ супружеской жизни. Послѣднее обстоятельство особенно повліяло на выборъ герцогини. Отецъ невѣсты ни за что не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ, но свадьба состоялась въ 1723 г. безъ его разрѣшенія; молодымъ долго не удавалось помириться со старикомъ.

Жизнь супруговъ Биронъ и герцогини тѣсно слилась; они прожили втроемъ семнадцать лѣтъ, до смерти Анны Іоанновны.

Въ 1724 г. у Бирона родился сынъ Петръ, послѣдній герцогъ курляндскій; въ 1727 г. родилась дочь Гедвига-Елизавета (впослѣдствіи баронесса Черкассова) и въ 1728 г., второй сынъ Карлъ, дѣдъ нынѣшнихъ Бироновъ.

Женившись, Биронъ пожелалъ себя имматрикуляризировать, какъ говорили въ Курляндіи, то-есть быть внесеннымъ въ списки Курляндскихъ дворянъ. Ему, однако, это не удалось, несмотря на хло-

поты Анны Іоанновны и на поддержку ландмаршала барона Бракеля, бывшаго тогда очень вліятельнымъ лицомъ.

Только по восшествіи Анны Іоанновны на русскій престолъ, когда Бирону императоръ Карлъ VI даровалъ графство священной имперіи, курляндское дворянство согласилось принять его въ свою среду. Послѣ усиленныхъ хлопотъ барона Бракеля, кстати сказать, очень дряннаго человѣка, и нѣсколькихъ курляндцевъ, находившихся на русской службѣ, слѣдовательно, подчиненныхъ Бирону—послѣднему былъ посланъ патентъ имматрикуляціи въ великолѣпномъ драгоцѣнномъ ящикѣ. Бракель былъ награжденъ лентой Андрея Первозваннаго и вслѣдъ затѣмъ принятъ на русскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ огромнымъ содержаніемъ.

Въ 1737 г. умеръ послѣдній представитель мужской линіи дома Кетлеровъ, которые управляли Курляндіей съ 1562 года. Для полуголодныхъ, всегда нуждавшихся нѣмецкихъ принцевъ, обладавшихъ необычайной способностью размножаться, маленькій курляндскій престолъ былъ предметомъ ярыхъ вожделѣній. Претендентовъ оказалось очень много. У каждой великой державы былъ свой. Курфюрстъ Саксонскій, король Польскій, Августъ III, хлопоталъ о курляндскомъ герцогствѣ для своего незаконнаго брата, графа Морица Саксонскаго, французскаго маршала. Эта кандидатура поддерживалась въ Версалѣ. Императоръ Карлъ VI стремился дать герцогство одному изъ своихъ племянниковъ, принцевъ Брауншвейгъ-Беверн скихъ. Этотъ выборъ поддерживался Англіей, гдѣ царствовала младшая линія Брауншвейгскаго дома. Наконецъ, король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ I, добивался курляндской короны для своего племянника маркграфа Бранденбургскаго, соглашаясь отдать ее также одному изъ маркграфовъ младшей линіи Бранденбурговъ. Биронъ рѣшилъ вопросъ въ свою пользу при помощи русскихъ солдатъ, которые были введены въ Курляндію и заняли Митаву. Начальствовалъ надъ войскомъ зять Бирона, генералъ-маіоръ—Августъ Бисмаркъ, пруссакъ по происхожденію, принадлежавшей къ старинной фамиліи очень многочисленной и обѣднѣвшей. Онъ былъ женатъ на сестрѣ госпожи Биронъ и, благодаря протекціи своего зятя, былъ принятъ на русскую службу.

Курляндское дворянство собралось въ Митавѣ для выборовъ новой династіи. Вся страна была занята русскими войсками. Возлѣ Митавы было заготовлено большое количество кибитокъ. Русскіе агенты сообщали курляндцамъ, о желаніи императрицы доставить герцогство оберъ-камергеру графу Бирону; прибавлялось, что каждый дворянинъ имѣетъ право голосовать согласно съ своимъ убѣжденіемъ и со-

вѣстью; но тѣ, кто будутъ голосовать противъ графа Бирона, будутъ, въ стоящихъ съ этой цѣлью на-готовѣ кибиткахъ, увезены въ Сибирь. Такая система выборовъ привела къ блестящему результату: курляндское дворянство выбрало своимъ государемъ человѣка, котораго въ теченіе многихъ лѣтъ не хотѣло допустить въ свою среду—мошенника, когда-то высѣченнаго своими товарищами! Курляндцы, которые выразили неодобреніе послѣднему Кетлеру, Фердинанду, которые заставили его покинуть Курляндію и жить въ Данцигѣ,—послушно и низкопоклонно избрали внука конюха, потому что на его сторонѣ была сила. Биронъ относился къ своимъ новымъ подданнымъ грубо; заставлялъ цѣловать свою руку, въ минуты раздраженія бранился площадными словами. «Verfluchter, dumm»—звучало нѣжно и ласкательно среди его отборнаго лексикона. Госпожа Биронъ была еще болѣе горда и надменна; она была олицетвореніемъ глупости и вульгарности. Въ своей пріемной она устроила подобіе трона и принимала гостей, сидя въ креслахъ, поставленныхъ на небольшой эстрадѣ подъ балдахиномъ, украшеннымъ герцогской короной. И мужчинамъ и дамамъ, здороваясь, она подставляла для поцѣлуя обѣ руки и негодовала, когда ей цѣловали только одну.

Дѣти Бирона были до нельзя распущены и вульгарны. Съ младенчества они были заражены нелѣпой надменностью матери. Дворецкій Бироновъ пожаловался однажды новой герцогинѣ, на мальчишекъ, которые бранились и оскорбляли его. Госпожа Биронъ разгнѣвалась. Дворецкій былъ отправленъ въ смирительный домъ. Уже въ ранней юности—Петръ шестнадцати, Карлъ двѣнадцати лѣтъ,—были подполковниками кавелергардскаго полка и кавалерами ордена Андрея Первозваннаго. Любимымъ ихъ развлеченіемъ было обливать виномъ платье придворныхъ и, потихоньку, подойдя сзади, срывать съ нихъ парики. Маленькому Карлу пришла разъ фантазія бѣгать по заламъ дворца, съ прутикомъ въ рукахъ, и стегать имъ придворныхъ по ногамъ. Онъ подбѣжалъ къ графу Рейнгольду Левенвольде, но тотъ, перепрыгнувъ съ ноги на ногу, избѣжалъ удара. Тогда мальчишка присталъ къ генералъ-аншефу князю Ивану Ѳедоровичу Барятинскому. Въ эту минуту вошелъ Биронъ. Барятинскій, обыкновенно очень почтительный и заискивающій подошелъ къ герцогу, пожаловался ему на его сына и прибавилъ, что скоро станетъ затруднительнымъ бывать при дворѣ. Глаза Бирона засверкали. Онъ смѣрилъ князя съ головы до ногъ и презрительно обронилъ: «Если вы недовольны, подайте въ отставку, я обѣщаю вамъ, что она будетъ принята».—И прошелъ дальше, здороваясь съ другими. Барятинскій въ отставку не подалъ.

У маленькихъ Бироновъ былъ гувернеръ Шварцъ; онъ не былъ въ силахъ справиться съ мальчишками. Какъ-то разъ Карлъ, гуляя въ дворцовомъ саду, сталъ объѣдаться малиной; гувернеръ велѣлъ ему перестать. Мальчишка показалъ ему языкъ и не послушалъ. На слѣдующій день онъ заболѣлъ. Императрица, обожавшая этого ребенка, набросилась на гувернера съ бранью и не слушала его объясненій. Несчастнаго отправили въ смирительный домъ и заставили мести улицы. Биронъ далъ ему тысячу рублей и выпроводилъ за границу.

Дочери Бирона было всего десять лѣтъ, когда ея отецъ и императрица стали хлопотать о ея замужествѣ. Жениха искали среди владѣтельныхъ нѣмецкихъ принцевъ. Имъ не приходило въ голову, что дочь ихъ выйдетъ замужъ за одного изъ сыновей Черкасова, бывшаго тогда въ ссылкѣ. Выборъ палъ на наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштатскаго, который сталъ, впослѣдствіи, ландграфомъ Людовикомъ IX. Но ни самъ молодой принцъ, ни его отецъ и дѣдъ, бывшій еще въ живыхъ, не захотѣли этого брака. Руки молодой Биронъ очень добивался герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій; но такъ какъ онъ пользовался очень дурной репутаціей и былъ весь въ долгахъ—ему отказали. Анна Іоанновна получила письмо отъ герцога Голштинскаго, котораго она ненавидѣла. Зять Петра I писалъ ей о своей крайней денежной нуждѣ и, прося въ подарокъ сто тысячъ рублей, просилъ руки маленькой Биронъ для своего сына (впослѣдствіи императора Петра III) императрица дала Бирону прочесть письмо и, замѣтивъ, что «пьяница» ни копейки отъ нея не увидитъ, бросила его посланіе въ каминъ. Биронъ не былъ съ ней согласенъ на этотъ разъ. Сдѣлавшись регентомъ, онъ возобновилъ переговоры съ герцогомъ Голштинскимъ. Быстрое паденіе помѣшало регенту довести дѣло до конца.

Дочь Бирона была горбата и некрасива, но очень умна. У нея были прекрасные, умные и выразительные глаза. Это была тонкая, вкрадчивая интриганка. Когда отца ея сослали въ Ярославль, и ей надоѣло возиться съ сварливыми стариками, она придумала отличный способъ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Зная ханжество императрицы Елизаветы Петровны, она бѣжала изъ дома отца, поселилась у жены воеводы, Бобрищевой-Пушкиной, и сообщила той подъ большимъ секретомъ, что родители преслѣдуютъ ее за желаніе принять православіе. Бобрищева-Пушкина отвезла ее въ Петербургъ къ наперсницѣ императрицы, графинѣ Шуваловой. Императрица была въ восторгѣ, при обрядѣ присоединенія она была сама воспріемницей молодой принцессы и поселила ее во дворцѣ среди своихъ фрейлинъ. Умная

горбунья сумѣла вскружить голову молодому великому князю Петру Ѳедоровичу, но вскорѣ графиня Елизавета Воронцова смѣнила ее. Когда здоровье императрицы, которая очень любила принцессу курляндскую, пошатнулось, послѣдняя, предвидя перемѣны при дворѣ и, боясь, чтобы родители ея не потребовали ее къ себѣ, стала искать себѣ жениха. О нѣмецкихъ принцахъ теперь нечего было и мечтать. Въ Петербургѣ тоже не находилось никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кто бы пожелалъ стать зятемъ Бирона. Ей пришлось удовольствоваться барономъ Черкасовымъ, за котораго она вышла замужъ въ 1759 году (ей было тогда тридцать два года). Черкасовъ былъ сынъ секретаря Петра I и внукъ придворнаго лакея. Но, вѣдь, и принцесса курляндская была по отцу правнучкой конюха. Баронъ Черкасовъ былъ очень воспитанный и образованный человѣкъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе императрицы Екатерины II, онъ былъ президентомъ медицинской коллегіи и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ у Екатерины, которая очень цѣнила его тонкій умъ и исключительную способность вести остроумный разговоръ.

Сдѣлавшись герцогомъ курляндскимъ, Биронъ написалъ французскому маршалу, герцогу Бирону, главѣ старинной фамиліи де-Гонто, и просилъ его выдать ему дипломъ, свидѣтельствующій, что одинъ изъ членовъ дома герцоговъ Биронъ, когда-то эмигрировалъ въ Германію, и что герцогъ курляндскій прямой потомокъ эмигранта. Маршалъ отвѣчалъ: «ни въ архивахъ, ни въ запискахъ и воспоминаніяхъ нашей семьи, не упоминается объ эмиграціи одного изъ членовъ дома де-Гонто-Биронъ. Но если одинъ изъ иностранныхъ государей окажется потомкомъ нашей фамиліи, мы почтемъ это за честь для всего дворянства Франціи».

Около этого времени умеръ зять герцога Бирона (маршала)—маркизъ де-Бонакъ, одинъ изъ способнѣйшихъ дипломатовъ своего времени. Когда онъ былъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, онъ былъ избранъ посредникомъ и велъ переговоры между Портой и Петромъ I. Петръ пожаловалъ его лентой Андрея Первозваннаго. Маршалъ, герцогъ Биронъ просилъ Эрнста Іоганна Бирона ходатайствовать у императрицы о разрѣшеніи, передать орденъ по наслѣдству старшему сыну Бонака. Биронъ не счелъ возможнымъ отказать своему «кузену», маршалу герцогу Бирону, и восемнадцатилѣтній маркизъ де-Бонакъ былъ украшенъ Андреевской лентой.

Разсказываютъ, что старый маршалъ, герцогъ Биронъ, узнавъ, что аптекарь одного изъ городовъ Лотарингіи узурпировалъ фамилію гер-

цоговъ Биронъ—хохоталъ до слезъ. Одна изъ придворныхъ дамъ спросила герцога — не подниметъ ли онъ судебное дѣло по этому поводу. «О нѣтъ» — отвѣчалъ старикъ, «очень занятно, что одновременно проходимецъ, сдѣлавшійся владѣтельнымъ государемъ на сѣверѣ Европы и жалкій аптекарь изъ Лотарингіи — оба украсили себя моимъ именемъ. Очевидно, лучшаго они не нашли. Я очень польщенъ».

Іоганнъ Эрнстъ Биронъ былъ высокъ ростомъ и очень строенъ. Въ молодости онъ былъ очень недуренъ собой и сохранилъ до старости, несмотря на пріобрѣтенную съ годами полноту, много граціи и ловкости въ движеніяхъ. У него были великолѣпные глаза; злое и тяжелое выраженіе ихъ дѣлалось безконечно мягкимъ и ласкающимъ по отношенію къ людямъ, которымъ онъ хотѣлъ понравиться. Зато въ минуты раздраженія и злобы, взглядъ его глазъ былъ невыносимъ. Тоже было и съ голосомъ: звучный, чарующій и ласкающій, когда Биронъ говорилъ съ людьми, которыхъ хотѣлъ обворожить, по отношенію къ подчиненнымъ звучалъ рѣзко и крикливо; въ минуты гнѣва раскаты этого страшнаго голоса заставляли дрожать стѣны дворца. Въ этомъ странномъ и сложномъ субъектѣ, было три человѣка: Биронъ вкрадчивый, Биронъ властитель и Биронъ злобный. Первый былъ—очарователенъ, второй—невыносимъ, третій—ужасенъ.

Уменъ онъ не былъ, но онъ былъ тонко-хитеръ, необычайно вкрадчивъ, и умѣлъ неотразимо нравиться въ тѣхъ случаяхъ, когда терроризировать было нельзя. Образованіе его было очень запущено, но у него была хорошая память и кое-что онъ читалъ. Государямъ очень легко скрыть свое невѣжество: они сами даютъ направленіе разговору. Биронъ до страсти любилъ лошадей, проводилъ цѣлые дни въ своемъ манежѣ, и когда разговоръ какого-либо иностраннаго дипломата или высокопоставленнаго лица затрагивалъ невѣдомыя ему области, онъ мѣнялъ разговоръ и говорилъ о лошадяхъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ дипломатовъ, графъ Оштейнъ, съ которымъ Биронъ обошелся грубо, не могъ выносить герцога и говорилъ о немъ: «Когда Биронъ говоритъ о лошадяхъ или съ лошадьми, онъ говоритъ по-человѣчески, но когда ему приходится говорить съ людьми, онъ говоритъ по-лошадиному».

Биронъ былъ такъ же жаденъ, какъ и жестокъ. У него была страсть къ роскоши. Располагая безконтрольно русской казной, можно было удовлетворить какіе угодно вкусы. Казалось, ему было и этого мало. Съ небывалой жестокостью и врожденнымъ презрѣніемъ къ

человѣческой личности, онъ прибѣгалъ, для удовлетворенія своей жадности, къ звѣрскимъ мѣрамъ. Онъ буквально грабилъ. Его довѣренный, еврей Липпманнъ, котораго Биронъ сдѣлалъ придворнымъ банкиромъ, открыто продавалъ должности, мѣста и монаршія милости въ пользу фаворита и занимался ростовщичествомъ на половинныхъ началахъ съ герцогомъ курляндскимъ. Госпожа Биронъ тратила бѣшеныя деньги на туалеты. У нея было на два милліона бриліантовъ; платья ея были оцѣнены въ четыреста тысячъ рублей; когда мужъ ея сдѣлался регентомъ, она заказала себѣ туалетъ, зашитый жемчугами, стоившій сто тысячъ рублей. Зато прислуга въ домѣ получала гроши и голодала. «Слуги не люди» — говаривалъ внукъ конюха.

Трудно себѣ представить наглость, съ которой Биронъ обращался съ русскими придворными и своими курляндскими подданными. Въ одну изъ его поѣздокъ въ Митаву, по дорогѣ между Петербургомъ и Нарвой, мосты оказались не въ полной исправности. Вернувшись въ Петербургъ, онъ накинулся на сенаторовъ, явившихся въ полномъ составѣ его привѣтствовать, съ площадной бранью и объявилъ, что если еще когда-нибудь найдетъ мосты въ такомъ видѣ, онъ прикажетъ ихъ починить и умостить сенаторскими тѣлами, вмѣсто досокъ... Сенаторы почтительно поклонились и, молча, покорно вышли. Люди самые высокопоставленные и родовитые, князья Барятинскій, Шаховской, Никита Трубецкой, цѣловали руку Бирона.

Московскій генералъ-губернаторъ слѣдующимъ образомъ заканчивалъ свои письма къ Бирону:

Съ глубокимъ уваженіемъ, осмѣливаясь поцѣловать руки Вашего Высочества, имѣю честь быть Вашего Высочества вѣрный рабъ

Тайный Совѣтникъ кн. Борисъ Юсуповъ.

Иностранцы, нуждавшіеся въ поддержкѣ Россійскаго двора, тоже не брезгали лестью по отношенію къ фавориту. Второй прусскій король, Soldaten-König [1]) отецъ Фридриха II написалъ Бирону 24 мая 1733 г. личное письмо, которое начиналось такъ:

Hochwohlgeborner, besonders lieber Herr, Ober-Cammerherr Graf von Biron [2]) и заканчивалось:

---

[1]) Король-солдатъ.

[2]) Высокорожденный, особочтимый господинъ оберъ-камергеръ графъ фонъ-Биронъ.

Mit ganz besonderer Estime und Consideration sey des Herrn Ober Cammerherrn sehr wohl affectionirter Freund

Friedrich-Wilhelm [1]).

У Бирона, какъ я уже говорилъ, было два брата. Старшій Карлъ, въ царствованіе Петра I поступилъ на русскую службу, простымъ рядовымъ, дослужился до офицерскаго чина и былъ взятъ въ плѣнъ шведами. Изъ Швеціи онъ попалъ въ польскую армію. Потомъ по протекціи герцогини курляндской былъ вновь принятъ на русскую службу въ чинѣ подполковника. По восшествіи Анны Іоанновны на русскій престолъ, онъ сталъ двигаться быстро. Когда Іоганнъ Эрнстъ сдѣлался регентомъ, Карлъ былъ генералъ-аншефомъ и гланокомандующимъ въ Москвѣ. Онъ былъ много порядочнѣе своего брата, котораго не любилъ; иногда, подъ пьяную руку, ему случалось говорить о фаворитѣ вещи, за которыя всякій другой попалъ бы въ Сибирь. Карлъ былъ прекрасный военный, отличался рѣдкой храбростью, но былъ совсѣмъ необразованъ и очень грубъ.

Онъ такъ много разъ попадалъ въ драку, что весь былъ покрытъ и изуродованъ шрамами. Когда братъ Карла былъ арестованъ въ Петербургѣ, курьеръ былъ посланъ въ Москву, чтобы арестовать и его. Въ этотъ день онъ давалъ большой обѣдъ, и гости начали было уже съѣзжаться. Его арестовали и отправили въ Сибирь. Императрица Елизавета вернула его и разрѣшила ему жить въ одномъ изъ его курляндскихъ помѣстій. Онъ тамъ вскорѣ умеръ. Женатъ онъ никогда не былъ.

Младшій изъ трехъ братьевъ Биронъ, Густавъ, нисколько не походилъ на двухъ старшихъ. Онъ не былъ ни жестокъ, ни злобенъ, какъ Іоганнъ Эрнстъ, ни грубъ, какъ Карлъ. Очень мягкій и обходительный, онъ страстно любилъ женщинъ. Онъ началъ свою службу въ Саксоніи и прибылъ въ Россію, лишь по восшествіи Анны Іоанновны на престолъ. Въ Россіи онъ былъ произведенъ въ майоры новаго Измайловскаго полка. Его женили на княжнѣ Александрѣ Меншиковой. Благодаря его несчастной страсти къ женщинамъ и постояннымъ измѣнамъ, бракъ этотъ былъ очень несчастливъ. Густавъ Биронъ овдовѣлъ въ 1736 г. и, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, уже въ чинѣ генералъ-аншефа и гвардіи подполковника Измайловскаго полка, онъ женился вторично на баронессѣ Менгденъ.

---

1) Съ особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ господина оберъ-камергера любезнѣйшій другъ Фридр. Вильг.

Арестованный одновременно съ братомъ, 8-го ноября 1740 г. онъ былъ также сосланъ въ Сибирь, откуда былъ возвращенъ императрицей Елизаветой Петровной. Онъ умеръ вскорѣ по возвращеніи.

Оба сына Бирона Петръ и Карлъ были люди ничтожные, дурно воспитанные и пьяницы. Проведя въ ссылкѣ около 20 лѣтъ, они послѣдовали за отцомъ въ Курляндію, когда императрица Екатерина II возстановила его (въ 1763 г.) въ достоинствѣ герцога курляндскаго.

Чтобы вѣрнѣе закрѣпить курляндскій престолъ за сыномъ, старый Биронъ передалъ ему управленіе герцогствомъ еще при своей жизни, (14 ноября 1769 г.) отказавшись, въ его пользу, отъ своихъ правъ, подъ предлогомъ усталости. Черезъ три года, 28 декабря 1772 г., старикъ умеръ, и принцъ Петръ принялъ титулъ герцога курляндскаго.

Послѣ третьяго раздѣла Польши Курляндія оказалась окруженной русскими владѣніями, и ея существованіе, какъ автономнаго государства, становилось немыслимымъ, особенно подъ управленіемъ Бироновъ, которыхъ курляндцы ненавидѣли.

Немедленно послѣ третьяго раздѣла Польши Екатерина II пригласила герцога пріѣхать къ ней въ Петербургъ погостить на масляной (это было въ 1795 г.). Пока герцогъ ѣлъ блины и, по своей привычкѣ, ежедневно напивался шампанскимъ, рижскій губернаторъ графъ Паленъ [1]) получилъ приказъ отъ императрицы—довести до свѣдѣнья курляндцевъ, чтобы они ходатайствовали о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. При чемъ имъ было дано понять, что присоединеніе состоится и помимо нихъ. Очень ловко и во-время, были розданы нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ пенсіи, чины, ордена, и въ одно прекрасное утро, въ то время какъ герцогъ Петръ Биронъ нѣжился еще въ постели, послѣ веселой попойки и поздняго ужина, происходившихъ наканунѣ, ему сообщили, что къ императрицѣ прибыла депутація курляндскихъ дворянъ, съ ходатайствомъ о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Герцогу было внушено, что раздраженіе и противодѣйствіе не приведутъ ни къ чему и могутъ ему повредить. Ему оставалось только объявить свое отреченіе. При отреченіи онъ заявилъ, что сохраняетъ за собой и своими потомками, всѣ права внѣшняго почета, воздаваемаго коронованнымъ особамъ. Заявленіе это вызвало, разумѣется, всеобщій смѣхъ и не привело ни къ чему.

Петръ Биронъ былъ женатъ на принцессѣ Шарлотѣ Луизѣ Вальдекской, которую онъ колотилъ. Она его покинула. Они развелись,

---

1) Впослѣдствіи убившій императора Павла I.

и герцогъ женился на княжнѣ Юсуповой, дочери «вѣрнаго раба» стараго Бирона. Такъ какъ онъ не сумѣлъ оставить свою привычку драться, вторая жена покинула его тоже. Онъ вторично развелся и женился въ третій разъ (6 ноября 1779 г.) 55-ти лѣтнимъ старикомъ на Медемъ, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери камергера польскаго двора [1]).

Женитьба на Медемъ облегчила положеніе Петра Бирона въ Курляндіи. Курляндцы стали относиться къ нему съ меньшимъ презрѣніемъ, чѣмъ прежде. Они говорили не стѣсняясь: герцогъ выскочка и дрянной человѣкъ, но герцогиня старой курляндской семьи.

Отъ этого брака родились шесть человѣкъ дѣтей: сынъ Петръ и дочь Шарлота, умершіе въ дѣтствѣ и еще четыре дочери:

1) Екатерина, вышедшая замужъ за принца Луи де-Роганъ; она развелась и вышла за Василія Трубецкого, съ которымъ также развелась. Въ третій разъ она была замужемъ за графомъ Шуленбургомъ.

2) Марія—вышла за владѣтельнаго принца Гогенцоллернъ—Гетингенскаго.

3) Іоганна, вышедшая замужъ за неаполитанца Паньятелли-Бельмонте, герцога Ачерентскаго.

4) Доротея—герцогиня де-Талейранъ, болѣе извѣстная, подъ именемъ герцогини де-Дино.

Петръ Биронъ, всегда понимавшій свое шаткое положеніе въ Курляндіи, употребилъ капиталы, оставленные отцомъ, на покупку земель въ Германіи; онъ пріобрѣлъ между прочимъ великолѣпное помѣстье Саганъ въ Силезіи. Оно перешло его старшей дочери, а послѣ ея смерти, ея младшей сестрѣ герцогинѣ де-Талейранъ.

Послѣ своего вынужденнаго отреченія, Петръ Биронъ поселился въ Германіи и умеръ тамъ въ 1800 г., 76 лѣтъ.

Второй сынъ Іоганна-Эрнста Бирона, Карлъ, такой же пьяница, какъ и старшій, получилъ отъ отца великолѣпное помѣстье Вартенбергъ, въ Силезіи, подаренное фавориту Анны Іоанновны императоромъ Карломъ VI. Карлъ Биронъ женился на княжнѣ Понинской, дочери богатаго польскаго магната, который, сдѣлавшись австрійскимъ подданнымъ, послѣ перваго раздѣла Польши, купилъ себѣ въ Вѣнѣ дипломъ на титулъ князя священной имперіи. Принцъ Карлъ Биронъ умеръ въ 1801 г. 73 лѣтъ, оставивъ трехъ сыновей и трехъ

---

[1]) Медемъ, брауншвейцы по происхожденію, впервые появились въ Курляндіи въ XIII вѣкѣ. Конрадъ Медемъ былъ магистромъ ордена меченосцевъ съ 1269 по 1272 г. Онъ основалъ Митаву.

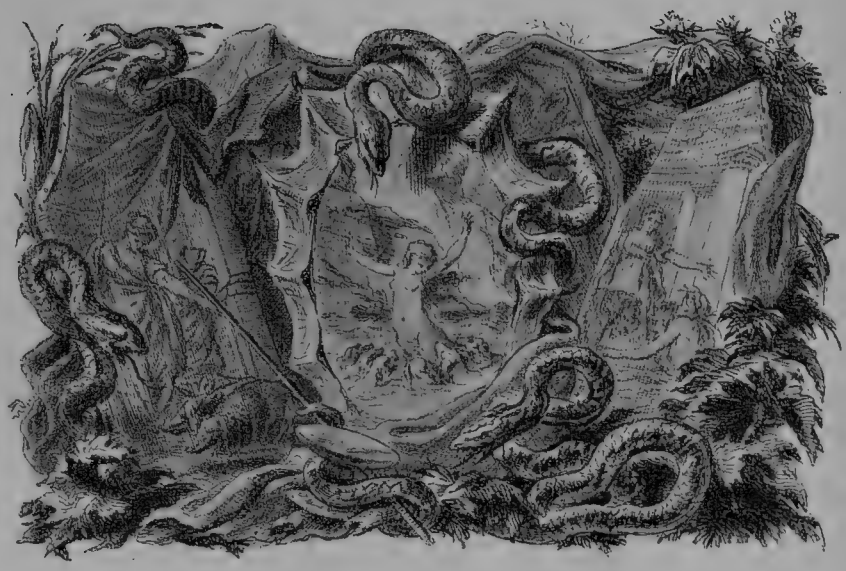
дочерей. Послѣ отреченія ихъ дяди, молодые Бироны жили въ Петербургѣ и нѣкоторое время пользовались почетомъ наравнѣ съ принцами крови: при ихъ дворѣ были камергеры. Но вскорѣ молодые люди были опредѣлены въ гвардейскіе полки и, послѣ смерти ихъ дяди и ихъ отца, съ ними перестали стѣсняться. Принцессы были назначены фрейлинами, а одинъ изъ принцевъ получилъ, при Александрѣ I, ключъ камергера. Это его привело въ бѣшенство. Одинъ изъ камергеровъ имѣлъ несчастную мысль подойти поздравить принца съ монаршей милостью. Тотъ отвѣчалъ ему во всеуслышаніе: «Сударь, можно быть дуракомъ, но не слѣдуетъ быть дерзкимъ!» [1])

Вскорѣ всѣ Бироны покинули Россію и поселились въ Пруссіи [2]).

---

1) Monsieur, il est permis d'être bête, mais il n'est pas permis d'etre insolent.

2) Нынѣшніе князья Биронъ происходятъ отъ младшаго сына принца Карла Бирона, Густава Калликста.



ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи при Биронѣ.

Внутреннее состояніе Россіи во время правленія Бирона было ужасно: и при дворѣ и въ обѣихъ столицахъ все дрожало при его имени. Крестьянство было разорено. Шпіонство развилось до невѣроятныхъ размѣровъ—никто, ложась спать вечеромъ, не могъ быть увѣренъ, что спокойно проспитъ ночь.

Государственные доходы достигали тогда едва девяти съ небольшимъ милліоновъ рублей [1]). Подъ вліяніемъ Бирона Анна Іоан-

---

[1]) «Любопытны данныя изъ росписи государственныхъ расходовъ за 1734 г. Всего расходовъ на этотъ годъ показано около 8 милліоновъ руб., распредѣлявшихся по отдѣльнымъ статьямъ слѣдующимъ образомъ: почти весь бюджетъ расходовъ поглощался арміей и флотомъ; на армію шло 5.278.000 р., на флотъ — 1.200.000 р., а всего 6.478.000 р. Остатокъ—1.285.000 р. распредѣлялся на всѣ прочія государственныя потребности, въ числѣ которыхъ самое скромное мѣсто занимало народное просвѣщеніе. На двѣ академіи—наукъ и морскую—отпускалось вмѣстѣ 47.000 р., а на жалованье учителямъ среднихъ школъ вмѣстѣ съ геодезистами всего 4.500 р.! На содержаніе двора шло 260.000 р.; на придворное конюшенное вѣдомство — 100.000 руб.; на жалованье высшимъ государств. сановн.

новна издала указъ, учреждавшій особый *доимочный приказъ*, которому предоставлялась полная свобода дѣйствій при взиманіи недоимокъ. На ряду съ этимъ было создано тайное казначейство (куда поступали деньги изъ доимочнаго приказа), находившееся въ исключительномъ распоряженіи императрицы, другими словами—Бирона. Былъ отданъ приказъ немедленно собрать всѣ недоимки. Въ деревняхъ была объявлена круговая порука; богатые отвѣчали за неимущихъ. Помѣщики должны были отвѣчать за своихъ крѣпостныхъ; въ селахъ, принадлежавшихъ государству, отвѣтственными являлись голова и староста; въ городахъ—городовой магистратъ и бургомистръ, который въ ту пору стоялъ во главѣ магистрата. Былъ отвѣтственъ также и воевода за подвѣдомственный ему городъ и уѣздъ. Посылался взводъ солдатъ, подъ начальствомъ офицера въ городъ или деревню и производилась *экзекуція*. Экзекуція состояла въ томъ, что у зажиточныхъ обывателей забирали всѣ вещи, мебель, весь домашній скарбъ, выводили лошадей, скотъ и все продавали съ молотка, по баснословно низкой цѣнѣ. Если вырученная сумма не покрывала сумму причитающихся съ города недоимокъ — собственниковъ проданнаго съ молотка имущества арестовывали, заковывали въ кандалы, сажали въ тюрьму и оттуда выводили ежедневно на площадь передъ судомъ, на *правежъ;* несчастныхъ выгоняли съ босыми, обнаженными до колѣнъ ногами, даже зимой по глубокому снѣгу, въ лютый морозъ,— и били батожьемъ по икрамъ до крови. Дворянъ-помѣщиковъ также заковывали въ кандалы, сажали въ тюрьму на хлѣбъ и на воду и держали тамъ, пока слѣдуемая сумма не была внесена. Если сборъ недоимокъ бывалъ затруднителенъ, несмотря и на эти варварскія мѣры, тогда изъ Петербурга командировался гвардейскій офицеръ, уполномоченный сѣчь, пороть кнутомъ, сажать въ тюрьму и въ кандалы всѣхъ въ уѣздѣ, начиная съ воеводы. Дѣло разрѣшалось обык-

---

96.000 руб.; на коллегію иностр. дѣлъ — 102.000 р.; на строенія — 256.000. На пенсіи родственникамъ покойнаго супруга императрицы, на прожитіе ея племянницы—61.000 р. На областное управленіе—51.000 р.; на центральное—180.000 руб. Недоимки наростали страшно. Въ 1732 г., напр., ихъ было 15.500.000 руб.—сумма, равняющаяся почти двухгодичному государственному доходу. Состояніе разныхъ отраслей управленія было самое отчаянное. Полуторастотысячная армія, регулярная часть которой, по отзывамъ иностранцевъ, была хорошо дисциплинирована, терпѣла большой уронъ въ людяхъ вслѣдствіе дурного продовольствія. Голодъ и плохая обмундировка губили русскія войска больше, чѣмъ непріятельское оружіе. Изъ 60 военныхъ кораблей 25 были совершенно негодны для плаванія. 200 галеръ стояли вытащенными на берегъ безъ всякаго употребленія. Чиновники, не получая жалованья, жили посулами и взятками».

новенно уплатой офицеру громадныхъ взятокъ, особенно, если это былъ нѣмецъ [1]); нѣмцы оказывались, въ этихъ случаяхъ, самыми жадными. Тысячи крестьянъ, послѣ жесточайшихъ наказаній, отсылались въ Сибирь, гдѣ населеніе значительно прибыло со времени этой эпохи. Такія командировки считались среди гвардейскихъ офицеровъ весьма доходными, и Липпманнъ, придворный банкиръ, торговалъ ими: продавалось право ѣхать взимать недоимки въ томъ или иномъ уѣздѣ.

Повальное бѣгство крѣпостныхъ было дѣломъ въ Россіи обычнымъ. Даже въ самое мягкое царствованіе,—царствованіе Петра II [2]) мы видимъ, что помѣщики уѣздовъ Пермскаго, Симбирскаго, Алатырскаго, Саранскаго, Арзамаскаго и другихъ—приносятъ коллективную жалобу на имя государя въ томъ, что въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ незадолго передъ тѣмъ Меншикову, въ Самарскомъ уѣздѣ, и помѣстьяхъ Нарышкиныхъ въ Пензенскомъ уѣздѣ, живутъ тысячи бѣглыхъ и что бѣглые эти, говорилось въ жалобѣ, бродятъ шайками вооруженные ружьями и разбойничаютъ; жгутъ деревни, убиваютъ и истязаютъ жителей. Можно себѣ представить, до чего увеличилось количество бѣглыхъ въ Бироновское время. При первомъ извѣстіи о прибытіи въ село отряда солдатъ для экзекуціи, всѣ зажиточные обыватели бросались въ сосѣдніе лѣса, уводя съ собой по возможности лошадей, скотъ и унося все, что только успѣвали захватить. Иногда

---

[1]) Генералъ-маіоръ Альбрехтъ, одинъ изъ клевретовъ Бирона, приказавъ однажды дать триста розогъ одному унтеръ-офицеру, дворянину, замѣтилъ: «если бы онъ былъ нѣмецъ, я бы ему приказалъ дать только сто—а русская спина все выдержитъ».

[2]) Современникъ Манштейнъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: Русскіе старо-боярской партіи нашли въ Петрѣ II государя себѣ по сердцу, онъ покинулъ Петербургъ и вернулъ ихъ въ Москву. Вся Россія называетъ еще до сихъ поръ это царствованіе счастливѣйшей эпохой текущаго столѣтія. Миръ былъ полный, по отношенію ко всѣмъ сосѣдямъ. Никого не принуждали служить, всѣ могли спокойно наслаждаться своими благами и даже пріумножать ихъ. За исключеніемъ немногихъ высокопоставленныхъ лицъ, завидовавшихъ Долгоруковымъ, вся нація была довольна. Всѣ лица были радостны. Казна пріумножалась. Москва вновь украшалась и оправлялась отъ запустѣнія, въ которое была приведена въ царствованіе Петра I. Только армія и флотъ были забыты и пришли бы въ полное разстройство, если бы это царствованіе продлилось еще нѣсколько лѣтъ. Манштейнъ, жившій въ столицѣ, видѣлъ вещи въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ; онъ не видѣлъ страданій крѣпостныхъ по деревнямъ. Тѣмъ не менѣе царствованіе Петра II было несомнѣнно самымъ кроткимъ и благопріятнымъ за все время XVII столѣтія, за исключеніемъ развѣ только царствованія императрицы Екатерины II.

все село бѣжало и не возвращалось болѣе. Послѣ Бироновщины въ одномъ только Переяславскомъ (Залѣсскомъ) уѣздѣ было *шестьдесятъ восемь деревень, совершенно брошенныхъ, населеніе которыхъ исчезло!* Поля были заброшены, голодъ вспыхивалъ повсемѣстно. Разбой развился необычайно. Между Петербургомъ и Москвой для безопасности путешественниковъ приходилось держать военные кордоны. Въ Петербургѣ патрули ходили по улицамъ всю ночь. Въ 1734 году одна разбойничья шайка послала письмо московскому генералъ-губернатору графу Семену Салтыкову съ требованіемъ заплатить извѣстную сумму денегъ, подъ угрозой грабежей, пожаровъ и убійствъ. Въ 1739 году въ Москвѣ отрубили голову одному атаману и его голова была выставлена на столбѣ. Разбойникъ этотъ принадлежалъ къ очень хорошей татарской семьѣ, его звали Лихутьевъ. Тогдашній московскій генералъ-губернаторъ князь Юсуповъ, происходившій также изъ татаръ, самъ большой взяточникъ, лично допрашивалъ его. «Разница между мной и тобой небольшая»,—сказалъ Лихутьевъ,—«я разбойничаю по большимъ дорогамъ, а ты—на службѣ Е. И. В!»

Въ Малороссіи среди разбойниковъ появился самозванецъ. Въ 1738 году, нѣкто Миницкій, поденный рабочій въ казачьей станицѣ близъ Переяславля, назвалъ себя царевичемъ Алексѣемъ и сталъ во главѣ разбойничьей шайки. Были посланы войска, Миницкій былъ схваченъ и посаженъ на колъ [1]).

Въ пограничныхъ съ Литвою областяхъ народъ (особенно раскольники) бѣжалъ за границу массами. Въ теченіе десяти лѣтъ около двухсотъ пятидесяти тысячъ бѣжало въ Польшу и Литву. Когда русскія войска, послѣ взятія Данцига и возведенія на польскій престолъ Августа III, курфюрста Саксонскаго, шли обратно въ Россію, они получили приказъ хватать всѣхъ эмигрантовъ, на которыхъ набредутъ по пути, и силою возвращать ихъ на родину. Тысячи несчастныхъ были возвращены и сосланы въ Сибирь. Въ 1735 году раскольники, поселившіеся на рѣкѣ Вѣткѣ, были возвращены въ Россію русскими войсками, которые по этому случаю были введены въ Литву. Польскій Сеймъ былъ возмущенъ и протестовалъ противъ такого нарушенія правъ. Но магнаты, купленные денежными субсидіями и орденами, предложенными русскимъ правительствомъ, сумѣли потушить этотъ международный

---

[1]) Въ послѣдніе годы царствованія Петра I появилось два самозванца, называвшіе себя именемъ несчастнаго царевича Алексѣя. Въ Почепѣ солдатъ Александръ Селимовъ и въ Астрахани мужикъ-сибирякъ Евстахій Артемьевъ. Оба были казнены.

инцидентъ. Эмиграція не уменьшилась и, при восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы, была обнародована амнистія эмигрировавшимъ, обѣщавшая не водворять ихъ вновь во владѣніе ихъ помѣщиковъ и разрѣшавшая имъ поселиться въ южнорусскихъ степяхъ, въ качествѣ казенныхъ крестьянъ. Бо̀льшая часть эмигрантовъ воспользовалась этой амнистіей и возвратилась въ Россію.

Всѣ милліоны, выколоченные и вырванные пытками у народа, поглощались *тайнымъ казначействомъ* и поступали въ руки Бирона. Государственное казначейство было пусто, а страна совершенно разорена. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны не знали, откуда добыть деньги для покрытія небывалыхъ еще затратъ двора. Для содержанія арміи пришлось ввести новые налоги. Императрица, ослѣпленная страстью къ своему фавориту и видѣвшая только лицъ, которыхъ Биронъ къ ней допускалъ, ничего не знала объ ужасномъ состояніи имперіи: въ Биронѣ она видѣла мудраго совѣтника и надежную опору россійскаго престола.

Чтобы удержать въ своихъ рукахъ безграничную власть, Биронъ создалъ цѣлую сѣть шпіонства. У него были агенты вездѣ; не было въ Россіи человѣка, надъ которымъ не висѣла бы опасность гнѣва Бирона. Въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи достаточно было одного слова неодобренія правительству, чтобы быть арестованнымъ и отданнымъ на пытку, или, что было всего ужаснѣе, быть посланнымъ въ Петербургъ, въ тайную канцелярію. Чтобы обирать богатыхъ людей, купцовъ особенно, прибѣгали къ слѣдующимъ мѣрамъ. Подкупали агентовъ, мужчинъ или женщинъ, и арестовывали ихъ подъ предлогомъ того, что они будто бы хулили императрицу или Бирона. Арестованные шли подъ конвоемъ по улицамъ и указывали на мимо проходившихъ людей, или на владѣльцевъ домовъ, мимо которыхъ лежалъ путь, какъ на своихъ сообщниковъ. Мнимыхъ соучастниковъ несуществовавшаго преступленія арестовывали и принуждали откупаться болѣе или менѣе крупной суммой, смотря по достатку. Въ случаѣ неплатежа ихъ пытали. Народъ прозвалъ такихъ лжеобвинителей—*языками*. Заслышавъ крикъ, что *ведутъ языка*—всѣ бѣжали, сломя голову, и спѣшили укрыться; двери всѣхъ домовъ и всѣхъ лавокъ запирались наглухо и улицы пустѣли. Горе было хозяину, если за званымъ обѣдомъ, даже въ тѣсномъ семейномъ кругу, не было возглашено тоста за всемилостивѣйшую государыню. Доносчики были вездѣ. Однажды какой-то майоръ, шедшій со своимъ батальономъ, остановился и заночевалъ у помѣщика-хохла, владѣвшаго чудеснымъ скотомъ. Онъ попросилъ хозяина подарить ему быка и двухъ коровъ.

Помѣщикъ отказалъ. Майоръ въ отместку написалъ на него доносъ: «У помѣщика, де, въ залѣ стоитъ печь, на коей имѣется изображеніе двуглаваго орла; двуглавый орелъ есть гербъ государственный, слѣдовательно принадлежащій всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; изобразить сей гербъ на печи означаетъ желаніе его сжечь; въ семъ нельзя не усмотрѣть злостнаго и умышленнаго оскорбленія Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни». Доносу былъ данъ ходъ, и помѣщику пришлось заплатить бѣшеныя деньги мѣстнымъ властямъ, чтобы избѣжать застѣнка. Это ему стоило разъ въ пятьдесятъ дороже быка и коровъ, въ которыхъ онъ отказалъ майору.

Въ ту пору жилъ въ Ригѣ одинъ ученый врачъ, грекъ, Михаилъ Шенда фонъ-деръ-Бехъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ своими трудами, изданными подъ псевдонимомъ *Кристодемуса*, бывшій врачъ молдавскаго господаря князя Маврокордато и австрійскаго императора Карла VI. У Шенда была великолѣпная коллекція старыхъ монетъ и медалей. Бирону, бывшему тогда еще камергеромъ герцогини курляндской, захотѣлось пріобрѣсть лучшіе экземпляры этой коллекціи. Шенда отказался ихъ продать. Когда Анна Іоанновна взошла на русскій престолъ, Биронъ возобновилъ переговоры. Получивъ вторичный отказъ, онъ силой завладѣлъ коллекціей; Шенда былъ схваченъ, сосланъ въ Сибирь подъ вымышленнымъ именемъ и держался въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи. Послѣ паденія Бирона несчастнаго хотѣли вернуть, но разыскать его оказалось невозможнымъ. Трагическій случай помогъ Шендѣ получить свободу.

Начальникъ тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, избилъ его однажды, Шенда схватилъ ножъ, сталъ наносить тому удары въ лицо и отрѣзалъ носъ. Начался судъ; у подсудимаго спросили имя—онъ назвалъ себя. Поднялся переполохъ—это было имя заключеннаго, котораго по распоряженію изъ Петербурга давно напрасно разыскивали! Послали донесеніе въ Петербургъ и получили въ отвѣтъ приказъ немедленно дать Шендѣ свободу. Это было уже въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Биронъ въ минуты веселости любилъ пошутить. Шутки его были тяжеловѣсныя, жестокія и доставляли мало удовольствія тѣмъ, надъ которыми онъ шутилъ. Благодаря перлюстраціи писемъ, онъ узналъ, однажды, что курляндецъ, баронъ Сакенъ, выражалъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей удивленіе тому, что герцогъ позволяетъ себѣ безъ суда ссылать въ Сибирь курляндскихъ дворянъ. Биронъ былъ въ духѣ и вздумалъ пошутить. Сакена арестовали и объявили

ему, что онъ ссылается въ Сибирь. Его посадили въ закрытую кибитку, завязали глаза и повезли. Ѣхали въ теченіе *трехъ недѣль*. Сакену все время держали глаза завязанными. Наконецъ, какъ-то, подъ утро послѣ короткаго забытья, Сакенъ, проснувшись, почувствовалъ, что кибитка стала. Онъ позвалъ. Никого. Позвалъ еще. Отвѣта нѣтъ. Онъ снялъ повязку: ни конвоя, ни кучера, ни лошадей. Онъ оглядѣлся и увидѣлъ, что кибитка стоитъ въ двухъ шагахъ отъ его дома. Въ домѣ онъ нашелъ письмо, написанное секретаремъ герцога. Въ письмѣ ему разъяснялось, что если онъ еще разъ позволитъ себѣ выразить удивленіе по поводу ссылки курляндцевъ въ Сибирь безъ суда — онъ туда немедленнно будетъ отправленъ. Баронесса Сакенъ была такъ испугана и взволнована арестомъ и ссылкой мужа, что заболѣла, не могла оправиться и вскорѣ умерла. Такова была развязка милой Бироновской шутки. Когда праздновался миръ съ Турціей въ февралѣ 1740 г., послѣ фейерверковъ было приказано пустить нѣсколько ракетъ въ толпу, пришедшую полюбоваться зрѣлищемъ. Толпа обезумѣла отъ ужаса. Нѣсколько человѣкъ были сильно обожжены и, по слухамъ, нѣкоторые умерли.

Трудно себѣ представить пренебреженіе, съ которымъ нѣмцы относились къ русскимъ въ царствованіе Анны Іоанновны. Даже Анна Леопольдовна, кроткая и мягкая по природѣ, но дурно воспитанная и безтактная, не скрывала своего презрѣнія къ націи, надъ которой ея потомкамъ предстояло, повидимому царствовать. Войдя, разъ, въ пріемный залъ и не нашедъ тамъ дежурнаго камергера, графа Федора Андреевича Апраксина, который опоздалъ, Анна Леопольдовна въ сердцахъ воскликнула: «Ахъ, эти русскіе свиньи!», нисколько не стѣсняясь присутствовавшими. Такіе инциденты не могли, конечно, не увеличивать числа приверженцевъ цесаревны Елизаветы Петровны, русской по своимъ чувствамъ и привязанностямъ. Многимъ оклеветаннымъ и обвиненнымъ удавалось откупиться — всегда баснословной цѣной; но не для всѣхъ это было возможно: иногда изъ-за неимѣнія достаточныхъ средствъ, иногда благодаря личной враждѣ къ обвиненному вліятельныхъ лицъ администраціи. Участь терпѣвшихъ наказанія была ужасна — особенно тѣхъ, кто позволилъ себѣ говорить о всесильномъ вліяніи фаворита на императрицу. Инымъ отрѣзывали языки, вырывали ноздри и ссылали въ Сибирь. Другихъ зашивали въ мѣшокъ съ камнями и топили; закапывали по плечи въ землю и оставляли такъ умирать: многіе жили три, четыре дня, мучась невообразимо, крича и умоляя о глоткѣ воды, которой имъ не давали. Въ

дождь несчастные поднимали головы, раскрывали рты и ловили отдѣльныя капли.

Волынскій, кабинетъ-министръ, писалъ своему другу, князю Григорію Урусову: «Намъ, русскимъ, хлѣба не надо: мы ѣдимъ другъ друга и сыты этимъ».

Въ деспотическія царствованія подлость и низость развиваются необычайно. Мы видѣли это въ царствованіе Николая; наши отцы—въ царствованіе Павла. Тираннія эпохи Анны Іоанновны превзошла деспотизмъ и Павла и Николая. Она была тѣмъ ощутительнѣе и невыносимѣе, что давила одинаково на всѣ классы безъ исключенія, на людей просвѣщенныхъ и на темнаго мужика. Тогда какъ тираннія Павла и Николая давила исключительно на верхніе слои, на людей образованныхъ; чѣмъ просвѣщеннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ озлобленнѣе и неистовѣе было преслѣдованіе. Въ царствованіе Анны Іоанновны, время ужасовъ и звѣрства, не было недостатка въ льстецахъ и низкопоклонствѣ. Въ 1736 году, въ шестую годовщину ея коронованія, регентъ придворной капеллы, неаполитанецъ Франческо Арайя исполнилъ передъ императрицей кантату подъ заглавіемъ «Состязаніе Любви и Усердія». Въ кантатѣ этой были куплеты, содержаніе коихъ было слѣдующее: «Между государемъ и его подданными должны процвѣтать любовь и усердіе. Можно ли найти болѣе усердія, чѣмъ у Тебя, Августѣйшая Государыня, и любовь болѣе пылкую, чѣмъ любовь Твоихъ подданныхъ? Сколько благихъ дѣяній совершено Божественной Анной, по восшествіи ея на престолъ! Благодаря ей, германцы, галлы, британцы и бельгійцы спокойно благоденствуютъ!... Радость и Величіе Твоихъ подданныхъ дѣлаютъ рѣшеніе затруднительнымъ: могутъ ли они сравниться съ пылкой любовію, которую питаетъ къ Тебѣ Твой непобѣдимый народъ? Какъ! И ничего болѣе? Но слишкомъ затруднительно перечислить славныя дѣянія Великой Императрицы—такъ же, какъ нѣтъ возможности счесть звѣзды на небѣ... Моя смѣлость потерпѣла аварію среди океана Ея добродѣтели! Солнце не нуждается въ похвалахъ: Божественная Анна—также!...»

Придворные, присутствовавшіе при представленіи, восхищались до слезъ и говорили: «Какъ онъ хорошо понялъ императрицу, какъ вѣрно очертилъ ея характеръ и царствованіе!»

Духовенство, униженное и придавленное, пресмыкалось у ногъ правительства. Митрополиты, запуганные ссылками, льстили императрицѣ и Бирону и говорили проповѣди, дышавшія самымъ недостойнымъ низкопоклонствомъ. Особенно изощрялся въ лести Амвросій Юшкевичъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ,

съ кафедры придворной церкви, громилъ нѣмцевъ, которыхъ въ царствованіе Анны Іоанновны ставилъ такъ высоко [1]).

Въ день торжественнаго празднованія мира съ турками, 14 февр. 1740 г., одинъ изъ кабинетъ-министровъ, князь Черкасскій, въ присутствіи двора и дипломатическаго корпуса, обратился къ императрицѣ съ рѣчью отъ имени всей Россіи. Въ этой рѣчи говорилось о вѣчномъ Богѣ, источникѣ всѣхъ благъ, котораго подданные отъ глубины сердецъ не знаютъ какъ восхвалить и возблагодарить за великія добродѣтели, которыми Онъ наградилъ великую государыню. Всевышнему возносились молитвы, чтобы Онъ сохранилъ драгоцѣнную жизнь императрицы на многія и многія лѣта. «Дабы мы могли, ступая по слѣдамъ великой государыни, хранить заповѣди Господни».

Храня «заповѣди Господни», людей ссылали въ Сибирь, отрѣзали имъ языки, вырывали ноздри, топили въ мѣшкахъ и закапывали живыхъ... Въ то время, какъ вся Россія стонала въ этихъ ужасныхъ мукахъ, придворные думали только о томъ, какъ бы набить себѣ карманы и блеснуть роскошью, которая стала обязанностью при дворѣ. Чтобы достигнуть ея, имъ приходилось обивать пороги въ передней всемогущаго герцога курляндскаго, выпрашивая подачки изъ опустѣвшей русской казны, вымаливая права на взяточничество, подъ видомъ какого-либо служебнаго положенія.

Роскошь двора была особенно возмутительна на ряду съ всеобщими бѣдствіями и нищетой [2]). Современникъ, Манштейнъ, утвер-

---

[1]) Полное невѣжество русскаго духовенства этой эпохи, принуждало правительство выбирать митрополитовъ изъ малороссовъ и даже между польскими подданными—православными. Амвросій Юшкевичъ былъ іеромонахомъ въ православномъ монастырѣ Св. Духа, въ Вильнѣ. Онъ былъ призванъ въ Россію въ 1734 г. и назначенъ архимандритомъ Симоновскаго монастыря въ Москвѣ. Черезъ полтора года онъ былъ уже митрополитомъ Вологодскимъ и Бѣлоозерскимъ и членомъ Синода. Хитрый и двуличный, онъ льстилъ Бирону, затѣмъ регентшѣ и сумѣлъ войти въ милость и при Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ былъ тогда архіепископомъ Новгородскимъ и Петербурскимъ. Умеръ въ 1745 году.

[2]) «Роскошь двора Анны Іоанновны, — говоритъ проф. Д. А. Корсаковъ,— поражала своимъ великолѣпіемъ даже привычный глазъ придворныхъ виндзорскаго и версальскаго дворовъ. Жена англійскаго резидента леди Рандо приходитъ въ восторгъ отъ великолѣпія придворныхъ праздниковъ въ Петербургѣ, переносившихъ ее своей волшебной обстановкой въ страну фей и напоминавшихъ ей Шекспировскій «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Этими праздниками восхищался и избалованный маркизъ двора Людовика XV, его посолъ въ Россіи, де-ла-Шетарди. Балы, маскарады, куртаги, рауты, итальянская опера, парадные обѣды, торжественные пріемы пословъ, военные парады, свадьбы «высокихъ персонъ», фейерверки — пестрымъ калейдоскопомъ смѣняли одинъ другой и поглощали золотой

ждаетъ, что «придворный, который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи на свой гардеробъ, т.-е. десять или пятнадцать тысячъ франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ» —пишетъ Манштейнъ. Торговцу модъ довольно было прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ взятъ въ кредитъ [1]). Когда конфисковали имущество Волынскаго, въ его гардеробѣ было найдено двадцать пять французскихъ камзоловъ и двадцать семь жилетовъ парчевыхъ, шелковыхъ, бархатныхъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ съ бриллiантовыми застежками на иныхъ.

Разумѣется, дворяне, привыкшіе къ грубому обращенію со стороны правительства, находившіеся сами въ рабской зависимости, обращались еще грубѣе со своими рабами-крѣпостными.

Генералъ-аншефъ Леонтьевъ, троюродный братъ Петра I, въ случаяхъ, когда бывалъ недоволенъ обѣдомъ, призывалъ къ себѣ своихъ двухъ поваровъ. Одинъ былъ французъ, другой русскій. Французъ отдѣлывался рѣзкимъ выговоромъ, русскій же, крѣпостной, проходилъ черезъ настоящую пытку. Его сѣкли въ присутствіи генерала и затѣмъ, заставляли съѣсть—кусокъ хлѣба, густо покрытый солью и перцемъ, большую селедку безъ хлѣба и выпить два стакана водки; послѣ чего его запирали на сутки безъ воды. Иностранцамъ присутствовавшимъ при этихъ варварствахъ, Леонтьевъ говорилъ: «Съ французомъ я такъ поступать не могу — онъ мнѣ всадитъ пулю въ лобъ. Съ русскими же иначе нельзя—это единственный способъ держать ихъ въ рукахъ. Мой отецъ меня этому училъ и былъ болѣе чѣмъ

дождь червонцевъ, щедрой рукой падавшій на нихъ изъ казначейства. Достаточно бѣгло просмотрѣть наивныя отмѣтки «камеръ-фурьерскихъ» и «церемоніальныхъ» журналовъ и «журналовъ придворной конторы на знатныя при дворѣ Е. И. В. оказіи»—за десять лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, чтобы убѣдиться какъ часто повторялись подобныя «оказіи». Почти сплошной праздникъ шелъ цѣлый годъ у императрицы!»

1) Роскошь придворныхъ Анны Іоанновны не отличалась однако изяществомъ, уживаясь съ порядочной грязью и неряшествомъ. «Часто при богатѣйшемъ кафтанѣ,—говоритъ современникъ-очевидецъ Манштейнъ,—парикъ бывалъ прегадко вычесанъ, прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ, или, если туалетъ былъ безукоризненъ, то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры. Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ: на одинъ изящный женскій туалетъ встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ». (Записки Манштейна, стр. 181—182).

правъ». Его отецъ былъ истинно русскій баринъ, двоюродный братъ царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной.

Иностранцы, воспитанные въ совершенно иныхъ нравахъ, пріѣхавъ въ Россію, становились такими же варварами. Минихъ былъ невѣроятно жестокъ къ солдатамъ и къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій сѣкъ въ своемъ присутствіи крѣпостныхъ лакеевъ своей жены. Но наиболѣе жестокій изъ всѣхъ былъ графъ Оттонъ-Густавъ Дугласъ, бывшій шведскій офицеръ, генералъ-аншефъ и губернаторъ въ Эстляндіи. Это былъ настоящій звѣрь. Онъ сѣкъ людей въ своемъ присутствіи и изодранныя спины приказывалъ посыпать порохомъ и зажигать... Стоны и крики заставляли его хохотать отъ удовольствія. Онъ называлъ это «жечь фейерверки на спинахъ». Въ 1740 году, онъ былъ высланъ изъ Россіи, вслѣдствіе какихъ-то неосторожныхъ выраженій въ своихъ письмахъ, адресованныхъ шведскимъ друзьямъ.

Если люди высокопоставленные, жившіе при дворѣ среди лицъ дипломатическаго корпуса и просвѣщенныхъ иностранцевъ, позволяли себѣ такія варварства, что должны были продѣлывать въ глухихъ углахъ грубые и необразованные офицеры и темные маленькіе помѣщики, опустившіеся въ своей полу-животной жизни? Въ большинствѣ случаевъ наши прадѣды и дѣды думали, что всѣ грѣхи, всѣ жестокости и подлости можно съ лихвой замолить постами, пудовыми свѣчами у образовъ и неугасимыми лампадами.

Страданія, перенесенныя русскимъ народомъ—не поддаются описанію: на человѣческомъ языкѣ нѣтъ подходящихъ словъ, соотвѣтствующихъ выраженій, чтобы передать весь ихъ ужасъ, все ихъ разнообразіе...

Въ теченіе десяти лѣтъ царствованія Анны Іоанновны правительствомъ была принята всего одна мѣра, заслуживающая одобренія:—заботами фельдмаршала Миниха были созданы кадетскіе корпуса. Въ тѣ времена, это была истинная услуга цивилизаціи.

При Биронѣ нѣсколько нѣмецкихъ фамилій играли большую роль при дворѣ. Кромѣ Левенвольде Биронъ оказывалъ покровительство еще Менгденамъ, Кейзерлингамъ, Корфамъ, Ливенамъ и Бевернамъ.

Менгдены были уроженцы Вестфаліи. Вѣтка ихъ, оставшаяся въ Германіи, получила отъ императора Карла VI, въ 1723 г., титулъ бароновъ священной имперіи. Іоганнъ-Остгофъ-Менгденъ поселился въ Ливоніи, гдѣ онъ былъ магистромъ ордена меченосцевъ отъ 1451—1475 г. Его племянникъ, Энгельбрехтъ, также переселился въ Ливонію и купилъ тамъ (1490 г.) помѣстье Альтенвога. Онъ родоначаль-

В Галгоусскс могилы
в нашем Тереке!

никъ Менгденовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Вдова одного изъ нихъ, Эрнста Менгдена, попала въ плѣнъ и была привезена въ Россію во время войны царя Алексѣя Михайловича съ Польшей. Въ Россіи она вышла замужъ за *думнаго дворянина* Ивана Ивановича Баклановскаго. Она приняла православіе и была названа Маріей Васильевной. Ея старшій сынъ, Менгденъ, также принялъ православіе и былъ, впослѣдствіи, стольникомъ при русскомъ дворѣ. Этотъ Алексѣй Аристовичъ Менгденъ сталъ родоначальникомъ ярославскихъ и тульскихъ Менгденовъ.

Оттону Менгдену, ливонскому ландрату и полковнику шведской службы, королева Христина даровала въ 1653 г. титулъ барона Менгденъ—фонъ-Альтенвога. Два его внука, братья, Магнусъ-Густавъ, ландмаршалъ и Іоганнъ-Альбрехтъ, ландратъ въ Ливоніи, были тѣсно связаны дружбой съ семьей Левенвольде. Сыновья ихъ были низкопоклонными прислужниками Бирона, особенно второй сынъ Іоганна Альбрехта, баронъ Карлъ-Людвигъ. Чтобы создать болѣе прочную сѣть интригъ, онъ выписалъ въ Петербургъ своихъ четырехъ кузинъ, дочерей барона Магнуса-Густава: Доротею, впослѣдствіи графиню Минихъ, Юлію, Якобину, которая должна была выйти за Густава Бирона (бракъ разстроился, благодаря паденію семьи Бирона) и Аврору—впослѣдствіи графиню Лестокъ. Всѣ четыре были ловкія интриганки, особенно Юлія, сумѣвшая втереться въ довѣріе къ Аннѣ Леопольдовнѣ и имѣвшая на молодую принцессу огромное вліяніе. Биронъ Карлъ-Людвигъ, также большой интриганъ, былъ тридцати четырехъ лѣтъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ орденъ Александра Невскаго. Но въ слѣдующемъ году при восшествіи Елизаветы Петровны, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ умеръ послѣ восемнадцатилѣтней ссылки. Племянникъ его, Эрнстъ-Бурхгардтъ, губернаторъ Лифляндіи, купилъ въ Вѣнѣ въ 1779 г. титулъ графа. Отъ него произошли нынѣшніе графы Менгдены.

Кейзерлинги также вестфальскіе выходцы. Германнъ-Карлъ Кейзерлингъ (род. 1696 г.) былъ уже въ Митавѣ приближеннымъ Бирона. Онъ былъ принятъ на русскую службу и назначенъ въ 1733 г. посланникомъ въ Варшаву; онъ былъ хитеръ, уменъ и вкрадчивъ и обладалъ исключительными дипломатическими способностями. Когда Биронъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ, въ виду ленной зависимости Курляндіи отъ Польши, было необходимо получить согласіе Польскаго Сейма. Кейзерлингъ взялъ дѣло на себя. Нѣсколькимъ магнатамъ были предложены крупныя пенсіи и розданы русскіе ордена. Король Августъ III получилъ отъ русскаго правительства, взаймы, на три года сто тысячъ червонцевъ. Дѣло удалось и Кейзерлингъ

въ награду получилъ тайнаго совѣтника. Послѣ паденія Бирона Минихъ поручилъ Кейзерлингу выхлопотать для него и фельдмаршала Ласси дипломы на графское достоинство Священной Имперіи. Оба, Минихъ и Ласси, были уже русскими графами. Кейзерлингъ легко уладилъ дѣло, не забывъ и себя и выхлопотавъ графскій дипломъ и для себя самого. Но регентша, Анна Леопольдовна, недовольная медлительностью, съ которой дипломатъ улаживалъ выборы брата ея мужа принца Людвига-Эрнста Брауншвейгскаго на курляндскій престолъ,— отказалась признать за Кейзерлингомъ графское достоинство. Кейзерлингъ очень хорошо понималъ, что Анна Леопольдовна и ея супругъ, недалекіе, легкомысленные, разжигавшіе, не сознавая того, ненависть русскихъ къ нѣмцамъ,—были совершенно неспособны долго удержать за собой Русскій престолъ. Онъ выжидалъ и оставался бездѣятельнымъ. Послѣдовавшія событія доказали вѣрность его разсчетовъ. Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, положеніе его и вліяніе на дѣло быстро упрочились. Бывшій совѣтникъ и льстивый придворный Бирона, сумѣлъ стать вѣрнымъ слугой и любимцемъ русскихъ людей, окружавшихъ Елизавету Петровну. Отношенія Русскаго и Вѣнскаго двора были очень натянуты, со времени низложенія маленькаго императора Ивана Антоновича, двоюроднаго племянника Маріи-Терезіи. Чтобы улучшить ихъ, Кейзерлингу пришла счастливая мысль, вмѣшать русскій дворъ въ дѣло о возведеніи на Австрійскій престолъ герцога Франца Лотарингскаго, супруга Маріи-Терезіи. По своему совѣту и настоянію Кейзерлингъ былъ командированъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ засѣдалъ выборный сеймъ и и энергично содѣйствовалъ избранію императора Франца I. Взамѣнъ, имъ были получены графскіе дипломы для Алексѣя Разумовскаго, морганатическаго супруга императрицы, придворнаго врача и любимца ея Лестока и вице-канцлера Михаила Воронцова. Но что было еще гораздо важнѣе, для Петербургскаго двора—онъ добился признанія Россійскаго Императорскаго титула Императоромъ Священной Имперіи. За это онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ царскую благодарность, переданную ему канцлеромъ Бестужевымъ *за то, что онъ сумѣлъ получить признаніе Императорскаго титула, безъ нарочитаго о томъ ходатайства.* Онъ былъ вскорѣ назначенъ посломъ въ Берлинъ, затѣмъ въ Вѣну, велъ переговоры о союзѣ двухъ дворовъ въ семилѣтнюю войну; въ 1764 г. онъ умеръ, будучи посланникомъ въ Варшавѣ.

Семья Корфовъ также родомъ изъ Вестфаліи, гдѣ они были извѣстны уже въ XIII вѣкѣ. Въ 1692 г. Матвѣй Корфъ получилъ отъ

императора Леопольда I дипломъ на титулъ бароновъ священной
имперіи для всѣхъ членовъ семьи. Въ XV вѣкѣ Николай Корфъ пе-
реселился въ Курляндію и получилъ въ 1483 г. отъ магистра ордена
Меченосцевъ, Бернарда Борха, помѣстье Прекульнъ (Préekuln), возве-
денное въ майоратъ и находящееся и теперь во владѣніи семьи.

Баронъ Іоганнъ-Альбертъ Корфъ, приближенный Бирона, всту-
пилъ на русскую службу въ званіи камергера и былъ въ теченіе нѣ-
сколькихъ лѣтъ президентомъ Академіи Наукъ. Въ 1740 г. онъ на-
чалъ свою дипломатическую дѣятельность, къ которой у него было
истинное призваніе. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ (за вычетомъ
двухъ, когда онъ временно былъ посланъ въ Стокгольмъ) онъ былъ
посломъ въ Копенгагенѣ.

Положеніе очень важное въ ту эпоху, когда Данія была одной изъ
первыхъ второстепенныхъ державъ, и въ высшей степени щекотливое,
въ виду того, что датскіе короли отняли всѣ владѣнія у голштин-
скихъ герцоговъ, которыхъ счастливый случай возвелъ на россійскій
престолъ. Чтобы удержаться такъ долго на этомъ посту, нужно было
обладать большимъ умомъ и тонкостью; но ни въ тонкости, ни въ
умѣ не было недостатка у барона Іоганна-Альберта. Надо еще при-
бавить къ этому всему, что въ 1730 г. баронъ Корфъ сыгралъ до-
вольно значительную роль въ событіяхъ, сопровождавшихъ восше-
ствіе на престолъ Анны Іоанновны.

Онъ былъ тайно посланъ Бирономъ въ январѣ 1730 г. въ Москву,
немедленно послѣ пріѣзда въ Митаву депутаціи отъ Верховнаго Со-
вѣта. Корфу было поручено переговорить съ Рейнгольдомъ Левен-
вольде и при содѣйствіи послѣдняго подготовить возстановленіе Са-
модержавія. Баронъ вошелъ въ сношенія съ Головкиными и Рамо-
дановскими и миссія его, какъ извѣстно, увѣнчалось успѣхомъ. Это
заслуживало благодарности со стороны императрицы, но Корфу былъ
данъ только камергерскій ключъ. Баронъ Іоганнъ-Эрнстъ повредилъ
себѣ стремленіемъ завоевать личную благосклонность Анны Іоанновны.
Онъ былъ свѣтскій человѣкъ, очень элегантенъ и хорошъ собой.
Ухаживанья его, однако, не привели ни къ чему, несмотря на его
тонкій и вкрадчивый умъ и живой характеръ. Императрица была
всецѣло подъ чарами Бирона. Невѣжественный, невоспитанный и
грубый Биронъ гораздо болѣе подходилъ Аннѣ Іоанновнѣ, женщинѣ
тоже грубой, примитивной и дурно воспитанной, чѣмъ элегантный
утонченный баронъ Корфъ. Ко всему Корфъ былъ человѣкъ про-
свѣщенный, не скрывалъ своихъ атеистическихъ взглядовъ и дол-
женъ былъ шокировать такую суевѣрную ханжу, какъ Анна Іоанновна.

Биронъ не приминулъ сыграть на этой струнѣ, вооружая ее противъ своего соперника. Чтобы загладить размолвку и войти вновь въ милость Бирона, Корфъ, очень усердно содѣйствовалъ возведенію фаворита на курляндскій престолъ, въ 1737 г.

Корфъ умеръ въ Копенгагенѣ въ 1766 году, семидесяти лѣтъ оставивъ великолѣпную библіотеку въ тридцать шесть тысячъ томовъ Эта библіотека была куплена у него, за два года до его смерти, за пятьдесятъ тысячъ рублей императрицей Екатериной II, для цесаревича Павла Петровича; Корфу было предоставлено при этомъ пожизненное право владѣть всей его библіотекой.

Два другіе Корфа, братья, также вступили около этого времени на русскую службу; они оставили по себѣ самыя добрыя воспоминанія. Баронъ Іоганнъ-Николай Корфъ (въ Россіи Николай Андреевичъ) былъ женатъ на вдовѣ Бодиско, затѣмъ, овдовѣвъ, женился на графинѣ Екатеринѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы. Этотъ бракъ открылъ ему дорогу для широкой карьеры. Онъ былъ генералъ-аншефомъ, былъ пожалованъ Андреевской лентой и, въ эпоху временнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россіи, во время семилѣтней войны, былъ генералъ-губернаторомъ *Кенигсберской провинціи,* какъ тогда называли восточную Пруссію. Николай Корфъ былъ честнѣйшій человѣкъ, безукоризненно порядочный и неподкупный; всегда ко всѣмъ внимательный, отзывчивый и очень добрый, несмотря на свою крайнюю вспыльчивоть и вспышки гнѣва, которымъ онъ былъ подверженъ, особенно когда былъ навеселѣ; а это съ нимъ случалось нерѣдко. Онъ былъ большой пріятель Петра III, большого любителя выпить, и оказалъ русскому дворянству такую услугу, за которую ему слѣдовало бы поставить памятникъ: по его настоянію и совѣту Петръ III рѣшился освободить дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній и обязательной службы. Разсказываютъ, что Корфъ выигралъ у императора эти привилегіи дворянству въ партію билліарда, но фактъ этотъ не удостовѣренъ. Указъ былъ составленъ государственнымъ секретаремъ Волковымъ, которому Корфъ и нѣсколько вельможъ того времени щедро заплатили.

Корфъ умеръ въ 1766 году, 56 лѣтъ, всѣми уважаемый и любимый.

Второй братъ, баронъ Георгъ-Фромгольдъ, Григорій Ивановичъ, несмотря на то, что его братъ былъ Андреевичъ, такой же порядочный и добрый; служилъ въ конной гвардіи. Ему былъ порученъ надзоръ надъ семьей несчастнаго Іоанна Антоновича. Облегчить участь этой злополучной семьи было не въ его власти, но онъ былъ безу-

коризненно вѣжливъ и человѣчески добръ по отношенію къ заключеннымъ. Онъ умеръ въ чинѣ генералъ-поручика, майора конной гвардіи въ 1758 г., оставивъ трехъ сыновей.

Между нѣмцами, вступившими на русскую службу при Биронѣ было нѣсколько Ливенъ. Семья Ливенъ очень древняго происхожденія и ведетъ свой родъ отъ одного изъ вождей тѣхъ коренныхъ латышскихъ племенъ, которыя были порабощены рыцарями Меченосцами. Вождь этотъ по имени Каупо принялъ крещеніе и получилъ дворянское достоинство подъ фамиліей Ливенъ, (въ 1186 году). Въ 1653 году Ливенъ получили титулъ бароновъ отъ королевы шведской Христины. Одинъ изъ членовъ семьи служилъ при Петрѣ I въ русской арміи и былъ адъютантомъ при Меншиковѣ. Остальные Ливены вступили на русскую службу только по восшествіи на престолъ Анны Іоанновны. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ баронъ Георгъ-Рейнгольдъ (Георгій Григорьевичъ), который принималъ большое участіе въ дѣлѣ организаціи конногвардейскаго полка, и ввелъ не мало нѣмцевъ въ русскую армію и особенно гвардію. Онъ былъ уменъ, хитеръ и очень ловокъ, былъ очень преданъ Бирону и тѣсно связанъ дружбой съ семьей Левенвольде. Онъ сумѣлъ удержаться въ милости и при Елизаветѣ Петровнѣ, дослужился до чина генералъ-аншефа и подполковника конной гвардіи и умеръ въ 1763 году, 67 лѣтъ. Онъ былъ плохой военный, лишенный всякаго стратегическаго таланта, но воображавшій себя однимъ изъ лучшихъ полководцевъ Европы; нерѣшительный и робкій на полѣ сраженія, онъ былъ все-таки руководителемъ фельдмаршала Апраксина въ семилѣтнюю войну и на совѣсти его лежитъ бо́льшая часть отвѣтственности за ошибки и неудачи этого слабаго фельдмаршала.

Карлъ Бревернъ, членъ иностранной комиссіи, былъ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ нѣмцевъ, находившихся на русской службѣ. Его дѣдъ Іоганнъ Бревернъ, родомъ изъ Силезіи, получилъ въ 1694 году отъ шведскаго короля Карла XI дворянское достоинство для своего единственнаго сына Германа. Послѣдній, человѣкъ очень достойный, прекрасный администраторъ, былъ вице-президентомъ гофъ-герихта въ Ригѣ, послѣ присоединенія Ливоніи къ Россіи и вслѣдъ затѣмъ, когда въ Петербургѣ были созваны разнообразныя административныя коллегіи, въ 1717 году, онъ былъ призванъ Петромъ I въ Петербургъ и назначенъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи. Онъ умеръ въ 1722 году, пятидесяти девяти лѣтъ.

У Германа Бреверна было шесть сыновей. Четвертый сынъ, наиболѣе извѣстный, Карлъ, былъ порядочный человѣкъ, умный и чест-

ный, Остерманъ его очень цѣнилъ и покровительствовалъ ему. Поддерживаемый Остерманомъ и семьей Кейзерлингъ, съ которой онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ благополучно пережилъ эту бурную эпоху и сумѣлъ сохранить свою добрую репутацію. Въ высшей степени безкорыстный, любезный и обязательный, онъ оставался въ милости, несмотря на перемѣны режима. Я не знаю причинъ, приведшихъ его къ самоубійству, которымъ онъ кончилъ жизнь въ 1744 г., тридцати девяти лѣтъ.

Георгъ Браунъ, выходецъ ирландскій, получилъ выдающееся образованіе въ Америкѣ; притѣсняемый въ Англіи, какъ католикъ, онъ эмигрировалъ и вступилъ на службу въ маленькую армію Пфальцскаго курфюрста. Благодаря покровительству герцога, ему удалось въ 1730 году перейти на русскую службу. Онъ былъ принятъ въ армію въ чинѣ капитана. Онъ отличился во время турецкой войны и при взятіи Азова былъ раненъ (1736 г.). Минихъ произвелъ его въ полковники и послалъ (1738 г.) курьеромъ въ австрійскую армію. Онъ принималъ участіе въ битвѣ при Кротекѣ, былъ взятъ турками въ плѣнъ, проданъ, затѣмъ перепроданъ, отвезенъ въ Константинополь и выведенъ тамъ на рынокъ вмѣстѣ съ невольниками. Французскій посланникъ, Маркизъ де-Вильневъ купилъ его и далъ ему свободу и средства, чтобы тайно проѣхать въ Россію. Брауну удалось, будучи въ Константинополѣ, достать копіи нѣсколькихъ секретныхъ приказовъ Дивана, относящихся къ войнѣ съ Россіей. Онъ привезъ эти копіи въ Петербургъ и былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ женился на дочери фельдмаршала Ласси. Когда въ Россію должна была прибыть молодая принцесса Ангальтъ-Цербская, впослѣдствіи Екатерина II, между другими и Брауну было поручено ее встрѣтить. Мать принцессы, женщина не глупая, обратилась къ Брауну, который своей открытой манерой сумѣлъ внушить ей довѣріе, съ просьбой помочь имъ: «Моя дочь молода и неопытна,—говорила она,—ни она, ни я, не знаемъ обстановки, въ которую намъ придется войти; будьте нашимъ другомъ, дайте намъ дружескій совѣтъ и разскажите подробно о лицахъ, которыми мы будемъ окружены, о правительствѣ и о странѣ, которая, повидимому, такъ своеобразна». Браунъ исполнилъ ея просьбу и совѣты его избавили принцессу и ея юную дочь отъ очень многихъ промаховъ и неудачъ.

Во время семилѣтней войны, Браунъ, уже генералъ-аншефъ, получилъ при Цондорфѣ пять ранъ, изъ которыхъ одну въ голову. Петръ III назначилъ его генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ про-

винцій, и когда была рѣшена война съ Даніей, хотѣлъ назначить его главнокомандующимъ арміей. Война эта, затѣянная съ цѣлью отобрать у Даніи Голштинію, обладаніе которой для Россіи не имѣло значенія—могла повлечь только къ осложненіямъ и непріятностямъ. Честный и правдивый Браунъ, поблагодаривъ императора, изложилъ ему совершенно откровенно свое мнѣніе, разъяснилъ ему насколько эта война безполезна и непопулярна и совѣтовалъ государю ѣхать въ Москву и не откладывать коронованія. Петръ III пришелъ въ бѣшенство, прогналъ его изъ своего кабинета и объявилъ, что никогда его фельдмаршаломъ не назначитъ. Впослѣдствіи обстоятельства показали, насколько Браунъ былъ правъ.

Во время царствованія Екатерины II Браунъ былъ въ теченіе тридцати лѣтъ (до самой своей смерти) генералъ-губернаторомъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Пользуясь расположеніемъ, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ императрицы, онъ оказалъ Россіи огромныя услуги. По его настоянію и при его содѣйствіи были сдѣланы первыя попытки улучшенія состоянія крѣпостныхъ Лифляндіи и Эстляндіи. Брауну пришлось выдержать долгую и упорную борьбу съ отсталыми защитниками застоя. Онъ былъ всѣми уважаемымъ за прямоту и рѣдкую справедливость; доступный каждому, равный въ обращеніи съ бѣднымъ и богатымъ, несчастнымъ бродягой и вліятельнымъ придворнымъ, Браунъ не зналъ компромиссовъ и никогда не сошелъ съ пути чести. При введеніи въ Балтійскихъ провинціяхъ общихъ Россійскихъ законовъ, Браунъ, сочувствовавшій этой мѣрѣ и понимавшій всю необходимость ея для Россіи, проявилъ необычайную энергію [1]).

Какъ всѣ прямые и добрые люди, Браунъ былъ очень горячъ и крайне вспыльчивъ. Екатерина знала это и поэтому никогда не принимала своего стараго друга наединѣ. Получивъ, однажды, указъ сената, содержавшій что-то вродѣ выговора, Браунъ, прискакалъ въ Петербургъ, явился къ императрицѣ съ указомъ и заявилъ ей: «Если мои услуги неугодны Вашему Величеству, скажите это мнѣ: я уйду. Если угодны, то запретите Вашимъ подданнымъ оскорблять меня».— «Кто эти подъячіе?» спросила Екатерина. «Сенаторы!»—отвѣтилъ Браунъ и показалъ ей бумагу. Екатерина дала распоряженіе Сенату не

---

1) Это мудрая мѣра имп. Екатерины II была отмѣнена Павломъ. Онъ руководился въ этомъ случаѣ, больше всего совѣтами воспитательницы своихъ дѣтей, княгини Ливенъ, женщины умной, и очень энергичной, но большой взяточницы. Княгинѣ Ливенъ щедро заплатили за это нѣмцы, такъ же какъ поляки за возстановленіе Литовскаго статута, который былъ замѣненъ Россійскими законами при Екатеринѣ II.

посылать, впредь, Брауну указы, не представивъ ихъ предварительно на ея одобреніе.

Послѣдніе годы Браунъ былъ пригвожденъ тяжелою болѣзнью къ креслу, которое служило ему также и постелью ночью. Несмотря на это, продолжалъ принимать и съ большой энергіей велъ лично всѣ дѣла. Онъ умеръ въ Ригѣ въ 1792 г. восьмидесяти восьми лѣтъ. Отъ императора Іосифа II онъ получилъ графское достоинство въ 1799 г. Изъ двухъ сыновей графа Брауна старшій генералъ отъ артиллеріи на австрійской службѣ умеръ двумя годами позже отца; младшій—служилъ въ русской арміи. Оба умерли бездѣтными.

Зять Бирона, о которомъ я уже упоминалъ, Людольфъ-Августъ Бисмаркъ, не игралъ большой политической роли, но благодаря своимъ родственнымъ связямъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ родился въ Бранденбургѣ въ 1683 году, принадлежалъ къ очень старинной родовитой семьѣ, но былъ крайне невоспитанъ, грубъ, жестокъ и склоненъ къ пьянству. Уменъ онъ не былъ. Разъ какъ-то, въ Магдебургѣ, будучи пьянъ, онъ обозлился на своего лакея и шашкой зарубилъ его... Несчастный умеръ на мѣстѣ. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I, извѣстный самъ своей грубостью [1]), ограничился тѣмъ, что посадилъ Бисмарка въ крѣпость на довольно долгій срокъ и впослѣдствіи лишилъ его права командовать полкомъ, несмотря на то, что тотъ былъ старшимъ полковникомъ. Бисмаркъ уѣхалъ искать счастья въ Россіи. Онъ былъ вдовъ, недуренъ собой и сумѣлъ завоевать сердце невѣстки Бирона, дѣвицы Трейденъ, уродливой и болѣзненной и женился на ней. Вступивъ на русскую службу въ чинѣ генералъ-майора, онъ былъ генералъ-аншефомъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны. Когда Биронъ былъ арестованъ, его также арестовали и предали суду. Очень характерно для того времени, что Бисмаркъ, генералъ-аншефъ русской арміи, оправдывался на судѣ своимъ полнымъ незнаніемъ русскаго языка! Въ оправдательнамъ письмѣ, написанномъ въ заключеніи, онъ писалъ: «mir die russische sprache ganz unbekannt, und meine Frau zum Dalmetcher dienen müssen» [2]). Это оправданіе не было принято во вниманіе правительницей и онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Императрица Елизавета его вернула. По возвращеніи онъ вскорѣ умеръ, не оставивъ дѣтей.

---

[1]) Отецъ Фридриха II, прозванный Soldaten-König'омъ.

[2]) Русскій языкъ мнѣ былъ совершенно незнакомъ и моя жена должна была служить мнѣ переводчицей.

Ближайшій сотрудникъ и фактотумъ Бирона былъ еврей Липпманнъ, назначенный придворнымъ банкиромъ и затѣмъ *оберъ-гофъ-коммиссаромъ.* Послѣдняя должность—комиссіонера двора—была создана спеціально для Липпманна. Биронъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. Липпманнъ часто присутствовалъ при занятіяхъ Бирона съ кабинетъ-министрами, секретарями и президентами коллегій, высказывая свое мнѣніе и давая совѣты, всѣми почтительно выслушиваемые. Самые высокопоставленныя и вліятельныя лица старались угодить этому фавориту фаворита, который не одинъ разъ ссылалъ людей въ Сибирь по капризу. Онъ торговалъ своимъ вліяніемъ, продавая служебныя мѣста и не было низости, на которую онъ не былъ бы способенъ. Когда Бирона арестовали, онъ поспѣшилъ сообщить регентшѣ о томъ, гдѣ были помѣщены капиталы курляндскаго герцога и выдалъ всѣ тайные проекты и политическіе планы послѣдняго. Благодаря этой подлости ему удалось въ теченіе года правленія регентши, сохранить свое положеніе оберъ-гофъ-коммиссара.

Во время царствованія Анны Іоанновны, начали свою карьеру Василій Репнинъ и фельдмаршалъ Апраксинъ, которымъ впослѣдствіи, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, пришлось играть такую выдающуюся роль.

Князь Василій Никитичъ Репнинъ, отецъ и сынъ двухъ фельдмаршаловъ Репниныхъ, унаслѣдовалъ отъ своего отца прямоту характера и рѣдкое безкорыстіе,—черту, необычайную среди русскихъ придворныхъ того времени, но свойственную всей семьѣ Репниныхъ. Онъ не былъ такъ талантливъ, какъ его сынъ, но не былъ лишенъ ума и получилъ выдающееся для того времени образованіе. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и имѣлъ очень серьезныя знанія въ артиллеріи и инженерномъ искусствѣ. Горячій и вспыльчивый, но очень добрый и ко всѣмъ всегда привѣтливый, онъ былъ всеобщимъ любимцемъ. Онъ служилъ въ арміи Миниха и совершилъ три первые похода противъ турокъ; но затѣмъ, вслѣдствіе болѣзни ноги, которая не позволяла ему сѣсть на лошадь, онъ принужденъ былъ вернуться въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны онъ былъ, къ своему большому огорченію, назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Волынскаго; для него было невыносимо стать соучастникомъ этого ужаснаго суда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было никакой возможности отказаться, не рискуя ссылкой, а можетъ быть и пыткой. Онъ собирался уже (какъ разсказывалъ полвѣка спустя его сынъ, извѣстный фельдмаршалъ Николай Репнинъ, моему дядѣ Корсакову) прибѣгнуть къ способу Остермана, т.-е. натереть себѣ

лицо сухими фигами, объявить, что у него разлилась желчь и сказаться больнымъ, когда, неожиданно, назначенная комиссія была отстранена и слѣдствіе было довѣрено только двумъ ея членамъ: Ушакову и Неплюеву. Два мѣсяца спустя былъ назначенъ судъ Сенаторовъ и должностныхъ лицъ, который долженъ былъ вынести приговоръ надъ Волынскимъ и его друзьями. Репнинъ прибѣгнулъ къ способу Остермана, симулировалъ болѣзнь и избѣжалъ такимъ образомъ необходимости либо самому подвергнуться пыткѣ, либо взять на свою совѣсть этотъ варварскій и несправедливый приговоръ.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны Репнинъ былъ въ большой милости. Послѣ смерти принца Людвига Гессенъ-Гомбургскаго онъ замѣстилъ его въ званіи генерала-фельдцехмейстера, былъ назначенъ гофмаршаломъ двора наслѣдника цесаревича и директоромъ кадетскаго корпуса. Въ 1748 году русское правительство послало въ Франконію вспомогательный корпусъ въ тридцать семь тысячъ человѣкъ въ помощь Австріи противъ Франціи. Репнинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Версальскій кабинетъ, постоянно платившій вице-канцлеру графу Михаилу Воронцову, предложилъ при посредствѣ послѣдняго, сто тысячъ червонцевъ Репнину, если онъ замедлитъ походъ русскихъ войскъ. Репнинъ съ негодованіемъ отказался отъ предложенія и ускорилъ движеніе своихъ войскъ. Въ тотъ же годъ онъ умеръ отъ удара, въ лагерѣ возлѣ Кульмбаха, 21 іюля 1748 г. Ранняя смерть его (ему было пятьдесятъ три года) вызвала всеобщія сожалѣнія.

Степанъ Федоровичъ Апраксинъ родился въ 1702 году; потерявъ отца въ раннемъ дѣтствѣ, онъ былъ воспитанъ въ домѣ графа Петра Апраксина (отца шута Апраксина) своего родственника. Мать его, Елена Леонтьевна (рожд. Кокоткина) вышла вторымъ бракомъ за графа Ушакова, который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ Анны Іоанновны и все время ея царствованія былъ начальникомъ страшной Тайной канцеляріи. Покровительство вотчима помогло Степану Апраксину сдѣлать легко и быстро большую карьеру. Тридцати двухъ лѣтъ онъ былъ уже въ чинѣ гвардіи майора—въ ту пору очень высоко цѣнимомъ. Во время Турецкой войны, Минихъ, желавшій угодить всесильному начальнику Тайной канцеляріи, назначилъ Апраксина дежурнымъ генераломъ своей арміи и въ теченіе четырехъ лѣтъ, несмотря на крайнюю неспособность Апраксина и его необычайную лѣнь, держалъ его при себѣ и въ письмахъ къ Императрицѣ аттестовалъ какъ очень способнаго генерала. Послѣ заключенія мира съ турками, Апраксину было поручено командованіе войсками на побе-

режьѣ Каспійскаго моря, послѣ чего онъ былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. Послѣ паденія Бирона, регентша, желавшая выказать свою милость старому Ушакову, подарила Степану Апраксину великолѣпныя помѣстья, принадлежащія теперь его правнуку, Виктору Апраксину (послѣднему отпрыску этой семьи). Елизавета Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ уничтожила и отняла всѣ милости, дарованныя регентшей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя были утверждены особыми указами. Въ томъ числѣ были утверждены за Апраксинымъ помѣстья, дарованныя ему регентшей. Милость эта была оказана также изъ желанія обласкать старика Ушакова. Апраксинъ былъ человѣкъ хитрый, нечестный, низкій интриганъ, не знавшій стыда и всегда низкопоклонничавшій передъ всѣми сильными. Несмотря на его большую карьеру, это былъ человѣкъ совершенно неспособный. Не имѣя никакихъ административныхъ способностей, онъ былъ президентомъ военной коллегіи; былъ фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ. Низкій, злобный и двуличный, Апраксинъ былъ достойный пасынокъ своего вотчима и достойный другъ хитраго интригана канцлера Бестужева. Брать взятки, воровать, выдавать своихъ друзей, оговаривать ихъ, клеветать и губить,—мошенничать въ карты—было дѣломъ для него привычнымъ. Несмотря на свой огромный ростъ, толщину и большую физическую силу — онъ былъ жалкій трусъ. Однажды, уже будучи фельдмаршаломъ, играя въ карты съ гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ, онъ смошенничалъ. Разумовскій всталъ, далъ ему пощечину, затѣмъ схватилъ за воротъ камзола и сталъ наносить пинки и удары кулакомъ и ногами. Апраксинъ проглотилъ обиду и не посмѣлъ потребовать удовлетворенія у Разумовскаго—брата супруга императрицы. Лѣнивый и небрежный въ дѣлахъ, онъ любилъ роскошь и жилъ очень широко; былъ очень занятъ своимъ туалетомъ (у него было нѣсколько сотъ костюмовъ) и всегда былъ покрытъ бриллiантами. Въ дѣйствующей арміи у него было около пятисотъ лошадей, везшихъ его багажъ. Надменный и недоступный по отношенію къ подчиненнымъ, онъ не останавливался ни передъ какой подлостью, ни передъ какимъ униженіемъ, чтобы увеличить свое положеніе при дворѣ. Чтобы снискать расположеніе и заручиться покровительствомъ графа Петра Шувалова, онъ взялъ на себя низкую роль посредника въ любовной интригѣ и въ ухаживаніи Шувалова за его дочерью княгиней Еленой Степановной Куракиной [1]). Онъ способ-

[1]) Елена Апраксина была женой князя Бориса Александровича Куракина единственнаго сына оберъ-шталмейстера Анны Іоанновны.

ствовалъ возникновенію этой связи и всѣми силами ее поддерживалъ, считая ее для себя выгодной.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ, несчастной эпохи, о которой я говорю, былъ процессъ Волынскаго; въ немъ какъ въ зеркалѣ отразилась картина Петербургскаго двора и общества въ царствованіе Анны Іоанновны. Въ этомъ процессѣ были, я не говорю судимы, потому что это не былъ судъ, были приговорены, кромѣ Волынскаго—графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Соймоновъ, Еропкинъ Хрущовъ, Эйхлеръ и де-ла-Суда.

Родъ Мусинъ-Пушкиныхъ, по сказаніямъ древнихъ родословцевъ, произошелъ отъ Семиградскаго выходца Радши. Его потомокъ въ десятомъ колѣнѣ, Михайло Тимофеевичъ Пушкинъ по прозванію Муса, былъ (въ XV вѣкѣ) родоначальникомъ Мусинъ-Пушкиныхъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторые изъ Мусинъ-Пушкиныхъ были воеводами въ небольшихъ городахъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ комнатнымъ стольникомъ. Жена его была красавица. Между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и ею возникла любовная связь, которой мужъ ея, Алексѣй Богдановичъ, находилъ нужнымъ покровительствовать. У Мусинъ-Пушкиной родился сынъ Иванъ, котораго царь Алексѣй, зачастую подъ веселую руку называлъ *«мой сынъ Пушкинъ»*.

Иванъ Мусинъ-Пушкинъ былъ очень уменъ и въ высшей степени преданъ Петру I. Однажды въ присутствіи Петра, восхваляя дѣянія послѣдняго, онъ презрительно отозвался о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ схватилъ его за руку и сказалъ: «Унижая моего отца, ты доставляешь мнѣ бо́льшую непріятность, нежели если бы унижалъ меня и ты самъ знаешь, что менѣе чѣмъ кто-либо другой имѣешь право говорить о немъ неуважительно», замѣчаніе это показалось царю недостаточно внушительнымъ и онъ прибавилъ къ нему нѣсколько крѣпкихъ ударовъ своей дубинки. Послѣ чего Мусинъ-Пушкинъ поцѣловалъ его руку и сказалъ: «виноватъ, государь».

Отнявъ у духовенства право на управленіе духовными имуществами, Петръ учредилъ Монастырскій приказъ (реформированный въ 1725 г. въ камеръ-контору синодальнаго правленія) и начальникомъ его назначилъ Ивана Мусинъ-Пушкина, котораго открыто признавалъ своимъ братомъ. Послѣдній сопровождалъ царя всегда и въ путешествіяхъ и на войнѣ. Не будучи военнымъ, онъ находился въ лагерѣ съ Петромъ во время Полтавской битвы и на слѣдующій день былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ графскій титулъ (до тѣхъ поръ пожалованный Петромъ лишь

фельдмаршалу Шереметеву и канцлеру Головкину). Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, узнавъ объ этомъ, упрекнулъ царя въ недостаточной къ себѣ милости, прослезился отъ горя и былъ также пожалованъ графомъ.

Старшій сынъ перваго *графа* Мусинъ-Пушкина, графъ Платонъ Ивановичъ, былъ посланъ учиться въ Голландію и Парижъ. Посылая его, Петръ I снабдилъ его слѣдующимъ письмомъ къ посланнику князю Борису Куракину, своему свояку (Петръ и Куракинъ были женаты на двухъ сестрахъ Лопухиныхъ):

«Посылаемъ мы къ вамъ, для обученія политическихъ дѣлъ, племянника нашего Платона, котораго Вамъ, яко свойственнику, какъ свойственника рекомендую. Петръ».

Платонъ былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ княжнѣ Марѳѣ Черкасской. Онъ былъ человѣкъ очень талантливый, получилъ блестящее образованіе и былъ очень хорошъ собой. Предпріимчивый и смѣлый, надменный и часто заносчивый, онъ бывалъ рѣзокъ и презрителенъ въ обращеніи даже по отношенію къ очень вліятельнымъ лицамъ при дворѣ. Это было одной изъ причиной того, что онъ былъ запутанъ въ ужасную катастрофу Волынскаго въ 1740 г.

Попавъ въ немилость къ Аннѣ Іоанновнѣ, вслѣдствіе мимолетной своей связи съ цесаревной Елизаветой Петровной, Платонъ Мусинъ-Пушкинъ упрочилъ вновь свое положеніе при помощи Волынскаго и князя Алексѣя Черкасскаго, на племянницѣ котораго онъ былъ женатъ, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ. Такъ же, какъ и Волынскій, онъ питалъ непреодолимую ненависть къ нѣмцамъ. Изъ коммерцъ-коллегіи, въ бытность свою президентомъ, онъ удалилъ нѣсколькихъ нѣмцевъ и замѣнилъ ихъ русскими. Это поставило его во враждебное отношеніе къ вліятельной тогда нѣмецкой партіи и Бирону и также его гибели.

Еропкины,—такъ же, какъ Ржевскіе, Татищевы и Мамонтовы,—произошли отъ князей Смоленскихъ (Рюриковичей); ихъ предки, лишенные своихъ удѣловъ, сняли съ себя княжескій титулъ, по ихъ мнѣнію, несовмѣстимый съ ихъ новымъ скромнымъ положеніемъ; Петръ Михайловичъ Еропкинъ, управляющій дворомъ, ученый архитекторъ, и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, учился, такъ же, какъ и Мусинъ-Пушкинъ, за границей; жилъ во Франціи и особенно долго въ Италіи; у него была превосходная библіотека—вещь рѣдкая въ тѣ времена.

Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и порядочнѣйшихъ людей своего времени принадлежалъ къ дворянской

семьѣ, извѣстной съ XVI вѣка. Его дѣдъ, Аѳанасій Соймоновъ, былъ женатъ на Аннѣ Семеновнѣ Головкиной, такъ что Иванъ Соймоновъ, отецъ Ѳедора, былъ двоюроднымъ братомъ канцлера Головкина и троюроднымъ царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I. Такое родство могло бы доставить Соймонову возможность сдѣлать большую карьеру, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ очень основательное и серьезное образованіе, посвятилъ себя морскому искусству—дѣлу мало изученному и не очень любимому въ ту эпоху. Уже въ маленькихъ чинахъ Соймоновъ былъ извѣстенъ, какъ отличный и опытный морякъ.

Составленная имъ карта Каспійскаго моря была послана Петромъ I въ даръ Парижской Академіи Наукъ (въ 1721 г.), которой Петръ былъ почетнымъ членомъ. Прямой и открытый характеръ, чуждый всякаго интриганства, очень вредилъ Соймонову при дворѣ и создавалъ ему множество враговъ. Несмотря на свое родство, на то, что онъ особенно отличился въ Персидскую Кампанію 1722 г.—въ возрастѣ сорока лѣтъ онъ былъ еще въ скромномъ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Онъ командовалъ русскимъ флотомъ во время осады и взятія Данцига фельдмаршаломъ Минихомъ; во время турецкой войны онъ сумѣлъ привлечь калмыцкаго хана Дундукъ-Омбо, присоединившаго къ русской арміи двадцать тысячъ человѣкъ. Послѣ этого онъ былъ назначенъ генералъ-майоромъ и оберъ-прокуроромъ Сената. Его нелюбовь къ нѣмцамъ сблизила его съ Волынскимъ. Послѣдній, ненавидѣвшій адмирала графа Николая Головина, президента адмиралтействъ-коллегіи, назначилъ въ 1739 г. Соймонова генералъ-коммиссаромъ флота, что давало ему право засѣдать въ адмиралтействъ-коллегіи. Волынскій разсчитывалъ на прямолинейную честность Соймонова и полное отсутствіе въ послѣднемъ придворной обходительности и надѣялся, что тотъ не преминетъ раскрыть всѣ мошенничества и взяточничество Головина. Это назначеніе навлекло на бѣднаго Соймонова цѣлый рядъ несчастій.

Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ принадлежалъ къ очень хорошей дворянской семьѣ и получилъ превосходное образованіе. Онъ учился за границей, какъ и Мусинъ-Пушкинъ и Еропкинъ и, какъ послѣдній, имѣлъ прекрасную библіотеку. Онъ былъ довольно богатъ и жена его, Анна Александровна Колтовская, принесла ему недурное приданое. И онъ и Еропкинъ присоединились къ Волынскому и его планамъ изъ честолюбія.

Также было съ Эйхлеромъ и де-ла-Суда. Первый нѣмецъ, второй французъ, оба не были довольны положеніемъ, которое занимали въ нѣмецкой партіи. Соединившись съ русскими, они надѣялись имѣть

большій успѣхъ. Жанъ де-ла-Суда былъ очень образованъ; бывшій вначалѣ своей карьеры переводчикомъ въ иностранной коллегіи, онъ вскорѣ сталъ въ ней секретаремъ. Недовольный своимъ начальникомъ—вице-канцлеромъ Остерманомъ, который, по его мнѣнію, не обратилъ достаточнаго вниманія на его способности—де-ла-Суда поддался совѣтамъ и нашептываніямъ Волынскаго, завидя злого врага Остермана. Волынскій надѣялся черезъ де-ла-Суда имѣть свѣдѣнія о ходѣ иностранныхъ сношеній русскаго двора. Но Остерманъ, человѣкъ несравненно болѣе хитрый и тонкій, чѣмъ его врагъ, окружалъ свои поступки и намѣренія непроницаемой тайной и большею частью совершенно одинъ, изрѣдка при помощи Карла Бреверна,—но всегда самъ, шифрировалъ отсылаемыя имъ депеши и расшифрировалъ полученныя.

Іоганнъ Эйхлеръ, уроженецъ балтійскихъ провинцій, сынъ лакея, началъ свою карьеру также лакеемъ и музыкантомъ-флейтистомъ у оберъ-камергера князя Ивана Долгорукова. Хитрый и ловкій, Эйхлеръ сумѣлъ пріобрѣсть очень большое вліяніе на своего господина и такъ какъ послѣдній былъ всемогущъ при дворѣ Петра II,—лакей его получилъ служебный чинъ и дворянство. Эйхлеръ былъ своего рода «лицомъ» при дворѣ Петра II—самые вліятельные люди оказывали ему вниманіе и прибѣгали къ его помощи, въ случаѣ надобности. Князья и графы обмѣнивались съ нимъ рукопожатіями и приглашали на свои обѣды и ужины. Люди средней руки, чиновники—почтительно кланялись. Когда Долгоруковы были сосланы, Эйхлеръ сумѣлъ остаться незамѣшаннымъ въ дѣло, поспѣшилъ отречься отъ нихъ и устремился въ переднія Бирона и Левенвольде и др.; подъ ихъ покровительствомъ онъ сталъ быстро подвигаться по службѣ и въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны, недавній флейтистъ-лакей былъ личнымъ секретаремъ Императрицы и секретаремъ ея министерскаго кабинета и имѣлъ свободный доступъ къ государынѣ и Бирону, во всякое время дня. Вліяніе Эйхлера на дѣла управленія было очень значительно. Въ борьбѣ Остермана и Волынскаго, Эйхлеръ сталъ играть двойную роль, сообщая каждому порознь все подслушанное въ интимномъ кружкѣ императрицы и наговаривая Волынскому на Остермана, Остерману на Волынскаго. Крушеніе Волынскаго было, однако, такъ грандіозно, что захватило и Эйхлера: двойная игра его была раскрыта и спастись ему не удалось.

Артемій Петровичъ Волынскій былъ женатъ на Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, двоюродной сестрѣ Петра I. Это былъ человѣкъ очень умный, способный, легко осваивающійся съ каждымъ дѣломъ, за ко-

торое брался, но обладавшій несчастнымъ характеромъ, благодаря которому онъ былъ всегда со всѣми въ ссорѣ и наживалъ себѣ множество опасныхъ враговъ; онъ былъ крайне надмѣненъ, гордился своимъ рожденіемъ и общественнымъ положеніемъ и былъ со всѣми рѣзокъ. Въ натурѣ его было много жестокости и мстительности. Честностью онъ не отличался, любилъ широкую жизнь и бралъ, гдѣ могъ, громадныя взятки. Родился онъ въ 1689 г. и получилъ, несмотря на блестящее положеніе своихъ родителей, очень недостаточное образованіе. Онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, что въ эпоху реформъ Петра I, поднявшихъ образованіе знатной молодежи того времени на большую высоту—было явленіемъ очень рѣдкимъ. Позже, въ зрѣломъ возрастѣ, Волынскій, охваченный стремленіемъ къ образованію и любовью къ чтенію, приказывалъ составлять для своего личнаго употребленія переводы, интересовавшихъ его книгъ. Экземпляры этихъ переводовъ были найдены въ его библіотекѣ, при конфискаціи его имущества. Петръ I назначилъ двадцати шестилѣтняго Волынскаго посланникомъ въ Персію. Миссія его имѣла двѣ цѣли: всестороннее изученіе Персіи и пріобрѣтеніе торговыхъ привилегій для русскихъ купцовъ. Оба порученія Волынскій выполнилъ успѣшно (въ 1718 г.) и былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты (послѣднихъ было тогда только шесть). Въ слѣдующемъ году Волынскій былъ назначенъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію. Здѣсь онъ сумѣлъ внести нѣкоторый порядокъ въ администраціи, но въ дѣятельности своей проявилъ большую жестокость и жадность къ взяткамъ. Впослѣдствіи, при постигшей его катастрофѣ онъ сознался и каялся въ своемъ взяточничествѣ.

Послѣ отъѣзда изъ Петербурга герцога и герцогини Голштинскихъ, Волынскій былъ посланъ въ Киль представителемъ отъ Россіи. Выборъ былъ очень страненъ, въ виду его незнанія иностранныхъ языковъ и можетъ быть объясненъ лишь узами родства и дружбой жены Волынскаго и герцогини Голштинской Анны Петровны. Послѣ смерти послѣдней Волынскій покинулъ свой дипломатическій постъ и былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань.

Ненависть Волынскаго къ нѣмцамъ и особенно къ всемогущему Бирону, пытки, черезъ которыя этотъ послѣдній заставилъ его пройти, ужасная смерть—надолго окружили Волынскаго ореоломъ мученичества. Для писателей конца XVIII и начала XIX вѣка онъ былъ политическимъ геніемъ и мученикомъ-патріотомъ. Особенно способствовало популяризаціи имени Волынскаго извѣстное стихотвореніе Рылѣева, посвященное его памяти:

Сыны отечества! Въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства! Приведи
Къ могилѣ мученика, сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ,
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ!
Пусть будетъ чести образцомъ;
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ —
Постыдному неправосудью.

Впослѣдствіи много документовъ, лежавшихъ въ государственныхъ архивахъ было опубликовано. Процессъ Волынскаго былъ подвергнутъ болѣе тщательному и безпристрастному изслѣдованію, маска упала и борьба его съ Бирономъ теперь оцѣнена по ея достоинству: это была борьба двухъ честолюбцевъ, жадныхъ и жестокихъ, стремившихся свалить одинъ другого.

Но, повторяю, процессъ Волынскаго рисуетъ слишкомъ хорошо нравы своего времени. Еще въ пору своего управленія Астраханской губерніей, узнавъ однажды о существованіи въ одномъ изъ мѣстныхъ монастырей великолѣпныхъ ризъ, зашитыхъ жемчугами и драгоцѣнными камнями, подаренныхъ монастырю самимъ Грознымъ и оцѣненныхъ въ сто тысячъ рублей, — Волынскій послалъ за настоятелемъ этого монастыря и просилъ его разрѣшить ему взять ризы временно на домъ, дабы снять съ нихъ рисунки. Настоятель не посмѣлъ отказать губернатору, женатому на двоюродной сестрѣ государя, и передалъ слугамъ Волынскаго ризы, которыя, черезъ нѣкоторое время были возвращены въ монастырь. Два дня спустя, слуга, принесшій ихъ, пришелъ опять и просилъ у настоятеля разрѣшенія взять ризы вторично, на короткое время, такъ какъ, въ рисункѣ де были сдѣланы ошибки. Прошло нѣсколько недѣль, ризы не были возвращены, и настоятель отправился самъ за ними къ губернатору. Волынскій прикинулся крайне удивленнымъ, послалъ за слугой, сталъ его допрашивать. Послѣдній клялся, что нога его не была въ монастырѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ отнесъ туда ризы. Тутъ началась возмутительная и характерная для времени комедія: были принесены розги

и слуга высѣченъ въ присутствіи Волынскаго и настоятеля; подъ розгами подкупленный лакей кричалъ и клялся, что никогда не бралъ ризъ и никогда не просилъ на это разрѣшенія у настоятеля. Тогда Волынскій повернувшись къ послѣднему, заявилъ ему: «Значитъ, батюшка, вы сами украли ризы, а еще клевещете на другихъ!» Настоятель былъ пораженъ и не могъ вымолвить слова. Волынскій приказалъ заковать его въ кандалы и посадилъ въ острогъ за святотатство и воровство. Пятнадцать лѣтъ промучился несчастный въ острогѣ, пока, послѣ ареста Волынскаго, у послѣдняго не были найдены ризы, уже безъ жемчуговъ и камней.

Разъ молодой мичманъ, князь Мещерскій, оскорбленный Волынскимъ, который грубо выбранилъ его, замѣтилъ, что слѣдуетъ сдерживаться по отношенію къ равному себѣ дворянину. Волынскій закричалъ ему: «Я покажу тебѣ, какой ты мнѣ ровня». По его распоряженію Мещерскаго схватили, вымазали лицо сажей, посадили верхомъ на перекладину, на которую, обыкновенно, клали для порки, связали ему внизу ступни и привязали къ нимъ два тяжелыхъ булыжника и злую собаку, которую все время натравливали кнутомъ. Племянникъ этого князя Мещерскаго разсказывалъ Карабанову, отъ котораго я слышалъ разсказъ, что всѣ ноги несчастнаго до костей были изгрызаны собакой.

Въ Казани Волынскій поссорился съ митрополитомъ Сильвестромъ и сталъ преслѣдовать и дразнить духовенство. Разъ онъ такъ разсердился на секретаря Казанской консисторіи Судовикова, что схватилъ шпагу, чуть не убилъ его и гнался за нимъ черезъ всѣ залы губернаторскаго дворца, до передней. Онъ сѣкъ безъ стѣсненія слугъ митрополита и даже консисторскихъ чиновниковъ, захватывалъ богатыя ризы, крѣпостныхъ, принадлежавшихъ духовнымъ помѣстьямъ, заставлялъ работать на себя по цѣлымъ мѣсяцамъ. Захватывалъ постройки, предоставленныя во владѣніе митрополиту, поселялъ тамъ своры своихъ собакъ, охотился по созрѣвшимъ хлѣбамъ на монастырскихъ поляхъ, въ концѣ концовъ—отнялъ у духовенства два помѣстья и подарилъ ихъ мѣстному дворянину Андрею Писемскому.

Пока Петръ II, внучатный племянникъ жены Волынскаго, былъ живъ, митрополитъ Казанскій не осмѣливался принести жалобу, онъ рѣшился на это только по вступленіи Анны Іоанновны на престолъ, Волынскій поскакалъ въ Москву, поднесъ Бирону крупную сумму, и жалобы духовенства остались неразсмотрѣнными. Тогда поднялось другое дѣло. По указу сената было запрещено пользоваться при кораблестроеніи подданными русскими мусульманами, населявшими

казанскую губернію, какъ рабочими. Волынскій держалъ указъ у себя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—и за это время успѣлъ собрать съ мусульманъ огромную сумму денегъ за обѣщаніе выхлопотать имъ освобожденіе отъ этихъ работъ.

Дѣло было раскрыто. Оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій, возстановленный въ должности оберъ-прокурора сената, ненавидѣлъ Волынскаго. У него были съ нимъ и личные счеты—Волынскій, кичившійся своимъ происхожденіемъ, не разъ издѣвался надъ Ягужинскимъ, отецъ котораго былъ школьнымъ учителемъ,—кромѣ того Ягужинскій былъ безукоризненно честенъ и не терпѣлъ взяточничества. Волынскаго вернули въ Москву, арестовали и начали надъ нимъ слѣдствіе. Онъ опять прибѣгнулъ къ могуществу Бирона, купилъ послѣдняго крупной суммой денегъ и по совѣту его написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ каялся въ части своихъ беззаконій и «припадалъ къ стопамъ государыни, умоляя о прощеніи». Биронъ уговорилъ Анну Іоанновну объявить ему помилованіе. Волынскій былъ выпущенъ и слѣдствіе навсегда прекращено. Ягужинскій, не стѣсняясь, сказалъ императрицѣ и повторялъ вездѣ, что Волынскій негодяй, и что правительство выиграло бы, истративъ тридцать тысячъ червонцевъ, чтобы отъ него избавиться. Это былъ намекъ на сумму, данную Волынскимъ Бирону.

Не задолго до своей смерти Ягужинскій говорилъ: «Я не сомнѣваюсь, что при помощи интригъ и низостей Волынскій добьется поста кабинетъ-министра; но вы увидите, что черезъ два-три года его участія въ кабинетѣ его придется повѣсить [1]).

Въ 1737 году Волынскій былъ посланъ вмѣстѣ со старымъ барономъ Шафировымъ и Неплюевымъ на конгрессъ въ Немировъ, гдѣ русскіе, австрійскіе и турецкіе уполномоченные должны были обсудить условія мира. Избрано было нейтральное мѣсто (Подолія принадлежала тогда Польшѣ)—замѣчательнѣйшаго польскаго магната Потоцкаго. Раньше, чѣмъ приступить къ разсказу о процессѣ Волынскаго,

---

1) Императорскій кабинетъ, члены котораго назывались кабинетъ-министрами, былъ основанъ императрицей Анной Іоанновной въ 1731 г. и былъ составленъ вначалѣ изъ канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана, князя Черкасскаго, къ которымъ былъ нѣсколько недѣль спустя присоединенъ генералъ-фельдцехмейстеръ графъ Минихъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. Головкинъ умеръ въ 1734 г. и былъ замѣненъ оберъ-шталмейстеромъ Карломъ Левенвольде. Левенвольде умеръ черезъ годъ и былъ замѣненъ Ягужинскимъ, который черезъ годъ также умеръ. Два года спустя Волынскій былъ назначенъ кабинетъ-министромъ и какъ предсказывалъ Ягужинскій продержался только въ теченіе двухъ лѣтъ.

я хочу сказать нѣсколько словъ о Неплюевѣ, въ виду роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1693 г. и принадлежалъ къ старой родовитой семьѣ одного происхожденія съ Романовыми и Шереметевыми. Ему едва было двадцать два года (онъ былъ уже женатъ) когда умерла его мать, рожденная княжна Мышецкая. Она сумѣла растратить все состояніе мужа и оставила сыну только маленькую землю. По совѣту графа Апраксина и Григорія Чернышева, Неплюевъ рѣшилъ взяться за ученье и затѣмъ искать счастья въ службѣ. Учился онъ сначала въ Новгородской математической школѣ, затѣмъ въ Нарвѣ и поступилъ уже хорошо подготовленный въ морскую академію въ Петербургѣ. Въ качествѣ волонтера былъ посланъ въ венеціанскій флотъ, затѣмъ въ испанскій. Въ 1720 г. онъ вернулся въ Петербургъ. Петръ I, умѣвшій хорошо распознавать людей, замѣтилъ въ Неплюевѣ недюжинныя дипломатическія способности и назначилъ его на одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ—уполномоченнымъ въ Константинополь. До 1735 года Неплюевъ съ большимъ талантомъ исполнялъ свои обязанности. Когда началась война, онъ былъ назначенъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ иностранной коллегіи. Иностранными дѣлами вѣдалъ тогда Остерманъ. Неплюевъ сталъ его правой рукой. Около этого времени онъ женился вторично на Паниной—невѣсткѣ князя Куракина, любимца и добровольнаго шута Бирона. Когда былъ назначенъ конгрессъ въ Немировѣ, Минихъ, врагъ Остермана, просилъ послать туда уполномоченнымъ барона Шафирова. Биронъ, не довѣрявшій Миниху, присоединилъ къ миссіи Волынскаго, бывшаго тогда еще вѣрнымъ слугой фаворита. Остерманъ, знавшій, что Шафировъ его заклятый врагъ и подозрѣвавшій Волынскаго во враждебномъ къ себѣ отношеніи, присоединилъ къ нимъ своего друга и подчиненнаго, Неплюева. Немировскій конгрессъ былъ неудаченъ, благодаря интригамъ и давленію на Порту французскаго посла въ Константинополѣ маркиза де-Вилльневъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Неплюевъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ и затѣмъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Волынскаго. Въ награду за это Остерманъ, уже въ правленіе Анны Леопольдовны, выхлопоталъ Неплюеву ленту Александра Невскаго и великолѣпныя помѣстья въ Малороссіи, приносившія болѣе тридцати тысячъ дохода.

Въ то же время въ декабрѣ 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ *главнымъ командиромъ* Малороссіи. Годъ спустя, обстоятельства круто измѣнились. «Брауншвейгское семейство» и Остерманъ были посажены

въ казематы. Главный командиръ Малороссіи былъ отрѣшенъ отъ должности, арестованъ, лишенъ орденовъ, жалованныхъ ему земель и отвезенъ въ кандалахъ въ Петербургъ, гдѣ былъ заключенъ въ крѣпости. Но Неплюевъ былъ такъ хитеръ и остороженъ, что въ предшествовавшія царствованія ни разу не позволилъ себѣ ничего, что бы могло навлечь на него немилость цесаревны Елизаветы Петровны. Послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія, онъ былъ освобожденъ и призванъ во дворецъ. Императрица пожаловала ему опять собственноручно Александра Невскаго. Неплюевъ, который умѣлъ такъ же, какъ и покровитель его Остерманъ, плакать по желанію, бросился на колѣни и рыдалъ отъ «счастья видѣть на престолѣ дочь своего благодѣтеля, *на престолѣ, принадлежавшемъ ей по праву*», прибавилъ онъ, забывая въ эту счастливую минуту свое низкопоклонничество во время двухъ предшествовавшихъ царствованій. Но слезы эти были пролиты напрасно. Малороссійскія земли не были ему возвращены и вмѣсто назначенія сенаторомъ, котораго онъ добивался, Неплюевъ былъ назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ: это была ссылка въ вѣжливой формѣ. Только въ 1760 г., послѣ долгихъ происковъ и стараній, Неплюевъ былъ назначенъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Екатерина II оказывала ему большое довѣріе. Уѣзжая въ Москву на коронацію, она довѣрила ему управленіе столицей и поручила ему столичныя войска—что было дѣломъ большой отвѣтственности, въ виду шаткаго положенія Екатерины въ первые годы ея царствованія. Два года спустя, Неплюевъ ослѣпъ и долженъ былъ оставить службу. При отставкѣ онъ былъ пожалованъ огромными помѣстьями въ Малороссіи и двадцатью тысячами рублями для уплаты долговъ. Онъ умеръ восьмидесяти лѣтнимъ старикомъ въ 1773 году.

ГЛАВА VIII.

Процессъ и казнь Волынскаго.

По окончаніи конгресса въ Немировѣ, уполномоченные вернулись въ Петербургъ и Волынскій былъ назначенъ кабинетъ-министромъ къ большому неудовольствію Остермана. Вице-канцлеръ, съ обычнымъ своимъ почтительно-преданнымъ видомъ, съ лицомъ, подернутымъ легкой грустью—позволилъ себѣ высказать герцогу свое неодобреніе.

Герцогъ, считавшій новаго министра человѣкомъ ему всецѣло преданнымъ, отвѣтилъ Остерману: «Любезный графъ, Волынскій обязанъ мнѣ тѣмъ, что не былъ повѣшенъ, когда дворъ еще находился въ Москвѣ. Я отлично знаю все, что о немъ можно сказать. Я знаю его недостакти и его пороки. Но что же дѣлать? Всѣ русскіе таковы. Попробуйте найти изъ нихъ человѣка честнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого же способнаго, какъ Волынскій. Выбора нѣтъ. Надо брать тѣхъ, кто есть».

Такъ говорилъ и искренно думалъ человѣкъ, не знавшій самъ твердо, что такое честь, всю жизнь не считавшійся съ совѣстью, и всѣмъ обязанный Россіи.

Чѣмъ выше Волынскій подымался въ чинахъ, чѣмъ больше имѣлъ вліянія на дѣла, тѣмъ опаснѣе становилось его положеніе. Изъ трехъ

товарищей его кабинетъ-министровъ, одинъ—фельдмаршалъ Минихъ, находился въ дѣйствующей арміи; другой, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій [1]), человѣкъ недалекій и робкій, почти трусливый, былъ совершенно ничтоженъ и въ сущности ничтожеству своему и былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ въ чинахъ. Третій, самый подвижный и дѣятельный изъ кабинетъ-министровъ, несмотря на свою манеру никогда ничего не знать и на частые приступы подагры, былъ Остерманъ. Отъ него Волынскому трудно было ожидать поддержки. За три года, протекшіе со смерти Карла Левенвольде, при постоянномъ отсутствіи Миниха, ничтожествѣ Черкасскаго и болѣзненномъ состояніи Ягужинскаго, пробывшаго кабинетъ-министромъ около года—Остерману удалось стать полнымъ хозяиномъ въ дѣлахъ кабинета [2]). Ему приходилось считаться только съ Бирономъ, съ которымъ вице-канцлеръ отлично умѣлъ ладить. Въ лицѣ Волынскаго Остерманъ не могъ не видѣть честолюбиваго и лично его ненавидѣвшаго соперника, стремившагося достигнуть власти при помощи игры на широко охватившемъ тогда русскіе слои общества, національномъ чувствѣ, оскорбленномъ нѣмцами. Борьба началась тотчасъ и, очевидно, была не равна. Живой, несдержанный и неосторожный Волынскій, не знавшій чувства мѣры, не могъ бороться съ вице-канцлеромъ, всегда спокойнымъ, осторожнымъ, взвѣшивавшимъ каждое слово и никогда не выходившимъ изъ себя. Остерманъ отлично умѣлъ въ спорѣ, оставаясь безукоризненно любезнымъ, довести Волынскаго до бѣшенства и заставить его наговорить и сдѣлать много лишняго. Волынскій, во что бы то ни стало стремившійся пріобрѣсти вліяніе на дѣла, то прислуживался къ русскимъ, разыгрывая врага нѣмцевъ, то впадалъ въ надменность и рѣзкость, ему свойственную. Онъ выказывалъ много симпатіи принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, надѣясь въ ея царствованіе, или ея правленіе захватить власть въ свои руки. Остерманъ, спокойно и не колеблясь, старался вліять на Бирона и при посредствѣ послѣдняго вліялъ на императрицу, которая по-прежнему была во власти своего фаворита.

---

1) По отзыву историка Щербатова «человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность».

2) Средоточіемъ тогдашняго высшаго государственнаго управленія былъ кабинетъ министровъ, учрежденный въ 1731 году, по мысли и плану Остермана «для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію императрицы». Но кабинетъ, семь лѣтъ спустя, не оправдалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя возлагались на него при учрежденіи; онъ не достигалъ ни «государственной пользы», ни «пользы вѣрноподданныхъ», какъ надѣялась императрица въ 1731 году.

Анна Іоанновна благоволила къ Волынскому, она цѣнила его способности и говорила, что лучшаго докладчика не сыскать [1]).

Когда Волынскаго назначили кабинетъ-министромъ, съ нимъ произошелъ случай очень хорошо его характеризующій. Секретарь кабинета Яковлевъ поднесъ Волынскому къ подписи формулу обычной присяги, въ которой говорилось, что нарушеніе ея влечетъ за собой казнь.

Волынскій пришелъ въ ярость и воскликнулъ: «Какъ? Государыня жалуетъ меня званіемъ кабинетъ-министра, а ты — топоромъ!» Онъ сталъ преслѣдовать Яковлева и успокоился только, когда добился его ссылки въ Выборгъ.

Между претендентами на постъ кабинетъ-министра былъ адмиралъ графъ Головинъ, бывшій старше Волынскаго чинами. Головинъ неодобрительно отозвался о Волынскомъ. Волынскій донесъ императрицѣ о взяточничествѣ Головина въ адмиралтействъ-коллегіи, которой тотъ былъ президентомъ, и получилъ распоряженіе государыни назначить немедленное слѣдствіе; злоупотребленія Головина были раскрыты, но онъ не потерялся, подкупилъ Бирона крупной суммой и сохранилъ свой постъ. Слѣдствіе было велѣно прекратить, но Головинъ сталъ смертельнымъ врагомъ Волынскаго.

Ненависть между Волынскимъ и Остерманомъ разгоралась все больше. Волынскій говорилъ друзьямъ: «Что мнѣ дѣлать? Товарищи мои никуда не годятся: одинъ молчитъ всегда (Черкасскій); другой только и дѣлаетъ, что обманываетъ».

Получивъ отъ государыни приказаніе составить записку о необходимыхъ реформахъ, онъ возился надъ составленіемъ обширнаго проекта [2]). Часто онъ собиралъ у себя по вечерамъ друзей и читалъ имъ отрывки своей работы. Разговаривали непринужденно, касаясь текущихъ событій. Въ составляемой имъ работѣ Волынскій громилъ взяточничество (у людей бываетъ коротка память) и злоупотребленія властью. Собирались обыкновенно попозже, часовъ въ восемь, ужинали и засиживались за чтеніемъ и разговаривали до одиннадцати. Эти пріятельскія собранія были впослѣдствіи названы «ночными сборищами заговорщиковъ». Волынскій часто позволялъ себѣ излишнія

---

[1]) Онъ (Волынскій) все больше и больше дѣла забиралъ себѣ въ кабинетъ,— наконецъ явился единственнымъ докладчикомъ у императрицы по кабинетнымъ дѣламъ. Императрица была очень имъ довольна, а въ петербургскомъ обществѣ онъ слылъ «лучшимъ въ кабинетѣ монаршемъ дѣльцомъ». Проф. Д. Корсаковъ. «Арт. Петр. Волынскій». Стр. 223.

[2]) «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ».

откровенности. Однажды, когда рѣчь зашла о комментаріяхъ Юста Липсія о Тацитѣ и характерѣ Мессалины—онъ замѣтилъ, что «не время де теперь разсуждать объ этой книгѣ», и въ другой разъ, говоря о различіи положенія русскаго шляхетства и шляхетства польскаго, онъ сказалъ: «Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся».

Нужно было, все же, много злобной жестокости,—и подозрительности, чтобы признать эти разговоры «конспираціей». Другое, болѣе тяжелое обвиненіе, возводимое на него (фактъ остался недоказаннымъ), было обвиненіе въ авторствѣ подметнаго письма, полученнаго новымъ кабинетъ-секретаремъ и содержавшее тяжелыя обвиненія противъ Остермана. Было объявлено щедрое вознагражденіе тому, кто признается, что написалъ это письмо. Само собой разумѣется, авторъ не отозвался. Впослѣдствіи во время процесса, въ составленіи письма были обвинены Волынскій и Эйхлеръ.

Лѣтомъ 1739 года трое служащихъ въ придворномъ конюшенномъ вѣдомствѣ, нѣкто Людвигъ и двое Кишкель, отецъ и сынъ, отставленные Волынскимъ, написали доносъ на имя государыни, на оберъ-егермейстера, обвиняя его въ злоупотребленіяхъ. Императрица потребовала у Волынскаго объясненій. Оберъ-егермейстеръ въ длинномъ оправдательномъ письмѣ изложилъ императрицѣ свое горестное положеніе, положеніе человѣка, услугъ котораго не цѣнятъ, говорилъ о своихъ денежныхъ нуждахъ, о всеобщей къ нему ненависти и распространялся о томъ, что безсовѣстные льстецы и люди ни на что негодные пользуются довѣріемъ. Въ припискѣ къ этому письму онъ развелъ длинныя разсужденія о коварствѣ придворныхъ льстецовъ и клеветниковъ, не рѣшающихся обвинять открыто и предпочитающихъ втихомолку нашептывать, говорящихъ намеками и умѣющихъ придавать своему лицу любое выраженіе, стремящихся навлечь немилость государыни на вѣрныхъ ея подданныхъ.

Пославъ императрицѣ это злочастное письмо, рѣшившее его участь, Волынскій ознакомилъ съ нимъ и постороннихъ лицъ: Черкасскаго, который замѣтилъ: «Остро очень писано: если попадется то письмо въ руки Остермановы, то онъ тотчасъ узнаетъ, что про него писано». Волынскій велѣлъ перевести письмо на нѣмецкій языкъ (переводилъ академикъ Ададуровъ) и представилъ переводъ Бирону; послѣдняго такое письмо могло, разумѣется, только раздражить. Сообщено письмо было также Шенбергу, Лестоку и др. Всѣ говорили: «Это письмо самый портретъ графа Остермана».

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякихъ событій; положеніе оберъ-егермейстера, повидимому, оставалось прочнымъ. Онъ принималъ горячее участіе въ дѣлѣ Долгоруковыхъ, не подозрѣвая, что черезъ восемь мѣсяцевъ и самъ пойдетъ на плаху.

Остерманъ, Куракинъ [1]), Головинъ усиленно работали надъ тѣмъ, чтобы окончательно возстановить Бирона противъ Волынскаго. Къ нимъ присоединился и всемогущій начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ, оскорбленный надменностью новаго кабинетъ-министра. Остерманъ, сильно интриговавшій противъ плана женитьбы Петра Бирона на Анна Леопольдовнѣ, теперь сваливалъ все на Волынскаго и увѣрялъ, что это онъ устроилъ бракъ принцессы съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ; говорилъ, что Волынскій втирается въ милость принцессы и при посредствѣ ея камерфрау Варвары Дмитріевой даетъ ей совѣты и возстанавливаетъ ее противъ герцога и его семьи. Узналось также о письмѣ Волынскаго къ Григорію Урусову, въ которомъ онъ писалъ, что время настало ужасное, при дворѣ жить становится все опаснѣе: Биронъ дѣлается все раздражительнѣе и что угодить ему нѣтъ возможности, такъ сталъ подозрителенъ и во всемъ поступаетъ по совѣту Остерманову.

Во время турецкой войны русскія войска проходили много разъ черезъ области Рѣчи Посполитой, и Польша предъявила требованіе о вознагражденіи полякамъ, потерпѣвшимъ во время прохода русскихъ войскъ. Кабинетъ признавалъ въ принципѣ необходимость вознагражденія, но не соглашался на слишкомъ крупную сумму, назначенную Польшею. Биронъ, какъ герцогъ курляндскій, вассалъ Польши, имѣлъ сильныя побужденія заискивать расположеніе Августа III и магнатовъ, особенно въ виду пошатнувшагося здоровья императрицы, и потому желалъ дать полякамъ полное удовлетвореніе.

Волынскій настаивалъ на противномъ, Остерманъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, подлилъ масла въ огонь, сказавъ нѣсколько задѣвающихъ словъ своимъ ровнымъ, сладкимъ голосомъ и съ самымъ ласковымъ и любезнымъ выраженіемъ лица.

Вспыльчивый Волынскій вышелъ изъ себя и заявилъ, что, не будучи *ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ ея*, не имѣетъ побужденій угождать изстари враждебному Россіи народу.

---

[1]) Куракинъ, игравшій роль добровольнаго шута при Биронѣ, умѣлъ превосходно подражать манерамъ Волынскаго и говорилъ, что ему достаточно взглянуть на выраженіе лица оберъ-егермейстера, чтобы знать, что тотъ собирается дѣлать: лгать, негодовать и выходить изъ себя или планировать какое-нибудь обычное ему мошенничество.

Эти роковыя слова, задѣвавшія самое больное мѣсто Бирона, были каплей, переполнившей чашу.

Оскорбленный Биронъ, не желая показывать своего оскорбленія, воспользовался другимъ поступкомъ Волынскаго, который былъ настолько обыченъ въ ту пору, что о немъ въ теченіе шести недѣль не поднималось вопроса.

Во время «курьезной» свадьбы несчастнаго Голицына въ февралѣ 1740 г. Волынскій выхлопоталъ себѣ предсѣдательство въ «машкарадной комиссіи», желая этимъ угодить императрицѣ. Понадобились подобающія случаю вирши. Волынскій послалъ за придворнымъ піитомъ Тредьяковскимъ и велѣлъ привести его на такъ называемый «слоновый дворъ» (помѣщеніе для слона, подареннаго императрицѣ персидскимъ шахомъ), гдѣ онъ сосредоточилъ всѣ хлопоты и приготовленія къ «потѣшной» свадьбѣ.

Надобно замѣтить, что онъ не терпѣлъ Тредьяковскаго за то, что тотъ пользовался милостью Куракина и Головина [1]).

Посланный за піитомъ кадетъ Криницынъ поссорился съ нимъ дорогой и, вернувшись, пожаловался Волынскому. Тотъ приказалъ Криницыну надавать Тредьяковскому пощечинъ, вручилъ несчастному піиту тему для виршей и приказалъ, чтобы черезъ день, ко дню торжества 6-го февраля, онѣ были готовы [2]).

Тредьяковскій на другой день отправился съ жалобой къ Бирону; въ своей челобитной онъ писалъ, что «припадаетъ къ стопамъ его высокогерцогской свѣтлости». Припасть къ стопамъ ему не удалось, такъ какъ въ пріемной его увидѣлъ Волынскій, подошелъ къ нему и спросилъ: «Ты чего здѣсь?» Испуганный піитъ не могъ вымолвить слова. Оберъ-егермейстеръ, не стѣсняясь присутствующими, далъ ему пощечину и, схвативъ за воротъ, вытолкалъ изъ пріемной. Затѣмъ онъ далъ распоряженіе арестовать его и увезти. Въ тотъ же день, въ присутствіи Волынскаго, Тредьяковскаго раздѣли, разложили и дали ему семьдесятъ палочныхъ ударовъ. Кончивъ наказаніе, Волынскій спросилъ: «Что ты дѣлалъ въ пріемной у герцога?» Тредьяковскій не могъ говорить. Его опять положили и дали еще тридцать

---

1) Такъ отмстилъ Волынскій въ лицѣ Тредьяковскаго своимъ врагамъ. Онъ билъ піиту, какъ «конфидента» Куракина изъ мести, со злобы, оскорбленный пасквильными на него стихами. Волынскій мстилъ за обиду, поступая звѣрскимъ образомъ по нашимъ понятіямъ, и совершенно естественно по понятіямъ дикаго русскаго общества первой половины XVIII в. Д. Корсаковъ. Ibid, стр. 231.

2) Тредьяковскій, придя домой со слоноваго двора, въ тотъ же самый вечеръ «уже не въ состояніи ума, исполнилъ оныя верши». Ibid, стр. 230.

палокъ. Затѣмъ его заперли и приказали учить стихотвореніе, которое онъ долженъ былъ читать на праздникѣ. На слѣдующій день, въ среду, 6-го февраля послѣ полудня Тредьяковскій въ маскѣ и костюмированный, подъ конвоемъ двухъ солдатъ былъ отправленъ въ Бироновскій манежъ, гдѣ давался пиръ. Послѣ того, какъ піитъ дрожащимъ голосомъ сказалъ комическіе стихи, такъ мало подходившіе къ его настроенію, его опять увезли и посадили подъ арестъ. Въ четвергъ въ десять часовъ утра Волынскій велѣлъ его привести къ себѣ и сказалъ, что раньше, чѣмъ дастъ ему свободу, долженъ дать ему еще нѣсколько палокъ. Тредьяковскій, въ слезахъ на колѣняхъ, просилъ его помиловать. Волынскій остался глухъ, несчастному дали еще десять ударовъ и наконецъ отпустили. Тредьяковскій подалъ жалобу въ академію наукъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ. Лекарь академіи засвидѣтельствовалъ, что у піиты вся спина въ ссадинахъ и синякахъ. Дѣло было такое обыденное при нравахъ того времени, что на него никто не обратилъ серьезнаго вниманія. Волынскій смѣялся и говорилъ объ академикахъ, Куракинѣ и Головинѣ, покровительствовавшихъ Тредьяковскому: «Пусть на меня сердятся, а я натѣшился, и свое взялъ».

Волынскій не чувствовалъ надвигавшейся на него грозы. Овдовѣвъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ теперь добивался руки двадцатилѣтней графини Маріи Ивановны Головкиной (ему былъ уже пятьдесятъ одинъ годъ), внучки по отцу канцлера Головкина, а по матери извѣстнаго князя Матвѣя Гагарина. У нея были сильныя связи при дворѣ и Волынскій очень надѣялся этимъ бракомъ упрочить свое положеніе. Ему не было отказано, но его просили подождать и дать возможность обдумать вопросъ.

Тотчасъ послѣ засѣданія кабинетъ-министровъ, въ которомъ Волынскій сказалъ, что «онъ не вассалъ Польши», Биронъ объявилъ императрицѣ, что ей придется выбрать: «Или я, или онъ» сказалъ герцогъ. На другой день онъ представилъ императрицѣ записку, гдѣ выставлялъ на видъ, что его вмѣшательство въ русскія дѣла было всегда чуждо пристрастныхъ и личныхъ цѣлей; что онъ вмѣшивался, въ дѣла единственно для того, чтобы охранять интересы императрицы, ея спокойствіе и здравіе. Что онъ никогда никому не выказывалъ своего неудовольствія и никогда ни на кого не приносилъ жалобъ, что онъ сумѣлъ заслужить всеобщую любовь и носитъ въ сердцѣ и совѣсти увѣренность, что никому не далъ законнаго повода стать къ нему во враждебное отношеніе. Далѣе онъ говорилъ о письмѣ Волынскаго и о совѣтахъ, данныхъ въ этомъ письмѣ: «Такія наставленія»,

писалъ онъ, «годны только для малолѣтнихъ государей, а не для такой великой, умной и мудрой императрицы, которой великія качества и добродѣтели весь свѣтъ съ крайнѣйшимъ удивленіемъ превозноситъ». Затѣмъ онъ жаловался на избіеніе Тредьяковскаго въ его, владѣтельнаго герцога курляндскаго, покояхъ, объ оскорбленіи, нанесенномъ имъ этимъ поступкомъ Волынскаго, и напоминалъ императрицѣ, что честь герцогской короны подобаетъ охранять особенно и потому, что покойный супругъ Е. И. В. носилъ ее. Онъ прибавлялъ, что если Волынскій другихъ старается привести въ подозрѣніе передъ императрицей, то справедливость требуетъ, чтобы собственныя его дѣянія были разсмотрѣны и изслѣдованы [1]).

Въ то же время Остерманъ, которому императрица передала письмо Волынскаго съ распоряженіемъ представить на него замѣчанія, написалъ государынѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что ненависть къ нему оберъ-егермейстера ему непонятна; что если они расходились часто во мнѣніяхъ, то это потому, что каждому человѣку дано заблуждаться въ своихъ сужденіяхъ; что онъ, вице-канцлеръ, не питаетъ ни къ кому ненависти и неспособенъ къ вѣроломству; но разъ оберъ-егермейстеръ заявляетъ, что ему извѣстны лица, способныя на описанное имъ низкое поведеніе, то слѣдовало бы не указывать на нихъ намеками, а назвать имена и привести доказательства своимъ обвиненіямъ [2]).

---

[1]) Только 19 апрѣля императрица слушала эту челобитную Бирона, ту самую которую всѣ біографы Волынскаго считаютъ причиной гибели Артемія Петровича.

[2]) «Ваше Императорское Величество,—писалъ Остерманъ въ заключеніе своего письма,—изволите всемилостивѣйше сами разсудить, что какъ Богъ мнѣ, такъ и ему (Волынскому), все знать не далъ, что онъ равно такой же человѣкъ, какъ и я, и что потому невозможно, чтобы во мнѣніяхъ своихъ всегда могли согласны быть; а ежели въ такомъ случаѣ мое мнѣніе такимъ образомъ толковано быть имѣетъ, какъ въ томъ письмѣ его показано, то подлинно какъ самое то-жъ письмо гласитъ, куражъ и охота отняты быть могутъ. Я, яко человѣкъ, во мнѣніяхъ своихъ отъ недознанія ошибаться могу, но чтобы я по какимъ страстямъ, по какой злобѣ, по ненависти или по какой мерзкой корысти въ интересахъ вашего имп. величества черезъ тридцать восемьлѣтнюю мою, малую однакожъ, ревностную службу погрѣшилъ, въ томъ совѣсть меня не обличаетъ, и Богъ на Страшномъ своемъ Судѣ отвѣту въ томъ на мнѣ взыскивать не будетъ; и ежели я черезъ все то время къ какимъ, хотя малымъ или великимъ взяткамъ коснулся, то я въ томъ долженъ передъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать. Отъ сердца моего желаю, чтобъ и податель сего письма въ таковыхъ же непорочныхъ обстоятельствахъ находился. Въ нынѣшней моей старости, бѣдномъ и болѣзненномъ состояніи здоровья моего, и потому натурально по человѣчеству при приближающемся концѣ жизни моей единое мое только желаніе есть, чтобъ я могъ у вашего имп. величества не въ

Анна Іоанновна долго колебалась. Утромъ въ пятницу, 4 апрѣля 1740 года, Биронъ на колѣняхъ умолялъ ее рѣшиться. Она плакала и не соглашалась. Тогда онъ повторилъ ей: «Или я, или онъ!» всталъ и объявилъ, что уѣдетъ немедленно въ Курляндію. Анна Іоанновна рѣшилась. Въ тотъ же день Ушаковъ объявилъ оберъ-егермейстеру запрещеніе являться ко двору.

Волынскій, высокомѣрный и заносчивый во дни своего успѣха, растерялся совершенно; бросился къ Бирону, но не былъ принятъ; бросился къ Миниху, ненависть котораго къ Остерману была ему извѣстна; тамъ его тоже не приняли [1]). Пасхальная недѣля прошла для оберъ-егермейстера въ мрачномъ и тяжеломъ ожиданіи. Немногіе друзья, которые еще не отвернулись, сами были въ большомъ страхѣ. Волынскій говорилъ одному изъ своихъ «конфидентовъ» Жану дела-Суда: «Богъ караетъ меня за старые грѣхи».

Многочисленные враги Волынскаго волновались и дѣлали все, чтобы его погубить. Куракинъ, пользовавшійся, какъ всѣ шуты, привилегіей говорить то, что не разрѣшалось говорить другимъ, сталъ восхвалять дѣянія государыни и говорить, что она достойная наслѣдница Петра Великаго, такъ какъ она приводитъ въ исполненія его предначертанія. Только одно ею забыто. «Что же такое?»—спросила императрица. «Пертъ I», отвѣчалъ Куракинъ,—«нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку, такъ какъ Волынскій не исправился, то если ваше величество не затянете узелъ, намѣреніе императора не исполнится». Присутствовавшіе хохотали, Биронъ особенно; Анна Іоанновна заразилась ихъ веселостью и смѣялась тоже... Участь Волынскаго была рѣшена...

Императрицу увѣдомили, что въ 1737 году дворецкій оберъ-егермейстера Василій Кубанецъ получилъ изъ придворной конюшенной конторы пятьсотъ рублей. Секретарь конторы Муромцевъ на допросѣ заявилъ, что выдалъ эти деньги по распоряженію оберъ-егермейстера. Въ тотъ же день, въ субботу на Пасхальной недѣлѣ, 12 апрѣля генералъ Ушаковъ пріѣхалъ къ Волынскому въ сопровожденіи подпоручика гвардіи Коковинскаго и взвода солдатъ. Волынскому былъ

подозрѣніи быть и въ вѣрныхъ и безпорочныхъ рабахъ умереть и въ томъ передъ Богомъ яко нелицемѣрнымъ судіею стать».

[1]) Д. Корсаковъ сообщаетъ слѣдующее: «Волынскій немедленно ѣдетъ къ Бирону, но его не принимаютъ. Съ горя онъ спѣшитъ даже къ давнему своему врагу—Миниху. Фельдмаршалъ удивленъ его посѣщеніемъ, но обѣщается замолвить за него словечко, а Остерманъ съ К° нашептываетъ Бирону: «Волынскій сталъ искать въ Минихѣ противъ вашей свѣтлости!»

объявленъ строжайшій арестъ. Сынъ его, двѣ дочери и племянница были также арестованы и заключены въ своихъ комнатахъ. Окна были заколочены. Волынскій былъ запертъ въ своемъ кабинетѣ, у дверей котораго былъ поставленъ караулъ. Ни подъ какимъ предлогомъ ему не разрѣшалось выйти изъ комнаты. Онъ просилъ допускать ежедневно священника, доктора и тѣхъ бѣдныхъ, которые обращались за его помощью. Допустили лишь доктора, португальца Санчесъ, и то только въ присутствіи Коковинскаго.

На слѣдующій день назначена была слѣдственная комиссія изъ девяти членовъ; ни одинъ нѣмецъ не вошелъ въ нее: дѣлу хотѣли придать видъ полнаго безпристрастія и справедливости. Назначены были: генералъ-поручики Никита Трубецкой, Михаилъ Хрущевъ и князь Василій Репнинъ; генералъ-аншефы: Ушаковъ, Чернышевъ, Румянцевъ; тайные совѣтники: Неплюевъ и Новосильцевъ и генералъ-майоръ Шиповъ. За исключеніемъ Репнина, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, всѣ они были прислуживавшіеся къ Бирону придворные, готовые на всѣ жестокости и низости.

Слѣдственная комиссія начала свои засѣданія во вторникъ, 15 апрѣля, и въ тотъ же день велѣла арестовать секретаря Волынскаго, оберъ-егермейстера, Василія Гладкова, его адъютанта Ивана Родіонова и дворецкаго Василія Кубанца; на слѣдующій день по ея распоряженію были арестованы «конфиденты» Артемія Петровича Еропкинъ, Хрущовъ и 20 апрѣля ассесоръ придворной конторы Смирновъ. Былъ посланъ также приказъ въ Нижній-Новгородъ арестовать вице-губернатора Ивана Волынскаго, двоюроднаго брата Артемія, и привезти его въ Петербургъ.

Комиссія засѣдала съ семи часовъ утра до двухъ, съ получасовымъ перерывомъ, во время котораго члены комиссіи завтракали. Подсудимому умышленно не давали ѣсть всѣ семь часовъ, чтобы ослабить его силы. Засѣданія происходили въ Итальянскомъ дворцѣ, построенномъ Петромъ I на Фонтанкѣ (нынѣ Екатерининскій институтъ; назывался дворецъ итальянскимъ, т. к. былъ построенъ въ итальянскомъ стилѣ и также отдѣланъ внутри).

Волынскій палъ духомъ совершенно; онъ такъ боялся, что готовъ былъ ежеминутно падать на колѣни передъ членами комиссіи. Со всѣхъ сторонъ обнаруживались доказательства взяточничества подсудимаго; этотъ родъ преступленія былъ такъ распространенъ, что не могъ служить причиной для обвиненія. Биронъ хотѣлъ добыть доказательства (а если бы не удалось, то выдумать ихъ) тяжелѣйшему изъ преступленій — оскорбленію величества. Съ этой цѣлью присту-

пили къ допросу Кубанца. Это былъ Кубанскій татаринъ, захваченный въ плѣнъ въ раннемъ дѣтствѣ, привезенный въ Астрахань и тамъ крещеный, онъ попалъ въ услуженіе къ мѣстному купцу Клементьеву и отъ него поступилъ писцомъ въ канцелярію губернатора.

Волынскій въ бытность свою губернаторомъ замѣтилъ умнаго и ловкаго Кубанца. Онъ взялъ его къ себѣ, назначилъ дворецкимъ и сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ и правой рукой во всѣхъ своихъ темныхъ дѣлахъ.

Черезъ его посредство онъ получалъ деньги и подарки. Отъ Кубанца у него не было тайнъ—онъ при немъ думалъ вслухъ. Допросъ былъ хорошо разсчитанъ:—если Кубанецъ продастъ своего господина—тотъ погибъ: врагамъ его будетъ все извѣстно.

Волынскій сознался на допросѣ, что въ письмѣ къ государынѣ намекалъ на оберъ-шталмейстера Куракина, адмирала Головина и особенно на графа Остермана; о послѣднемъ онъ сказалъ при всемъ собраніи: «Остерманъ никому безъ закрытія ничего не объявитъ и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ». Неплюевъ остановилъ его, сказавъ: «О такихъ дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается женѣ и вѣдать непристойно, и самъ о томъ можешь разсудить». Волынскій призналъ себя виноватымъ въ своемъ жестокомъ обращеніи съ Тредьяковскимъ и добавилъ, что уповаетъ на милость государыни и герцога курляндскаго.

Обвиняли также оберъ-егермейстера въ желаніи повредить Бирону во мнѣніи императрицы при посредствѣ княгини Щербатовой. Эта княгиня Щербатова, урожденная Прозоровская, старшая сестра фельдмаршала, была женой князя Ѳедора Андреевича, брата дипломата Щербатова. Допущенная въ интимный кружокъ императрицы за свои шутовскія способности и подражательный талантъ, Щербатова постоянно смѣшила Анну Іоанновну и была у нея въ милости. Узнавъ объ арестѣ Волынскаго, она потеряла голову отъ страха, бросилась къ Бирону и, обнимая его колѣни, молила ее помиловать. Она была спасена ходатайствомъ Остермана, своего отдаленнаго свояка.

Послѣ разоблаченій Кубанца дѣло оберъ-егермейстера приняло худой оборотъ. Кубанецъ назвалъ всѣхъ лицъ, бывавшихъ по вечерамъ у Волынскаго и слушавшихъ чтеніе его «генеральнаго разсужденія». Разсказалъ о чтеніи комментарій Юста Липсія о Тацитѣ, книгѣ, получившей такое большое значеніе въ этомъ процессѣ. Находясь между обѣщаніями наградъ и угрозами пытокъ, Кубанецъ головой выдавалъ своего господина, разсказывая о всѣхъ его замѣчаніяхъ и обмолвкахъ, о томъ, какъ тотъ радовался, что Бирону не удалось же-

нить его сына на племянницѣ императрицы, о томъ, что онъ говорилъ о невозможности говорить громко о Мессалинѣ безъ того, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ намекахъ на императрицу.

Ночью съ 24-го на 25-е апрѣля Волынскаго и другихъ обвиненныхъ перевезли въ адмиралтейскую тюрьму подъ конвоемъ цѣлаго отряда (въ 24 человѣка) преображенцевъ. Слѣдственная комиссія была распущена и дѣло передано въ руки Ушакова, личнаго врага Волынскаго, и Неплюева, преданнаго и всѣмъ обязаннаго Остерману. Два дня спустя всѣ подсудимые были перевезены въ Петропавловскую крѣпость. 30-го апрѣля туда былъ привезенъ и Соймоновъ. Въ то же время Андрей Яковлевъ былъ возвращенъ изъ Выборга, возстановленъ въ своей должности кабинетъ-секретаря и ему поручено разсмотрѣть бумаги и письма Волынскаго, взятыя при арестѣ.

Каждый день возникали новыя обвиненія, одни нелѣпѣе другихъ; обвиняли оберъ-егермейстера въ оскорбленіи величества, потому что онъ назвалъ Іоанна Грознаго тираномъ; обвиняли его въ стремленіи захватить россійскій престолъ, основываясь на томъ, что на генеологическомъ деревѣ, найденномъ у него, были нарисованы въ княжескихъ коронахъ его предокъ Дмитрій Михайловичъ Волынскій съ женой, княгиней Анной, сестрой Дмитрія Донского. 22-го мая Волынскаго начали пытать; въ тотъ же день въ крѣпость былъ посаженъ Эйхлеръ, и де-ла-Суда—пять дней спустя. Пытали ежедневно. Пытки были ужасны: съ перваго дня Волынскій потерялъ способность владѣть правой рукой и не могъ подписывать показанія и признанія, которыя давалъ подъ пыткой. 30 мая Ушаковъ и Неплюевъ отправились къ Платону Мусинъ-Пушкину, который былъ нездоровъ. Было приказано его допросить. Графъ Платонъ Ивановичъ объявилъ, что Мусинъ-Пушкины не «доводчики». Слова его были переданы Бирону и на слѣдующій день его заточили въ крѣпость, жена его и дѣти были арестованы дома.

Кубанецъ, наученный врагами Волынскаго, далъ новое показаніе: его господинъ будто бы часто справлялся въ календарѣ о возрастѣ молодого Голштинскаго принца. Былъ отданъ приказъ удвоить пытки.

19-го іюня былъ назначенъ судъ изъ всѣхъ сенаторовъ и пятнадцати лицъ, выбранныхъ лично государыней (т.-е. Бирономъ и Остерманомъ). Девять сенаторовъ засѣдали въ этомъ кровавомъ судѣ: Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, Нарышкинъ, Хрущевъ, Бахметевъ, Румянцевъ, Философовъ и Шиповъ.

Пятнадцать лицъ, назначенныя императрицей были: фельдмаршалъ Трубецкой, князь Алексѣй Черкасскій (по своей первой женѣ онъ

былъ зять Волынскаго, а графиня Мусинъ-Пушкина была ему родная племянница), генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой, тайные совѣтники: Ѳедоръ Наумовъ и Иванъ Неплюевъ, генералъ-поручикъ Степанъ Игнатьевъ, генералъ-майоръ Петръ Измайловъ, контръ-адмиралъ Захаръ Мишуковъ; оберъ-штеръ кригсъ-коммиссаръ Микулинъ; майоры отъ гвардіи: Стрѣшневъ, зять Остермана, Петръ Черкасскій, недавній другъ Волынскаго и Дмитрій Ченцовъ; вице-президентъ юстицъ-коллегіи князь Иванъ Трубецкой; Петръ Квашнинъ-Самаринъ, совѣтникъ юстицъ-коллегіи и бригадиръ Иванъ Унковскій, полиціймейстеръ Петербурга.

Биронъ, Остерманъ и вся нѣмецкая партія распространяли слухи объ обширномъ заговорѣ, душой котораго былъ будто бы Волынскій. Въ Петербургѣ царили общіе страхъ и ужасъ; при встрѣчахъ, даже въ гостиныхъ, никто не смѣлъ заикнуться о судебномъ дѣлѣ, бывшемъ у всѣхъ на умѣ.

Въ пятницу 20-го іюня состоялось единственное засѣданіе суда. Секретаремъ суда былъ родственникъ одного изъ обвиненныхъ Хрущовъ, ассесоръ тайной канцеляріи. Генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой произнесъ ужасный приговоръ: де-ла-Суда обезглавить; Эйхлера—бить кнутомъ; Мусинъ-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущова—четвертовать; Волынскому отрѣзать языкъ и живымъ посадить на колъ; дѣтей Волынскаго сослать на вѣчную каторгу въ Сибирь и конфисковать всѣ имущества обвиненныхъ и ихъ родственниковъ. Приговоръ былъ вынесенъ единогласно. Внукъ Александра Нарышкина разсказывалъ моему дѣду полвѣка спустя, что, выходя изъ суда, его дѣдъ, успѣвъ сѣсть въ экипажъ, потерялъ сознаніе; его привезли домой и не могли привести въ чувство; ночью онъ бредилъ и кричалъ, что онъ *изверг*, что онъ приговорилъ невинныхъ, приговорилъ своего брата... Нарышкинъ былъ зять Волынскаго. Послѣ восшествія императрицы Елизаветы, спросили однажды Шипова, не было ли ему слишкомъ тяжело, когда онъ подписывалъ приговоръ 20 іюня 1740 г. «Разумѣется было тяжело»,—отвѣтитъ онъ,—«мы отлично знали, что они всѣ невинны, но что подѣлать? лучше подписать, чѣмъ самому быть посаженнымъ на колъ или четвертованнымъ...»

Биронъ, чтобы скомпрометировать большее число высокопоставленныхъ лицъ, сообщилъ этотъ приговоръ четыремъ, находившимся въ Петергофскомъ дворцѣ придворнымъ, и спросилъ ихъ мнѣнія. Это были Куракинъ, гофмейстеръ Шепелевъ, генералъ-адъютантъ Василій Салтыковъ и дежурный камергеръ Степанъ Лопухинъ. Всѣ согласились съ приговоромъ, Куракинъ не безъ злорадства, остальные стараясь скрывать невольное содроганіе...

Анна Іоанновна ни за что не хотѣла подписывать смертнаго приговора. Два дня возобновлялись довольно бурныя сцены между нею и фаворитомъ. Несмотря на свою природную черствость, Анна плакала. Биронъ повторилъ угрозу уѣхать—она уступила. Приговоръ, подписанный Анной Іоанновной 23 іюня, былъ мягче вынесеннаго на судѣ: Волынскому отрубить голову, предварительно отрѣзавъ языкъ и правую руку. Имущество его конфисковать.

Дочерей заточить въ монастыри, въ Сибири. Сына сослать въ Сибирь, гдѣ держать въ одиночномъ заключеніи до пятнадцати лѣтъ; пятнадцати лѣтъ сдать въ солдаты на всю жизнь.

Графу Мусинъ-Пушкину урѣзать языкъ и сослать въ Соловецкій монастырь, гдѣ содержать строжайше. Имущества, пріобрѣтенныя имъ самимъ и отцомъ его, конфисковать, такъ чтобы дѣти его унаслѣдовать могли только имущество прадѣда и материнское.

Еропкина и Хрущова обезглавить; имущества конфисковать, кромѣ сорока крѣпостныхъ душъ, оставленныхъ дѣтямъ Хрущова, которыя не лишались и наслѣдства матери.

Соймонова и Эйхлера бить кнутомъ на плахѣ всенародно и сослать на каторгу въ Сибирь. Имущества конфисковать кромѣ сорока душъ, оставленныхъ каждому изъ дѣтей Соймонова, за которыми оставалось и наслѣдство матери. Она была рожденная Отяева изъ очень старой семьи.

Де-ла Суда бить плетьми на плахѣ всенародно и сослать на Камчатку.

Въ тотъ же день, 23-го іюня, этотъ варварскій приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ и казнь назначена на пятницу, 27-ое. Волынскій былъ подавленъ и грустенъ и особенно мучился за дѣтей.

Когда къ нему пришелъ священникъ крѣпостного собора, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, Волынскій испуганно вскрикнулъ и сказалъ ему, что видѣлъ его наканунѣ во снѣ....

На Сытномъ рынкѣ недалеко отъ крѣпости былъ воздвигнутъ эшафотъ. Въ пятницу 27-го іюня въ 7 часовъ утра палачи-судьи Салтыковъ и Неплюевъ пріѣхали въ крѣпость. Волынскаго собирались причащать. Ушаковъ и Неплюевъ прошли въ камеру Мусина-Пушкина и при себѣ велѣли урѣзать ему языкъ [1]), затѣмъ вернулись къ Волынскому, которому былъ тоже отрѣзанъ языкъ. Его надо было везти на казнь, но кровь лилась изо рта ручьемъ. Ему надѣли тяжелый подбородникъ, завязали его такъ, чтобы ротъ нельзя было открыть и

---

1) Почему-то Мусина-Пушкина не выводили на плаху, вмѣстѣ съ другими.

повезли. Несчастный захлебывался. Онъ былъ почти безъ сознанія. Послѣ прочтенія приговора Волынскому отрубили вывихнутую, во время допроса правую руку и голову; Еропкину и Хрущову—головы; Соймоновъ и Эйхлеръ были биты кнутомъ; Де-ла-Суда — плетьми. Около часу были выставлены всенародно трупы казненныхъ, затѣмъ ихъ уложили въ тачки и увезли въ Самсоньевскую церковь и послѣ отпѣванія похоронили въ общей могилѣ. Впослѣдствіи надъ могилой поставленъ былъ памятникъ: надъ простой гранитной плитой бѣлая урна на гранитномъ пьедесталѣ. Памятникъ существуетъ и до сихъ поръ.

На немъ надпись:

«Во имя триехъ лицехъ
Единаго Бога
Здѣ лежитъ Артемеї
Петровичъ Волынскої
которої жизни своея
имелъ 51 годъ».

На урнѣ прибавлено:

«Преставился іюня 27 день 1740 года.
Тутъ же погребены Андрей Федоровичъ
Хрущовъ и Петръ Еропкинъ» [1]).

Въ 1765 г. Екатерина II велѣла принести себѣ дѣло Волынскаго и, прочитавъ его, начертала мудрыя слова, приложенныя впослѣдствіи къ дѣлу, которое хранится въ Государственномъ Архивѣ. Слова эти свидѣтельствуютъ о глубокомъ политическомъ умѣ и большомъ сердцѣ этой женщины.

Вотъ они: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, которой онъ сочинилъ и подалъ; осталось его полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проектъ не понра-

---

[1]) Шишкинъ въ трудѣ своемъ «А. П. Волынскій» От. Зап. 1860 г., т. 130, стр. 569, приводитъ преданіе, имъ слышанное о томъ, что Екатерина II вслѣдъ за словами: «жизни своея имѣлъ 51 годъ» велѣла вырѣзать: «казненъ невинно». На эту именно надпись былъ поставленъ пьедесталъ съ урной.

вился, изъ этого сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодной кровью. Всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. Итакъ, отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. И хотя бы онъ за подлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіи особѣ императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то она была, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у нея не отнимали ни на вершокъ величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякой государь имѣетъ неисчислимые кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ. Если бы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный; а еслибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я-бъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: «Будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ». Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А есть ли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ въ уничтоженіи, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ россійскомъ, щастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина».

Нѣсколько лицъ, замѣшанныхъ въ процессѣ Волынскаго, были еще заключены. Новая комиссія была назначена для рѣшенія ихъ судьбы.

Всѣ они были, кромѣ Богдана Родіонова, оставлены въ заключеніи и, впослѣдствіи, освобождены правительницей.

Родіоновъ былъ битъ плетьми и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда былъ возвращенъ правительницей.

Иванъ Волынскій, двоюродный братъ Артемія Петровича, обвиненный въ томъ, что былъ «конфидентомъ» брата, былъ оставленъ въ заключеніи. Правительница его также освободила.

Черезъ три дня послѣ казни Волынскаго его дѣти были отправлены въ Сибирь.

Дочери были пострижены въ монастыряхъ. Марія—въ Енисейскѣ, Анна—въ Иркутскѣ.

Десятилѣтній сынъ Волынскаго Петръ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, отправленъ въ Селенгинскъ и порученъ коменданту крѣпости Бухгольцу. На содержаніе мальчика было положено всего десять копеекъ въ день.

Анна Леопольдовна указомъ 31 января 1741 г. объявила обѣты постриженія, данные дочерьми Волынскаго, недѣйствительными, вернула ихъ такъ же, какъ и Петра Волынскаго, и разрѣшила всѣмъ жить въ Москвѣ, въ домѣ ихъ дяди по матери, Александра Львовича Нарышкина. Петръ Волынскій умеръ очень молодымъ. Сестры же его занимали очень высокое положеніе въ обществѣ того времени. Анна Артемьевна вышла замужъ за Андрея Семеновича Гендрикова [1]), двоюроднаго брата Императрицы Елизаветы Петровны. Въ день коронаціи Императрицы Гендриковы получили графство, а жена Андрея, Анна Артемьевна пожалована кавалерственной дамой. Марія Артемьевна вышла замужъ за Пана Илларіоновича Воронцова, младшаго брата канцлера (который и для своихъ младшихъ братьевъ выхлопоталъ графскій титулъ)—она была прабабкой графа Илларіона Воронцова-Дашкова и княгини Паскевичъ.

Кубанецъ, продавши своего господина, получилъ свободу 9 іюня 1740 г., но до указа правительницы, освободившаго его и разрѣшившаго жить гдѣ пожелаетъ, онъ находился подъ строжайшимъ надзоромъ.

Несчастный графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ послѣ урѣзанія языка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь [2]).

Эйхлеръ—сосланъ въ Жиганскъ, за тысячу верстъ отъ Тобольска. Регентша вернула его и разрѣшила жить въ помѣстьи его жены. Де-ла-Суда, сосланный на Камчатку, возвращенъ регентшей.

---

[1]) Младшая сестра Екатерины I была замужемъ за Симономъ-Генрихомъ, Финскимъ крестьяниномъ, деревни Кохему, около Риги. Ихъ сыновья Андрей и Иванъ и дочери Агафья, Марія и Марта получили въ 1724 г. дворянство и фамилію Гендриковыхъ.

[2]) Тамъ онъ содержался въ Головлевской монастырской тюрьмѣ. Тюрьма эта была безъ печей и свѣта. Въ сентябрѣ 1740 г. онъ уже харкалъ кровью.

Графъ Остерманъ на эшафотѣ, (29-го января 1742 г.).

Соймонову было пятьдесятъ восемь лѣтъ, когда надъ нимъ разразилась эта страшная катастрофа. Его сослали на каторжныя работы въ Охотскъ. Въ апрѣлѣ 1741 г. правительница вернула его и разрѣшила жить въ имѣніи его жены. Соймонову деревенская жизнь не улыбалась и онъ остался въ Сибири. Императрицей Елизаветой ему было разрѣшено жить тамъ, гдѣ пожелаетъ—онъ поселился въ Иркутскѣ. Семидесяти лѣтъ онъ совершилъ научное путешествіе по Сибири, снимая планы, измѣряя глубины рѣкъ, и. т. д. Въ 1757 г. послѣ отставки Сибирскаго губернатора Мятлева, Соймоновъ былъ назначенъ на этотъ постъ съ чиномъ тайнаго совѣтника. Въ теченіе шести лѣтъ онъ управлялъ Сибирью со свойственнымъ ему умомъ и безкорыстіемъ. Несмотря на свой возрастъ, онъ былъ необычайно дѣятеленъ. Вставалъ ежедневно въ четыре часа утра и работалъ весь день, кромѣ обѣденныхъ часовъ и получасового дневного сна, до десяти вечера. Каждый годъ онъ объѣзжалъ свой край, дѣлая по нѣсколько тысячъ верстъ. У сибиряковъ остались о немъ надолго добрыя воспоминанія.

Екатерина II призвала его въ Петербургъ и назначила сенаторомъ. Онъ умеръ въ 1780 году девяноста восьми лѣтъ [1]).

Анна Іоанновна слегла, чтобы больше не вставать, 5 октября 1740 г.

Вопросъ о престолонаслѣдіи былъ въ принципѣ рѣшенъ съ 1731 г., указомъ императрицы, утверждавшимъ престолъ за будущимъ сыномъ ея племянницы, Екатерины Іоанновны, которой тогда было всего тринадцать лѣтъ и о замужествѣ которой не могло еще быть и рѣчи.

Всѣ подданные должны были присягать этому наслѣднику, который еще не существовалъ.

---

[1]) Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ казни Волынскаго умерла императрица Анна Іоанновна. Вслѣдъ за ея смертью быстро слѣдовали перемѣны при дворѣ. Въ ночь съ 7 на 8 ноября 1740 г. былъ низверженъ Минихомъ всесильный регентъ Россійской Имперіи, курляндскій герцогъ Биронъ, а 25-го ноября 1741 г. площади и улицы С.-Петербурга оглашались восторженными криками. «Виватъ, виватъ Императрица Елизавета» и вскорѣ послѣ того въ церквахъ старой и новой столицъ раздавались обвинительные акты въ формѣ проповѣдей противъ злокозненныхъ иноземцевъ: Бирона, Остермана, Миниха. Всему дѣлу заводчику—Остерману—пришлось въ свою очередь испытать тяжелыя минуты: назначенный надъ нимъ судъ приговорилъ его къ смерти. Остерманъ былъ возведенъ на эшафотъ и голова его уже лежала на плахѣ, когда курьеръ отъ императрицы привезъ ему помилованіе, замѣнявшее казнь ссылкой.

Въ 1740 г. у Анны Леопольдовны родился сынъ, нареченный при крещеніи Иваномъ. Императрица выражала много радости по поводу его рожденія и лично слѣдила за его уходомъ. Русскіе подданные могли спросить себя: по какому праву этотъ маленькій нѣмецъ, Брауншвейгъ по отцу, Мекленбургъ по матери, связанный съ Романовыми только черезъ свою бабку, будетъ царствовать въ Россіи? Право назначить послѣ себя наслѣдника, присвоенное Анной Іоанновной, призванной на царство по волѣ одного Голицына и четырехъ Долгоруковыхъ, было также весьма спорно. Но кто сталъ бы его оспаривать? Итакъ Ивану Антоновичу суждено быть императоромъ! Кто же будетъ править вмѣсто него? Когда Анна Іоанновна занемогла, ему было всего девять мѣсяцевъ. Анна Іоанновна не позаботилась объ этомъ вопросѣ раньше, и теперь, казалось, не думала о немъ вовсе. Она боялась смерти и избѣгала всего, что бы ей могло напомнить о страшной минутѣ. При дворѣ этимъ вопросомъ были однако очень озабочены. Легко можно представить себѣ безпокойство, которое охватило окружавшихъ императрицу, когда состояніе ея внезапно ухудшилось. Ѣздовой поскакалъ предупредить гофмаршала Рейнгольда Левенвольде, отъ имени Бирона. Оба нѣмца спрашивали другъ друга: «что дѣлать?» Не зная, какъ быть, они рѣшили собрать немедленно засѣданіе кабинета. Но Остерманъ по своему обыкновенію былъ боленъ. Левенвольде поспѣшилъ къ «оракулу» [1]) и принесъ не утѣшительныя для фаворита извѣстія. По своему обыкновенію, вице-канцлеръ долго говорилъ, при чемъ трудно было понять, что онъ, собственно хочетъ сказать, и пришелъ наконецъ къ слѣдующему: если Иванъ Антоновичъ долженъ царствовать, его матери надлежитъ быть правительницей и править совмѣстно съ Совѣтомъ, въ которомъ Биронъ могъ бы принимать участіе.

Въ эту минуту въ Совѣтъ прибылъ кн. Черкасскій и съ нимъ новый кабинетъ-министръ, замѣнившій Волынскаго. Это былъ новый ставленникъ фаворита — Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. Фаворитъ успѣлъ побывать у Императрицы, но дѣла это не подвинуло. Государыня, которой онъ предложилъ назначить Анну Леопольдовну наслѣдницей престола въ виду малолѣтства ея сына не желала, чтобы племянница ея была даже правительницей, утверждая, что тогда въ Россію явится ея отецъ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Объ Антонѣ Ульрихѣ не могло быть и рѣчи. Его она считала глупцомъ. Но регентъ былъ необходимъ.

---

[1]) Остерману.

Кого же выбрать?

Показалось необходимымъ еще разъ обратиться за совѣтомъ къ Остерману; на этотъ разъ отправился къ нему Черкасскій, въ сопровожденіи Бестужева. По дорогѣ они обмѣнялись замѣчаніями о колебаніяхъ фаворита. Не значило ли это, что онъ втайнѣ хотѣлъ, чтобы выборъ палъ на него?—«Отчего же нѣтъ?»—сказалъ Черкасскій—«Въ самомъ дѣлѣ!»—отвѣтилъ Бестужевъ. Но Остерманъ пропустилъ все это мимо ушей.

Утвержденіе наслѣдникомъ Ивана Антоновича уже состоялось, это было объявлено соотвѣтствующимъ указомъ, и императрица, повидимому, этого желаетъ. Слѣдуетъ, значитъ, сдѣлать это рѣшеніе оффиціальнымъ при помощи документа, составленіе котораго вице-канцлеръ готовъ взять на себя. Вопросъ о регентствѣ долженъ быть также рѣшенъ волей императрицы. Подданные, и особенно подданные-нѣмцы, не могутъ въ это вмѣшиваться.

То, что послѣдовало дальше, было не разъ разсказано въ разнорѣчивыхъ версіяхъ. Вотъ одна изъ нихъ, которая кажется наиболѣе правдоподобной.

Во дворцѣ Черкасскій и Бестужевъ застали Бирона и Левенвольде, не пришедшихъ еще ни къ какому заключенію. Съ ними былъ Минихъ. Бестужевъ поспѣшилъ сообщить рѣшеніе, пришедшее ему и Черкасскому въ голову по дорогѣ къ Остерману; но имя Бирона точно обожгло ему губы, и онъ поспѣшилъ прибавить: «очевидно во всякой другой странѣ показалось бы страннымъ, что мать и отецъ въ такомъ дѣлѣ обойдены.—«Очевидно», повторилъ Биронъ и замолкъ. Но никто не осмѣливался заговорить. Увидя замѣшательство Бестужева и боясь быть скомпрометированнымъ, Черкасскій нагнулся къ уху Левенвольде, по всей вѣроятности, чтобы узнать его мнѣніе.

Биронъ понялъ, что надо быть рѣшительнѣе съ такими трусами.

— Что вы шепчете? Говорите громко!

Подъ взглядомъ, которымъ сопровождалось это замѣчаніе, Черкасскій рѣшился. Регентство Бирона ему казалось желательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, необходимымъ даже. Минихъ не могъ не выразить согласія, и дѣло было рѣшено тремя нѣмцами и двумя русскими восточнаго происхожденія, располагавшими въ эту минуту судьбой государства, какъ своей собственностью, и говорившими на чужеземномъ языкѣ, единственномъ, которымъ владѣлъ будущій регентъ.

Они должны были собраться на слѣдующій день, чтобы составить текстъ новаго манифеста, и признали нужнымъ пригласить въ это засѣданіе еще нѣсколькихъ лицъ. Бестужевъ привелъ Ушакова,

Трубецкого и Куракина. За ночь всѣ успѣли поразмыслить и обсудить дѣло. Самъ Биронъ считалъ теперь необходимымъ подготовить императрицу къ мысли о своемъ регентствѣ. Онъ чувствовалъ въ Минихѣ тайнаго врага, который былъ тѣмъ опаснѣе. «Оракулъ» продолжалъ молчать. Вопросъ о регентствѣ не возобновлялся и составленъ былъ только текстъ указа, объявлявшаго Ивана Антоновича наслѣдникомъ престола.

Документъ представили Аннѣ Іоанновнѣ. Она его подписала немедленно и просила всѣхъ ее оставить, задержавъ Бирона, но въ эту минуту случилось то, чего никто не ожидалъ. Минихъ, уходя изъ комнаты и взявшись уже за ручку двери, обернулся и сказалъ своимъ, привыкшимъ къ командѣ, голосомъ:

«Ваше величество, мы всѣ пришли къ согласію и желаемъ, чтобы герцогъ Биронъ былъ правителемъ, мы васъ умоляемъ согласиться».

Одинъ изъ врачей императрицы, португалецъ Рибейра, только что увѣрялъ ее, что ей лучше, и что она, вѣроятно, поправится. Ловкій тактикъ Минихъ придумалъ эту выходку, чтобы замаскировать свое скрытое неодобреніе и прислужиться къ фавориту, не ожидая отъ этого никакихъ послѣдствій.

Императрица промолчала, но когда фельдмаршалъ вышелъ, она спросила:

«Что онъ сказалъ?»

«Я не слыхалъ!»—отвѣчалъ фаворитъ.

Онъ понялъ, что надобно подождать. Но онъ не терялъ времени. Въ тотъ же день одинъ изъ его конфидентовъ, баронъ Менгденъ, поѣхалъ къ Бестужеву. «Мы всѣ погибнемъ, если Биронъ не будетъ регентомъ,—утверждалъ, Менгденъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ самъ просить объ этомъ». Бестужевъ всю ночь провелъ надъ составленіемъ соотвѣтствующаго указа и, такъ какъ на слѣдующій день діагнозъ Рибейры повидимому подтверждался, Остерманъ самъ прибылъ въ своемъ подвижномъ креслѣ, котораго не покидалъ, во дворецъ и горячо поддерживалъ этотъ проектъ. Но Анна Іоанновна не спѣшила его подписывать. Она положила бумагу къ себѣ подъ подушку и удалила вице-канцлера и его коллегъ, не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ. Оставшись глазъ на глазъ съ Бирономъ она спросила его:

«Тебѣ это нужно?»

Онъ молчалъ, и она ничего больше не прибавила. Прошло нѣсколько дней, императрица не возвращалась къ этому разговору. Подъ давленіемъ Бирона, Бестужевъ составилъ челобитную, въ которой

сенатъ и генералитетъ просили императрицу упрочить спокойствіе имперіи, назначивъ Бирона регентомъ. Стараніями Бестужева, лица двухъ первыхъ классовъ были призваны небольшими группами, и Минихъ подалъ имъ примѣръ, первый подписавъ челобитную. Фаворитъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

«Чего хотятъ эти господа?» спрашивалъ онъ.

Но и вторая бумага была положена императрицей подъ подушку, какъ и первая. Анна Іоанновна не думала о смерти. Когда племянница ея предложила ей совершить соборованіе, она недовольно замѣтила: «Не пугайте меня!»[1]). Менгденъ напрасно пытался привлечь къ участію въ томъ, что онъ называлъ «всеобщимъ желаніемъ», принца Антона-Ульриха и его супругу. И тотъ и другой извинились тѣмъ, что никогда не вмѣшивались въ государственныя дѣла. Самыя необычайныя новости и соображенія циркулировали въ городѣ. Мардефельдъ сообщалъ своему государю, что регентство будетъ сосредоточено въ рукахъ двѣнадцати лицъ, по крайней мѣрѣ. Что фаворитъ не приметъ въ немъ участія и удалится въ Курляндію, и что Россія къ большому удовлетворенію ея сосѣдей не будетъ больше имѣть возможности вмѣшиваться въ Европейскія дѣла. Онъ предвидѣлъ уже новую Польшу на берегахъ Невы, и сынъ Фридриха-Вильгельма раздѣлялъ его радость [2]).

Настало 16-го октября, день, когда Рибейра и другіе врачи признали больную безнадежной. Она позвала Остермана, долго съ нимъ совѣщалась, затѣмъ позвала Бирона и показала ему подпись, которой онъ добивался. Одни увѣряютъ, что она не скрыла отъ него, что, по ея мнѣнію, подписала его гибель. Другіе утверждаютъ обратное— она, будто бы, сказала ему: «Не бойся!» Слова, которыми обмѣниваются съ глаза на глазъ, обыкновенно ускользаютъ отъ историка, и я не берусь утверждать непреложность и тѣхъ, которыя привелъ выше, по свидѣтельству самого фаворита [3]).

Можетъ быть онъ не записалъ словъ «не бойся!» потому, что не понималъ по-русски, но можетъ быть, также, и потому, что они вовсе не были сказаны.

Несмотря на то, что Анна Іоанновна передавала наслѣдіе Петра Великаго чужеземцамъ и окружала себя ими все время своего цар-

---

[1]) Мардефельдъ, 5 ноября 1740 г. Секр. Берл. Архив. Перепиской прусскаго агента я особенно руководился, составляя описаніе этихъ событій.

[2]) Мардефельдъ, 25 октября; Фридрихъ II, 5 ноября 1740 г. Тайный Берлинск. Архив.

[3]) Автобіограф. замѣтка I. Э. Бирона.

ствованія, въ послѣднюю минуту своей жизни она доказала, что въ жилахъ ея текла русская кровь: она сумѣла лучше умереть, нежели жила. На слѣдующій день послѣ вышеописаннаго разговора съ Бироном, она призвала духовенство и просила читать отходную. Высокая фигура Миниха, присутствовавшаго между другими, привлекла ея вниманіе. Точно желая примирить съ будущимъ регентомъ этого опаснаго врага, она сказала ему свои послѣднія слова:—«Прощай, фельдмаршалъ!»—«Прощайте всѣ!»—прибавила она и скончалась.

ГЛАВА I.

Состояніе Россіи послѣ смерти Петра Великаго.

Стр.

Россія послѣ Петра I.—Крестьянство.—Рѣчной разбой.—Раскольники.—Православное духовенство.—Служилое сословіе.—Дворянство.—Дворяне, главари разбойничьихъ шаекъ: Ержинскій, Шеншинъ, Деревицкій, князь Козловскій, Дурова, Базилевская (Базилиха), графы Девіеры.—Жизнь въ Москвѣ.—Жизнь въ Петербургѣ. 11

ГЛАВА II.

Придворная жизнь при Петрѣ II.

Ссылка Меншиковыхъ.—Смерть княгини.—Смерть княжны Маріи Меншиковой.—Смерть Меншикова.—Возвращеніе его дѣтей.—Замужество княжны Александры Меншиковой съ Густавомъ Биромъмъ.—Нѣмецкая партія.—Русская партія.—Конституціонныя стремленія.—Шведская конституція.—Заблужденіе русской партіи, желавшей добиться политической свободы дворянству и сохранить на-ряду съ этимъ крѣпостное право.—Вліяніе Долгоруковыхъ.—Ихъ эгоизмъ.—Образъ жизни Петра II въ Москвѣ.—Помолвка съ княжной Долгоруковой.—Грустное настроеніе юнаго государя.—Долгоруковы теряютъ голову отъ гордости и радости. Болѣзнь государя, вначалѣ легкая, затѣмъ смертельная.—Безумный планъ Долгоруковыхъ.—Смерть Петра II 25

ГЛАВА III.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и верховники.

Верховный Тайный Совѣтъ.—Рѣшеніе выбрать герцогиню курляндскую на условіяхъ ограниченія императорской власти.—Собраніе генералитета.—

Стр.

«Кондиціи» Верховнаго Совѣта.—Депутація, посланная къ герцогинѣ курляндской.—Всеобщее недовольство олигархическими тенденціями кондицій.—Партіи.—Ихъ сближеніе между собою.—Проектъ Салтыковыхъ.—Татищева.—Возвращеніе Леонтьева въ Москву.—Отказъ верховниковъ принять проектъ Татищева. Отвѣтъ на него Верховнаго Совѣта. Новая петиція, болѣе скромная.—Вторичный отказъ Верховнаго Совѣта.—Всеобщее недовольство.—Уступки верховниковъ, никого не удовлетворяющія.—Пріѣздъ императрицы.—Строгій надзоръ, установленный за нею кн. Василіемъ Лукичемъ.—Придворныя дамы и ихъ энергичное содѣйствіе императрицѣ.—Мѣры, принятыя дворянствомъ.—Собраніе у Черкасскаго и собраніе у Барятинскаго.—25 февраля.—Неожиданный для большинства поворотъ дѣла.—Возстановленіе самодержавія. 47

ГЛАВА IV.

Ссылка Долгорукихъ. Записки княгини Н. Б. Долгорукой. . . 67

ГЛАВА V.

Долгоруковы въ Березовѣ.—Ихъ гибель.

Долгоруковы въ Березовѣ.—Смерть старой княгини.—Смерть князя.—Ссылка фельдмаршала Долгорукова, его брата и племянниковъ.—Заключеніе въ крѣпости и смерть Дмитрія Голицына.—Черкасскій.—Хлопоты Шафирова о князѣ Сергѣѣ Григорьевичѣ.—Козни враговъ семьи Долгоруковыхъ.—Жизнь ссыльной семьи въ Березовѣ.—Доносъ Тишина. Арестъ князя Ивана и тридцати Березовскихъ обывателей.—Долгоруковы отправлены въ Новгородъ.—Слѣдствіе, пытка, казнь.—Судьба фельдмаршала и его брата.—Княгиня Наталья Борисовна, ея сыновья.—Княжна Екатерина Алексѣевна.—Тяжелое заключеніе.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Замужество.—Смерть. 92

ГЛАВА VI.

Императрица Анна Іоанновна и ея дворъ.

Императрица Анна Іоанновна, ея привычки, образъ жизни.—Истопникъ Милютинъ.—Шуты: Балакиревъ, Лакоста, Педрилло, князь Никита Волконскій, князь Михаилъ Голицынъ, графъ Алексѣй Апраксинъ.—Женитьба Педрилло на козѣ.—Тяжелая судьба Голицына.—Ледяной домъ.—Положеніе несчастныхъ шутовъ при дворѣ.—Принцесса Анна Леопольдовна.—Ея супругъ принцъ Антонъ-Ульрихъ.—Биронъ.—Его женитьба.—Избраніе его герцогомъ курляндскимъ.—Глупость его жены.—Дурное воспитаніе его дѣтей.—Письмо Бирона къ маршалу герцогу Бирону, отвѣтъ маршала. Характеръ Бирона.—Братья Бирона.—Старшій сынъ.—Внуки Бирона. 105

ГЛАВА VII

Состояніе Россіи при Биронѣ.

Ужасы, совершавшіеся при Биронѣ.—Взиманіе недоимокъ.—Экзекуціи.—Ссылки, разбои, эмиграція въ Лифляндію.—Шпіонство.—Лесть при дворѣ.—Жестокость по отношенію къ крѣпостнымъ.—Графъ Дугласъ.—Нѣмцы, служившіе при Биронѣ: Менгдены, Кейзерлингъ, Бреверн, Корфы, Ливены,

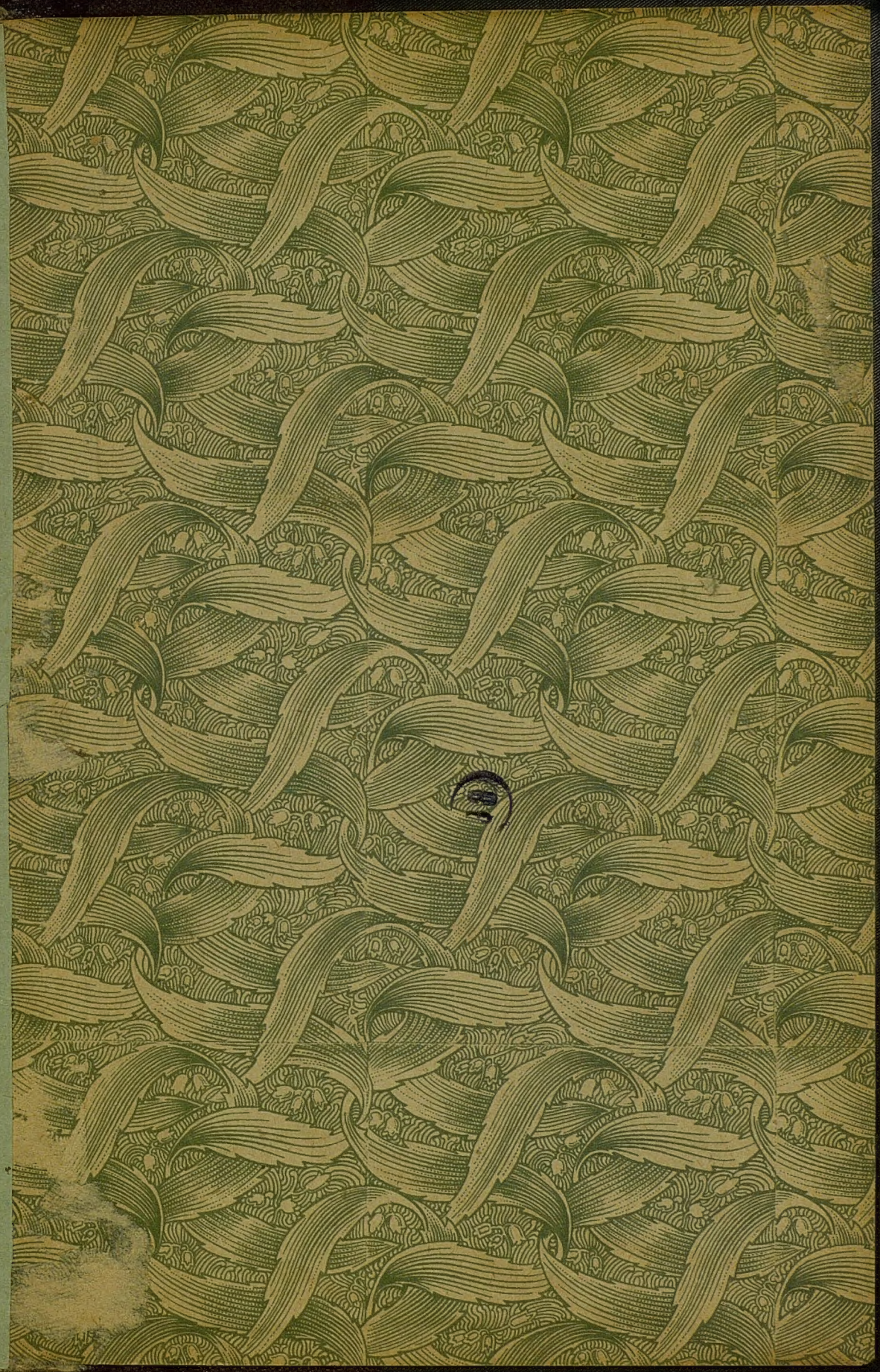
Стр.

Броунъ.—Василій Репнинъ.—Фельдмаршалъ Апраксинъ.—Волынскій и его друзья: графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Соймоновъ, Еропкинъ, Хрущовъ, Эйхлеръ и де-ла-Суда.—Неплюевъ—врагъ Волынскаго 126

ГЛАВА VIII.

Процессъ и казнь Волынскаго.

Волынскій—кабинетъ-министръ.—Борьба его съ Остерманомъ. Его неосторожность и заносчивость.—Письмо къ императрицѣ.—Дѣло Тредьяковскаго.—Неосторожное замѣчаніе, содержавшее намекъ на Бирона.—Арестъ Волынскаго и его друзей (конфидентовъ).—Судъ.—Переводъ въ крѣпость.—Пытка.—Ужасный приговоръ.—Казнь Волынскаго, Еропкина и Хрущова.—Слова Екатерины II, начертанныя по поводу дѣла Волынскаго.—Судьба дѣтей Волынскаго, судьба Мусинъ-Пушкина, Эйхлера, де-ла-Суда и Соймонова. 158

Московское
Книгоиздательское
Товарищество
„Образованіе.“
Редакція: Долгоруковская, д. 85, кв. 29.
Телефонъ 104-31.
Главная контора: Москва, Долгоруковская, д. 87, кв. 1.
Телефонъ 245-30.

№ 10